

**Российское
психологическое
общество**

**ISSN 1812-1853 (Print)
ISSN 2411-5789 (Online)**

**РОССИЙСКИЙ
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ /
RUSSIAN
PSYCHOLOGICAL
JOURNAL**

Том 21 № 3

2024

Российский психологический журнал

Учредитель – Общероссийская общественная организация «Российское психологическое общество»

Главный редактор – д. пс. н. Зинченко Ю. П. (МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва, РФ)

Заместитель главного редактора – д. биол. н. Ермаков П. Н. (ЮФУ, Ростов-на-Дону, РФ)

Редакционный совет

д. пс. н. Акопов Г. В. (СГСПУ, Самара, РФ)
д. пс. н. Асмолов А. Г. (МГУ, Москва, РФ)
д. биол. н. Бабенко В. В. (ЮФУ, Ростов-на-Дону, РФ)
д. биол. н. Безруких М. М. (ИВФ РАО, Москва, РФ)
д. пс. н. Богоявленская Д. Б. (ПИ РАО, Москва, РФ)
д. биол. н. Григорьев П. Е. (СевГУ, Севастополь, РФ)
д. пс. н. Донцов А. И. (МГУ, Москва, РФ)
д. пс. н. Карабущенко Н. Б. (РУДН, Москва, РФ)
д. пс. н. Караяни А. Г. (Военный университет, Москва, РФ)

д. пс. н. Лабунская В. А. (ЮФУ, Ростов-на-Дону, РФ)
д. пед. н. Малофеев Н. Н. (ИКП РАО, Москва, РФ)
д. пс. н. Митина Л. М. (ПИ РАО, Москва, РФ)
д. пед. н. Реан А. А. (НИУ ВШЭ, Москва, РФ)
д. пс. н. Рыбников В. Ю. (ФГБУ ВЦЭРМ, Санкт-Петербург, РФ)
д. пед. н. Скуратовская М. Л. (ДГТУ, Ростов-на-Дону, РФ)
д. пс. н. Тхостов А. Ш. (МГУ, Москва, РФ)
д. пед. н. Федотова О. Д. (ДГТУ, Ростов-на-Дону, РФ)
д. пс. н. Черноризов А. М. (МГУ, Москва, РФ)
д. пс. н. Яницкий М. С. (КемГУ, Кемерово, РФ)

Редакционная коллегия

д. пс. н. Александров Ю. И. (ВШЭ, Москва, РФ)
д. филол. н. Белянин В. П. (Университет Торонто, Канада)
д. пс. н. Берберян А. С. (РАУ, Ереван, Армения)
д. пс. н. Богомаз С. А. (ТГУ, Томск, РФ)
Ph. D. Bernard R. M. (Конкордия, Монреаль, Канада)
Ph. D. Бороховский Е. (Конкордия, Монреаль, Канада)
д. пс. н. Воробьева Е. В. (ДГТУ, Ростов-на-Дону, РФ)
д. пс. н. Долгова В. И. (ЮУрГГПУ, Челябинск, РФ)
Ph. D. Granhag Pär-Anders (University of Gothenburg, Sweden)
Sc. D. Кроник А. А. (Институт каузометрии, Вашингтон, США)

Ph. D. Kalmus V. (University of Tartu, Estonia)
д. пед. н. Манжелей И. В. (ТюмГУ, Тюмень, РФ)
д. пед. н. Масалимова А. Р. (КФУ, Казань, РФ)
д. пед. н. Повзун В. Д. (СурГУ, Сургут, РФ)
д. биол. н. Полевая С. А. (ПИМУ, Нижний Новгород, РФ)
Ph. D. Sequeira H. (Lille 1 University, Лилль, Франция)
Dr. Стошич Л. (Institute of management and knowledge, Скопье, Македония)
д. пед. н. Хайруллина Э. Р. (КНИТУ, Казань, РФ)
д. пс. н. Хотинец В. Ю. (УдГУ, Ижевск, РФ)
д. пс. н. Цветкова Л. А. (СПбГУ, Санкт-Петербург, РФ)
д. пед. н. Шайдуллина А. Р. (АГНИ, Альметьевск, РФ)

Ответственный секретарь

и литературный редактор

Ответственный редактор

Секретарь по рецензиям

– Вороная Виктория Дмитриевна
– Проненко Евгений Александрович
– Запорожец Диана Валерьевна

Адрес редакции:

344006, Российская Федерация,
г. Ростов-на-Дону,
ул. Пушкинская, д. 140,
ком. 114
E-mail: rospsihj.disk@gmail.com

Адрес издателя:

ООО "КРЕДО"
129366, Российская Федерация,
г. Москва, ул. Ярославская, д. 13
Тел./ факс (495) 283-55-30
E-mail: izd.kredo@gmail.com

Адрес учредителя:

125009, Российская Федерация,
г. Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 9
E-mail: ruspsysoc@gmail.com

Каталог Урал-Пресс
Подписной индекс 46723
Цена свободная

© Российское психологическое общество, 2024

© ООО "КРЕДО", 2024

Веб-сайт: rpi.ru.com

Концепция, миссия, цель и задачи Российского психологического журнала

Российский психологический журнал – научное рецензируемое издание, открытое для международного сотрудничества и публикующее оригинальные научные статьи и обзоры по психологии. Журнал основан Российским психологическим обществом в 2004 году, выпускается 4 раза в год. С 2019 года издается на русском и английском языках.

Миссия журнала – в повышении качества и открытости психологической науки. Журнал стремится к поддержанию высокого уровня психологических исследований и повышению доступности научного знания для всех категорий читателей.

Цель журнала заключается, с одной стороны, в вовлечении российских исследователей в международное научное пространство, что обеспечивается внедрением современных международных издательских практик, с другой стороны, в содействии научной коллаборации российских и зарубежных авторов за счет знакомства иностранных исследователей с российскими научными разработками, не имеющими аналогов за рубежом.

Задачи журнала:

- 1) предоставление качественных научных результатов для начинающих и опытных ученых;
- 2) предоставление возможности исследователям публиковать и делиться своими работами в научных кругах по всему миру;
- 3) продвижение статей журнала в международном научном пространстве через вхождение в авторитетные международные базы данных и каталоги;
- 4) повышение международной кооперации авторов;
- 5) повышение видимости, цитирования, доверия и авторитета российских научных работ в мировом научном пространстве.

В журнале осуществляется двойное слепое рецензирование, каждая рукопись оценивается не менее чем двумя экспертами.

Журнал придерживается международных стандартов издательской этики в соответствии с рекомендациями Комитета по этике научных публикаций (COPE).

Читательская и авторская аудитория журнала

Читательская аудитория Российского психологического журнала состоит из нескольких категорий. Наибольший интерес статьи журнала представляют для академического сообщества, исследователей в сфере психологии; на страницах журнала публикуются передовые исследования в актуальных областях науки. Студенты и аспиранты могут найти необходимый материал, который послужит опорой в обучении и который поможет начать собственные исследования. Также статьи журнала будут полезны широкому кругу читателей, интересующихся конкретными или новыми темами в сфере психологии.

Авторскую аудиторию журнала составляют сотрудники университетов (преподаватели, доценты, профессора), научные сотрудники научно-исследовательских организаций, активные исследователи различных областей психологии, практикующие специалисты, а также аспиранты и соискатели ученой степени – им предоставляется возможность публиковать статьи высокого качества.

Журнал входит в Перечень ВАК, включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), Scopus, Ulrichsweb, ResearchBib, Directory of Open Access Journals (DOAJ) и другие базы и каталоги научных журналов. Редакция журнала является членом ассоциаций АНРИ, CrossRef.

Материалы журнала доступны по лицензии Creative Commons «Attribution» 4.0 Всемирная.

Свидетельство Министерства Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций о регистрации средства массовой информации ПИ № 77-16511 от 13 октября 2003 года.

СОДЕРЖАНИЕ

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Елена В. Турик, Лидия А. Дятлова

Влияние эмоциональной сферы на актуализацию и интенсивность

экзистенциальных страхов.....6-18

Марина С. Романова, Анастасия В. Гришина

Исследование особенностей самооценки и самоотношения у участников

локальных боевых действий, получивших травмы и увечья.....19-33

Татьяна П. Будякова, Екатерина В. Михеева

Виктимные типы личностей и их проявление у пожилых людей.....34-51

Людмила А. Шайгерова, Алексей М. Букинич, Александра Г. Долгих,

Татьяна Т. Батышева

Психологическое благополучие и ресурсы матерей детей

с расстройством аутистического спектра в ситуации вынужденной

миграции.....52-74

Юлия В. Селезнева, Наталья Е. Комерова, Анастасия Ю. Тарасова

Жизнестойкость и восприятие времени как личностные ресурсы

саморегуляции.....75-91

Оксана Р. Тучина, Иван А. Аполлонов

Исследование ценностных оснований идентичности с местом

проживания: субъектный подход.....92-111

Варвара И. Моросанова, Анна М. Потанина, Александр К. Пащенко

Диагностика стресса субъективной и объективной неопределенности:

разработка и валидизация опросной методики.....112-132

Елена И. Горбачева, Екатерина А. Зыкова, Кирилл В. Кабанов

Интерпретация этически нагруженных ситуаций молодыми людьми:

зависимость от предметного контекста и индивидуально-типологических

характеристик.....133-151

ПСИХОФИЗИОЛОГИЯ

Виталий В. Бабенко, Екатерина М. Ковш, Александр С. Столетний,

Павел Н. Ермаков, Денис В. Явна, Екатерина Г. Денисова, Константин А. Гапченко

Эмоциональная валентность зрительных сцен: существует ли связь спонтанной

электрической активности головного мозга и гена COMT?.....152-171

Татьяна Э. Сизикова, Сергей В. Леонов, Ирина С. Поликанова

Влияние рефлексии на электрофизиологическую активность мозга в зависимости от уровня тревожности.....172-189

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Юлия А. Тюменева, Екатерина С. Кащенко, Мария Ю. Лебедева

Интересность текста: подходы к изучению и методы оценки в психолого-педагогических исследованиях.....190-210

Евгения Н. Каменева-Любавская, Татьяна В. Борзова

Развитие навыков метакогнитивной включенности в деятельность при обучении способам понимания текста.....211-228

Елена А. Макарова, Елена Л. Макарова, Елена Б. Абросимова

Психолого-педагогическая сравнительная диагностика российских и китайских учащихся с разным творческим потенциалом при обучении музыке.....229-249

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ МОЗГА

Артур А. Реан, Андрей О. Шевченко, Алексей А. Ставцев, Антон Л. Линьков

Позитивная нейронаука – анализ направлений исследований нового интегративного подхода.....250-263

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Haifa T. Al-Bokai, Ali A. Al-Subaihi, Abdulrahman A. Al-Subaihi

Validation and Reliability Study of the Arabic Version of the Multicultural Personality Questionnaire (AV-MPQ).....264-279

Omonigho Simon Umukoro

Heritage across Horizons: Role of Socializing Entities in Nurturing African Ethnic Identity.....280-295

Влияние эмоциональной сферы на актуализацию и интенсивность экзистенциальных страхов

Елена В. Турик*¹ , Лидия А. Дятлова^{1,2}

¹ Донской государственный технический университет, Ростов-на-Дону, Российская Федерация

² Региональный научный центр Российской академии образования в Южном федеральном округе (ЮРНЦ РАО), Ростов-на-Дону, Российская Федерация

*Почта ответственного автора: turikelena@gmail.com

Аннотация

Введение. В статье рассматривается проблема усиления экзистенциальных страхов, увеличения их распространённости и интенсивности среди населения из-за изменений в объективной реальности, связанных с ухудшением социальной, экологической и политической обстановки в стране и мире. Несмотря на множество исследований, посвящённых страхам, возрастные особенности переживания экзистенциальных страхов и их связь с психоэмоциональным состоянием изучены недостаточно. **Методы.** В выборку респондентов вошли 317 человек, первая группа состояла из респондентов в возрасте 15–17 лет, вторая — из респондентов 20–25 лет, третья — из респондентов 30–45 лет. Мы изучили распространённость и интенсивность страхов в трёх возрастных группах с учётом пола участников, используя авторскую анкету-опросник «Особенности актуализации экзистенциальных страхов личности», а также оценили уровень личностной тревожности и депрессии с помощью методик «Шкала депрессии Бека» (Beck Depression Inventory) и «Шкала тревоги Спилбергера» (State-Trait Anxiety Inventory - STAI). Для подтверждения достоверности различий между подгруппами респондентов использовался U-критерий Манна-Уитни, для подтверждения связей между переменными - коэффициент ранговой корреляции Спирмена. **Результаты.** Страхи свойственны всем участникам исследования, а интенсивные страхи распространены и чаще встречаются у женщин независимо от возрастной группы.

У респондентов старшей возрастной группы отмечено снижение частоты страхов высокой интенсивности по сравнению с младшими группами вне зависимости от пола. Также обнаружены прямые достоверные связи между интенсивностью страхов и ростом показателей тревожности и депрессии у всех участников независимо от возраста. **Обсуждение результатов.** Полученные данные свидетельствуют о влиянии психоэмоционального статуса личности на особенности переживания страхов с усилением их интенсивности, вне зависимости от возраста и пола. Так как страхи высокой интенсивности могут приводить к нарушению нормальной адаптации и социализации личности, представляется необходимым создание программы, направленной на преодоление страхов с учетом определенных психологических особенностей индивида, включающих эмоциональную сферу (личностную тревожность и депрессию).

Ключевые слова

психоэмоциональный статус, экзистенциальные страхи, личностная тревожность, депрессия, возрастные группы

Для цитирования

Турик, Е. В. (2024). Влияние эмоциональной сферы на актуализацию и интенсивность экзистенциальных страхов. *Российский психологический журнал*, 21(3), 6–18. <https://doi.org/10.21702/rpj.2024.3.1>

Введение

Страх как физиологический феномен несет положительную роль: перестраивает функционирование организма в случае опасности (учащается сердцебиение, ускоряется дыхание, происходит перераспределение в кровеносном русле), что в конечном итоге положительным образом влияет на выживаемость вида.

Распространенность страхов среди населения по данным социологических исследований является очень высокой (аналитический центр НАФИ): о наличии страхов разной интенсивности заявили 92% опрошенных; к самым распространенным относятся страхи за здоровье близких, их и собственную жизнь, страх потери работы, терактов. Социально-политическая обстановка в стране и мире, увеличение количества крупных катастроф социального, биологического и техногенного характера негативно влияют на эмоциональное состояние людей, вызывая психологические и психосоматические проблемы. Экзистенциальные страхи связаны с самой сущностью человека, с индивидуальными эмоциональными переживаниями и местом личности в социуме; страхи не всегда осознаются

личностью, однако присущи всем людям. В случае, если утрачивается биологическая роль страха, то есть он перестает нести сигнальную функцию, не связан с объектом опасности или угрожающей ситуацией, характеризуется большой длительностью и высокой интенсивностью, страх становится патологическим и приводит к вегетативным нарушениям (ухудшение качества сна, постоянное напряжение и т.д.). Индивидуальные переживания страхов и их интенсивность могут воздействовать на формирование мотивационных установок личности, связанных с негативными эмоциональными комплексами, и влиять на сознание индивида, определяя его поведение и деятельность как малоэффективные. Многие страхи формируются в раннем возрасте и выражаются как вербально, так и невербально (Акоруан, 2012). А в подростковом возрасте, в ситуации подвижности нервной системы и новых жизненных вызовов, проблема повышения тревожности, экзистенциальных страхов, стрессов и депрессивных состояний выходит становитя актуальной психологической проблемой (Симаченко, 2011).

Экзистенциальные страхи

Экзистенциальные страхи на протяжении многих лет являются предметом изучения философов и психологов (Кьеркегор, 2016). Большой вклад в понимание природы данного феномена внесли З. Фрейд (1925), высказывая мнение о том, что формирование страхов происходит еще в детстве, а во взрослом возрасте может приводить к нарушениям в сексуальной сфере (сексуальным дисфункциям) в случае, если страх становится невротическим (Фрейд, 1927). С точки зрения бихевиористов, закрепленное неадаптивное поведение может приводить к развитию страхов, которые могут быть вызваны изначально нейтральными стимулами (Watson, 1914). Выдающиеся отечественные ученые Л. С. Выготский (1993), А.Н. Леонтьев (2010), С. Л. Рубинштейн (2017), изучая фобии с позиции субъектно-деятельностного подхода, отмечали, что страхи могут вызывать социальную дезадаптацию личности. Отечественный ученый А. И. Захаров (2000) развивал идеи фрейдизма, выделяя страх воображаемый и страх реальный. I. D. Yalom (1989), считал страх смерти основной боязнью каждого человека, преследующей любого индивида всю сознательную жизнь. М. Yang (2020) указывает в своих работах на то, что социальные, экономические, политические кризисы в серьезной мере влияют на формирование и усиление страхов у населения, особенно наглядно это показано в исследованиях на примере коронавирусной инфекции (Bodner et al., 2022). Courtney et al. (2020) также связывает особенности возникновения страхов с внешними глобальными факторами.

Для определения очень сильных страхов, вызванных различными неблагоприятными угрожающими популяции событиями, или для событий, индивидуально значимых для индивида, но несущих угрозу его жизни, зарубежные ученые ввели термин **existential terror**, значение которого можно перевести как **экзистенциальный ужас** (Greenberg & Arndt, 2012; Routledge, 2019; Vess, 2021).

Эмоциональные состояния

Эмоции – показатели удовлетворения или неудовлетворения потребностей. В отдельную группу эмоциональных состояний относятся стойкие эмоциональные состояния, которые затрагивают не только эмоции, но и другие сферы личности. Депрессия – это состояние, характеризующееся отрицательным эмоциональным фоном, нарушением мотивации, когнитивных функций и снижением активности поведения. Депрессия может вызывать нарушения памяти, опосредованно ухудшая другие когнитивные функции, а значит, может негативно влиять на контроль над интенсивностью экзистенциальных страхов, дезадаптируя личность и приводя к нарушениям ее социализации. Тревога – состояние, для которого характерно неприятное ожидание угрозы или опасности, часто мнимой (Chand et al., 2022). Длительная, не имеющая объективных оснований, тревога становится устойчивой чертой личности (Robinson et al. 2019). Экзистенциальные страхи могут поддаваться сознательному контролю (Bregman, 2009; Greenberg et al., 2008; Greenberg & Arndt, 2012), а негативные эмоциональные состояния опосредованно влияют на когнитивные функции, приводя к их снижению. Можно ли предположить, что состояние тревоги и депрессии влияют на актуализацию страхов и силу их переживания?

Цель исследования

Целью данного исследования было изучение интенсивности экзистенциальных страхов у лиц разного возраста и пола; изучение эмоциональной сферы респондентов, включающей уровень тревожности и депрессии; а также изучение связи эмоциональной сферы респондентов с интенсивностью их экзистенциальных страхов. Была сформулирована следующая гипотеза: существует связь между интенсивностью экзистенциальных страхов опрошенных и изменениями в психоэмоциональной сфере личности.

Методы

Выборка

Для проведения данной работы были привлечены 317 человек из трех возрастных групп:

- 15–17 лет (52 юноши и 59 девушек) учащихся общеобразовательной школы;
- 20–25 лет (52 юноши и 53 девушки) студентов третьего курса университета;
- 30–45 лет (50 мужчин и 51 женщина) условно здоровых пациентов из числа лиц, проходивших диспансеризацию в медицинском центре.
-

Методики

- Авторская анкета-опросник «Особенности актуализации экзистенциальных страхов личности». Анкета содержит открытые и закрытые вопросы, а также несколько блоков, направленных на изучение различных аспектов переживания страхов, и позволяет определить интенсивность страхов (Турик, 2023);
- «Шкала депрессии Бека» (Beck Depression Inventory) (адапт. Н. В. Тарабрина, 2001);
- «Шкала тревоги Спилбергера» (State-Trait Anxiety Inventory, STAI) (адапт. Ю. Л. Ханин, 1976).
- Методики были использованы для подтверждения гипотезы о связи экзистенциальных страхов личности с устойчивыми эмоциональными состояниями, опосредованно влияющими на особенности реагирования на страх и адаптацию к нему.

Статистическая обработка результатов

Использовались U-критерий Манна-Уитни, подтверждающий достоверность различий между гендерными и возрастными группами, коэффициент ранговой корреляции Спирмена для подтверждения связей между переменными в подгруппах испытуемых. Также были проанализированы средние значения и стандартное отклонение для всех подгрупп респондентов.

Результаты

На первом этапе нами изучались экзистенциальные страхи респондентов по уровню их интенсивности. В группах респондентов результаты распределились следующим образом (таблица 1):

- страхи низкой интенсивности в первой возрастной группе характерны для 46,3% опрошенных, во второй возрастной группе для 38,0% респондентов, в третьей – для 43,6%;
- страхи средней интенсивности в первой возрастной группе встречаются у 22,7% испытуемых, во второй группе у 30,4%, в третьей возрастной группе у 33,6% респондентов;
- страхи высокой интенсивности в первой группе респондентов встречается у 34,5%; во второй группе респондентов у 30,4% респондентов; в третьей возрастной группе страхи высокой интенсивности характерны для 22,7% респондентов.

Результаты показывают, что большинство опрошенных испытывают сильные страхи, однако наблюдается возрастная динамика: снижение интенсивности

страхов с возрастом в исследуемой популяции. У молодых людей младшего возраста встречаемость страхов высокой интенсивности наблюдается реже, чем у мужчин старшего возраста. Возможно, это связано с тем, что представители второй и третьей возрастных групп лучше осознают реальность.

Таблица 1

Интенсивность страхов в % в исследуемых гендерно-возрастных группах

Группы респондентов	Интенсивность страхов, в %		
	низкая	средняя	высокая
Юноши, 1 группа	61,7	23,4	17,3
Девушки, 1 группа	27,2	22	48,2
Юноши, 2 группа	48	21,2	21,2
Девушки, 2 группа	24,5	39,6	39,6
Мужчины, 3 группа	44	36	20
Женщины, 3 группа	43,1	31,4	25,5

При сравнении данных показателей с применением критерия Манна-Уитни между гендерными группами были получены следующие результаты: в первой возрастной группе интенсивность страхов у девушек достоверно выше аналогичного показателя у юношей ($p \leq 0,01$); во второй возрастной группе также регистрируется более высокая интенсивность страхов у девушек ($p \leq 0,05$); в третьей возрастной группе выявленная ранее закономерность не регистрируется – различия между мужчинами и женщинами по уровню интенсивности переживаемых страхов недостоверны.

На втором этапе исследования мы проанализировали личностную тревожность и депрессию как аспекты психоэмоционального состояния индивидов, а также ситуативную тревожность участников. При оценке эмоционального состояния респондентов было обнаружено, что у девушек первой возрастной группы уровень личностной тревожности высокий, в то время как у юношей этой же возрастной группы уровень личностной тревожности умеренный (таблица 2).

Таблица 2

Средние значения личностной тревожности в изучаемых группах

Первая группа		Вторая группа		Третья группа	
мужчины	женщины	мужчины	женщины	мужчины	женщины
47,22 ± 9,21	42,67 ± 9,79	49,00 ± 7,13	41,13 ± 8,67	45,27 ± 7,35	43,3 ± 8,14

С применением критерия Спирмена была выявлена закономерность: чем сильнее личностная тревожность респондентов, тем выше интенсивность страхов. У девушек данный показатель выше до 115,23 ± 19,31% у юношей – до 122,16 ± 33,12% (данные находятся в зоне неопределенности). Была установлена положительная корреляция между уровнем тревожности и ростом интенсивности страхов в обеих гендерных подгруппах (у мужчин $r = 0,34$ $p \leq 0,05$; у женщин $r = 0,36$ $p \leq 0,05$) (Таблица 3).

Таблица 3

Значимая корреляция (r) между личностной тревожностью и интенсивностью страхов в разных гендерно-возрастных группах

Первая группа		Вторая группа		Третья группа	
мужчины	женщины	мужчины	женщины	мужчины	женщины
$r=0,34^*$	$r=0,36^*$	$r=0,35^*$	$r=0,34^*$	$r=0,36^*$	$r=0,35^*$

Примечание: *корреляция значима на уровне 0,05

Было установлено, что существует положительная связь между интенсивностью страхов и ситуативной тревожностью (у мужчин $r = 0,37$ $p \leq 0,05$; у женщин $r = 0,34$, $p \leq 0,05$) (Таблица 4).

Таблица 4

Значимая корреляция (r) между ситуативной тревожностью и интенсивностью страхов в разных гендерно-возрастных группах

Первая группа		Вторая группа		Третья группа	
мужчины	женщины	мужчины	женщины	мужчины	женщины
r=0,37****	r=0,34****	r=0,68 *	r=0,35***	r=0,64**	r=0,56***

Примечание: *корреляция значима на уровне 0,01, ** корреляция значима на уровне 0,02, ***корреляция значима на уровне 0,03, **** корреляция значима на уровне 0,05

Во второй возрастной группе у девушек усредненные значения личностной тревожности высокие, а у юношей соответствуют умеренному уровню тревожности (Таблица 2). В этой группе также наблюдается ранее установленная тенденция: повышение уровня страха с увеличением показателя личностной тревожности респондентов среди девушек до $116,23 \pm 18,09\%$ и среди юношей до $115,99 \pm 18,94\%$. Была обнаружена положительная корреляция между интенсивностью страхов и личностной тревожностью участников исследования (у мужчин $r = 0,35$, $p \leq 0,05$; у женщин $r = 0,34$, $p \leq 0,05$) (Таблица 3). Подтверждено наличие связи между ситуативной тревожностью и интенсивностью страхов (у мужчин $r = 0,68$, $p \leq 0,01$; у женщин $r=0,35$, $p \leq 0,03$) (Таблица 4).

В старшей возрастной группе средние значения личностной тревожности у представителей женского пола соответствуют высокому уровню, у представителей мужского пола показатели соответствуют умеренному уровню тревожности (Таблица 2). В этой возрастной группе, как и в предыдущих двух, определяется закономерность, связанная с ростом уровня личностной тревожности при увеличении интенсивности страхов. У женщин тревожность выше до $110,24 \pm 18,69\%$, у мужчин до $112,42 \pm 19,96\%$, данные в группах с высокой и низкой интенсивностью страха достоверно не отличаются. При изучении связи между интенсивностью страхов и личностной тревожностью выявлена положительная корреляция (у мужчин $r=0,36$, $p \leq 0,05$; у женщин $r=0,35$, $p \leq 0,05$) (Таблица 3). Установлена корреляция между значениями ситуативной тревожности и интенсивностью страхов участников исследования (у мужчин $r = 0,64$, $p \leq 0,02$; у женщин $r = 0,56$, $p \leq 0,03$) (Таблица 5). Во всех возрастных группах установлены практически идентичные результаты, подтверждающие предположение о том, что существует положительная связь между показателями интенсивности экзистенциальных страхов и тревожностью респондентов вне зависимости от пола и возраста. Отмечено, что более высокие

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ, ФИЛОСОФИЯ И ПСИХОЛОГИЯ

показатели личностной тревожности характерны для представителей женского пола вне зависимости от возраста.

При изучении особенностей отсутствия или наличия депрессивных проявлений у лиц с разной интенсивностью страха в различных возрастных и гендерных группах были получены следующие результаты: в первой возрастной группе результаты средних значений указывают на отсутствие депрессивных проявлений в обеих подгруппах по гендеру (Таблица 5).

Таблица 5
 Средние значения депрессии в изучаемых группах

Первая группа		Вторая группа		Третья группа	
мужчины	женщины	мужчины	женщины	мужчины	женщины
4,59 ± 1,51	8,81 ± 7,06	6,22 ± 5,45	8,92 ± 10,38	6,77 ± 5,07	6,86 ± 4,24

При изучении показателей депрессии в группах с высокой и низкой интенсивностью страха установлена закономерность: чем выше интенсивность экзистенциальных страхов респондентов, тем выше регистрируемый уровень депрессии, также было установлено, что у юношей с высокой интенсивностью страха усредненные значения этого показателя находятся на уровне, соответствующем легкой депрессии, у девушек данные значения на уровне верхней границы нормы. Было установлено, что значения показателя депрессии у лиц с низкой и высокой интенсивностью страха достоверно отличаются: у девушек депрессия достигает 131,02 ± 79,32% ($p \leq 0,05$), у юношей 463,17 ± 231,74% ($p \leq 0,01$). В данной подгруппе установлена сильная прямая связь между значениями депрессии и показателями интенсивности страха у представителей мужского пола $r = 0,41$, $p \leq 0,01$, у женского пола $r = 0,32$, $p \leq 0,05$ (Таблица 6).

Таблица 6
 Значимая корреляция (r) между депрессией и интенсивностью страхов в разных гендерно-возрастных группах

Первая группа		Вторая группа		Третья группа	
мужчины	женщины	мужчины	женщины	мужчины	женщины
$r = 0,41^*$	$r = 0,32^{**}$	$r = 0,31^{**}$	$r = 0,41^*$	$r = 0,32^{**}$	$r = 0,31^{**}$

Примечание: *корреляция значима на уровне 0,01, ** корреляция значима на уровне 0,05

Нами также были изучены показатели личностной тревожности и депрессии в данной подгруппе на наличие связи, в результате нами была установлена положительная корреляция между данными показателями у женщин ($r = 0,51$, $p \leq 0,01$) и у мужчин ($r = 0,62$, $p \leq 0,01$) (Таблица 7).

Таблица 7

Значимая корреляция (r) между депрессией и личностной тревожностью в разных гендерно-возрастных группах

Первая группа		Вторая группа		Третья группа	
мужчины	женщины	мужчины	женщины	мужчины	женщины
$r = 0,51^*$	$r = 0,62^*$	$r = 0,63^*$	$r = 1^*$	$r = 0,65^{**}$	$r = 0,59^{**}$

Примечание: *корреляция значима на уровне 0,01

Исследования второй возрастной группы не выявили депрессивных проявлений у лиц женского пола и у лиц мужского пола по усредненным данным (Таблица 5). Средние значения депрессии у женщин и мужчин с высокой интенсивностью страха соответствуют состоянию легкой депрессии. При изучении связи между регистрируемой интенсивностью страхов и показателями депрессии получена достоверная положительная корреляция со значениями у женщин ($r = 0,41$, $p \leq 0,05$) и мужчин ($r = 0,31$, $p \leq 0,05$) (Таблица 6). В старшей возрастной группе средние значения также не показали наличия депрессивных проявлений в подгруппе. Был отмечен рост значений депрессии у лиц с высокой интенсивностью страха, так же как в первой и второй группах, для женщин рост составил до $131,02 \pm 79,32\%$, у мужчин $189,09 \pm 113,49\%$, была установлена достоверность различий в показателях между данными подгруппами ($p \leq 0,05$). Так же, как и в двух младших группах, получена прямая связь между значениями депрессии и интенсивностью страхов в обеих гендерных подгруппах (у мужчин $r = 0,32$, $p \leq 0,05$; у женщин $r = 0,31$, $p \leq 0,05$) (Таблица 6). Значимая корреляционная связь была получена между личностной тревожностью и депрессией ($r = 0,65$ $p \leq 0,01$; $r = 0,59$ $p \leq 0,01$) в подгруппе женщин и мужчин.

Обсуждение результатов

Основываясь на имеющихся данных, можно утверждать, что экзистенциальные страхи высокой интенсивности широко распространены среди разных возрастных групп, и их распространённость снижается с возрастом, что согласуется с результатами исследований P. Russo-Netzer, A. Davidov (2019) в которых речь идет о росте экзистенциальной тревоги в периоды усиления различных угроз, в том числе пандемий и ситуаций, связанных с ухудшением геополитической

обстановки, а также в ситуации переживания личной трагедии (Linley & Joseph, 2004; Calhoun & Tedeschi, 2006). Во всех изученных возрастных группах были обнаружены похожие результаты средних значений личностной тревожности, причем у женщин эти значения выше. Этот результат, скорее всего, связан с особенностями социализации женщин, а также с врождёнными физиологическими отличиями женского организма. Аналогичные результаты получены при изучении ситуативной тревожности, а также установлена связь между данными показателями, что может согласоваться с исследованиями P. Chand, Marwaha & Bender (2022), раскрывающего механизмы формирования личностной тревожности. Средние значения показателей депрессии во всех подгруппах указывают на отсутствие депрессивного состояния, или единичные депрессивные проявления в выборке, что является отражением распространенности депрессивных проявлений в популяции. Депрессия приводит к актуализации негативных воспоминаний и психологической дезадаптации, что вероятно, становится причиной усиления и актуализации личностных страхов. Следовательно, наличие достоверных связей между ростом интенсивности страхов и устойчивыми эмоциональными состояниями индивидов свидетельствует о влиянии тревоги и депрессии на переживание индивидом страхов и контроля над их интенсивностью. Особенно выражен этот показатель у мужчин-подростков возраста 15–17 лет, также в этой возрастной категории встречаемость страхов высокой интенсивности ниже по сравнению с двумя другими, что может свидетельствовать о инфантильном восприятии объективной реальности, в том числе, геополитических, экономических и социальных угроз.

Заключение

Исследование показало, что психологический статус человека играет значительную роль в переживании экзистенциальных страхов, независимо от пола и возраста участников.

Результаты исследования показали, что уровень депрессии в каждой подгруппе находится в пределах нормы или указывает на редкие случаи депрессии. Достоверно подтвержден рост значений депрессии в группах с более высокой интенсивностью страха. Во всей исследуемой выборке получены результаты, подтверждающие связь депрессии и тревожности, что позволяет предположить наличие тревожно-депрессивного эмоционального статуса, который, учитывая наличие связи между ростом интенсивности экзистенциальных страхов и ростом показателей тревожности и депрессии, актуализирует и усиливает экзистенциальные страхи. Дальнейшее исследование предполагает разработку профилактической программы, нацеленной на уменьшение интенсивности актуальных страхов личности с учетом ее психоэмоционального состояния.

Литература

- Выготский, Л. С., & Лурия, А. Р. (1993). *Этюды по истории поведения: Обезьяна. Примитив. Ребенок*. Педагогика-Пресс.
- Захаров, А. И. (2000). *Дневные и ночные страхи у детей*. Издательство СОЮЗ.
- Кьеркегор, С. (2016). *Девять бесед 1843 года* (А. В. Лызлова, пер. с датского). Рекорд.
- Леонтьев, А. Н. (2010). *Лекции по общей психологии*. Изд-во Смысл.
- Рубинштейн, С. Л. (2017). *Основы общей психологии*. Питер.
- Тарабрина, Н. В. (2001). *Практикум по психологии посттравматического стресса*. Питер.
- Турик, Е. В. (2023). Апробация методики изучения частоты и интенсивности экзистенциальных страхов у подростков 15–17 лет. *Инновационная наука: психология, педагогика, дефектология*, 6(5), 46–53. <https://doi.org/10.23947/2658-7165-2023-6-5-46-53>
- Симаченко, И. П. (2011). Экзистенциальные страхи в период ранней юности: исторические этапы и современный взгляд на проблему. *Северо-кавказский психологический вестник*, 9(4), 5–8.
- Фрейд, З. (1925). *Психоанализ детских страхов* (О. Б. Фельцман, М. В. Вульф, пер. с нем.). Государственное изд-во.
- Фрейд, З. (1927). *Страх* (М. В. Вульф, пер. с нем.). Современные проблемы.
- Ханин, Ю. Л. (1976). *Краткое руководство к применению шкалы реактивной и личностной тревожности Ч. Д. Спилбергера*. ЛНИ-ИТЕК.
- Акопян Л.С. (2012). Conceptual Bases of Research of a Verbal and Nonverbal Pattern of Children's Fears. *Psychology in Russia: State of the Art*, 5, 446-457.
- Bodner, E., Bergman, Y. S., Ben-David, B., & Palgi, Y. (2022). Vaccination anxiety when vaccinations are available: The role of existential concerns. *Stress and Health*, 38(1), 111–118. <https://doi.org/10.1002/smi.3079>
- Bregman, L. (2009). *Death and Dying in World Religions*. IA Kendall Hunt Publishing.
- Calhoun, L. G., & Tedeschi, R. G. (Eds.). (2006). *Handbook of posttraumatic growth: Research and practice*. Routledge.
- Chand, S. P., Kuckel, D. P., & Huecker, M. R. (2022). *Cognitive Behavior Therapy*. StatPearls Publishing.
- Chand, S. P., Marwaha, R., & Bender, R. M. (2022). *Anxiety (Nursing)*. StatPearls Publishing.
- Courtney, E. P., Goldenberg, J. L., & Boyd, P. (2020). The contagion of mortality: A terror management health model for pandemics. *British Journal of Social Psychology*, 59(3), 607–617. <https://doi.org/10.1111/bjso.12392>
- Emanuel, L., Solomon, S., Fitchett, G., Chochinov, H., Handzo, G., Schoppee, T., & Wilkie, D. (2021). Fostering existential maturity to manage terror in a pandemic. *Journal of Palliative Medicine*, 24(2), 211–217. <https://doi.org/10.1089/jpm.2020.0263>
- Greenberg, J., & Arndt, J. (2012). *Terror management theory*. In A. Kruglanski, E. Tory Higgins, & P. A. M. Van Lange (Eds.), *Handbook of Theories of Social Psychology* (pp. 398-415). Sage.
- Greenberg, J., Solomon, S., & Arndt, J. (2008). A basic but uniquely human motivation: Terror management. In J. Y. Shah & W. L. Gardner (Eds.), *Handbook of motivation science* (pp. 114–134). The Guilford Press.
- Linley, P. A., & Joseph, S. (2002). Posttraumatic growth. Counselling making. *Journal of Humanistic Psychology*, 58(2), 168–193.
- Maag, J. W., & Irvin, D. M. (2005). Alcohol use and depression among African-American and Caucasian adolescents. *Adolescence*, 40(157), 87–101.
- Robinson, O. J., Pike, A. C., Cornwell, B., & Grillon, C. (2019). The translational neural circuitry of anxiety. *Journal of Neurology, Neurosurgery & Psychiatry*, 90(12), 1353–1360.
- Routledge, C., & Vess, M. (2019). *Handbook of Terror Management Theory*. Elsevier Academic Press.

- Russo-Netzer, P. (2019). Prioritizing meaning as a pathway to meaning in life and well-being. *Journal of Happiness Studies*, 20(6), 1863–1891.
- Watson, J. B. (1914). *An introduction to comparative psychology*. Holt.
- Yalom, I. D. (1989). The wrong one died. In *Love's executioner and other tales of psychotherapy* (pp. 118-143). Basic Books.
- Yang, M. (2020). Resilience and meaning-making amid the COVID-19 epidemic in China. *Journal of Humanistic Psychology*, 60(5), 662–671. <https://doi.org/10.1177/0022167820929215>

Поступила в редакцию: 13.03.2024

Поступила после рецензирования: 12.08.2024

Принята к публикации: 5.09.2024

Заявленный вклад авторов

Елена Викторовна Турик – планирование исследования, анализ литературы, подготовка и написание текста статьи, подготовка разделов «Введение» и «Обсуждение результатов», статистическая обработка данных, описание и анализ результатов, окончательное утверждение версии для публикации.

Лидия Александровна Дятлова – подготовка и написание текста статьи.

Информация об авторах

Елена Викторовна Турик – ассистент, Донской государственный университет, Ростов-на-Дону, Российская Федерация; ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0008-2451-0183>; e-mail: turikelena@gmail.com

Лидия Александровна Дятлова – аспирант психологических наук, кафедра «Общая и консультативная психология», Донской государственный университет, Ростов-на-Дону, Российская Федерация; лаборант-исследователь, Региональный научный центр Российской академии образования в Южном федеральном округе (ЮРНЦРАО); ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-2157-3521>; e-mail: dyatlovall@bk.ru

Информация о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Исследование особенностей самооценки и самоотношения у участников локальных боевых действий, получивших травмы и увечья

Марина С. Романова^{1*} , Анастасия В. Гришина²

¹ Донской государственный технический университет, Ростов-на-Дону,
Российская Федерация

² Региональный научный центр Российской академии образования в Южном
федеральном округе (ЮРНЦ РАО), Ростов-на-Дону, Российская Федерация

* Почта ответственного автора: marinavromanova@yandex.ru

Аннотация

Введение. В жизни человека травмирующая жизненная ситуация может приводить к различного рода дисфункциям как на физиологическом, так и на психологическом уровнях. Цель исследования заключается в выявлении специфики самооценки, самоотношения и различных аспектов отношения к жизни у лиц, переживших травматичный опыт. **Методы.** В исследовании приняли участие 220 мужчин, получивших различные физические травмы и увечья. В рамках психодиагностической составляющей был использован тест незаконченных предложений Сакса-Леви (SSCT) и методика М. Куна и Т. Мак-Партланда «Кто Я?». **Результаты.** Было установлено, что у лиц, подвергшихся ампутациям, выявлен адекватный уровень самооценки, а у лиц с тяжелыми физическими повреждениями – низкий уровень самооценки. Выявлено, что существуют статистически значимые различия в выраженности параметров самоотношения у лиц, получивших травмы и увечья различной степени тяжести (у лиц с тяжелыми физическими повреждениями наиболее выражено чувство вины и воспоминания о пережитых прошлых событиях в рамках пережитой травмирующей ситуации). **Обсуждение результатов.** Ряд отечественных и зарубежных исследований подтверждает полученные данные в отношении выраженности параметров самооценки и самоотношения у лиц, получивших различные физические травмы и

увечья. Также в ряде исследований было установлено, что у лиц, получивших увечья средней и тяжелой форм, отношение к различным аспектам своей жизни и специфика формирования чувства вины будут отличаться от лиц, перенесших операции по ампутации конечностей либо существенные физические изменения тела.

Ключевые слова

травмирующая ситуация, самоотношение, самопринятие, самосознание, ампутации, повреждения тела различной тяжести

Финансирование

Грант РФ 23-18-00848 «Исследование ценностно-смысловой сферы и разработка технологий психологической реабилитации населения региона в условиях локального военного конфликта и новых геополитических рисков».

Для цитирования

Романова, М. С., Гришина, А. В. (2024). Исследование особенностей самооценки и самоотношения у участников локальных боевых действий, получивших травмы и увечья. *Российский психологический журнал*, 21(3), 18-33. <https://doi.org/10.21702/rj.2024.3.2>

Введение

Самоотношение в контексте психологических подходов

Самоотношение – подструктура фундаментальной психологической категории, самосознания. Самоотношение – установка личности по отношению к самой себе.

В концепции П.И. Сарджвеладзе раскрываются три компонента самоотношения: когнитивный, эмоциональный, конативный (Сарджвеладзе, 2003). В. В. Столин выделяет три эмоциональные оси самоотношения: симпатия-антипатия, уважение-неуважение, близость-отдаленность (Столин, 1983). С.Р. Пантिलеев рассматривает самоотношение как иерархически-динамическую систему, которая имеет сложную структуру (Пантिलеев, 2001). В русле современных психологических подходов понятие «самоотношение» соотносят с такими понятиями, как «самосознание», «Образ Я», «Я-образ», «Я-концепция».

В качестве «единицы самосознания» В.В. Столин предлагает «конфликтный личностный смысл, отражающий столкновение различных жизненных отношений субъекта, столкновение его мотивов и деятельности» (Столин, 1983, с. 152). Это столкновение «осуществляется путем поступков, которые, таким образом, являются

пусковым моментом образования противоречивого отношения к себе». В свою очередь «смысл «Я» запускает дальнейшую работу самосознания, проходящую в когнитивной и эмоциональной сферах (Столин, 1983). Данная позиция автора наиболее близка к контексту настоящего исследования, поскольку нами будут рассматриваться составляющие самооценки и самоотношения у различных исследуемых нами групп.

Рассматривая понятие «самоотношение», С. Р. Пантеев во многом опирается на представления В. В. Столина о самосознании как о «конфликтном личностном смысле».

Трансформация самоотношения в условиях физической травмы

На современном этапе исследования трансформации самоотношения в условиях физической травмы многие авторы придерживаются того мнения, что перенесенные физические изменения могут глубоко повлиять на самоощущение, оставляя неизгладимый отпечаток как в когнитивной, так и в соматической областях самоощущения индивида (Бонкало, 2022; Lanius et al., 2020, Potapov., Kipiani, 2011; Масаева, 2008).

Эмпирическое исследование, проведенное Бонкало Т.И. при изучении проблемы трансформации образа телесного «Я» в структуре самосознания и самоотношения лиц с нарушениями опорно-двигательного аппарата позволило заключить, что: «трансформация образа телесного «Я» лиц с тяжелыми физическими травмами, подчиняясь законам самоорганизации, происходит нелинейно, а через преодоление личностью определенных кризисных периодов, связанных с восприятием своего тела» (Бонкало, 2021).

В исследовании Труфановой С.И. были получены выводы, свидетельствующие о том, что: «у пациентов с ампутациями и существенными физическими травмами в основе различного отношения к трансформации Я-физического образа лежат такие личностные особенности респондентов, как самоотношение, индекс жизненного стиля, особенности стресс-совладающего поведения, а также ожидание получить улучшенную или ухудшенную версию своего физического Я» (Труфанова, 2017, с. 173).

При изучении трансформации самоотношения в условиях физической травмы мы будем опираться на совокупный образ телесного «Я», который каждая личность формирует в соответствии с субъективным отражением особенностей своего внешнего облика, строения и состояния собственного тела в процессе самопознания, и представлениями о специфике их отражения в сознании Других.

Опираясь на изучение самоотношения и самооценки различными авторами, в том числе на наше предыдущее исследование (Романова, 2024), считаем интересным изучить их составляющие у лиц, которые пережили травмирующую ситуацию, в результате которой были получены повреждения тела средней и тяжелой форм, а также проведены операции по ампутации конечностей.

Цель исследования

Целью исследования было выявление особенностей самооценки и самоотношения у лиц, получивших физические травмы и увечья различной степени тяжести.

Гипотезы исследования

1. Вероятно, будут существовать различия в выраженности параметров самооценки и самоотношения у лиц, получивших травмы и увечья различной степени тяжести.
2. У лиц, получивших увечья средней и тяжелой форм, отношение к различным аспектам своей жизни и специфика формирования чувства вины будут отличаться от лиц, перенесших операции по ампутации конечностей.

Методы

В исследовании приняли участие 220 военнослужащих в возрасте от 23 лет до 41 года.

Группы сравнения:

1. Подгруппа 1 – 74 мужчины, подвергшихся различного рода ампутациям;
2. Подгруппа 2 – 79 мужчин, получивших физические повреждения тела средней тяжести (ранения, глубокие разрывы тканей, переломы);
3. Подгруппа 3 – 67 мужчин, получивших тяжелые, граничащие с риском потери жизни, повреждения тела.

Опрос респондентов осуществлялся нами посредством анкетирования, где мы просили указать возраст, описать специфику полученной физической травмы, которая носит инцидентный жизненный характер. Все респонденты в соответствии с тяжестью полученных физических травм и увечий были отнесены нами в определенную группу. Всем респондентам предлагались единообразные бланки для тестирования и анкетирования. Участие в исследовании было анонимным и добровольным для каждого.

Из психологических методик для прояснения самоотношения и системы отношений личности мы использовали:

1. Тест незаконченных предложений Сакса-Леви (SSCT) в адаптации Г. Г. Румянцева;
2. Методика М. Куна и Т. Мак-Партланда «Кто Я?» в адаптации В. И. Юрченко.

В ходе анализа первичных данных нами был использован базовый пакет Excel Microsoft Word 2017. Для изучения значимости различий в выделенных подгруппах применялся непараметрический критерий Крускала-Уоллиса. Статистическая обработка осуществлялась с применением программного пакета JASP 0.16.

Результаты

Незаконченные предложения Сакса-Леви (SSCT) в адаптации Г. Г. Румянцева

В ходе количественного анализа полученных данных по методике «Незаконченные предложения» нами были получены следующие результаты, которые представлены в Таблице 1.

Таблица 1

Выраженность параметров самоотношения и отношения к ближайшему окружению у лиц, перенесших инцидентную жизненную ситуацию

Исследуемые параметры	Подгруппа 1 (участники с ампутациями)	Подгруппа 2 (участники с повреждениями тела средней тяжести)	Подгруппа 3 (участники с тяжелыми физическими повреждениями тела)
Отношение к отцу	0,08	0,4	0,07
Отношение к себе	0,07	0,06	0,07
Нереализованные возможности	0,1	0,05	0,1
Отношение к подчиненным	0,08	0,08	0,03
Отношение к будущему	0,04	0,01	0,03
Отношение к вышестоящим лицам	0,06	0,12	0,07
Страхи и опасения	0,08	0,06	0,1
Отношение к друзьям	0,06	0,06	0,03
Отношение к своему прошлому	0,02	0,075	0,1
Отношение к лицам противоположного пола	0,09	0,063	0,15
Личная жизнь	0,1	0,12	0,07
Отношения к семье	0,05	0,05	0,1
Отношение к коллегам	0,1	0,1	0,4
Отношение к матери	0,06	0,05	0,4
Чувство вины	0,4	0,56	0,7

В результате количественной оценки полученных данных относительно каждой из исследуемых нами групп можно говорить о том, что во всех трех группах лиц наиболее выраженным среди других исследуемых показателей выступает чувство вины. Наиболее оно выражено у группы респондентов с тяжелыми физическими повреждениями (0,7), что имело отражение и на их психологическом состоянии. Характерной для всех трех групп лиц выступает специфика взаимоотношений с коллегами, причем наиболее выражена в числовом эквиваленте данная сфера и у группы с тяжелыми физическими повреждениями тела (0,4).

Для группы лиц, подвергшихся ампутациям, наиболее низких значений выраженности достигла шкала «Отношение к своему прошлому» (0,02). Для группы участников с повреждениями средней тяжести тела наиболее низких значений достигла шкала «Отношение к будущему» (0,01), а в группе с тяжелыми физическими повреждениями тела – шкалы «Отношение к будущему» (0,03), «Отношение к друзьям» (0,03) и «Отношение к подчиненным» (0,03).

Подавляющее большинство респондентов давали в качестве ответов значение «0», что свидетельствует о нейтральном отношении к тому, о чем идет речь в предложении, а также об отсутствии каких-либо ярко выраженных эмоций относительно существующей формулировки. Иногда респонденты отвечали со значениями +1 и -1, что дает нам совсем небольшой диапазон для оценки эмоциональной насыщенности относительно изучаемых нами сфер самоотношения и отношения к ближайшему окружению.

Чувство вины характерно для всех трех групп военнослужащих. Однако, существуют различия в отношении к различным аспектам своей жизни исследуемых групп военнослужащих, имеющих различного рода тяжести травмы и увечья.

«Кто Я?» М. Куна и Т. Мак-Партланда в адаптации Т.В. Румянцевой

Вариант адаптации данной методики дает возможность представить результаты в 3 исследуемых нами группах в количественном значении в отношении 4 вариантов самооценки (рисунки 1–3), а затем в отношении преобладающего типа реагирования.

Для группы лиц, подвергшихся ампутациям, присуща в большинстве случаев (67%) адекватная самооценка. Однако, неустойчивая самооценка характерна для 24,5% респондентов с ампутациями, что свидетельствует о регулярной смене позиции при оценивании. Завышенной самооценкой обладают 9,5%, а заниженной – 4% респондентов с ампутациями.

Рисунок 1

Выраженность самооценки в группе лиц с ампутациями

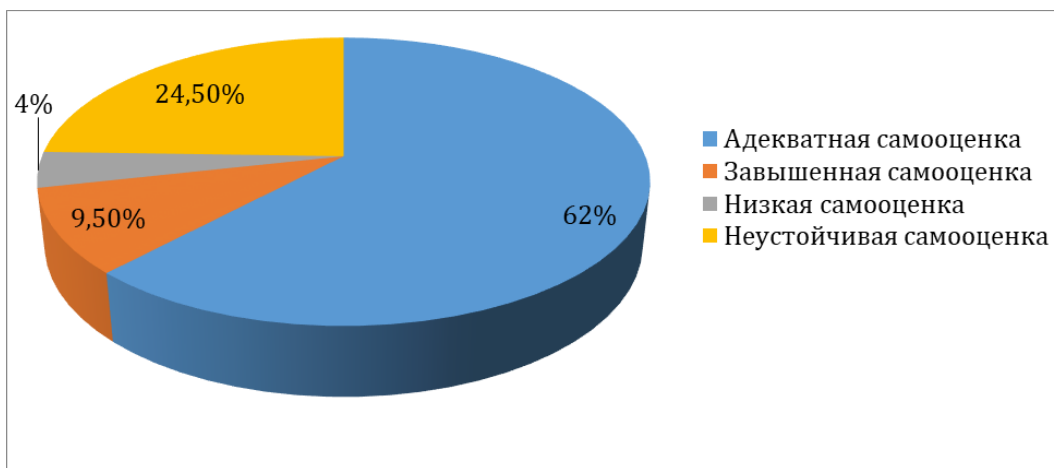
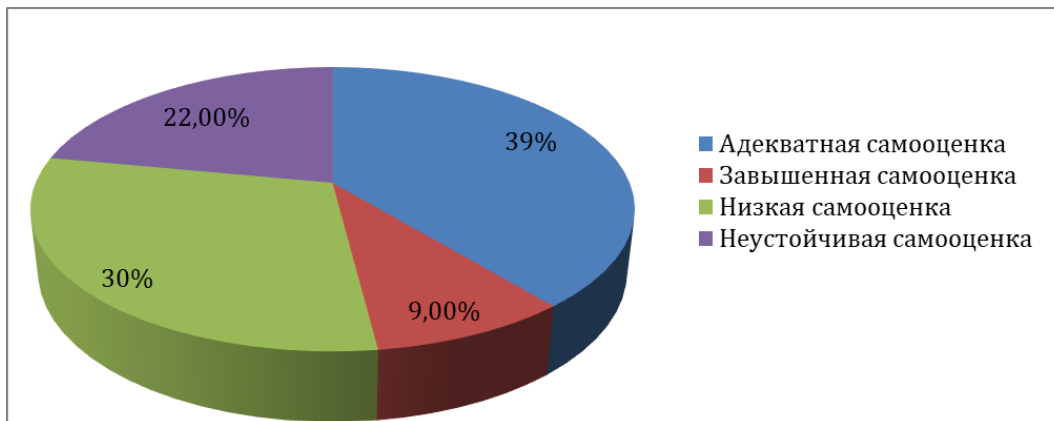

Рисунок 2

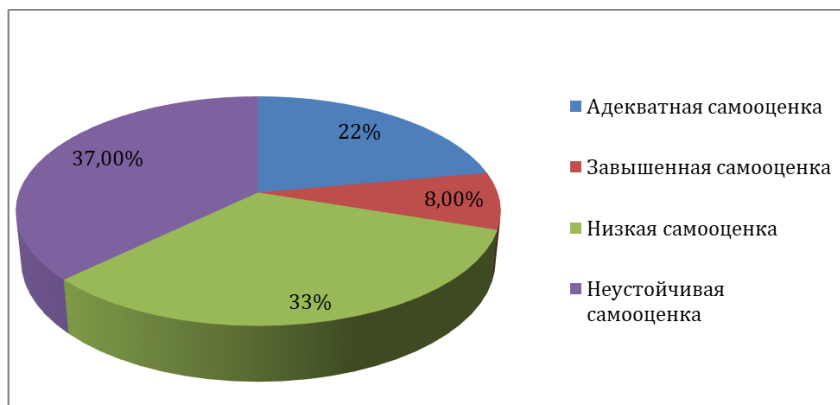
Выраженность самооценки в группе лиц с повреждениями тела средней тяжести

Для группы лиц с повреждениями средней тяжести адекватная самооценка характерна для 39% респондентов. Неустойчивая самооценка присуща для 22% респондентов. Завышенной самооценкой обладают лишь 9%, а вот заниженной – 30% респондентов, что свидетельствует о наличии негативного отношения к себе. В данной группе соотношение адекватной и заниженной самооценки почти равнозначно.

Рисунок 3

Выраженность самооценки в группе лиц с тяжелыми физическими повреждениями тела, граничащими с потерей жизни

В группе лиц с тяжелыми физическими повреждениями, граничащими с потерей жизни, неустойчивая самооценка преобладает, и присуща – 37% респондентов. 33% респондента оценили свой уровень самооценки как низкий, и лишь 22% респондентов обладают адекватной самооценкой. Высокая самооценка присуща 8% лиц, имеющих тяжелые повреждения тела, граничащие с потерей жизни.

Обобщая полученные данные, можно заключить, что в группе лиц с тяжелыми физическими повреждениями складывается негативная картина по степени выраженности негативных параметров самооценки. Наиболее благоприятный анализ представлен для группы лиц, перенесших ампутации.

Переходя ко второй части методики «Кто я?» представим распределение выраженности типов эмоционального реагирования на инцидентную ситуацию у 3 групп лиц (Таблица 2).

Таблица 2

Выраженность типов эмоционального реагирования на инцидентную ситуацию у респондентов

Исследуемые параметры	Подгруппа 1 (участники с ампутациями)	Подгруппа 2 (участники с повреждениями тела средней тяжести)	Подгруппа 3 (участники с тяжелыми физическими повреждениями тела)
Эмоционально-полярный тип	34%	29%	34%
Уравновешенный тип	61%	51%	48%
Неуравновешенный тип	5%	20%	18%

Большая часть всех опрошенных имеет уравновешенный тип реагирования. Эмоционально-полярный тип реагирования присущ для 34% из группы респондентов с ампутациями и из группы с тяжелыми физическими повреждениями и для 29% респондентов с повреждениями средней тяжести. Эмоционально-полярный тип реагирования характеризует лиц, имеющих дихотомичность мышления и эмоционального реагирования в зависимости от сложившейся ситуации.

Неуравновешенный тип реагирования в Присущ 20% респондентов с повреждениями тела средней тяжести, 18% респондентов с тяжелыми физическими повреждениями тела, граничащими с потерей жизни и лишь 5% лиц, перенесших ампутации. Данные группы респондентов явно переживают кризис в своей жизни, связанный с получением физических травм и увечий.

Различия в параметрах самооценки и самоотношения

Для проверки гипотезы о том, что существуют статистически значимые различия в выраженности параметров самооценки у лиц, получивших травмы и увечья, нами использовался Н-критерий Крускала-Уоллиса. Результаты расчетов Н-критерия Крускала-Уоллиса представлены в таблице 3.

Таблица 3

Результаты расчетов Н-критерия Крускала-Уоллиса для определения различий в выраженности параметров самооценки у лиц, перенесших инцидентную ситуацию

Показатель	Группа 1 (n = 74)	Группа 2 (n = 79)	Группа 3 (n = 67)
Средний ранг	46,71	31,35	25,50
«Адекватная самооценка»			
Н-критерий Крускала-Уоллиса		7,821	
p		0,020 (< 0,05)	
Средний ранг			
«Неустойчивая самооценка»	17,45	15,83	34,23
Н-критерий Крускала-Уоллиса		8,634	
p		0,013 (< 0,05)	

Таким образом, поскольку $p < 0,05$, то существуют статистически значимые различия в выраженности параметров самооценки у лиц, получивших физические травмы и увечья: у лиц, подвергшихся ампутации, выявлен адекватный уровень самооценки, а у лиц с тяжелыми физическими повреждениями тела – низкий уровень самооценки.

Результаты расчетов H -критерия Крускала-Уоллиса для проверки гипотезы о том, что существуют статистически значимые различия в выраженности параметров самоотношения у лиц, получивших физические травмы и увечья, представлены в таблице 4.

Таблица 4

Результаты расчетов H -критерия Крускала-Уоллиса для определения различий в выраженности параметров самоотношения у лиц, перенесших инцидентную ситуацию

Показатель	Группа 1 (n = 74)	Группа 2 (n = 79)	Группа 3 (n = 67)
Средний ранг	0,4	0,56	0,7
«Чувство вины»			
H -критерий Крускала-Уоллиса		3,546	
p		0,017 (< 0,05)	
Средний ранг			
«Отношение к своему прошлому»	0,02	0,075	0,1
H -критерий Крускала-Уоллиса		2,819	
p		0,011 (< 0,05)	

Таким образом, поскольку $p < 0,05$, то существуют статистически значимые различия в выраженности параметров самоотношения у лиц, получивших физические травмы и увечья: у лиц с тяжелыми физическими повреждениями наиболее выражено чувство вины и воспоминания о пережитых прошлых событиях.

Обсуждение результатов

В результате проведенного исследования было установлено, что существуют значимые различия в выраженности параметров самооценки и самоотношения у лиц, получивших различные физические травмы и увечья. В ходе исследования было установлено, что у лиц, получивших увечья средней и тяжелой форм, отношение к различным аспектам своей жизни и специфика формирования чувства вины будут отличаться от лиц, перенесших операции по ампутации конечностей.

В исследовании Бонкало Т.И. описывалось, что «...образ телесного «Я» включает в себя определенные подсистемы, каждая из которых отражает внешние и внутренние характеристики тела и имеет идентичную структуру, состоящую из четырех основных компонентов: 1) когнитивного (представления, убеждения, знания), 2) эмоционально-оценочного (оценка и отношение), 3) ценностно-смыслового (значимость для себя) и 4) поведенческого (активность в преобразовании характеристик тела)» (Бонкало, 2021).

Авторы отмечают, что при изучении сущности и структуры образа телесного «Я» у лиц с различными физическими травмами существует взаимосвязь между показателями степени искажения в восприятии своих телесных характеристик, уровня их принятия, адекватности притязаний и активности по их преобразованию и показателями самоотношения личности, ее самоуважения и уверенности в себе (Бонкало, 2021; Rabon, et al. 2019; Salo, et al. 2015; Steen, et al. 2021).

Созвучны с результатами исследования и выводы к которым пришла Труфанова С.И. Так, в ее работе отмечается наличие 5 основных видов манифестаций направленных на выраженность определенного отношения к телесности и трансформации телесности: 1) границы и функции тела; 2) субъективная удовлетворенность телом, собой, жизнью и самочувствием; 3) отношение к своему телу - внимание и интерес; 4) отношение к трансформации тела; 5) образ своего тела. В каждом блоке представлены три составляющих отношения к телесности: когнитивный, эмоционально-поведенческий и конативный, тождественные теоретическим основам (Труфанова, 2017)

Результаты, полученные в ходе представленного выше исследования, находят подтверждение и в работах других авторов. Так Kelley, Bravo, Davies, Hamrick, Vinci, Redman (2019) считают, что с когнитивной точки зрения людей, переживших травму, часто мучают мысли, отражающие крайне негативные глубинные убеждения о себе, вызывая формирование негативного образа «Я». С соматической точки зрения недавние исследования все чаще указывают на то, что травма может оставить неизгладимые соматические нарушения, которые значительно нарушают самоощущение, самовосприятие и самоотношение личности (Kelley et al., 2019). Здесь Kelley и соавторы обнаружили, что две трети случаев трансформационных процессов самоотношения при наличии посттравматического стрессового расстройства (ПТСР) среди военнослужащих пропускаются, поскольку контрольный

список проявлений ПТСР для диагностического и статистического оценивания осуществляется в соответствии с DSM-5. Большинство военнослужащих с ПТСР сообщают о соматически обусловленных изменениях в отношении самоощущения, и связанные с ним нарушения идентичности (Forkus et al., 2019). В рамках настоящего исследования эти данные подчеркивают значимость исследования трансформации самоощущения после перенесенной травмы, как на когнитивном, так и соматическом уровне, поскольку 90% военнослужащих отмечают наличие данных изменений (Бонкало, 2023; Lanius et al., 2020; Daneshvar et al., 2020; Meyer et al. 2019).

В результате исследования трансформации образа физического «Я» как фактора адаптивного ресурса личности спортсменов, получивших тяжелые физические травмы Карташев В.П., Гольцов А.В., Иванова О.С., Семиряжко М.С. пришли к заключению, что существует прямая корреляционная связь между удовлетворенностью своим телосложением и степенью тяжести депрессивных состояний, тревоги и субъективности чувство одиночества, уровня надежды на выздоровление, жизненной активностью и степенью переживания экзистенциальных проблем, вызванных перенесенной травмой.

При изучении отношения к различным аспектам своей жизни и специфике формирования чувства вины у военнослужащих с различного рода ранениями, были найдены сопряженные исследования, подтверждающие на эмпирическом уровне выявленные закономерности (Карташев, Гольцов, Иванова, Семиряжко, 2021; Полушина, Рамазанов, 2022; Скляно, 2020; Баксанова, Обедин, Карпов, 2022; Масляков, Полиданов, Сидельников, Кокарева, 2023; Кадыров, Родникова, 2022; Saraiya, Lopex-Castor, 2016; Faccini, Gazzillo, Gorman, De Luca, Dazzi, 2020; Li, et al. 2019).

В исследовании Серкина В.П. приводится описательная характеристика трансформации образа мира и образа жизни у военнослужащих, которые перенесли психотравмирующие обстоятельства (Серкин, 2016). Автор указывает на необратимость изменений в этих сферах и предлагает их рассматривать как базисные представления в рамках разработки реабилитационных программ (Серкин, 2023).

В исследовании Вильдгрубе С.А., Крамаренко Е.В., Фирсова Г. М описывается негативное влияние поврежденного в результате травмы Образа тела на качество жизни, что также подтверждает результаты настоящего исследования (Вильдгрубе, Крамаренко, Фирсова, 2020, с. 45). Похожие результаты можно увидеть и в зарубежных исследованиях (Woodfin, Molde, Dundas, Binder, 2021; Braun, Park & Gorin, 2016; Gawande & Schuman-Olivier, 2022).

Заключение

Для лиц, принимавших участие в военных действиях, жизнь делится на два этапа: «до» и «после». Зачастую львиная доля всех, кто перенес травмирующий опыт, имеют не только физические, но и психологические травмы.

Самооценка и самоотношение – базисные составляющие для реабилитационных мероприятий и психологического сопровождения личности, переживших травмирующую жизненную ситуацию.

В ходе исследования на статистическом уровне было установлено, что существуют различия в выраженности параметров самооценки и самоотношения у лиц, получивших травмы и увечья различной степени тяжести. У лиц, получивших увечья средней и тяжелой форм, отношение к различным аспектам своей жизни и специфика формирования чувства вины будут отличаться от лиц, перенесших операции по ампутации конечностей.

Литература

- Баксанова, Д. Р., Обедин, А. Н., Карпов С. М. (2022). Состояние психического здоровья участников военно-боевых действий. *Военная и тактическая медицина, медицина неотложных состояний*, 4(7), 18–20. <https://doi.org/10.55359/2782-3296.2022.93.64.004>
- Бонкало, Т.И. (2021). Трансформация образа телесного «Я» в структуре самосознания и самоотношения лиц с нарушениями опорно-двигательного аппарата. *ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ*, 8(152). <https://doi.org/10.25629/НС.2021.08.10>
- Бонкало, Т. И. (2023). *Посттравматическое стрессовое расстройство: Дайджест*. Научно-исследовательский институт организации здравоохранения и медицинского менеджмента Департамента здравоохранения города Москвы.
- Бонкало, Т.И. (2023). *Комплексная реабилитация участников специальной военной операции на Украине: дайджест январь-февраль 2023* [Электронный ресурс]. ГБУ «НИИОЗММ ДЗМ».
- Вильдгрубе, С. А. Крамаренко Е. В., Фирсова Г. М. (2020). Особенности психологического и физического компонентов "я" - концепции личности при ПТСР. *Вестник неотложной и восстановительной хирургии*, 5(3), 32–47.
- Масаева, З. В. (2008). Социально-психологическая ситуация в Чеченской республике после завершения длительных военных действий. *Северо-кавказский психологический вестник*. 6(1), 22–27. EDN SIVZRP
- Кадыров, Р. В., Родникова Е. А. (2022) Вина выжившего в психотерапии ПТСР. *Личность в экстремальных условиях и кризисных ситуациях жизнедеятельности*, 12, 10–23.
- Карташев, В. П., Гольцов, А. В., Иванова, О. С., Семиряжко, М. С. (2021). Образ физического "я" как фактор адаптивного ресурса личности спортсменов, получивших тяжелые физические травмы. *ТипФК*, 7.
- Масляков, В. В., Полиданов, М. А., Сидельников, С. А., Кокарева, А. А. (2023). Динамика эмоционального состояния участников специальной-военной операции после оказанной медико-психологической помощи в условиях вооруженного конфликта. *Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования*, 12(9–1), 81–89. <https://doi.org/10.34670/AR.2023.24.24.012>
- Пантилеев, С. Р. (2001). *Самоотношение как эмоционально-оценочная система*. Изд-во МГУ.
- Полушина, О. Б., Рамазанов, М. В. (2022). Особенности военной травмы раненых военнослужащих, выполнявших задачи в ходе специальной военной операции. *Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии*, 3(20), 59–62.
- Романова, М. С. (2024). Трансформация параметров волевой саморегуляции и доминирующего психического состояния у военнослужащих с ампутациями в

- результате перенесенной инцидентной ситуации. *Инновационная наука: психология, педагогика, дефектология*, 7(1), 78–87. <https://doi.org/10.23947/2658-7165-2024-7-1-78-87>.
- Сарджвеладзе, Н. И. (2003). *Самоотношение личности*. Психология самосознания: хрестоматия. Д. Я. Райгородская (ред.). Самара.
- Серкин В. П. (2016). Изменение представлений о себе, своем образе мира и образе жизни при переживании экстремальной ситуации. *Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке*, 51(3), 75–83.
- Серкин, В. П. (2023). Методологическая схема работы с посттравматическим стрессовым расстройством ПТСР военнослужащих: новые образ мира и образ жизни. *Вестник Московского государственного университета технологий и управления имени К.Г. Разумовского (Первый казачий университет). Серия прикладных научных дисциплин*, 1, 128–142.
- Склячко, В. В. (2020). Адаптации участников боевых действий к мирной жизни. *Вестник Луганской академии внутренних дел имени Э. А. Дидоренко*, 2(9), 243–251.
- Столин, В. В. (1983). *Самосознание личности*. Изд-во МГУ.
- Труфанова, С. И. (2017). Сравнительный анализ трансформации отношения к Я-физическому у пациентов ампутированной и эстетической хирургии. *Общество: социология, педагогика, психология*, 2, 48–54.
- Braun, T. D., Park, C. L., & Gorin, A. (2016). Self-compassion, body image, and disordered eating: A review of the literature. *Body Image* 17, 117–131. <https://doi.org/10.1016/j.bodyim.2016.03.003>
- Daneshvar, S., Shafiei, M., & Basharpour, S. (2020). Group-based compassion- focused therapy on experiential avoidance, meaning-in-life, and sense of coherence in female survivors of intimate partner violence with PTSD: a randomized controlled trial. *Journal of Interpersonal Violence*. <https://doi.org/10.1177/0886260520958660>
- Faccini, F., Gazzillo, F., Gorman, B. S., De Luca, E., & Dazzi, N. (2020). Guilt, shame, empathy, self-esteem, and traumas: New data for the validation of the Interpersonal Guilt Rating Scale-15 Self-Report (IGRS-15s). *Psychodynamic Psychiatry*, 48, 79–100.
- Forkus, S. R., Breines, J. G., & Weiss, N. H. (2019). PTSD and alcohol misuse: examining the mediating role of fear of self-compassion among military veterans. *Psychological Trauma: Theory, Research, Practice, and Policy*, 12, 364–372. <https://doi.org/10.1037/tra0000481>
- Gawande, R., & Schuman-Olivier, Z. (2022). "Today I Can Look in the Mirror and Like Myself": Effects of a Trauma-Informed Mindful Recovery Program on Self-Compassion. *Frontiers in Psychology*, 13, 780383. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2022.780383>
- Kelley, M. L., Bravo, A. J., Davies, R. L., Hamrick, H. C., Vinci, C., & Redman, J. C. (2019). Moral injury and suicidality among combat-wounded veterans: The moderating effects of social connectedness and self-compassion. *Psychological Trauma: Theory, Research, Practice, and Policy*, 11, 621–629. <https://doi.org/10.1037/tra0000447>
- Lanius, R., Terpou, B., & Mckinnon, M. (2020). The sense of self in the aftermath of trauma: Lessons from the default mode network in posttraumatic stress disorder. *European Journal of Psychotraumatology*, 11, 1807703. <https://doi.org/10.1080/20008198.2020.1807703>
- Li, J., Tendeiro, J. N., & Stroebe, M. (2019). Guilt in Bereavement: Its Relationship with Complicated Grief and Depression. *International Journal of Psychology*, 54(4), 454–461.
- Meyer, E. C., Szabo, Y. Z., Frankfurt, S. B., Kimbrel, N. A., DeBeer, B. B., & Morissette, S. B. (2019). Predictors of recovery from post-deployment posttraumatic stress disorder symptoms in war veterans: The contributions of psychological flexibility, mindfulness, and self-compassion. *Behaviour Research and Therapy*, 114, 7–14. <https://doi.org/10.1016/j.brat.2019.01.002>
- Potapov, M. V., Kipiani, A. Y. (2011). Psychology of Safety and Resistance to Terrorism. *Psychology in Russia: State of the Art*, 4, 371–382.

- Rabon, J. K., Hirsch, J. K., Kaniuka, A. R., Sirois, F., Brooks, B. D., & Neff, K. (2019). Self-compassion and suicide risk in veterans: when the going gets tough, do the tough benefit more from self-compassion? *Mindfulness*, *10*, 2544–2554. <https://doi.org/10.1007/s12671-019-01221-8>
- Salo, O., Lindberg, M. & Stenius, J. (2015). *Psychological Trauma*. Duodecim.
- Saraiya, T., & Lopex-Castor, T. (2016). Ashamed and afraid: a scoping review of the role of shame in post-traumatic stress disorder (PTSD). *Journal of Clinical Medicine*, *5*. <https://doi.org/10.3390/jcm5110094>
- Steen, M. P., Di Lemma, L., Finnegan, A., Wepa, D., McGhee, S. (2021). Self-compassion and veteran's health: A scoping review. *Journal of Veterans Studies*. *7*, 86–130. <https://doi.org/10.21061/jvs.v7i1.219>
- Woodfin, V., Molde, H., Dundas, I., & Binder, P.-E. (2021). A Randomized Control Trial of a Brief Self-Compassion Intervention for Perfectionism, Anxiety, Depression, and Body Image. *Frontiers in Psychology*, *12*, 751294. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2021.751294>

Поступила в редакцию: 01.02.2024

Поступила после рецензирования: 12.08.2024

Принята к публикации: 12.08.2024

Заявленный вклад авторов

Марина Сергеевна Романова – планирование исследования, анализ литературы, подготовка и написание текста статьи, статистическая обработка данных, описание и анализ результатов, окончательное утверждение версии для публикации.

Анастасия Васильевна Гришина – критический пересмотр методологии статьи, критический пересмотр содержания статьи.

Информация об авторах

Марина Сергеевна Романова – магистр психологии, соискатель 2 этапа по направлению 5.3.1 «Общая психология» кафедры «Общая и консультативная психология», Донской государственной технической университет, Ростов-на-Дону, Российская Федерация; Researcher ID: JOK-0350-2023, Author ID: 1207932, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-0016-9052>; e-mail: marinavromanova@yandex.ru

Анастасия Васильевна Гришина – кандидат психологических наук, Региональный научный центр Российской академии образования в Южном федеральном округе (ЮРНЦ РАО), Ростов-на-Дону, Российская Федерация; ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-4005-8744>, e-mail: avgrishina.donstu@gmail.com

Информация о конфликте интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Научная статья

УДК 159.9

<https://doi.org/10.21702/rpj.2024.3.3>

Виктимные типы личностей и их проявление у пожилых людей

Татьяна П. Будякова^{*} , Екатерина В. Михеева

Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, Елец, Российская Федерация

*Почта ответственного автора: budyakovaelez@mail.ru

Аннотация

Введение. В юридической психологии практически не изучены пожилые типы жертв правонарушений, что снижает эффективность мер психологической профилактики преступности в отношении этой части населения. **Методы.** Участники исследования в количестве 50 человек – люди пожилого возраста от 55 до 74 лет. В качестве материалов кейсов использовались материалы судебной и оперативно-следственной практик. Это позволило проанализировать факты виктимизации, которые не афишируются в автобиографической информации. В эмпирическом исследовании были применены кейс-метод и биографическое интервью, а также содержательный контент-анализ, метод описательной статистики и t-критерий Стьюдента. **Результаты.** В исследовании доказывалась гипотеза о том, что виктимность не обусловлена напрямую типом личности пожилого человека. В разных условиях один и тот же тип личности может как способствовать виктимизации, так и нейтрализовать ее. Эта гипотеза была доказана частично. Она полностью подтвердилась для таких типов личности, как агрессивный, пассивный, активный, инициативный и нейтральный, но не подтвердилась для одного типа личности (по терминологии Д. В. Ривмана): не критичный. **Обсуждение результатов.** Антивиктимная личность в нашем понимании – это личность, владеющая разными способами поведенческих реакций и способная выбрать адекватный в виктимологическом смысле ответ на предкриминальную ситуацию вне зависимости от типичного для нее способа реагирования в иных социальных ситуациях.

Ключевые слова

пожилой возраст, виктимная личность, антивиктимная личность, типы жертв, криминальные ситуации, типология Ривмана

Финансирование

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00306, <https://rscf.ru/project/23-28-00306/> «Концептуальные основы функционирования и развития антивиктимной личности в пожилом возрасте».

Для цитирования

Будякова, Т. П., Михеева, Е. В. (2024). Виктимные типы личностей и их проявление у пожилых людей. *Российский психологический журнал*, 21(3), 34–51. <https://doi.org/10.21702/rpj.2024.3.3>

Введение

С точки зрения виктимологической (*victima* (лат.) – жертва, виктимология – учение о жертве) безопасности пожилые люди находятся в группе риска (Денисов, Харламов, 2022), что обуславливает теоретическую и практическую актуальность исследований личности пожилого человека в юридической психологии.

В изучении психологической специфики виктимизации представителей поздних возрастов есть пробелы, которые порождают проблемы в разработке психологических рекомендаций по предупреждению правонарушений в отношении пожилых людей.

Типологии жертв в виктимологии

Исторически в виктимологии исследование типологий жертв велось в двух направлениях.

Первое направление – это изучение генезиса преступления, истории развития отношений жертвы и преступника. В этом направлении выделяется два типа жертв: жертва-преступник и преступник-жертва. Жертва-преступник – это первичная жертва, которую спровоцировала на преступление вторичная жертва своим противоправным или аморальным поведением (например, было совершено убийство в ответ на тяжкое оскорбление). Преступник-жертва – это как раз вторичная жертва, то есть преступник, ставший жертвой из-за своего аморального или преступного поведения (Corbi et al., 2012; McCarthy, 2021; Репецкая, 2010). Такая типология отражает психологические механизмы преступления, однако не

учитывает другие варианты событий (например, когда жертва не мстит). В целом, описанная выше типология, в первую очередь включает юридические критерии, а именно юридический статус участника правонарушения (преступник, потерпевший) и их роль в механизме преступления, но только формально указывает на наличие у участников правонарушений психологических особенностей. Тоже относится и к другим виктимологическим типологиям, в них качестве мереологических оснований для выделения типов жертв, как правило, используются или юридические, или социологические признаки (Мироненко, 2022). Пожилой человек в рамках этих исследований рассматривался как особая жертва, более склонная к виктимизации (Варчук, Вишневецкий, 2019).

Второе направление исследований типологий жертв, уже в рамках криминальной психологии, посвящено изучению виктимной личности – личности, склонной стать жертвой. Исследователи установили психологические характеристики виктимной личности: низкая самооценка, недостаточный самоконтроль, приводящий к рискованному образу жизни и импульсивности реакций (Gottfredson & Hirschi, 2019; Nakagawa, 2019), доминирование негативных эмоций, снижающих самоконтроль (Denson et al., 2011), краткосрочное мышление, понимаемое как неспособность рассматривать долгосрочные последствия своих потенциальных действий (Kübel, Deitzer, Frankenhuis, & Ribeaud, 2023). В рамках этого направления выделялись отдельные типы жертв, но не создавалось типологий. К примеру, тип жертвы, у которой доминирует краткосрочное мышление, получил название «Недальновидная жертва». Примером «недальновидных жертв» выступают жертвы финансовых афер, движимые погоней за немедленными выгодами (Kübel et al., 2023).

Психологические особенности пожилых жертв

Исследования психологических особенностей пожилых жертв были сконцентрированы вокруг когнитивных ресурсов пожилого человека – изучались проблемы нарушения критичности мышления при оценке опасности ситуации (Ярославцева, Дорохина, 2016). Была попытка изучения характерологических особенностей пожилых людей – часть черт характера формируется или приобретает акцентуированный вариант именно в пожилом возрасте, что определяет процессы виктимизации в позднем онтогенезе. Так, по мнению некоторых исследователей, в пожилом возрасте актуализируется жалостливость, что делает пожилых уязвимыми к виктимологическим вызовам (Dimitrakopoulou, 2023).

В криминальной психологии исследовался общий тип: «пожилая жертва», но не ставился вопрос о вариантах этого типа в позднем онтогенезе, не было описано развернутой типологии потенциальных жертв пожилого возраста. Чаще всего выявлялись условия, при которых пожилые люди наиболее часто подвергались виктимизации. Выделялись, например, жертвы жестокого обращения в домах престарелых (Schiamberg et al., 2011; Griffiore et al., 2009) и жертвы насилия в семье (Schiamberg & Gans, 2000; Zhu et al., 2000). В русле этих исследований был выделен

психологический тип «Потрясенный старик» (Bugelli et al., 2023). Этот тип – скорее продукт виктимизации, чем тип личности пожилого человека, способствовавший ей. Речь идет о пожилых людях, которым потребовалась психологическая или психиатрическая помощь после перенесенных издевательств.

В части исследований пожилого возраста используется модель личности, предложенная Г. Айзенком, в которой типы личностей различаются по параметрам экстраверсии/интроверсии и нейротизма. Однако эта модель применяется к пожилым людям, в основном, в ситуациях наличия пограничных психических расстройств и не позволяет выделить специфику личностных реакций в норме (Su et al., 2018).

Типология жертв Д.В. Ривмана

Следует отметить, что в российской науке изучение личности жертв преимущественно происходило в одной из отраслей права, виктимологии. Именно в виктимологии была выполнена значительная часть научных работ по описанию психологических типов жертв правонарушений. Это наложило специфический отпечаток на эти исследования, поскольку психологические типы, в том числе типы пожилых жертв, конструировались на основе обобщенных эмпирических описаний. Однако эти типологии были взяты за основу при проведении изысканий в области психологии безопасности (Малкина-Пых, 2022).

Наиболее известная в российской науке психологическая типология жертв преступлений предложена виктимологом Д. В. Ривманом. Д. В. Ривман описал шесть типов жертв преступлений: «агрессивная», «пассивная», «инициативная», «активная», «некритичная» и «нейтральная». Так, психологическая способность становиться жертвой преступления у агрессивного типа личности актуализируется из-за конфликтного поведения такой жертвы, а пассивный тип личности превращался в жертву из-за того, что не захотел дать отпор преступнику, не решился вступить с ним в конфликт. Инициативная жертва демонстрирует социально оправданный тип поведения, но становится жертвой из-за настойчивых требований к окружающим вести себя в соответствии с предписаниями закона или морали. Активная жертва проявляет активность, недооценивая опасность ситуации, а некритичный тип в принципе не способен оценить опасность ситуации (малолетние жертвы, умственно отсталые жертвы, пожилые и др.). Пожилые жертвы с точки зрения данной типологии обычно относятся или к пассивному, или к некритичному типу (Ривман, 2002).

Междутем в российской виктимологии в принципе доминируют социологические и статистические подходы в изучении преступности в отношении пожилых людей. Чаще всего составляется статистический портрет пожилой жертвы на основании ее социологических характеристик (пола, профессионального и семейного статусов, места жительства и др.) и на этом основании делается вывод о психологическом типе жертв (Репецкая, 2010), что явно недостаточно для проведения качественной профилактики преступлений, жертвами которых могут стать пожилые люди. По мнению П.А. Кабанова (2016), необходимо активизировать исследования пожилых

жертв и начать разработку частной виктимологической теории: «криминальной виктимологической геронтологии». Разработка такой теории, как минимум, потребует дальнейшего изучения психологических типов личностей в позднем онтогенезе.

Как альтернатива теориям виктимной личности, доминирующим как в криминальной психологии, так и в виктимологии, была предложена концепция антивиктимной личности. Ее авторы исходили из того, что виктимная личность – это продукт психологической неготовности человека противостоять криминальным и иным вызовам. Антивиктимная личность – это личность, обладающая психологическими ресурсами для того, чтобы нейтрализовывать виктимологические угрозы (Будякова, Батуркина, Нижник, 2023). В то же время характеристики антивиктимной личности в пожилом возрасте требуют специального исследования.

В типологии Д. В. Ривмана, приведенной выше, были описаны фактически виктимные типы личностей, хотя сам автор и не применял этот термин. Однако, мы полагаем, что те же психологические характеристики, по которым формально выделялись типы виктимных личностей, могут быть показателями и антивиктимной личности, если их правильно реализовывать в предкриминальной ситуации.

Отсюда мы сформулировали следующую **цель** нашего исследования: выявить пробелы и противоречия в существующей психологической типологии жертв правонарушений Д. В. Ривмана.

Для реализации этой цели нам нужно было решить задачу эмпирического выявления антивиктимных способов противодействия виктимизации в пожилом возрасте у разных типов жертв по типологии Д. В. Ривмана.

Методы

Выборка: в исследовании приняли участие 50 человек, из них 10 мужчин и 40 женщин в возрасте от 55 до 74 лет.

Гипотеза исследования: виктимность не обусловлена напрямую типом личности, описанным в типологии Д.В. Ривмана. В разных условиях один и тот же тип личности может как способствовать виктимизации, так и нейтрализовывать ее. Антивиктимная личность может использовать каждый тип поведения, сформулированный Д.В. Ривманом, для того чтобы избежать виктимизации.

Обоснование исследования. Для того, чтобы выделить поведенческие особенности как виктимной, так и антивиктимной личностей в пожилом возрасте, мы решили использовать в качестве исходного материала типологию жертв, разработанную Д.В. Ривманом (2002). В основу его типологии положен психологический критерий – тип поведения, в основе которого лежит какая-то доминирующая черта характера: агрессивность, пассивность, инициативность, активность или не критичность, определяющая поведение в предкриминальной ситуации.

Основная идея нашего эмпирического исследования заключалась в том, что не тип жертвы предопределяет факт виктимизации, а условия предкриминальной ситуации. Условия предкриминальной ситуации могут активизировать как виктимный, так и антивиктимный ответ. Так, агрессивная потенциальная жертва может избежать виктимизации, если потенциальный преступник не заинтересован в дополнительных проблемах, обусловленных сопротивлением жертвы. В таком случае агрессивность при определенных обстоятельствах выступает антивиктимным свойством личности. Пассивная жертва будет в более привилегированном положении, например, в случае захвата заложников, так как не будет вступать в конфликт с захватчиками, не будет побуждать их к криминальным действиям в отношении себя. Отсюда можно предположить, что у пассивной жертвы в данном случае будет больше шансов выжить.

Антивиктимная личность, согласно разрабатываемому нами подходу, – это личность, умеющая выбрать в предкриминальной ситуации правильный тип реакции. В одних случаях это должна быть агрессия, в других – нейтральность, в третьих – активность и т.д.

Методы исследования: кейс-метод и биографическое интервью. В ходе интервью респондентов просили вспомнить ситуации, когда они, уже будучи в пожилом возрасте, становились жертвами правонарушений, независимо от того, обращались ли они за защитой в правоохранительные органы. Кроме того, мы просили вспомнить случаи из их биографий, когда они в пожилом возрасте смогли эффективно избежать виктимизации, то есть не стали жертвой правонарушения, несмотря на подходящие условия. Далее мы делали психологический анализ биографических фактов, озвученных в интервью, и выявляли доминирующий в предкриминальной ситуации тип поведения, позволивший в одних случаях избежать виктимизации, в других – стать жертвой правонарушения.

Для эмпирической части исследования мы также отобрали кейсы, содержанием которых стали реальные случаи из судебной и оперативно-следственной практик, когда жертвой преступления становился пожилой человек.

С помощью контент-анализа полученных текстов интервью и кейсов из юридической практики мы выделяли тип поведения жертвы в предкриминальной ситуации и, соответственно, доминирующую черту характера жертвы, обусловившую факт виктимизации или ее нейтрализацию.

Методы обработки результатов исследования: метод описательной статистики, t-критерий Стьюдента и содержательный контент-анализ.

Результаты

Ниже на рисунках 1–2 мы представили результаты биографического интервью.

Рисунок 1

Доминирование черт характера пожилого человека в ситуации виктимизации

Рисунок 2

Доминирование черт характера пожилого человека в ситуации избегания виктимизации

Согласно полученным данным, в исследуемой выборке наиболее типичными чертами характера, способствовавшими виктимизации, стали пассивность (30% случаев) и агрессивность (25% случаев). Однако именно пассивность в 52,5% случаев и агрессивность в 30% случаев стали и барьерами виктимизации.

Сравнительный анализ с использованием t-критерия Стьюдента не выявил статистически значимых различий в проявлениях способов реагирования пожилых людей в ситуациях виктимизации и успешного избегания виктимизации (см. табл. 1).

Таблица 1

Сравнение доминирующих типов поведения в ситуациях виктимизации и избегания ее

Показатели	Респонденты, проявившие виктимность	Респонденты, проявившие антивиктимность	d	d ²
Агрессивность	10	12	-2	4
Пассивность	12	21	-9	81
Нейтральность	11	10	1	1
Инициативность	8	6	2	4
Некритичность	9	1	8	64

Примечание. $t_{эмп} = 0$, $t_{кр 0,01} = 4,6$, $t_{эмп} < t_{кр 0,01}$

Следовательно, наша гипотеза о том, что виктимность не обусловлена напрямую типом личности пожилого человека, подтверждается. Уровень значимости при этом составляет 0,01.

В таблице 2 мы представили некоторые кейсы, иллюстрирующие как виктимное, так и антивиктимное поведение жертвы с опорой на агрессивный ответ в предкриминальной ситуации.

Таблица 2

Доминирование агрессивности как черты характера в предкриминальной ситуации

Кейсы (варианты виктимного поведения)	Кейсы (варианты антивиктимного поведения)
<p>Пожилая женщина, возмущенная громкой музыкой из квартиры соседей, подошла к их двери и стала бить по ней ногой, громко ругаясь и грозя вызвать полицию. В ответ соседи позже тайно заклеили замочную скважину на ее двери клеем, то есть совершили порчу ее имущества (из материалов интервью).</p>	<p>Семья переехала в другой дом из-за соседки-пенсионерки, которая постоянно писала жалобы на нарушение ими режима тишины в ночное время и активно осуждала их поведение в общении с другими соседями (из материалов интервью).</p>
<p>Две девушки проникли в дом пожилого мужчины, потребовали у него ценные вещи. Поскольку тот оказал агрессивное сопротивление, они его избили и привязали к кровати. Дедушка жил один и только случайно не умер от голода и жажды, так как не смог самостоятельно освободиться от веревок. Случайно зашел почтальон и вызвал полицию (из материалов судебной практики).</p>	<p>Пожилой мужчина после того как молодой мужчина ударил ногой по его машине выскочил из нее и стал бить пешехода. Пешеход не стал развигивать конфликт с пожилым водителем, побоялся его агрессии (из материалов сети Интернет, URL: https://fishki.net/auto/2372170-derzkij-ded-otovaril-voditelja-kruzaka.html)</p>
<p>Пожилая женщина, возмущенная тем, что дети, играя во дворе, бросают мяч на клумбу, за которой она ухаживала, громко и резко негативно оценила поведение детей. Дети пожаловались родителям. Отец одного из детей с оскорблениями в адрес соседки попытался сломать дверь в ее квартиру (из материалов интервью).</p>	<p>Пожилой мужчина с ломом не пустил машину ехать по дороге возле его дома, так как считал, что большой транспорт разрушает дорогу. Несмотря на то, что у водителя было большое желание выйти и избить пенсионера, он побоялся, что тот ломом покалечит машину (из материалов сети Интернет, https://www.youtube.com/watch?v=8HRCeUyPFw8).</p>

Как видно, агрессия пожилого человека в одних случаях способствовала развитию конфликта, в других – помогла его нейтрализовать.

Рассмотрим далее пассивность как доминирующую черту характера в контексте виктимизации пожилых людей. В таблице 3 мы представили некоторые кейсы, подтверждающие это.

Таблица 3

Доминирование пассивности как черты характера в предкриминальной ситуации

Кейсы (варианты виктимного поведения)	Кейсы (варианты антивиктимного поведения)
Сын систематически отбирал пенсию у пожилых родителей, те голодали, но не обращались в полицию, не желая «выносить сор из избы», и позже скончались от истязаний, полученных от сына (из материалов судебной практики).	Грабители напали на пожилую женщину, которая одна работала на отдаленном от жилых домов земельном участке. Они отобрали у нее тележку для вывоза садовой продукции, ее саму не тронули, так как она только плакала, но не оказала сопротивления (из материалов интервью).
Сын приводил в дом пожилой матери шумные компании, а на ее возражения грозил ее изнасиловать. Мать из-за стыда не жаловалась соседям. Позже сын причинил тяжкий вред ее здоровью (из материалов судебной практики).	Двое молодых людей на кладбище раздели и отобрали другое имущество у пожилого мужчины, тот не оказал сопротивления, выполнил все требования грабителей, поэтому остался жив (из материалов судебной практики).

Характерно, что в приведенных в табл. 2 случаях антивиктимного поведения жертвы сознательно выбрали вариант пассивности, хотя она, согласно материалам уголовных дел, не была их типичным характерологическим свойством. Двое, участвовавших в исследовании (мужчина и женщина), рассказали нам, как они, обладая резким характером, специально тренировали варианты невступления в конфликт, чтобы окончательно не разрушать отношения с теми, кто причинял им вред.

Активный тип потерпевшего по Д. В. Ривману (2002) – это тип, который сам сознательно провоцирует причинение себе вреда. Типичными представителями этого типа являются жертвы криминальных абортот, уклонисты от армии и преступники, которым причинили вред при задержании. В нашем интервью не был выделен активный тип жертвы, возможно потому что респонденты не хотели признаваться в нарушении закона. Однако такие случаи описаны в оперативно-следственной практике, примеры из которой мы привели в табл. 4.

Таблица 4

Доминирование активности как черты характера в предкриминальной ситуации

Кейс (вариант виктимного поведения)	Кейс (вариант антивиктимного поведения)
Пожилым мужчиной на остановке общественного транспорта приставал к молодым женщинам. Если женщины реагировали негативно, то он пытался их оскорбить или ударить. В результате его избил молодой мужчина, вступившийся за женщин (из оперативно-следственной практики).	Водители автотранспорта намеренно нарушали правило «сбавить скорость» в определенном месте дороги, поскольку те, кто действовал законопослушно, становились жертвами дорожного грабежа (из оперативно-следственной практики).

Инициативные жертвы по Д.В. Ривману (2002) – это жертвы, которые виктимизируются при исполнении своего служебного долга и в случаях, когда активная жизненная общественная позиция заставляет их действовать в защиту норм права или морали. Как показало наше исследование, пожилые люди становятся инициативными жертвами как в отношениях с посторонними, так и жертвами семейных разборок, когда пытаются воспитывать своих великовозрастных детей. Антивиктимный вариант поведения в таких случаях заключается в умеренности воспитательных воздействий, в дозировании времени такого воздействия и в проявлении уважения к воспитуемому. В табл. 5 представлены варианты как виктимного, так и антивиктимного типа поведения в ситуации доминирования инициативности как черты характера пожилого человека.

Таблица 5

Доминирование инициативности как черты характера в предкриминальной ситуации

Кейсы (варианты виктимного поведения)	Кейсы (варианты антивиктимного поведения)
Пожилая женщина стала свидетелем того, как группа подростков избивала сверстника в подъезде ее дома. Она стала их стыдить и пыталась остановить. Однако подростки избил и ее, она затем несколько месяцев лечилась в больнице (из материалов интервью).	Пожилая женщина рассказала, как она выработала прием сохранения хороших отношений со своей дочерью. Она после реализации воспитательных мероприятий, практически не дожидаясь ответной реакции, говорила: «Давай мириться!» (из материалов интервью).
Пожилым отцом после работы на приусадебном участке стал стыдить сына за то, что тот не нашел постоянной работы, укорял тем, что содержит его. После затянувшейся назидательной беседы сын причинил отцу тяжкий вред здоровью (из материалов судебной практики).	Пожилым отцом, чтобы не стать жертвой ответных действий со стороны сына, просил дочь, у которой были способности убеждения, уладить конфликт, то есть выбирал хорошего медиатора (из материалов интервью).

Некритичность, согласно данным судебной и оперативно-следственной практик, никогда не проявлялась как черта характера, обеспечивающая антивиктимный вариант реакции. Некритичность всегда только способствовала виктимизации (как пример, см. табл. 6, столбец 1). Как показали результаты нашего интервью, чтобы предотвратить виктимизацию, антивиктимное поведение должно блокировать некритичность. Так, некоторые пенсионеры выработали у себя защитную установку: «Ни при каких обстоятельствах не пускать себе в квартиру посторонних людей». В других случаях от виктимизации спасали более критичные родственники, которые, например, регулировали распоряжение деньгами некритичным пожилым человеком (см. табл. 6, столбец 2).

Таблица 6

Доминирование некритичности как черты характера в предкриминальной ситуации

Кейс (вариант виктимного поведения)	Кейс (вариант блокирования некритичного поведения)
В полицию г. Находки обратилась 64-летняя женщина, она сообщила о том, что у неё похитили деньги. Злоумышленница постучала в дверь потерпевшей и попросила стакан воды, сославшись на то, что ей стало плохо и нужно запить таблетки. Воспользовавшись тем, что хозяйка квартиры отлучилась на кухню, она похитила из сумки все наличные деньги, после чего скрылась (из материалов следственной практики).	Пожилкой женщине позвонили злоумышленники и сказали, что ее дочь арестована и находится в отделении полиции. Для того чтобы дочь вернулась домой, женщине надо с курьером передать 300 тысяч рублей. Пенсионерка ответила, что не может отдать деньги, так как она всегда пенсию отдает дочери и не знает, где она прячет деньги (из материалов интервью).

Обсуждение результатов

Наше и теоретическое, и эмпирическое исследования не подтвердили выводов Д.В. Ривмана (2002) о том, что агрессивный тип жертвы не характерен для пожилых людей. Западные психологические исследования также показывают, что агрессия не является нетипичным поведением в пожилом возрасте. Агрессия пожилых, как отмечают S.G. Ravyts et al. (2021), не является также безобидной, часто именно она становится причиной жестокого обращения с пожилыми людьми, в том числе в домах престарелых (Josefsson & Ryhammar, 2010).

Принципиально оценивая все типы жертв, описанные в типологии Д. В. Ривмана, как личностей с непродуктивным поведением, И. Г. Малкина-Пых (2022) предложила дополнить типологию еще одним типом – «социально-приемлемым», который, на ее взгляд, способен на продуктивное поведение в предконфликтной ситуации, позволяющее избегать виктимизации. Данная идея заслуживает внимания, однако фактически она не была реализована теоретически, так как не было

концептуального обоснования того, по каким правилам должно реализовываться поведение социально-приемлемого типа. Так, анализ опросника по определению типа поведения в конфликте, опубликованный в книге И. Г. Малкиной-Пых (2022), в котором предложены социально-приемлемые виды реакции на предконфликтную ситуацию, позволяет сделать вывод о том, что социально-приемлемый тип также может при определенных условиях становиться жертвой, например, в силу непредвиденного случая. Все это, на наш взгляд, свидетельство теоретической неразработанности концепта «социально-приемлемый тип жертвы».

При этом наше исследование показало, что использование социально неприемлемого поведения в критических случаях помогает избежать виктимизации. Прежде всего это касается поведения, характерного для агрессивного и пассивного типа жертв. В разных условиях и активность, и пассивность поведения могут как виктимизировать личность, так и стать защитой от виктимизации. Антивиктимная личность в нашем понимании – это личность, владеющая разными способами поведенческих реакций и способная выбрать адекватный в виктимологическом смысле ответ на предкриминальную ситуацию.

Полученные результаты позволяют сделать вывод о том, что не критичность в поведении не может стать антивиктимным качеством личности пожилого человека, поскольку это свойство личности существенно снижает ее защитный потенциал. Мало того, как показывают некоторые исследования, именно не критичность является основным фактором, стимулирующим преступную активность против пожилых людей (Smolík & Čeněk, 2017).

Понимание пожилых людей не только как пассивных жертв, но и как пассивных личностей в целом характерно для социального восприятия пожилых людей (Imran & Bowd, 2023; Weicht, 2013). Особенность пассивных жертв заключается еще и в том, что о совершенном в отношении них преступлениях правоохранительные органы узнают случайно. Так, об истязаниях и побоях соответствующие органы правопорядка получают информацию только в случае обращения пожилых жертв в лечебные учреждения за медицинской помощью. Однако пассивность, как показывает наше исследование, может выступать в ряде случаев и антивиктимным свойством личности.

То же самое актуально и для активных жертв. Подтверждением результатов нашего исследования являются данные других авторов. Так, были описаны активные пожилые жертвы, использующие этот тип поведения для самозащиты. Речь идет о пожилых преступниках, которые обеспечивали свою безопасность за счет своего криминального прошлого (Pageau et al., 2023).

Итогом исследования стали выявленные пробелы и противоречия в типологии правонарушений Д. В. Ривмана. Основным противоречием этой типологии является несоответствие постулата панвиктимности, имплицитно присутствующего в его концепции, требованиям виктимологической профилактики преступности. Постулат панвиктимности – это утверждение о фатальности виктимизации вне

зависимости от типа поведения жертвы. Даже социально приемлемое поведение в ряде случаев, согласно Д.В. Ривману (2002), способно виктимизировать человека. Этот постулат вступает в противоречие с его же требованием обоснования разнообразных методов профилактики, так как в случае фатальности виктимизации психологическая профилактика теряет смысл. В связи с этим, пробелом в теоретическом обосновании психологических типов жертв преступлений у Д. В. Ривмана можно считать отсутствие положений о необходимости формирования спектра, в том числе альтернативных характерологических свойств, для самозащиты от виктимизации. Характерологические свойства личности, поскольку формируются прижизненно, могут быть лабильными, они способны меняться под воздействием обстоятельств или обучения. Другим пробелом данной типологии является недоказанность положения о том, что пожилые жертвы относятся исключительно к некритичным или пассивным типам. Как было указано выше, агрессивность и активность пожилых жертв подтверждена эмпирически. Вторым противоречием типологии Д. В. Ривмана можно считать несоответствие выделенных типов общим правилам составления типологий. Тип «некритичный» выделен по другим основаниям, чем другие типы. Если все типы выделены по критерию доминирования черты характера, то некритичный тип описан по критерию способности рационально оценивать опасную ситуацию. Однако именно из-за ограниченной рациональности у некритичной жертвы затруднена выработка антивиктимного поведения.

Существует множество российских виктимологических исследований с использованием типологии Д. В. Ривмана, однако даже в тех работах, где ставится задача совершенствования данной типологии, просто предлагаются дополнения этой типологии новыми типами жертв (Артемьев, Полищук, 2007).

Основной постулат концепции «идеальной жертвы» заключается в том, что вежливое обращение и доверие заслуживает жертва, имеющая определённый статус. Согласно исследованиям, проведенным в данной парадигме, к наркоманам-жертвам относятся с отвращением, а к пожилым людям – с патерналистским пренебрежением (Inzunza, 2022). В связи с ожиданием некорректного обращения пожилые жертвы так же, как и другие неидеальные жертвы, редко обращаются за защитой своих прав в правоохранительные органы (Brady, 2023). Это свидетельство того, что основным субъектом профилактики преступлений в отношении пожилых людей должна стать сама потенциальная пожилая жертва, что возможно путем развития у нее антивиктимных свойств. Это развитие общей теории самозащиты, когда бремя защиты от правонарушений возлагается не только на государство, но и на саму личность (Allen, 2013).

Заключение

В настоящее время в исследованиях пожилого возраста в рамках концепции заботы о себе обращается внимание на необходимость развития самопомощи у пожилых людей. Однако это касается только физического ухода за собой

(Imaginário et al., 2018; Backman & Hentinen, 2001). Наше исследование показало, что в зоне личной ответственности пожилого человека должна быть и забота о собственной безопасности.

Гипотеза нашего исследования была доказана. Было установлено, что не существует однозначно виктимных и антивиктимных способов поведения в предкриминальной ситуации. Один и тот же тип поведения в конфликте, кроме не критичного, в одних случаях виктимизирует пожилого человека, в других способствует избеганию виктимизации. При этом владение разными способами реакции в конфликте и выбор правильного является показателем антивиктимной личности.

В более широком контексте антивиктимные черты личности можно рассматривать как человеческий капитал в пожилом возрасте. В исследованиях человеческого капитала показано, что психологические достижения и социальный опыт являются его значимой частью. В этих же работах выявлено, что личное благополучие может быть как экономическим, так и неэкономическим по своей природе. При этом неэкономическая выгода – это вклад в развитие личности (Tokas et al., 2023).

Наше исследование раскрыло, что частью человеческого капитала может стать и владение разными способами поведенческих реакций в предкриминальной ситуации и их сознательный выбор в зависимости от особенностей такой ситуации для эффективного обеспечения личной и финансовой безопасности.

Литература

- Артемьев, Н.С., Полищук, Е.Г. (2007). Вопросы типологии жертв преступлений, совершаемых в сфере семейно-бытовых отношений. *Вестник Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина*, 4(17), 82–90.
- Будякова, Т.П., Батуркина, Г.В., Нижник, Г.Н. (2023). *Физическая культура и спорт как предикторы антивиктимной личности*. Монография. Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина.
- Варчук, Т.В., Вишневецкий, К.В. (2019). *Виктимология*. Юнити-Дана.
- Денисов, С.А., Харламов, В.С. (2022). Криминальная виктимность уязвимых категорий населения России. *Право и государство: теория и практика*, 4(208), 185–187.
- Кабанов, П.А. (2016). Жертвы российской преступности: геронтологический аспект. *Виктимология*, 1(7), 9–17.
- Малкина-Пых, И.Г. (2022). *Виктимология. Психология поведения жертвы*. Питер.
- Мироненко, С.Ю. (2022). Классификация и типология личности потерпевших от преступлений против жизни и здоровья. *Виктимология*, 2(9), 175–181.
- Репецкая, Ю.О. (2010). *Виктимологическая характеристика и предупреждение преступлений, совершенных в отношении лиц пожилого возраста* (кандидатская диссертация). Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации, Москва.
- Ривман, Д.В. (2002). *Криминальная виктимология*. Питер.
- Ярославцева, И.В., Дорохина, С.А. (2016). Критическое мышление пожилых людей – жертв мошеннических действий: теоретический и прикладной аспекты исследования. *Известия Иркутского государственного университета. Серия: Психология*, 15, 60–71.
- Allen, W.D. (2013). Self-protection against crime victimization: Theory and evidence from university campuses. *International Review of Law and Economics*, 34, 21–33. <https://doi.org/10.1016/j.irle.2012.11.002>

- Backman, K. & Hentinen, M. (2001). Factors associated with the self-care of home-dwelling elderly. *Scandinavian Journal of Caring Sciences*, 15(3), 195–202. <https://doi.org/10.1046/j.1471-6712.2001.00007.x>
- Brady, P.Q. (2023). Stalking victims' decisions to access victim services: A social ecological approach. *Journal of Criminal Justice*, 87, July–August, 102085. <https://doi.org/10.1016/j.jcrimjus.2023.102085>
- Bugelli, V., Campobasso, C.P., Feola, A., Tarozzi, I., Abbruzzese, A. & Di Paolo, M. (2023). Accidental Injury or “Shaken Elderly Syndrome”? Insights from a Case Report. *Healthcare*, 11(2), 228. <https://doi.org/10.3390/healthcare11020228>
- Corbi, G., Grattagliano, I., Catanesi, R., Ferrara, N., Yorston, G. & Campobasso, C.P. (2012). Elderly Residents at Risk for Being Victims or Offenders. *Journal of the American Medical Directors Association*, 13(7), 657–659. <https://doi.org/10.1016/j.jamda.2012.05.012>
- Denson, T.F., Pedersen, W.C., Friese, M., Hahm, A. & Roberts, L. (2011). Understanding impulsive aggression: Angry rumination and reduced self-control capacity are mechanisms underlying the provocation-aggression relationship. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 37(6), 850–862.
- Dimitrakopoulou, A. (2023). Pity as an element of education for the formation of virtuous citizens. *International Journal of Latest Research in Humanities and Social Science (IJLRHSS)*, 6(1), 114–119.
- Gottfredson, M.R. & Hirschi, T. (2019). *Modern control theory and the limits of criminal justice*. Oxford University Press.
- Griffore, R.J., Barboza, G.E., Mastin, T., Oehmke, J., Schiamberg, L.B. & Post, L.A. (2009). Family members' reports of abuse in Michigan nursing homes. *Journal of Elder Abuse & Neglect*, 21(2), 105–114. <https://doi.org/10.1080/08946560902779910>
- Imaginário, C., Rocha, M., Machado, P., Antunes, C. & Martins, T. (2018). Self-care profiles of the elderly institutionalized in Elderly Care Centres. *Archives of Gerontology and Geriatrics*, 78, 89–95. <https://doi.org/10.1016/j.archger.2018.05.012>
- Imran, M.A. & Bowd, K. (2023). Passivity and exclusion: media power in the construction of the aged-care debate in Australia and Malaysia. *Communication Research and Practice*, 9(2), 121–141. <https://doi.org/10.1080/22041451.2023.2188702>
- Inzunza, M. (2022). The significance of victim ideality in interactions between crime victims and police officers. *International Journal of Law, Crime and Justice*. 68, March, 100522. <https://doi.org/10.1016/j.ijlcj.2021.100522>
- Josefsson, K. & Ryhammar, L. (2010). Threats and violence in Swedish community elderly care Archives of Gerontology and Geriatrics. *Archives of Gerontology and Geriatrics*, 50(1), 110–113. <https://doi.org/10.1016/j.archger.2009.02.010>
- Kübel, S.L., Deitzer, J.R., Frankenhuis, W.E. & Ribeaud, D. (2023). The shortsighted victim: Short-term mindsets mediate the link between victimization and later offending. *Journal of Criminal Justice*, 86, May–June, 102062. <https://doi.org/10.1016/j.jcrimjus.2023.102062>
- McCarthy, R.J., Rivers, A.K., Jensen, A.P., Pawirosetiko, J.S., Jennifer, M. & Erickson, J.M. (2021). The victim-perpetrator asymmetry is stronger in situations where blame is being assigned. *Journal of Experimental Social Psychology*, 96, September, 104164. <https://doi.org/10.1016/j.jesp.2021.104164>
- Nakagawa, Y. (2019). Elderly pedestrians' self-regulation failures and crash involvement: The development of typologies. *Accident Analysis & Prevention*, 133, December, 105281. <https://doi.org/10.1016/j.aap.2019.105281>
- Pageau, F., Cornaz, C.D., Seaward, H., Elger, B.S. & Wangmom, T. (2023). Crime hierarchy, victimization and coping results of a qualitative study on the older incarcerated Person's mental health in Switzerland. *International Journal of Law and Psychiatry*, 87, March–April, 101870. <https://doi.org/10.1016/j.ijlp.2023.101870>

- Ravyts, S.G., Perez, E., Donovan, E.K., Soto, P. & Dzierzewski, J.M. (2021). Measurement of aggression in older adults. *Aggression and Violent Behavior, 57*, March–April, 101484. <https://doi.org/10.1016/j.avb.2020.101484>
- Schiemberg, L.B., Barboza, G.G., Oehmke, J., Zhang, Z., Griffore, R.J., Weatherill, R.P., ... von Heydrich, L. (2011). Elder abuse in nursing homes: An ecological perspective. *Journal of Elder Abuse & Neglect, 23*(2), 190–211. <https://doi.org/10.1080/08946566.2011.558798>
- Schiemberg, L.B. & Gans, D. (2000). Elder abuse by adult children: An applied ecological framework for understanding contextual risk factors and the intergenerational character of quality of life. *Journal of Aging and Human Development, 0*(4), 329–59. <https://doi.org/10.2190/DXAX-8TJ9-RG5K-MPU5>
- Smolík, J. & Čeněk, J. (2017). What troubles our senior citizens? Crime against the elderly in the Czech Republic in 2016. *Kontakt, 19*(1), e36–e42. <https://doi.org/10.1016/j.kontakt.2017.01.004>
- Su, H., Cao, J., Zhou, Y., Wang, L. & Xing, L. (2018). The mediating effect of coping style on personality and mental health among elderly Chinese empty-nester: A cross-sectional study. *Archives of Gerontology and Geriatrics, 75*, March–April, 197–201. <https://doi.org/10.1016/j.archger.2018.01.004>
- Tokas, S., Sharma, A., Mishra, R. & Yadav, R. (2023). Non-Economic Motivations behind International Student Mobility: An Interdisciplinary Perspective. *Journal of International Students, 13*(2), 155–171.
- Weicht, B. (2013). The making of 'the elderly': Constructing the subject of care. *Journal of Aging Studies, 27*(2), 188–197. <https://doi.org/10.1016/j.jaging.2013.03.001>
- Zhu, B.-L., Oritani, S., Kaori Ishida, K., Quan, L., Sakoda, S., Fujita, M.Q. & Maeda, H. (2000). Child and elderly victims in forensic autopsy during a recent 5-year period in the southern half of Osaka city and surrounding areas. *Forensic Science International, 113*(1–3), September, 215–218. [https://doi.org/10.1016/S0379-0738\(00\)00208-5](https://doi.org/10.1016/S0379-0738(00)00208-5)

Поступила в редакцию: 26.02.2024

Поступила после рецензирования: 15.05.2024

Принята к публикации: 12.08.2024

Заявленный вклад авторов

Татьяна Петровна Будякова – разработка дизайна исследования, проведение исследования, подготовка разделов «Введение», «Методы», «Результаты», «Обсуждение результатов».

Екатерина Владимировна Михеева – проведение исследования, обработка полученных данных, математический анализ результатов, подготовка разделов «Результаты», «Литература».

Информация об авторах

Татьяна Петровна Будякова – кандидат психологических наук, доцент, Елецкий государственный университет имени И. А. Бунина, Елец, Российская Федерация; Scopus Author ID: 6504539301; WoS Researcher ID: E-9729–2017, SPIN-код: 4495-2285; ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-1739-837X>; e-mail: budyakovaelez@mail.ru

Татьяна П. Будякова, Екатерина В. Михеева
Виктимные типы личностей и их проявление у пожилых людей
Российский психологический журнал, 21(3), 2024

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ, ФИЛОСОФИЯ И ПСИХОЛОГИЯ

Екатерина Владимировна Михеева – аспирант, Елецкий государственный университет имени И. А. Бунина, Елец, Российская Федерация; WoS Researcher ID: JVZ-9958-2024, SPIN-код: 3286-6739; ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0008-2863-0545>; e-mail: mikhe3vak@yandex.ru

Информация о конфликте интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Научная статья

УДК 159.922

<https://doi.org/10.21702/rpj.2024.3.4>

Психологическое благополучие и ресурсы матерей детей с расстройством аутистического спектра в ситуации вынужденной миграции

Людмила А. Шайгерова¹ , Алексей М. Букиннич^{1,2,3*} ,
Александра Г. Долгих^{1,3} , Татьяна Т. Батышева^{1,2}

¹ ФГБНУ «Федеральный научный центр психологических и междисциплинарных исследований», Москва, Российская Федерация

² ГБУЗ «Научно-практический центр детской психоневрологии ДЗМ», Москва, Москва, Российская Федерация

³ ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова», Москва, Российская Федерация

*Почта ответственного автора: aleksey.bukinich@mail.ru

Аннотация

Введение. В статье проанализированы различные аспекты психологического благополучия и ресурсы матерей детей с расстройством аутистического спектра (РАС), вынужденно покинувших место постоянного проживания. **Методы.** В исследовании приняли участие матери детей с РАС – основная группа (N=18, средний возраст 39,9 лет), проживающая с детьми в пункте временного размещения (ПВР) и контрольная (N = 18, средний возраст 32,9 года). Использовались сокращенная *Шкала депрессии, тревожности и стресса* (Lovibond, Lovibond, 1995), *Многомерная шкала воспринимаемой социальной поддержки* (Zimet et al., 1988), *Частота обращения за помощью к различным категориям* (Ушков и др., 2020), *Модифицированная методика «Семантический дифференциал»* (Молчанов, Алмазова, Поскрёбышева, 2023), *Шкала способов совладания*, *Однопунктовая оценка общей удовлетворенности жизнью*. **Результаты.** Вынужденные мигранты продемонстрировали меньшую удовлетворенность жизнью, более слабое восприятие поддержки со стороны друзей и в целом от разных источников, чаще готовы обратиться за помощью к

группам «вторичной поддержки», реже – к партнерам и друзьям по сравнению с контрольной группой. Между группами не выявлены различия по показателям депрессии, тревожности и стресса, но уровень депрессии и стресса значимо выше у обеих групп по сравнению с популяционными данными. Обнаружены различия во временной перспективе: вынужденные мигранты воспринимают мир в будущем менее сложным по сравнению с контрольной группой. **Обсуждение результатов.** Выявлены особенности психологического благополучия (повышенный уровень стресса и депрессии), обусловленные наличием детей с РАС, характерные для обеих групп, и различия между группами, определяемые ситуацией вынужденной миграции. Важными ресурсами для мигрантов могут выступить позитивный образ мира в будущем, готовность полагаться на поддержку со стороны семьи и группы «вторичной поддержки» и некоторые социо-демографические характеристики (наличие других детей, возраст). **Заключение.** Полученные результаты позволяют уделять особое внимание тем категориям вынужденных мигрантов, которые и ранее находились в группах риска, в том числе, матерям детей с особенностями психического развития.

Ключевые слова

матери детей с расстройством аутистического спектра, депрессия, стресс, тревожность, психологическое благополучие, социально-психологическая поддержка, стратегии совладания, восприятие привлекательности и сложности мира в разные периоды

Финансирование

Работа выполнена при финансовой поддержке проекта Российской Федерацией в лице Минобрнауки России (Соглашение № 075-15-2024-526)

Для цитирования

Шайгерова, Л.А., Букинич, А.М., Долгих, А.Г., Батышева, Т.Т. (2024). Психологическое благополучие и ресурсы матерей детей с расстройством аутистического спектра в ситуации вынужденной миграции. *Российский психологический журнал*, 21(3), 52–74. <https://doi.org/10.21702/rpj.2024.3.4>

Введение

Дети с расстройством аутистического спектра (РАС) сталкиваются с множеством проблем, связанных с коммуникацией, поведением, выражением и пониманием эмоций, самообслуживанием и доступом к различного рода услугам, включая медицинское обслуживание и получение образования (Crowell, Keluskar & Gorecki,

2019). Очевидно, что на близкое окружение таких детей ложится огромная нагрузка, связанная с воспитанием ребенка и обеспечением его потребностей на самых разных уровнях.

В проведенных в разных странах и культурах исследованиях выявлен сниженный уровень психологического благополучия у родителей детей с РАС, что проявляется в ощущении беспомощности, фрустрации, чувстве страха, тревожности и депрессии (Нестерова, Ковалевская, 2015; Padden & James, 2017; Russell et al., 2020; Efstratopoulou et al., 2022; Zovko, Šimleša, Olujić Tomazin, 2024), а также высоком уровне общего стресса (Pisula & Porebowicz-Dörsmann, 2017). Выявлено также, что и для сиблингов детей с РАС характерно повышение тревоги и фрустрации и ухудшение коммуникативных навыков (Гусева, 2017), что, в свою очередь, может сказаться на психологическом благополучии родителей. По сравнению с родителями нормально развивающихся детей, родители детей с РАС часто чувствуют себя в изоляции от окружающих и лишены полноценного общения, а также испытывают недостаток социально-психологической поддержки, которая позволяла бы им справляться с проблемами, отличающимися от проблем родителей нормально развивающихся детей (Karst & Van Hecke, 2012; Yesilkaya & Magallón-Neri, 2024).

Вне зависимости от пола родители детей с РАС испытывают более высокий уровень родительского стресса не только по сравнению с родителями нейротипичных детей, но и по сравнению с теми, чьи дети имеют другие отклонения в психическом развитии (Rodriguez et al., 2019). В исследовании Hou et al. (2018) показано, что более четверти матерей детей с РАС демонстрируют средние или тяжелые симптомы депрессии, тогда как среди матерей детей с другими задержками развития таких лишь 15,6%. В сравнительном качественном и количественном исследовании родительского стресса и стратегий совладания родителей детей с РАС и родителей детей с расстройствами внимания и проблемами обучения показано, что несмотря на сходные источники стресса и в целом повышенный его уровень в обеих группах, он все же выше у родителей детей с РАС, у которых к тому же выявлены проблемы со сном (Chad-Friedman et al., 2022).

Если у отцов уровень родительского стресса зависит от степени тяжести расстройства у ребенка, то матери детей-аутистов вне зависимости от тяжести заболевания ребенка в целом испытывают больший родительский стресс (Soltanifar et al., 2015), а также больше склонны к руминациям (Первушина и др., 2021) по сравнению с отцами. В тех редких исследованиях, где не выявлено значимо повышенного уровня стресса у матерей детей с РАС (например, в проведенном хорватскими учеными исследовании (Zovko, Šimleša, Olujić Tomazin, 2024), скорее всего это может быть связано с особенностями выборки. Например, конкретно в этом исследовании выявлено, что матери имеют достаточный уровень поддержки со стороны окружения, а также выявлены другие защитные факторы, которые помогают им справляться со стрессом.

С целью оказания адекватной психологической помощи и эффективной социальной поддержки детям с РАС и их окружению ведется активный поиск и изучение факторов, способствующих улучшению психологического состояния родителей, а также факторов риска, влияющих на их психологическое благополучие, в первую очередь, матерей. Особое внимание в исследованиях уделяется индивидуально-личностным характеристикам родителей, социо-демографическим факторам (возраст родителей и ребенка, пол, уровень образования, уровень дохода, семейное положение) (Rosenbrock et al., 2021; Samadi & McConkey, 2014), окружающей среде (наличие близких членов семьи, поддержка со стороны общества), тяжести и особенностям протекания заболевания у ребенка (Enea & Rusu, 2020).

В разных работах продемонстрирована неоднозначная связь различных аспектов психологического благополучия матерей детей с РАС с одними и теми же социо-демографическими характеристиками. Например, если речь идет об образовании, то в одних исследованиях показано, что у матерей с более высоким уровнем образования обнаруживается меньше симптомов депрессии (Dembo et al., 2023) и более низкий уровень стресса (Efstratopoulou et al., 2022), тогда как в других выявлено, что матери с более высоким уровнем образования демонстрируют меньшую способность к совладанию, в частности, у них более низкие оценки по шкале рефрейминга опросника F-COPES (Ntre et al., 2022). В том, что касается таких характеристик, как возраст матери и семейное положение, наблюдается большее сходство между результатами различных исследований: молодые матери более подвержены стрессу (Pakenham et al., 2005), у одиноких или разведенных матерей выявлен более высокий уровень стресса, депрессии и тревожности по сравнению с теми, у кого есть супруг или постоянный партнер (Russell et al., 2020). В то же время в некоторых работах не выявлено какой-либо связи основных социо-демографических характеристик (возраст матери, уровень образования, занятость и семейное положение) с уровнем родительского стресса (см. например, Zovko, Šimleša, Olujic Tomazin, 2024).

Отмечается, что одним из ключевых факторов, влияющих на различные аспекты психологического благополучия матерей детей-аутистов, выступают особенности социального окружения и отношений с другими людьми (см. например, Sim et al., 2018; Ludlow, Skelly & Rohleder, 2012). Широкий круг общения и в особенности его разнообразие создают благоприятные условия для поддержания их психического здоровья в долгосрочной перспективе (Dembo et al., 2023), а недостаток поддержки от друзей является предиктором более выраженного родительского стресса (Zovko, Šimleša & Olujic Tomazin, 2024). В качестве важнейшего источника поддержки, связанного с психологическим благополучием матерей детей с РАС, выступает неформальная социально-психологическая поддержка из различных источников (Efstratopoulou et al., 2022; Zovko, Šimleša & Olujic Tomazin, 2024), а преобладание женщин в их социальном окружении способствует снижению у них депрессии (Dembo et al., 2023).

В свою очередь, среди факторов риска, усугубляющих психологическое состояние матери ребенка с РАС, наиболее изучены тяжесть и специфика симптоматики расстройства ребенка и особенности взаимодействия матери с ребенком. Так, увеличение времени, ежедневно затраченного матерью на уход за ребенком и его лечение, снижает ее способность к переосмыслению ситуации (Ntre et al., 2022). Закономерно, что тяжесть симптоматики расстройства приводит к более высокому уровню родительского стресса (Enea & Rusu, 2020; Reed et al., 2017; Yesilkaya & Magallón-Neri, 2024), а ощущение невозможности оказать ребенку поддержку и неспособность установить с ним контакт приводит к эмоциональному истощению матери, вплоть до деперсонализации (Кузьмина, Кривошей, 2024). Несмотря на то, что тяжесть симптоматики и проблемное поведение ребенка в значительной степени выступают предикторами депрессии матери, эти связи становятся незначимыми, когда в рассмотрение добавляется степень удовлетворенности матери межличностными отношениями (Weitlauf et al., 2014), что вновь подчеркивает критическую роль взаимоотношений с социальным окружением в психологическом благополучии матери.

Особое место в исследованиях психологического благополучия родителей детей с РАС занимает изучение его связи с различными способами совладания. Показано, например, что низкая способность к переосмыслению приводит к повышению уровня родительского стресса (Ntre et al., 2022). Среди деструктивных копинг-стратегий выявлены нежелание заботиться о самих себе, вредные привычки, переедание или недоедание. Среди адаптивных копинг-стратегий родители детей с РАС указывают способность к самоорганизации, приятное времяпрепровождение, участие в практиках осознанности, а также поиск поддержки у родителей детей с похожими трудностями (Chad-Friedman et al., 2022; Picardi et al., 2018). Выявлены также и копинг-стратегии, которые характерны для конкретных социокультурных контекстов. Так, осуществленный китайскими исследователями систематический обзор опубликованных в Китае работ по данной проблематике показал, что родители детей с РАС, опирающиеся на философию конфуцианства и даосизма, менее подвержены родительскому стрессу (Ng et al., 2021).

Цель исследования

Настоящее исследование было направлено на то, чтобы: 1) сравнить различные аспекты психологического благополучия и имеющиеся ресурсы для совладания с негативным эмоциональным состоянием у матерей детей с РАС, находящихся в ситуации вынужденной миграции и у контрольной группы; 2) сравнить восприятие мира в прошлом, настоящем и будущем у матерей детей с РАС, находящихся в ситуации вынужденной миграции, с контрольной группой по двум параметрам – его валентности (привлекательности) и сложности.

Проверялись следующие гипотезы:

1. Уровень психологического благополучия ниже у матерей детей с РАС, оказавшихся в ситуации вынужденной миграции по сравнению с теми, чья жизненная ситуация достаточно стабильна.
2. Ресурсы для совладания с негативным эмоциональным состоянием, в том числе, источники социально-психологической поддержки будут отличаться у двух категорий респондентов.
3. Восприятие мира в прошлом, настоящем и будущем будет различным в зависимости от пребывания в ситуации вынужденной миграции или нахождения в более привычной среде.

Методы

Выборка

На основании добровольного информированного согласия в исследовании приняли участие 36 мам детей в возрасте от 2 до 17 лет с расстройствами аутистического спектра (РАС), объединенные в 2 подгруппы. В основную группу вошли мамы детей из Белгородской области, проживающие с детьми в пункте временного размещения (ПВР), находящемся в Московской области ($N = 18$, средний возраст 39,9, ст. откл. 5,42) (далее – подгруппа ПВР). Средний возраст детей с РАС – 9,44 лет (ст. откл. 4,9), а количество детей в семье от 1 до 4 (у 4 мам – двое, у 2 – трое, у 1 – четверо). На момент проведения исследования мамы проживали с детьми в ПВР от трех до четырех месяцев, находились вдали от мужей и других членов семьи на неопределенный срок. Контакт с членами семьи ограничивался дистанционной коммуникацией и в некоторых случаях редкими визитами членов семьи в ПВР. Для детей в ПВР была организована образовательная программа на протяжении первых десяти недель пребывания в ПВР, после чего из-за наступления летних каникул программа реабилитации ограничивалась развивающими онлайн-занятиями для детей и рядом культурно-творческих и оздоровительных мероприятий для детей и взрослых. При этом была предоставлена возможность организации дополнительных занятий с детьми онлайн или офлайн в ближайшем к ПВР городе. В контрольную группу вошли мамы детей, находящихся на реабилитации в ГБУЗ «Научно-практический центр детской психоневрологии ДЗМ» (НПЦ ДП) г. Москвы ($N = 18$, средний возраст 32,9, ст. откл. 6,2) (далее – подгруппа НПЦ ДП). Средний возраст детей с РАС – 7,06 лет (ст. откл. 4,53), а количество детей в семье от 1 до 4 (у 8 мам – двое, у 3 – трое, у 1 – четверо детей). Мамы сопровождали своих детей в ходе плановой госпитализации длительностью две недели, включающей реабилитационные процедуры для ребенка.

Методики

Шкала депрессии, тревожности и стресса (Depression Anxiety Stress Scales, DASS-21): сокращённая версия (Lovibond & Lovibond, 1995). Посредством данной шкалы измеряются негативные эмоциональные состояния (депрессия, тревожность и стресс). Применяемая краткая версия методики включает 21 пункт: по 7 пунктов на каждую субшкалу.

Многомерная шкала воспринимаемой социальной поддержки (Multidimensional Scale of Perceived Social Support, MSPSS) (Zimet et al., 1988). Методика используется для оценки восприятия значимости трех источников поддержки – значимых других, семьи и друзей, а также позволяет оценить общий уровень воспринимаемой социально-психологической поддержки.

Частота обращения за помощью к различным категориям людей из социального окружения респондентов в случае возникновения эмоциональных проблем (Ушков и др., 2020). В перечень включены категории, относящиеся к источникам первичной поддержки (родители, близкие родственники, супруги), и группы, относящиеся к источникам вторичной поддержки (коллеги, врачи, психологи и др.). Ответы варьировались по 4-балльной шкале от 1 (никогда) до 4 (постоянно).

Модифицированная методика «Семантический дифференциал» (Молчанов, Алмазова, Поскрёбышева, 2023). Респондентам предлагалось охарактеризовать «мир» в разные периоды их жизни: в настоящее время, пять лет назад и через пять лет, используя десять пар прилагательных с противоположным значением (биполярный семантический дифференциал): непредсказуемый – устойчивый, несправедливый – справедливый, ненадежный – надежный, хаотичный – управляемый, враждебный – доброжелательный, разобщенный – целостный, тревожный – спокойный, бесполезный – ценный, пассивный – активный, сложный – простой. При обработке результатов девять пар прилагательных, за исключением пары «сложный – простой», были объединены в одну интегральную шкалу (альфа Кронбаха >0,8), оценивающую валентность мира.

Специально разработанная *Шкала конструктивных и деструктивных способов совладания* включает 14 пунктов, оцениваемых по 5-балльной шкале (от «никогда не помогает» до «помогает всегда»), отражающих поведение, направленное на адаптацию к условиям жизни и помогающее отвлечься от негативных эмоций.

Для оценивания удовлетворенности жизнью респондентам была предложена *однопунктовая 11-балльная шкала* и предлагалось ответить на вопрос «В какой степени Вы удовлетворены в целом Вашей жизнью, принимая во внимание условия жизни и личные обстоятельства?» (0 – абсолютно не удовлетворен, 10 – полностью удовлетворен).

Блок социо-демографических данных включал следующую информацию: возраст, пол, образование, род занятий, профессия, количество детей и их возраст, семейное положение.

Анализ данных

Данные исследования анализировались в программе Jamovi (версия 2.3.21). Использовались критерий Уилкоксона для сравнения полученных данных с результатами других исследований, критерий Манна-Уитни для парных сравнений между подгруппами (в качестве размера эффекта вычислялся коэффициент ранговой би-сериальной корреляции, обозначаемый далее буквой «R»), двухфакторный дисперсионный анализ с повторными измерениями для обработки результатов семантического дифференциала, а также вычислялся коэффициент корреляции Спирмена (обозначается R_s) исследуемых параметров с социо-демографическими данными.

Результаты

Респонденты из основной группы продемонстрировали меньшую удовлетворенность жизнью, чем представители контрольной группы, тогда как по параметрам депрессии, тревожности и стресса различий между группами не обнаружено (табл. 1).

Таблица 1

Описательные статистики и результаты сравнения по параметрам психологического благополучия

Параметр	Основная группа	Контрольная группа	Значения критерия Манна-Уитни
Депрессия	11,412 ± 11,040	11,667 ± 9,994	U = 147,5, p = 0,868
Тревожность	7,178 ± 9,436	6,778 ± 7,519	U = 144,5, p = 0,786
Стресс	17,176 ± 10,150	15,667 ± 11,024	U = 136,0, p = 0,585
Удовлетворенность жизнью	6,056 ± 1,765	7,778 ± 1,555	U = 63,5, p = 0,002, R = 0,608

Примечание. В ячейках отдельных групп приведены средние и стандартные отклонения.

Сравнение показало, что участники исследования из основной группы воспринимают значимо меньшую поддержку от друзей и значимо меньшую поддержку от всех источников в целом по сравнению с мамами детей с РАС из контрольной группы (табл. 2). При этом, проведенное сравнение не выявило значимых различий между уровнем воспринимаемой поддержки от значимых других ($U = 105,0$, $p = 0,111$) и поддержки со стороны семьи ($U = 126,0$, $p = 0,377$) в исследуемых группах.

Таблица 2

Описательные статистики и результаты сравнения по источникам воспринимаемой социально-психологической поддержки

Параметр	Основная группа	Контрольная группа	Значения критерия Манна-Уитни
Значимые другие	$5,382 \pm 1,644$	$6,236 \pm 1,100$	$U = 105,0$, $p = 0,111$
Члены семьи	$5,882 \pm 1,031$	$6,250 \pm 0,647$	$U = 126,0$, $p = 0,377$
Друзья	$4,529 \pm 1,548$	$6,042 \pm 1,033$	$U = 67,5$, $p = 0,005$, $R = 0,559$
Общий уровень поддержки	$3,949 \pm 0,650$	$4,632 \pm 0,601$	$U = 63,5$, $p = 0,003$, $R = 0,585$

Примечание. В ячейках отдельных групп приведены средние и стандартные отклонения.

В том, что касается восприятия эффективности разных способов совладания, выявлено, что респондентам основной группы реже помогает справиться с негативными эмоциями просмотр информации в Интернете или курение: если респондентам из контрольной группы оно изредка помогает, то респондентам из основной группы оно не помогает улучшить эмоциональное состояние вовсе (табл. 3).

Таблица 3

Отличающиеся между группами респондентов способы совладания и источники поддержки (приводятся только параметры с выявленными значимыми различиями)

Параметр	Основная группа	Контрольная группа	Значения критерия Манна-Уитни
Просмотр информации в Интернете	3,000	4,000	U = 74,5, p = 0,005, R = 0,540
Курение	1,000	3,000	U = 70,5, p = 0,004, R = 0,510
Супруги/партнеры	3,000	4,000	U = 86,0, p = 0,009, R = 0,469
Друзья	2,000	3,000	U = 70,0, p = 0,002, R = 0,568
Врачи	2,000	1,000	U = 67,0, p = 0,001, R = 0,586
Психологи	2,000	1,000	U = 73,5, p = 0,002, R = 0,546
Случайные знакомые	2,000	1,000	U = 67,5, p < 0,001, R = 0,583

Примечание. В качестве меры центральной тенденции для групп приведены медианы, т.к. показатели измерены в порядковых шкалах.

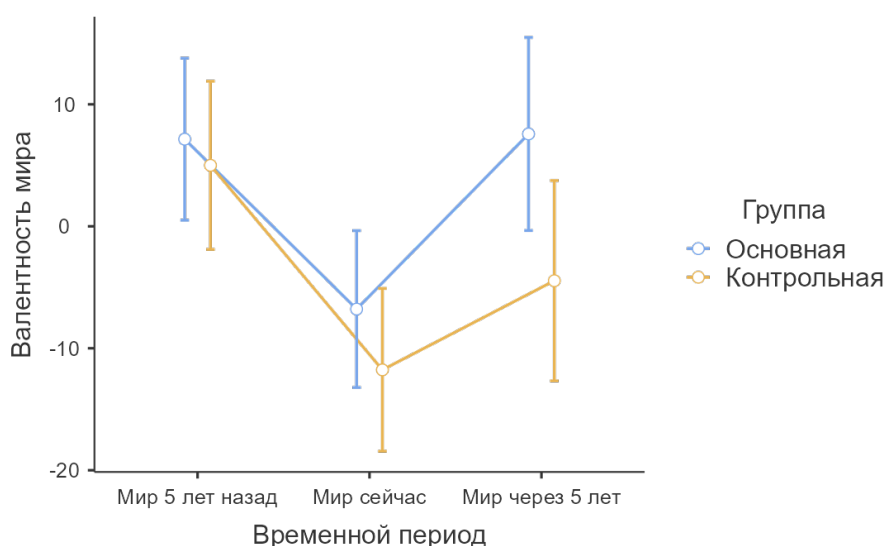
Незначимыми оказались различия по таким способам совладания как общение с членами семьи (U = 129,5, p = 0,257), общение с друзьями (U = 142,5, p = 0,516), чтение книг и журналов (U = 117,0, p = 0,143), домашние животные (132,5, p = 0,941), погружение в работу или учебу (U = 136,0, p = 0,408), употребление алкоголя (U = 100,0, p = 0,108), еда (U = 161,5, p = 1), занятия спортом (U = 153,5, p = 0,795), прогулки (U = 152,0, p = 0,986), просмотр фильмов и сериалов (139,0, p = 0,447), музыка (U = 115,0, p = 0,126), сон (U = 144,0, p = 0,553).

Относительно значимости частоты обращения за помощью к различным категориям из социального окружения обнаружено, что респонденты контрольной группы чаще готовы обращаться за помощью к супругам/партнерам и к друзьям, тогда как респонденты из группы вынужденных мигрантов чаще готовы обратиться за помощью к врачам, психологам и случайным знакомым (табл. 3). Хотя эти категории менее значимы для всех респондентов по сравнению с частотой обращения за поддержкой к супругам/партнерам и друзьям, женщины из контрольной группы совсем не рассматривают их как источник поддержки. Различий между двумя подгруппами в частоте обращения за помощью к родителям ($U = 117,5$, $p = 0,137$), близким родственникам ($U = 137,0$, $p = 0,416$), коллегам ($U = 125,0$, $p = 0,285$), социальным работникам ($U = 116,0$, $p = 0,123$) и священнослужителям ($U = 150,5$, $p = 0,665$) не обнаружено.

Анализ результатов семантического дифференциала, а именно интегральной шкалы валентности мира (рис. 1), указал на наличие эффекта только для внутригруппового фактора временного периода ($F(2, 50) = 15,488$, $p < 0,001$, $\eta^2 = 0,383$), тогда как эффект фактора подгруппы респондентов ($F(2,50) = 1,614$, $p = 0,209$) и эффект взаимодействия факторов ($F(1,25) = 3,028$, $p = 0,094$) оказались незначимыми. Респонденты из обеих подгрупп более позитивно оценивают мир 5 лет назад и мир через 5 лет по сравнению с оцениванием мира в настоящее время.

Рисунок 1

Валентность мира в разные временные периоды в двух подгруппах

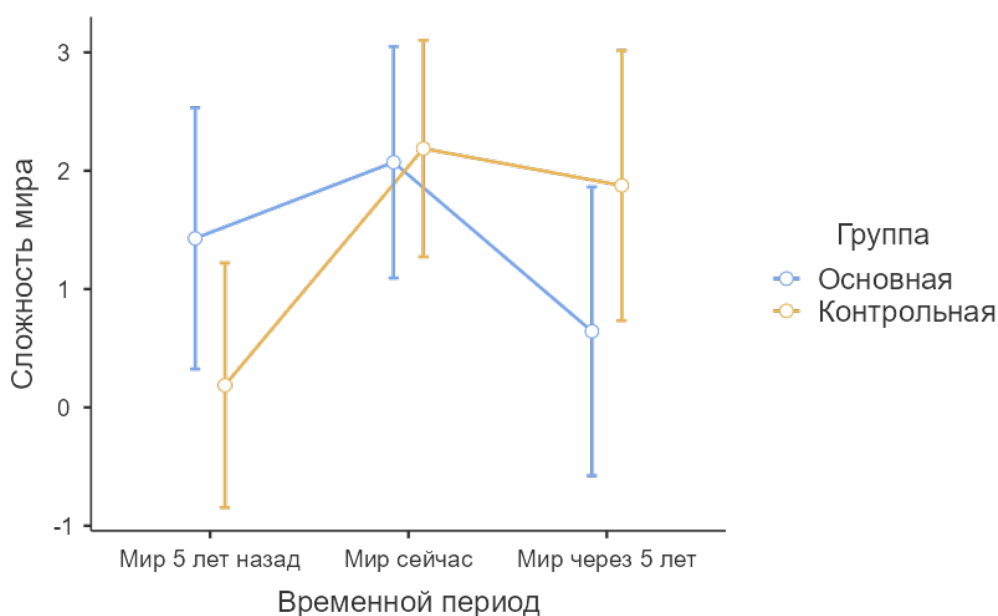

Примечание: чем выше значения по оси ординат, тем позитивнее респонденты оценивают мир; на графике указаны диапазоны 95-% доверительного интервала.

В отличие от результатов по интегральной шкале валентности мира анализ результатов по шкале сложности мира (рис. 2) позволил обнаружить эффекты фактора временного периода ($F(2,56) = 5,837$, $p = 0,005$, $\eta^2 = 0,173$) и взаимодействия факторов временного периода с фактором подгруппы респондентов ($F(2,56) = 4,961$, $p = 0,010$, $\eta^2 = 0,151$). Отдельный эффект фактора подгруппы оказался незначим ($F(1,28) = 0,004$, $p = 0,952$). Обнаружено, что обе подгруппы воспринимают мир в настоящее время как наиболее сложный, но при этом вынужденные мигранты оценивают сложность мира 5 лет назад сопоставимо с восприятием мира в настоящее время и полагают, что через 5 лет мир будет значительно проще. Тогда как респонденты контрольной группы, напротив, сравнительно более простым воспринимают мир 5 лет назад и ожидают, что через 5 лет мир для них будет таким же сложным, как и в настоящем.

Рисунок 2

Сложность мира в разные временные периоды в двух подгруппах

Примечание: чем выше значения по оси ординат, тем более сложным респонденты воспринимают мир; на графике указаны диапазоны 95-% доверительного интервала.

Анализ результатов также позволил выявить связи между рядом социодемографических характеристик респондентов выборки в целом и исследуемыми параметрами. Так, с возрастом снижается уровень воспринимаемой поддержки от значимых других ($R_s = -0,545$, $p < 0,001$), от друзей ($R_s = -0,372$, $p = 0,028$) и соответственно интегральный уровень воспринимаемой поддержки ($R_s = -0,543$,

$p < 0,001$), в то время как связи возраста с уровнем воспринимаемой поддержки от семьи не обнаружено ($p = 0,503$). Также с возрастом респонденты склонны более позитивно оценивать мир в будущем ($R_s = 0,419$, $p = 0,026$), но возраст не связан с оценками валентности мира в настоящее время ($p = 0,054$) и в прошлом ($p = 0,446$). Связь возраста со сложностью мира не обнаружена ни для восприятия в прошлом ($p = 0,102$), ни в настоящем ($p = 0,352$), ни в будущем ($p = 0,058$). Количество детей в семье респондентов оказалось обратно связано с уровнем стресса у матерей ($R_s = -0,349$, $p = 0,041$) и прямо – с восприятием сложности мира 5 лет назад ($R_s = 0,414$, $p = 0,026$). Что касается уровня образования респондентов, не выявлено каких-либо значимых его связей с исследуемыми переменными (во всех случаях $p > 0,1$).

Обсуждение результатов

Ситуация вынужденной миграции, в случае, когда основной причиной является угроза жизни и здоровью в связи с ведущимися военными действиями, может причинить тяжелый и долгосрочный ущерб психическому здоровью и психологическому благополучию любого человека (AlRefaie & Dowrick, 2021; Girardi, Modesti & Del Casale, 2023). Родители детей с РАС и без этого дополнительного фактора находятся в группе риска в связи с высоким уровнем стресса и выраженностью симптомов депрессии (Нестерова, Ковалевская, 2015; Russell et al., 2020; Efstratopoulou et al., 2022; Zovko, Šimleša & Olujić Tomazin, 2024; Pisula & Porebowicz-Dörsmann, 2017), что подтвердилось результатами нашего исследования. Несмотря на то, что сопоставление результатов, полученных в основной и контрольной выборках, не позволило выявить различий между ними по субшкалам методики DASS-21, сравнение полученных показателей с результатами проведенных в разных популяциях исследований посредством данной шкалы, представленными в исчерпывающем обзоре Золотаревой (2020), выявило значимо более высокие показатели депрессии и стресса у респондентов нашего исследования в целом, тогда как выявленный уровень тревожности значимо не отличается от результатов других исследований (см. Приложение 1).

Выявленные различия между подгруппами, обусловленные предположительно ситуацией вынужденной миграции и связанными с ней последствиями (длительное проживание вдали от дома в пункте временного размещения, изоляция от членов семьи и ближайшего окружения, неопределенность ближайшего будущего) проявились в уровне общей удовлетворенности жизнью, опоре на различные ресурсы и особенностях временной перспективы. Таким образом, закономерно, что женщины, проживающие в ПВР с детьми с РАС, демонстрируют значимо меньшую общую удовлетворенность жизнью по сравнению с теми, чья жизненная ситуация относительно стабильна, ощущают недостаток поддержки и чувствуют себя более изолированными от ближайшего социального окружения. Для женщин

из контрольной группы, находящихся с детьми в стационаре непродолжительное время, поддержка супругов (партнеров) и друзей остается особенно релевантной в связи с ее доступностью и регулярностью. При наличии поддержки со стороны ближайшего окружения обращение за помощью к другим категориям (врачи, психологи) и расширение круга социального взаимодействия не является необходимым ресурсом.

Большая готовность женщин из группы вынужденных мигрантов обращаться за помощью к расширенному окружению, включая не только врачей и психологов, но и случайных знакомых, выявленная при анализе результатов, была отмечена и посредством личного наблюдения АМ во время проведения исследования. Проживающие в ПВР мамы детей с РАС активно обращаются за консультацией к специалистам с интересующими их запросами. Такое проактивное расширение социальных сетей и принятие поддержки и помощи от более широкого окружения (так называемой «вторичной группы») в случае длительной изоляции от ближайшего окружения («первичной группы») выступает важнейшим ресурсом, обеспечивающим стабильный уровень стресса, тревожности и депрессии в ситуации вынужденной миграции у женщин с детьми-аутистами. Несмотря на то, что по сравнению с результатами других популяционных исследований уровни депрессии и стресса значимо выше у группы вынужденных мигрантов, они не отличаются от тех же показателей у матерей детей с РАС из контрольной группы, чья жизненная ситуация достаточно стабильна, что позволяет предположить, что такие высокие показатели обусловлены переживаемыми трудностями, связанными со специальными потребностями ребенка с РАС, а не ситуацией вынужденной миграции. В исследованиях влияния различных источников поддержки на психологическое благополучие показано, что в разных жизненных ситуациях критически значимой может оказаться поддержка от разных источников: в одних, от «первичной группы» (семья, друзья, близкие родственники), а в других, от «вторичной группы» (коллеги, соседи, знакомые, учителя и др.) (Ушков и др., 2020; Pierce & Quiroz, 2019; Thoits, 2011). Так, в исследовании Ушкова с соавторами (2020) с участием несовершеннолетних правонарушителей, также находящихся в длительной изоляции от семьи и ближайшего окружения, выявлена значимая прямая связь между обращением за помощью к категориям, относящимся к «вторичной группе» поддержки (психологам и учителям), и лучшим эмоциональным состоянием.

В том, что касается способов совладания с негативным эмоциональным состоянием, несмотря на то, что для подавляющего большинства из оцениваемых видов активности, помогающих в сложной жизненной ситуации, не выявлено значимых различий, что, в том числе, может объясняться особенностями методики с недостаточно дифференцированной шкалой выбора ответов и малым объемом выборки, обнаруженные различия между группами касаются, тем не менее, копингов, которые скорее относятся к деструктивным – к просмотру информации в Интернете и курению. К этим способам совладания значимо реже прибегают

женщины, проживающие в ПВР. Меньшая зависимость от деструктивных копингов может стать для этой категории дополнительным ресурсом, позволяющим лучше справиться с негативным эмоциональным состоянием, что, в свою очередь, может положительно сказаться на состоянии детей.

Особенности временной перспективы оказывают глубокое и пролонгированное влияние на поведение, здоровье и счастье человека (Daugherty & Brase, 2010; Drake et al., 2008), в связи с чем высока актуальность исследования восприятия мира в разные периоды жизни у категорий, чье психологическое благополучие поставлено под угрозу наличием хронических стрессогенных факторов. Анализ восприятия валентности и сложности мира во временной перспективе обеими подгруппами выявил общую для всех участников исследования тенденцию. Респонденты обеих подгрупп наиболее негативно воспринимают мир в настоящем, демонстрируя более позитивное отношение к нему в прошлом (5 лет назад) и будущем (через 5 лет). Более позитивное восприятие прошлого по сравнению с настоящим может определяться как глобальными факторами, связанными с более спокойной геополитической обстановкой, так и, в случае нашей выборки, индивидуальной жизненной ситуацией, например, тем, что ребенок-аутист был 5 лет назад намного младше, и диагноз, возможно, еще не был поставлен, а отношения в семье и с другим близким окружением могли быть на тот момент более прочными и регулярными. Выявленное более позитивное отношение к будущему по сравнению с настоящим может выступать для матерей детей с РАС важнейшим ресурсом, который позволит справляться с трудностями воспитания и удовлетворения потребностей ребенка, требующего существенно большей заботы и присутствия матери в его жизни, чем нейротипичные дети. В исследованиях обнаружено, в частности, что позитивный взгляд на будущее ассоциируется с лучшей способностью к саморегуляции и реализации планов (Baird et al., 2021). Более того, фиксация на позитивном прошлом и позитивном будущем в противовес относительно негативного восприятия настоящего становится важной опорой для саморегуляции в самых разных жизненных ситуациях, как это показано, например, в исследовании с участием больных диабетом, которые в случае более позитивного восприятия прошлого и будущего по сравнению с настоящим склонны регулярнее отслеживать уровень глюкозы в крови и нести, таким образом, большую ответственность за свое здоровье (Baird et al., 2021). Курт Левин в своей классической работе, посвященной временной перспективе, указывает на существующие в истории примеры, когда позитивное восприятие будущего «маленькой группы людей с большим моральным духом» не только помогало им пережить тяжелое настоящее, но и становилось примером для широких масс людей (Lewin, 1997, с. 81).

В том, что касается оценивания мира по второй шкале (простота-сложность мира в прошлом, настоящем и будущем), наблюдается несколько иная тенденция. Объединяет две подгруппы респондентов то, что они обе оценивают мир в настоящем как сложный, однако подгруппой вынужденных мигрантов мир в будущем

воспринимается более простым, тогда как респондентам из контрольной группы мир представляется таким же сложным, как и в настоящем. Подобное расхождение может объясняться различием в атрибуции причин такой сложности. Вероятно, для мам, проживающих с детьми в ПВР, ключевым фактором, осложняющим восприятие настоящего, является ситуация вынужденной миграции, а не особенности психического развития ребенка. Надежда на то, что через 5 лет ситуация изменится и условия жизни будут более стабильными, позволяет им рассчитывать на то, что мир в будущем станет для них проще. В то время как для мам из контрольной группы основной причиной восприятия сложности мира вероятнее всего является состояние их ребенка. И поскольку они в среднем не ожидают радикального изменения этого состояния, а, точнее, улучшения условий для ухода за ребенком и его развития, то и мир в будущем воспринимается таким же сложным, как в настоящем. Интересен на первый взгляд парадоксальный факт, что отличия между двумя группами есть в восприятии сложности мира в прошлом. Так, для группы вынужденных мигрантов мир в прошлом воспринимается примерно таким же сложным, как в настоящем, тогда как женщинам из контрольной группы мир в прошлом представляется более простым. Одним из объяснений может быть то, что дети мам из контрольной группы в среднем младше (7,06 лет), чем дети из семей вынужденных мигрантов (9,44 лет). Хотя различия незначимы ($U = 95,0$, $p = 0,143$), это может быть связано с тем, что в силу небольшого объема выборки для значимых различий может не хватать мощности. Если такое объяснение верно, то респонденты из контрольной группы 5 лет назад могли еще не столкнуться с теми трудностями воспитания ребенка с РАС, с которыми им приходится жить в настоящем, и с которыми на тот момент уже могли столкнуться мамы из выборки вынужденных мигрантов, чьи дети в среднем старше. Различия могут объясняться также особенностями семейной ситуации (наличие супруга, старших детей, поддержка со стороны близких членов семьи 5 лет назад), однако для подтверждения такого объяснения имеющихся данных недостаточно.

Связь различных аспектов психологического благополучия матерей детей с РАС с социо-демографическими характеристиками проверялась для всей выборки в целом. Анализ связей позволил получить два значимых результата, которые заслуживают верификации на выборках большего объема: 1) показатель стресса обратно связан с количеством детей в семье и 2) восприятие социально-психологической поддержки в целом, а особенно от значимых других и друзей обратно связано с возрастом. Обнаруженная защитная роль количества детей в семье в регулировании уровня стресса у матери может иметь различные объяснения, наиболее вероятным из которых является то, что наличие других детей, не имеющих отклонений в психическом развитии, имеющих успехи в учебе и других видах деятельности, позволяет отвлечься от забот о ребенке с РАС, имеющем специфические потребности и требующем особого внимания, и возможно, надеяться на то, что, когда потребуется, другие дети смогут разделить с ними тяжесть пожизненного ухода за ребенком с аутизмом. В других исследованиях также подчеркивается

наличие в семье здорового ребенка в качестве мощного поддерживающего ресурса для психологического благополучия матери (Дорошева, Грабельникова, 2018).

Обнаруженное в нашем исследовании снижение уровня воспринимаемой поддержки с возрастом от более широкого социального окружения, выходящего за рамки семьи, соотносится с результатами других исследований. Ограничение круга общения характерно для родителей детей с РАС на протяжении всей жизни (Dembo, 2022) и связано с особым ритмом жизни, зависящим от специфических потребностей их детей, но с возрастом их социальное окружение сужается еще заметнее по сравнению с другими родителями, а риск изоляции повышается (Marsack & Perry, 2018; Seltzer et al., 2011). Положительным моментом является выявленная в нашем исследовании прямая связь между возрастом матери и позитивным восприятием будущего, что может свидетельствовать о возрастающем оптимизме в связи с опытом, приобретением компетентности в воспитании ребенка с аутизмом, умения справляться с кризисами и тяжелыми жизненными периодами, либо о принятии своей особой ситуации такой, какая она есть. Возможно, данная связь является отражением выявленного в ряде исследований феномена так называемого посттравматического роста, характерного для родителей детей с РАС (Tsioka et al., 2022) – позитивных изменений в психологическом состоянии родителей с течением времени благодаря определенным стратегиям совладания и другим задействованным ресурсам.

Таким образом, каждая из трех гипотез подтвердилась: были обнаружены различия между основной и контрольной подгруппами по ряду показателей психологического благополучия, различия в уровне воспринимаемой поддержки и готовности обратиться за помощью к различным категориям из социального окружения, а также в восприятии валентности и сложности мира в различные периоды времени.

Ограничения исследования

Завершая обсуждение результатов, следует признать ряд ограничений проведенного исследования. В первую очередь, речь идет об небольшом объеме выборки, что объясняется высокой специфичностью респондентов, в особенности, представителей компактно проживающих вынужденных мигрантов, имеющих детей-аутистов. В связи с этим, отсутствие ряда эффектов может быть обусловлено не реальным отсутствием различий между подгруппами или связей между исследуемыми переменными, а недостаточной мощностью исследования. Поэтому при обсуждении результатов внимание уделялось, главным образом, обнаруженным эффектам и различиям между подгруппами, и в меньшей степени отсутствию различий. Важно подчеркнуть, что большинство исследований, проведенных с участием родителей детей с РАС, осуществляется на выборках небольшого объема, за исключением телефонных и онлайн-опросов, чья ценность неизбежно снижается по сравнению с индивидуально проведенными исследованиями, либо долгосрочных исследований,

растягивающихся на несколько лет. В нашем случае, с целью исключения влияния стремительно меняющегося социального и геополитического контекста на психологическое благополучие респондентов, исследование проводилось в сжатые сроки, практически одновременно со всеми участниками.

Заключение

Данное исследование позволило внести определенный вклад в понимание специфики психологического благополучия и имеющихся ресурсов у особой категории вынужденных мигрантов – женщин, чьи дети страдают расстройством аутистического спектра, проживающих в пункте временного размещения на протяжении длительного времени и остающихся там на неопределенный срок.

Выявленные даже при небольшом объеме выборки различия между двумя группами респондентов, основной и контрольной, касающиеся различных аспектов психологического благополучия и имеющихся ресурсов, свидетельствуют о необходимости уделять специальное внимание тем категориям вынужденных мигрантов, которые и до того, как покинули постоянное место жительства, находились в группах риска, в том числе, матерям детей с особенностями психического развития. Необходимо проводить дополнительные исследования в этой области, которые позволят разработать целенаправленные и эффективные меры по профилактике психологического благополучия данной категории, в том числе, для родителей детей с расстройством аутистического спектра.

Литература

- Гусева, О. В. (2017). Тестовые и проективные методы психологической диагностики особенностей системы семейных отношений здоровых сиблингов в семьях с детьми с расстройствами аутистического спектра. *Психология. Психофизиология*, 10(4), 5–16.
- Дорошева, Е. А., Грабельникова, У. С. (2018). Синдром эмоционального выгорания, особенности совладающего поведения и регуляции эмоций у матерей, воспитывающих ребенка с расстройством аутистического спектра. *Reflexio*, 11(1), 5–18.
- Золотарева, А. А. (2020). Систематический обзор психометрических свойств шкалы депрессии, тревоги и стресса (DASS-21). *Обзорение психиатрии и медицинской психологии имени ВМ Бехтерева*, (2), 26–37.
- Кузьмина, А. С., Кривошей, К. О. (2024). Отношение к болезни ребенка и родительское выгорание женщин, воспитывающих детей с расстройствами аутистического спектра. *Психология и психотехника*, (1), 143–156.
- Молчанов, С. В., Алмазова, О. В., Поскребышева, Н. Н. (2023). Связь образа мира у российской студенческой молодежи с опытом участия в волонтерской деятельности. *Культурно-историческая психология*, 19(1), 71–83. <https://doi.org/10.17759/chp.2023190110>
- Нестерова, А. А., Ковалевская, Н. А. (2015). Жизнеспособность и стратегии совладания матерей, воспитывающих детей с расстройствами аутистического спектра. *Вестник Государственного университета просвещения. Серия: Психологические науки*, (3), 38–46.
- Первушина, О. Н., Киселева, О. В., Мурашова, Т. А., & Дорошева, Е. А. (2021). Эмоциональное

- состояние родителей детей с расстройствами аутистического спектра (РАС). *Вопросы психического здоровья детей и подростков: Научно-практический рецензируемый журнал психиатрии, психологии, психотерапии и смежных дисциплин*, (1), 14.
- Ушков Ф. И., Шайгерова Л. А., Долгих А. Г., Алмазова О. В. (2020). Воспитатели и психологи колоний как значимые другие для несовершеннолетних правонарушителей в период отбывания наказания. *Вестник Московского университета. Серия 14: Психология*, (3), 88–119.
- AlRefaie, A., & Dowrick, C. (2021). Causes and risk factor of post-traumatic stress disorder in adult asylum seekers and refugees. *Psychiatry International*, 2(4), 410–423. <https://doi.org/10.3390/psychiatryint2040032>
- Baird, H. M., Webb, T. L., Sirois, F. M., & Gibson-Miller, J. (2021). Understanding the effects of time perspective: A meta-analysis testing a self-regulatory framework. *Psychological bulletin*, 147(3), 233–267. <https://doi.org/10.1037/bul0000313>
- Chad-Friedman, E., Kuhlthau, K. A., Millstein, R. A., Perez, G. K., Luberto, C. M., Traeger, L., Proszynski, J., & Park, E. (2022). Characteristics and Experiences of Parents of Children with Learning and Attention Disabilities and Autism Spectrum Disorder: A Mixed Methods Study. *The Family Journal*, 30(3), 427–436.
- Crowell, J. A., Keluskar, J., & Gorecki, A. (2019). Parenting behavior and the development of children with autism spectrum disorder. *Comprehensive Psychiatry*, 90(1), 21–29. <https://doi.org/10.1016/j.comppsy.2018.11.007>
- Daugherty, J. R., & Brase, G. L. (2010). Taking time to be healthy: Predicting health behaviors with delay discounting and time perspective. *Personality and Individual Differences*, 48, 202–207. <http://doi.org/10.1016/j.paid.2009.10.007>
- Dembo, R. S., Huntington N., Mitra M., Rudolph, A. E., Lachman, M. E., & Mailick, M. R. (2022). Social network typology and health among parents of children with developmental disabilities: Results from a national study of midlife adults. *Social Science & Medicine*, 292, 114623. <http://doi.org/10.1016/j.socscimed.2021.114623>
- Dembo, R. S., Mailick, M. R., Rudolph, A. E., Huntington, N., DaWalt, L. S., & Mitra, M. (2023). Social Network Diversity and Mental Health Among Mothers of Individuals With Autism. *American journal on intellectual and developmental disabilities*, 128(2), 101–118. <http://doi.org/10.1352/1944-7558-128.2.101>
- Drake, L., Duncan, E., Sutherland, F., Abernethy, C., & Henry, C. (2008). Time perspective and correlates of wellbeing. *Time & Society*, 17, 47–61. <http://doi.org/10.1177/0961463X07086304>
- Efstratopoulou, M., Sofologi, M., Giannoglou, S., & Bonti, E. (2022). Parental stress and children self-regulation problems in families with children with autism spectrum disorder (ASD). *Journal of Intelligence*, 10(1), 4. <https://doi.org/10.3390/jintelligence10010004>
- Enea, V., & Rusu, D. M. (2020). Raising a child with autism spectrum disorder: A systematic review of the literature investigating parenting stress. *Journal of Mental Health Research in Intellectual Disabilities*, 13(4), 283–321. <https://doi.org/10.1080/19315864.2020.1822962>
- Girardi, P., Modesti, M. N., Del Casale, A. (2023). Migrants and Mental Health: Equal Rights but Different Needs. *Psychiatry International*, 4(1), 45–47. <https://doi.org/10.3390/psychiatryint4010007>
- Hou, Y., Stewart, L., lao, L., & Wu, C. (2018). Parenting stress and depressive symptoms in Taiwanese mothers of young children with autism spectrum disorder: Association with children's behavioural problems. *Mental Handicap Research*, 31(6), 1113–1121. <https://doi.org/10.1111/jar.12471>
- Karst, J. S., & Van Hecke, A. V. (2012). Parent and family impact of autism spectrum disorders: A review and proposed model for intervention evaluation. *Clinical Child and Family Psychology Review*, 15(3), 247–277. <https://doi.org/10.1007/s10567-012-0119-6>

- Lewin, K. (1997). Resolving social conflicts and field theory in social science. *American Psychological Association*. Time Perspective and Moral (1948), pp. 80–104.
- Lovibond, P. F., & Lovibond, S. H. (1995). The structure of negative emotional states: Comparison of the Depression Anxiety Stress Scales (DASS) with the Beck Depression and Anxiety Inventories. *Behaviour research and therapy*, 33(3), 335–343. [https://doi.org/10.1016/0005-7967\(94\)00075-U](https://doi.org/10.1016/0005-7967(94)00075-U)
- Ludlow, A., Skelly, C., & Rohleder, P. (2012). Challenges faced by parents of children diagnosed with autism spectrum disorder. *Journal of health psychology*, 17(5), 702–711. <https://doi.org/10.1177/1359105311422955>
- Marsack, C. N., & Perry, T. E. (2018). Aging in place in every community: Social exclusion experiences of parents of adult children with autism spectrum disorder. *Research on aging*, 40(6), 535–557. <https://doi.org/10.1177/0164027517717044>
- Ng, C. S. M., Fang, Y., Wang, Z., & Zhang, M. (2021). Potential Factors of Parenting Stress in Chinese Parents of Children with Autism Spectrum Disorder: A Systematic Review. *Focus on Autism and Other Developmental Disabilities*, 36(4), 237–248.
- Ntre, V., Papanikolaou, K., Amanaki, E., Triantafyllou, K., Tzavara, C., & Kolaitis, G. (2022). Coping Strategies in mothers of children with autism spectrum disorder and their relation to maternal stress and depression. *Psychiatrike = Psychiatriki*, 33(3), 210–218. <https://doi.org/10.22365/jpsych.2022.068>
- Padden, C., & James, J. E. (2017). Stress among parents of children with and without autism spectrum disorder: A comparison involving physiological indicators and parent self-reports. *Journal of Developmental and Physical Disabilities*, 29(4), 567–586. <https://doi.org/10.1007/s10882-017-9547-z>
- Pakenham, K. I., Samios, C., & Sofronoff, K. (2005). Adjustment in mothers of children with Asperger syndrome: An application of the double ABCX model of family adjustment. *Autism*, 9(2), 191–212. <https://doi.org/10.1177/1362361305049033>
- Picardi, A., Gigantesco, A., Tarolla, E., Stoppioni, V., Cerbo, R., Cremonte, M., Alessandri, G., Lega, I., & Nardocci, F. (2018). Parental burden and its correlates in families of children with autism spectrum disorder: A multicentre study with two comparison groups. *Clinical Practice and Epidemiology in Mental Health*, 14, 143–176. <https://doi.org/10.2174/1745017901814010143>
- Pierce, K. D., Quiroz, C. S. (2019) Who matters most? Social support, social strain, and emotions. *Journal of Social and Personal Relationships*, 36(10), 3273–3292.
- Pisula, E., & Porebowicz-Dörsmann, A. (2017). Family functioning, parenting stress and quality of life in mothers and fathers of Polish children with high functioning autism or Asperger syndrome. *PLoS One*, 12(10), 2–12. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0186536>
- Reed, P., Howse, J., Ho, B., & Osborne, L. A. (2017). Relationship between perceived limit-setting abilities, autism spectrum disorder severity, behaviour problems and parenting stress in mothers of children with autism spectrum disorder. *Autism*, 21(8), 952–959.
- Rodriguez, G., Hartley, S. L., & Bolt, D. (2019). Transactional relations between parenting stress and child autism symptoms and behavior problems. *Journal of Autism and Developmental Disorders*, 49(5), 1887–1898. <https://doi.org/10.1007/s10803-018-3845-x>
- Rosenbrock, G. J., Mire, S. S., Kim, H. J., & Aguirre-Munoz, Z. (2021). Exploring sociodemographic predictors of parents' perceptions about their children's autism and their families' adjustment. *Research in Developmental Disabilities*, 108, 103811. <https://doi.org/10.1016/j.ridd.2020.103811>
- Russell, B. S., Hutchison, M., Tambling, R., Tomkunas, A. J., & Horton, A. L. (2020). Initial challenges of caregiving during COVID-19: Caregiver burden, mental health, and the parent-child relationship. *Child Psychiatry and Human Development*, 51(5), 671–682. <https://doi.org/10.1007/s10578-020-01037-x>
- Samadi, S. A., & McConkey, R. (2014). The impact on Iranian mothers and fathers who have

- children with an autism spectrum disorder. *Journal of Intellectual Disability Research*, 58(3), 243–254. <https://doi.org/10.1111/jir.12005>
- Seltzer, M. M., Floyd, F., Song, J., Greenberg, J., & Hong, J. (2011). Midlife and aging parents of adults with intellectual and developmental disabilities: Impacts of lifelong parenting. *American Journal on Intellectual and Developmental Disabilities*, 116(6), 479–499. <http://doi.org/10.1352/1944-7558-116.6.479>
- Sim, A., Vaz, S., Cordier, R., Joosten, A., Parsons, D., Smith, C., & Falkmer, T. (2018). Factors associated with stress in families of children with autism spectrum disorder. *Developmental Neurorehabilitation*, 21(3), 155–165. <https://doi.org/10.1080/17518423.2017.1326185>
- Soltanifar, A., Akbarzadeh, F., Moharreri, F., Soltanifar, A., Ebrahimi, A., Mokhber, N., Minoocherhr, A., & Ali Naqvi, S. S. (2015). Comparison of parental stress among mothers and fathers of children with autistic spectrum disorder in Iran. *Iranian Journal of Nursing and Midwifery Research*, 20(1), 93–98.
- Thoits, P. A. (2011). Mechanisms Linking Social Ties and Support to Physical and Mental Health. *Journal of Health and Social Behavior*, 52(2), 145–161.
- Tsioka, E., Zacharia, D., Soulis, S., Mantas, C., Petrikis, P., Koullourou, I., Hyphantis, T., & Kotsis, K. (2022). Posttraumatic growth: The role of perceptions, coping and depressive symptoms among mothers of children with autism spectrum disorder in Greece. *International Journal of Developmental Disabilities*, 1–10. <https://doi.org/10.1080/20473869.2022.2151693>
- Weitlauf, A. S., Vehorn, A. C., Taylor, J. L., & Warren, Z. E. (2014). Relationship satisfaction, parenting stress, and depression in mothers of children with autism. *Autism*, 18(2), 194–198. <http://doi.org/10.1177/1362361312458039>
- Yesilkaya, M., & Magallón-Neri, E. (2024). Parental Stress Related to Caring for a Child With Autism Spectrum Disorder and the Benefit of Mindfulness-Based Interventions for Parental Stress: A Systematic Review. *Sage Open*, 14(2), 21582440241235033.
- Zimet, G. D., Dahlem, N. W., Zimet, S. G., & Farley, G. K. (1988). The multidimensional scale of perceived social support. *Journal of personality assessment*, 52(1), 30–41. http://doi.org/10.1207/s15327752jpa5201_2
- Zovko, M., Šimleša, S., & Olujić Tomazin, M. (2024). Parenting stress, coping strategies and social support for mothers of preschool children with autism spectrum disorder in the Republic of Croatia. *Clinical Child Psychology and Psychiatry*, 29(2), 674–686. <http://doi.org/10.1177/13591045231191802>

Поступила в редакцию: 24.05.2024

Поступила после рецензирования: 12.08.2024

Принята к публикации: 12.08.2024

Заявленный вклад авторов

Людмила Анатольевна Шайгерова – постановка проблемы, определение методов и методик исследования, анализ литературы, обсуждение результатов, подготовка текста статьи.

Алексей Михайлович Букинич – сбор, обработка и анализ данных, обсуждение результатов, подготовка текста статьи.

Александра Георгиевна Долгих – определение методов и методик исследования, организация сбора данных, сбор данных, обсуждение результатов.

Татьяна Тимофеевна Батышева – организация сбора данных, обсуждение результатов.

Информация об авторах

Людмила Анатольевна Шайгерова – кандидат психологических наук, старший научный сотрудник ФГБНУ «Федеральный научный центр психологических и междисциплинарных исследований», Москва, Российская Федерация; Researcher ID: [G-8364-2012](#), Scopus ID: [57190794228](#), РИНЦ Author ID: 476559, SPIN-код РИНЦ: 7075-8196, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-5056-550X>; e-mail: ludmila_chaiguerova@hotmail.com

Алексей Михайлович Букинич – научный сотрудник ФГБНУ «Федеральный научный центр психологических и междисциплинарных исследований», Москва, Российская Федерация; младший научный сотрудник ГБУЗ «Научно-практический центр детской психоневрологии ДЗМ», Москва, Москва, Российская Федерация; психолог 1-й категории ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова», Москва, Российская Федерация; Researcher ID: [U-1106-2018](#), Scopus ID: [57914763600](#), РИНЦ Author ID: 1186801, SPIN-код РИНЦ: [1979-4642](#), ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-0422-4717>; e-mail: aleksey.bukinich@mail.ru

Александра Георгиевна Долгих – кандидат психологических наук, заведующий лабораторией ФГБНУ «Федеральный научный центр психологических и междисциплинарных исследований», Москва, Российская Федерация, доцент ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова», Москва, Российская Федерация; Researcher ID: [Q-2667-2019](#), Scopus ID [57208880361](#), РИНЦ Author ID: 1040028, SPIN-код: 8047-6508, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-8845-1575>; e-mail: ag.dolgikh@mail.ru

Татьяна Тимофеевна Батышева – доктор медицинских наук, директор, Государственное бюджетное учреждение здравоохранения города Москвы «Научно-практический центр детской психоневрологии Департамента здравоохранения города Москвы», Москва, Россия; Scopus ID: [16051959600](#), РИНЦ Author ID: 945308, SPIN-код РИНЦ: 2364-1600, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-0928-2131>; e-mail: detb18@mail.ru

Информация о конфликте интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Приложения

Приложение 1

Различия между опубликованными популяционными средними (Золотарева, 2020) и данными настоящего исследования по методике DASS-21

Исследование	Депрессия	Тревожность	Стресс
Alfonsson et al., 2017	W = 473,0, p = 0,010	W = 389,0, p = 0,226	W = 556,0, p < 0,001
Asghari et al., 2008	W = 535,0, p < 0,001	W = 389,0, p = 0,226	W = 571,0, p < 0,001
Bottesi et al., 2015	W = 535,0, p < 0,001	W = 446,0, p = 0,031	W = 556,0, p < 0,001
Coker et al., 2018	W = 473,0, p = 0,010	W = 292,0, p = 0,711	W = 556,0, p < 0,001
Gomez et al., 2014	W = 535,0, p < 0,001	W = 389,0, p = 0,226	W = 571,0, p < 0,001
Henri, Crawford, 2005	W = 560,0, p < 0,001	W = 474,0, p = 0,009	W = 588,0, p < 0,001
Jafari et al., 2017	W = 504,0, p = 0,002	W = 389,0, p = 0,226	W = 571,0, p < 0,001
Le et al., 2017	W = 504,0, p = 0,002	W = 368,0, p = 0,387	W = 556,0, p < 0,001
Lee et al., 2019	W = 535,0, p < 0,001	W = 446,0, p = 0,031	W = 588,0, p < 0,001
Lu et al., 2018	W = 560,0, p < 0,001	W = 446,0, p = 0,031	W = 602,0, p < 0,001
Musa et al., 2007	W = 504,0, p = 0,002	W = 338,0, p = 0,711	W = 542,0, p < 0,001
Nanthakumar et al., 2017	W = 535,0, p < 0,001	W = 446,0, p = 0,031	W = 571,0, p < 0,001
Notron, 2007	W = 504,0, p = 0,002	W = 389,0, p = 0,226	W = 556,0, p < 0,001
Osman et al., 2012	W = 504,0, p = 0,002	W = 389,0, p = 0,226	W = 571,0, p < 0,001
Pezirkianidis et al., 2018	W = 504,0, p = 0,002	W = 389,0, p = 0,226	W = 542,0, p < 0,001
Szabó, 2010	W = 504,0, p = 0,002	W = 389,0, p = 0,226	W = 571,0, p < 0,001
Tully et al., 2009	W = 504,0, p = 0,002	W = 389,0, p = 0,226	W = 571,0, p < 0,001
Vasconelos-Raposo et al., 2013	W = 535,0, p < 0,001	W = 389,0, p = 0,226	W = 571,0, p < 0,001

Примечание. Значимые различия выделены полужирным шрифтом. Ожидаемый для отвержения нулевой гипотезы об отсутствии различий уровень значимости скорректирован методом деления на количество сравнений (0,05/18 = 0,0028).

Жизнестойкость и восприятие времени как личностные ресурсы саморегуляции

Юлия В. Селезнева* , Наталья Е. Комерова , Анастасия Ю. Тарасова

Донской государственный технический университет, Ростов-на-Дону,
Российская федерация

* Почта ответственного автора: yulya.selezneva@gmail.com

Аннотация

Введение. Актуальность исследования обусловлена ситуацией повышенной неопределенности, новых геополитических рисков. В кризисных условиях развития общества необходимостью исследовать личностные ресурсы саморегуляции у людей, которые оказались в сложной жизненной ситуации. Наше исследование направлено на изучение личностных ресурсов саморегуляции людей, проживающих в зоне военного локального конфликта. **Методы.** В исследовании приняли участие 230 респондентов. Мы использовали методику «Опросник временной перспективы» Ф. Зимбардо, «Тест жизнестойкости» Мадди в адаптации Д.А. Леонтьева, «Стиль саморегуляции поведения» В.И. Моросановой, методику «Шкала контроля за действием» Ю. Куль, адаптация С.А. Шапкина), а для обработки результатов – статистический критерий U-Манна-Уитни, коэффициент корреляции r-Спирмена. **Результаты.** Временная перспектива «негативное прошлое» связана с низкими показателями жизнестойкости; а ориентация на будущее обеспечивает высокие показатели жизнестойкости и способность к проектированию и планированию. Ориентация на действие и способность человека реализовывать свои намерения связана с высокими показателями жизнестойкости, направленностью на будущее, способностью к гибкости, а также к корректировке программы действий под влиянием текущих изменений. **Обсуждение результатов.** Отношение ко времени и жизнестойкость – это значимые ресурсы саморегуляции, которые влияют на ее особенности, операционально-технические и личностные составляющие.

Ключевые слова

жизнестойкость, саморегуляция, временная перспектива, личностные ресурсы, контроль в действии, негативное прошлое, вовлеченность, принятие риска, планирование, направленность в будущее

Финансирование

Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда (проект № 23-18-00848) (2023 г.) «Исследование ценностно-смысловой сферы и разработка технологий психологической реабилитации населения региона в условиях локального военного конфликта и новых геополитических рисков»

Для цитирования

Селезнева, Ю.В., Комерова, Н.Е., Тарасова, А.Ю. (2024). Жизнестойкость и отношение ко времени как личностные ресурсы саморегуляции. *Российский психологический журнал*, 21(3), 75-91, <https://doi.org/10.21702/rpj.2024.3.5>

Введение

Вызовы современного мира – информационные перегрузки, нарастающая ситуация неопределенности – требуют от человека способности к самоорганизации, самостоятельности, гибкости, ответственности при принятии решений. Современные психологические исследования все больше сфокусированы на изучении личностных и адаптационных ресурсов и особенностей трансформации личности под влиянием ситуации неопределенности.

Жизнестойкость и интенциональность

Основа устойчивости личности к неопределенному будущему – жизнестойкость. Жизнестойкость, по Maddi (2004) – психологический феномен, проявляющийся в способности человека быть открытым новому опыту и действовать без гарантий успеха, быть вовлеченным в происходящие события; брать ответственность и осуществлять контроль в тех ситуациях, которые находятся в нашей власти. Другими словами, принимать решения, действовать в соответствии со своими задачами, ценностями, желаниями, преодолевая сопротивление окружающей среды.

Способность человека действовать напрямую связана с «интенсивностью переживания жизни», о чем в рамках анализа воли и «интенциональности» пишет Р. Мэй (2016). И воля, и интенциональность связаны с личной решимостью человека действовать определенным образом. Будущее становится временем, связанным с

личностью, благодаря установке «я сделаю его таким». В интенциональности как способности сознания иметь намерение, быть непрерывно направленным на что-то, человек обретает свою индивидуальность. «Конструктивное» беспокойство взаимосвязано с осознанием своих возможностей и способности человека к действию, а выраженные страхи и беспокойство нарушают связь с миром. Чрезмерная обеспокоенность «разрушает нашу связь со значимым содержанием знания и воли» (Tillich, 1995). Интенциональность как возможность устанавливать связи с миром и осуществлять созидательную деятельность дает возможность раскрыться жизнеспособности человека.

Осознанная саморегуляция

На сегодняшний день проблема саморегуляции активно разрабатывается в психологии (Banshchikova, Sokolovskii, & Korosteleva, 2022; Моросанова, 2022). Моросанова (2022) рассматривает осознанную саморегуляцию как метаресурс, «систему универсальных и специальных регуляторных компетенций человека, позволяющих осознанно и самостоятельно выдвигать цели, и управлять их достижением» (Моросанова, 2022, с. 15). Регуляторные личностные свойства (такие как автономность, способность к преодолению трудностей, креативность) могут выступать в качестве предикторов в формировании индивидуального стиля саморегуляции.

Осознанная саморегуляция позволяет управлять разными видами и формами произвольной активности на пути к достижению поставленных целей (Моросанова, 2022; Конопкин, 2004, 2006; Кадыкина, 2009) и определяет не только успешность в овладении новыми видами деятельности, но и способность человека к саморазвитию и реализации своего личностного потенциала.

Контроль за действием: ориентация на действие и ориентация на состояние

В реализации намерений и осуществлении действий существуют препятствия, основные из которых (Kuhl, 2000): первая диспозиция – ориентация на действие (в этом случае в результате сформированного намерения действие совершается произвольно и не требует дополнительных волевых усилий); вторая диспозиция – ориентация на состояние (чрезмерная концентрация на мыслях о переживании своих состояний, вследствие чего реализация действия затруднена).

Контроль в действии обеспечивают эмоциональный, мотивационный механизмы и контроль внимания – сосредоточение на значимой для реализации намерения информации и отвлечение от мешающих действию факторов; перцептивный контроль, контроль неудач и поведенческий контроль (Kuhl, 2000). Воля – удержание намерения в активном состоянии при благоприятных условиях и осуществление остановки активности при неблагоприятных через реализацию контроля за действием (Кормачёва, Донцов, Машкова, 2021).

Временная перспектива

Временная перспектива – субъективная картина жизненного пути человека (Головаха & Кроник, 2008; Нюттен, 2004).

Временная перспектива проявляется в жизненной позиции; жизненной линии (вектор движения) и жизненной перспективе (возможности для самореализации) (Абульханова, 2001), это некий фильтр, через который человек смотрит на мир (Зимбардо, 2010).

Личностные ресурсы в кризисных условиях развития общества

Жизнестойкость, саморегуляция, контроль за действием и временная перспектива – значимые личностные ресурсы человека, которые особенно важно изучать в кризисные периоды развития общества. Высокая стрессогенность, неопределенность, ситуации травмы и лишений могут оказаться ресурсами роста и «мобилизовать человека на изменение структуры и компенсаторное повышение качества саморегуляции своей жизнедеятельности» (Леонтьев, 2016, с. 24), выступая универсальными ресурсами саморегуляции. Универсальные ресурсы отвечают за переструктурирование связей во взаимодействии с миром и обеспечивают мобилизацию и адаптацию человека к изменяющимся условиям.

Ситуация стресса, жизненных потерь может существенным образом перестроить систему саморегуляции, включив компенсаторные механизмы и обеспечив тем самым высокое качество процессов саморегуляции.

Цель и гипотезы исследования

Цель исследования: изучение личностных ресурсов саморегуляции (отношения ко времени и жизнестойкости) у людей, проживающих в зоне локального военного конфликта.

Гипотезы исследования:

1. Отношение ко времени, жизнестойкость, контроль в действии могут выступать ресурсами саморегуляции
2. Жизнестойкость, отношение ко времени, особенности саморегуляции у людей, ориентированных на действие и ориентированных на состояние, будут иметь различия.

Методы

В исследовании приняли участие 230 человек (педагоги высшего образования, проживающие в зоне военного локального конфликта) в возрасте от 23 до 45 лет, из них – 109 мужчин и 121 женщина.

Были использованы методики:

- «Опросник временной перспективы» Ф. Зимбардо;
- «Тест жизнестойкости» Мадди в адаптации Д.А. Леонтьева;
- «Стиль саморегуляции поведения» В.И. Моросановой;
- «Шкала контроля за действием» Ю. Куль, адаптация С.А. Шапкина.

Для обработки результатов использовались статистический критерий U-Манна-Уитни, коэффициент корреляции r-Спирмена.

Результаты

Особенности волевого контроля

На первом этапе исследования мы изучили особенности волевого контроля («Контроль в действии», Ю. Куль).

На основе результатов по данной методике респонденты были разделены на две группы:

- 1 группа – респонденты с высокими баллами по шкале «Ориентация на действие» (51 человек);
- 2 группа – респонденты с высокими баллами по шкале «Ориентация на состояние» (58 человек);
- 3 группа – респонденты, 121 человек, попавшие в диапазон средних значений.

В данной статье дан сравнительный анализ результатов исследования респондентов первой и второй групп с высокими значениями по шкале «Ориентация на действие» (далее – Группа 1, N = 51 человек) и «Ориентация на состояние» (далее – Группа 2, N = 58 человек).

Жизнестойкость

Значения респондентов по методике «Тест жизнестойкости» представлены на рисунке 1. Мы можем зафиксировать высокие значения по всем шкалам методики «Тест Жизнестойкости» в группе респондентов с ориентацией на действие (Группа 1) в сравнении с Группой 2 (ориентация на состояние): «Вовлеченность» (10,62 и 7,10), «Контроль» (9,9 и 6,06), «Принятие риска» (10,05 и 6,9) и «Общий балл» (30,57 и 20,06), значимость различий проверена с применением статистического критерия U-Манна-Уитни.

Полученные результаты статистически достоверны и позволяют сделать предположение, что ориентация на действие может быть связана с проявлением готовности к риску и действию в условиях негарантированного результата, со способностью человека быть вовлеченным в активную деятельность, с убежденностью в возможность влиять на происходящие события и осуществлять выбор.

Рисунок 1

Результаты исследования по методике «Тест жизнестойкости Мадди» (в адант. Д. А. Леонтьева, результаты представлены в баллах

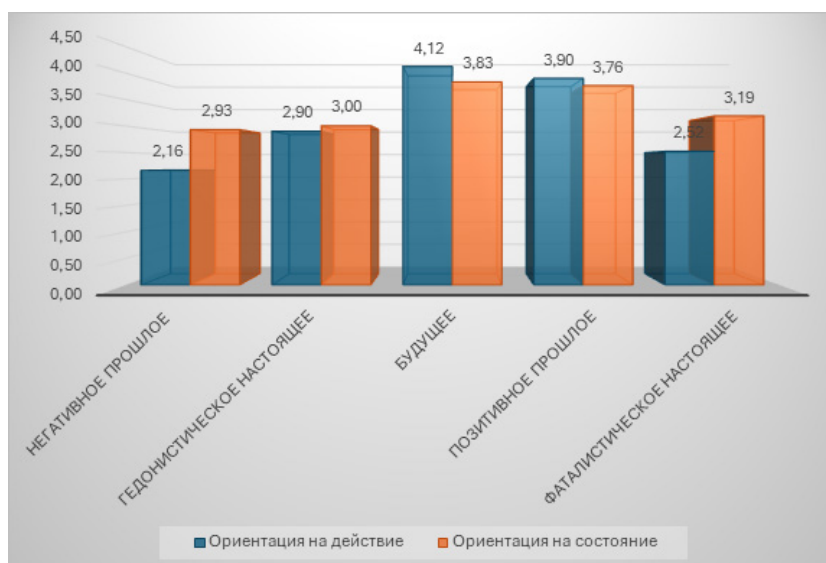

Временная перспектива

На следующем этапе мы проанализировали результаты исследования временной перспективы у респондентов с разной направленностью (ориентация на действие/состояние). На рисунке 2 представлены результаты исследования по методике Ф. Зимбардо «Опросник временной перспективы».

Рисунок 2

Результаты исследования по методике «Опросник временной перспективы» Ф. Зимбардо, в баллах

По шкале «Негативное прошлое» (2,93 и 2,16) в группе с ориентацией на состояние (группа 2) значения выше, чем в группе с ориентацией на действие (группа 1), что свидетельствует о меньшей способности респондентов группы 2 воспринимать свое прошлое как полезный и значимый опыт. В большей степени респондентам данной группы свойственно фокусироваться на негативных аспектах прошлого, интерпретировать его скорее как травматичный опыт.

По шкале «Позитивное прошлое» результаты в группе с ориентацией на действие (3,9) значимо выше, чем в группе с ориентацией на состояние (3,76), что позволяет говорить о принятии и осмысленности прошлого опыта, выраженной тенденции независимо от обстоятельств воспринимать его как полезный. По шкале «Фаталистическое настоящее» (2,5 и 3,19) более высокие результаты в группе с ориентацией на состояние, что характеризует данную группу респондентов как фаталистов, верящих в судьбу людей; в противовес выраженной веры в себя. По шкале «Будущее» также мы можем зафиксировать достоверно значимые различия в группах с ориентацией на действие (4,12) и с ориентацией на состояние (3,83), что говорит о высокой сформированности жизненных целей, способности конструировать образ будущего у респондентов с ориентацией на действие.

Таким образом, отношение ко времени может выступать ресурсом, позволяющим человеку с позитивным опытом прошлого опираться на свой опыт и рассматривать его как источник полезных навыков для преодоления жизненных трудностей. В то же время, негативная оценка прошлого взаимосвязана с «застреванием» в текущем состоянии, неспособностью прогнозировать и конструировать будущее, трудностями, связанными с преодолением внешних обстоятельств. Также, в случае высокой направленности на будущее, человек становится более жизнестойким и готовым к преодолению жизненных трудностей.

Особенности саморегуляции поведения

В рамках нашего исследования были проанализированы особенности саморегуляции респондентов, проживающих в зоне локального военного конфликта («Стиль саморегуляции поведения» В. И. Моросановой).

Данные в группе с ориентацией на действие (Группа 1) отражают более высокие, чем в группе с ориентацией на состояние (Группа 2), показатели по шкалам «Планирование» (6,9 и 6,45), «Моделирование» (7,47 и 4,88), «Программирование» (6,74 и 6,12), «Оценка результата» (6,5 и 5,67) и «Гибкость» (7 и 4,53), что позволяет утверждать, что респонденты, которые отличаются направленностью на действие, в большей степени склонны к планированию, прогнозированию результатов, оценке текущего состояния и корректировке способов действий в случае необходимости. Проявляя гибкость, респонденты данной группы в состоянии своевременно оценить текущие изменения, выделить наиболее значимые условия и скорректировать программы собственных действий. В ситуации неопределенности таким образом,

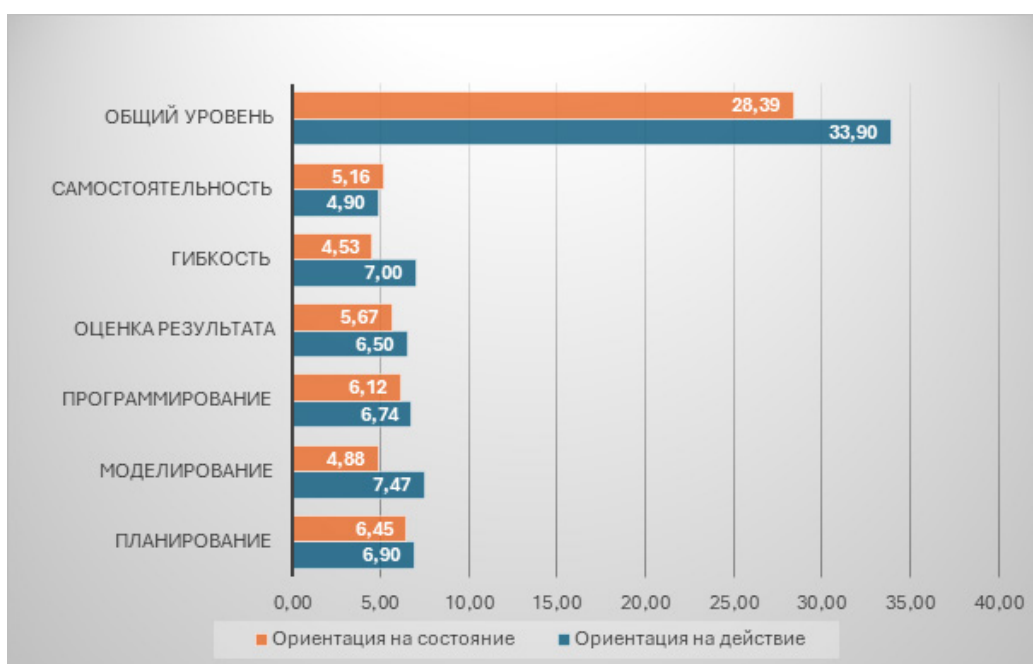
ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ, ФИЛОСОФИЯ И ПСИХОЛОГИЯ

респонденты данной группы могут быть более адаптированы и успешны. Полученные данные статистически достоверны, сводные результаты по методикам представлены в Таблице 1.

Профиль саморегуляции двух групп респондентов представлен на Рисунке 3.

Рисунок 3

Результаты исследования по методике «Стиль саморегуляции поведения» В.И. Моросановой, в баллах

Как видно на рисунке 3, у респондентов, проживающих в зоне локального военного конфликта, по всем шкалам саморегуляции преобладают высокие и средние значения с тенденцией к высоким. Это свидетельствует о том, что в ситуации затяжного стресса развитая система осознанной регуляции поведения может становиться личностным ресурсом для адаптации к постоянно меняющейся ситуации.

Высокие значения по шкалам «Планирование», «Моделирование», «Программирование» и «Оценка результатов» позволяют зафиксировать достаточно хорошие возможности саморегуляции: способность осознанно выдвигать цели и выделять комплекс наиболее значимых условий, необходимых для их достижения («моделирование»), четко детализировать исполнительские действия и обозначать алгоритм их реализации с опорой на конкретные условия среды («программирование»); возможность адекватно оценивать результаты своих действий («оценка результатов»). Для изучаемой выборки важным показателем являются высокие значения по шкале «Гибкость». Это позволяет сделать вывод о

том, что люди, проживающие в зоне локального военного конфликта, способны не только учитывать факторы, оказывающие влияние на достижение целей, но и быстро реагировать на текущие изменения, изменяя программу поведения в соответствии с новыми условиями среды. Возрастных и гендерных различий при этом выявлено не было.

Выявленные различия в группах сравнения по критерию Манна-Уитни представлены по всем методикам в сводной таблице результатов исследования.

Таблица 1

Сводная таблица результатов исследования по всем методикам в двух группах (средние значения, в баллах)

Шкалы методик	Ориентация на действие (группа 1)	Ориентация на состояние (группа 2)	Уровень значимости, p
Вовлеченность	10,62	7,10	0***
Контроль	9,90	6,06	0***
Принятие риска	10,05	6,90	0***
Общий балл	30,57	20,06	0***
Негативное прошлое	2,16	2,93	0***
Гедонистическое настоящее	2,90	3,00	0,243
Будущее	4,12	3,83	0,001**
Позитивное прошлое	3,90	3,76	0,087
Фаталистическое настоящее	2,52	3,19	0***
Планирование	6,90	6,45	0,33
Моделирование	7,47	4,88	0***
Программирование	6,74	6,12	0,006**
Оценка результата	6,50	5,67	0,003**
Гибкость	7,00	4,53	0***
Самостоятельность	4,90	5,16	0,551
Общий уровень	33,90	28,39	0***

Примечание: обозначено * – эмпирические значения r_s при $p < 0,05$; ** – эмпирические значения r_s при $p < 0,01$; *** – эмпирические значения r_s при $p < 0,001$

Представленные данные отражают достоверность различий в группах в отношении жизнестойкости, временной перспективы и стиля саморегуляции поведения и позволяют утверждать, что контроль в действии также может выступать в качестве личностного ресурса саморегуляции.

Корреляционный анализ

На заключительном этапе исследования был проведен корреляционный анализ r -Спирмена с целью выявления связей между показателями жизнестойкости, саморегуляции и временной перспективы у респондентов групп сравнения. Анализ корреляционных связей в группе «Ориентация на состояние» показал обратные взаимосвязи шкалы «Негативное прошлое» и шкал «Вовлеченность» (-0,502**), «Контроль» (-0,311**), «Принятие риска» (-0,742**), «Общий уровень саморегуляции» (-0,381**), «Моделирование» (-0,377**) (табл. 2).

Таблица 2

Результаты корреляционного анализа по критерию r -Спирмена в группе «Ориентация на состояние».

	Вов- лечен- ность	Конт- роль	Приня- тие риска	Общий уровень	Нега- тивное прош- лое	Гедо- нисти- ческое настоя- щее	Буду- щее	Фата- листи- ческое настоя- щее
Общий уровень							0.393**	
Негатив- ное прошлое	-0.502***	-0.311*	-0.742***	-0.381**				
Фаталис- тическое настоящее	-0.399**	-0.409**	-0.418**	-0.386**				
Плани- рование		0.339*		0.66***	-0.294*		0.6***	-0.279*
Модели- рование	0.411**	0.492***	0.425**	0.547***	-0.377**	-0.368**		-0.472***
Програм- мирование	0.284*		0.296*	0.713***			0.344*	
Оценка результата	0.414**			0.519***	-0.36**	-0.289*		-0.409**
Гибкость			0.316*	0.449***				

Примечание: обозначено * – эмпирические значения r_s при $p < 0,05$; ** – эмпирические значения r_s при $p < 0,01$; *** – эмпирические значения r_s при $p < 0,001$

При ориентации на состояние фиксации на негативном прошлом существенно снижает адаптационные возможности человека и проявление жизнестойкости. Данные результаты эмпирически доказывают взаимосвязь жизнестойкости и отношения ко времени, а также нашу гипотезу об отношении ко времени как о личностном ресурсе саморегуляции. Чем более негативно человек оценивает свой прошлый опыт, тем более низким уровнем жизнестойкости он обладает. Следовательно, неспособность переосмыслить и принять свой прошлый опыт может существенно снижать ресурсы личности в плане совладания со стрессовыми ситуациями в настоящем и способностью проектировать будущее.

Шкала «Гедонистическое настоящее» связана со шкалами «Вовлеченность» (-0,399**), «Контроль» (-0,409**), «Принятие риска» (-0,418**), «Общий уровень саморегуляции» (-0,386**), «Моделирование» (-0,368**), «Оценка результатов» (-0,289**), «Самостоятельность» (0,416**). Так, ориентация респондентов на получение удовольствия в настоящем обратно пропорциональна уровню жизнестойкости: чем больше человек стремится к удовольствию и наслаждению в настоящем, тем менее он способен проявить готовность к риску и возможность управлять событиями своей жизни.

Возможно, для людей, ориентированных на гедонистическое настоящее, большое значение имеет эмоциональный баланс. Тенденция «здесь и сейчас» получать положительные эмоции часто исключает возможности более осмысленно относиться к обстоятельствам и событиям собственной жизни, что, безусловно, может негативно отражаться на возможностях осознанной саморегуляции, что и было подтверждено в нашем исследовании.

Общий уровень саморегуляции респондентов с ориентацией на состояние и высоким стремлением к удовольствию в настоящем обратно коррелирует со способностью к моделированию, оценке результатов деятельности. Шкала «Будущее» положительно взаимосвязана со шкалами саморегуляции «Программирование» (0,344*) и «Планирование» (0,6***), что закономерно отражает когнитивно-поведенческий компонент направленности в будущее (табл. 3).

Таблица 3

Результаты корреляционного анализа по критерию r-Спирмена в группе «Ориентация на действие».

	Конт- роль	Приня- тие риска	Плани- рова- ние	Моде- лиро- вание	Про- рам- миро- вание	Оценка результата	Гиб- кость	Са- мосто- ятель- ность
Вовле- ченность	0.498***	0.64***						
Контроль		0.621***					0.325*	

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ, ФИЛОСОФИЯ И ПСИХОЛОГИЯ

	Конт- роль	Приня- тие риска	Плани- рова- ние	Моде- лиро- вание	Про- рам- миро- вание	Оценка резуль- тата	Гиб- кость	Са- мосто- ятель- ность
Принятие риска								
Общий уровень			0.689***	0.411**	0.67***	0.572***	0.456***	0.297*
Негатив- ное прошлое	-0.399**	-0.423**					-0.286*	
Гедо- нисти- ческое настоя- щее						-0.288*		0.336*
Будущее	0.317*	0.376**	0.431**					

В группе «Ориентация на действие» были получены следующие результаты: Шкала «Негативное прошлое» находится в отрицательной взаимосвязи со шкалами «Контроль» (-0,399**), «Принятие риска» (-0,423**), «Гибкость» (-0,286**), что согласуется с результатами исследования и позволяет сделать общий для всей выборки вывод о влиянии негативного отношения к прошлому опыту, особенностей проявления жизнестойкости и саморегуляции. Способность к корректировке программ поведения под влиянием изменяющихся условий (шкала «Гибкость») в случае негативной оценки прошлого опыта также снижается и человек становится более ригидным к изменениям. Шкала «Будущее» положительно связана со шкалами «Контроль» (0,317*), «Принятие риска» (0,376**), «Планирование» (0,431**), что позволяет утверждать, что респонденты данной группы тем более проявляют жизнестойкость, чем в большей степени они направлены в будущее.

Обсуждение результатов

Проблема жизнестойкости и отношения ко времени как личностных ресурсов саморегуляции широко представлена у отечественных и зарубежных исследователей. Саморегуляция личности, вообще, изучается в связи с временной перспективой и жизнестойкостью (Анисимова, 2022), восприятием времени и временной перспективой (Баранова, Яковлева, 2020; Baird et al., 2022; Chen, Liu & Cui, 2021; Klamut & Weissenberger, 2023), рефлексией (Годунов, Комерова,

2023), гендером (Селезнева, Комерова, 2023). Meng et al. (2023) описывали связь между прокрастинацией, самоконтролем и временной перспективой будущего, а Witowska, Zajenkowski & Wittmann (2020) описывали роль самоконтроля и уровня невротизма в интеграции сбалансированной временной перспективы и восприятия времени. В статье Русакова С.В. об исследовании взаимосвязи жизнестойкости и особенностей временной перспективы у осужденных, отбывающих наказание в колонии строго режима, показано, что чем выше у респондентов значения по шкале «Негативное прошлое», тем ниже уровень жизнестойкости, что полностью согласуется с результатами нашего исследования (Русаков, 2022). Необходимо заметить, что в настоящее время отношение ко времени исследуется как ресурсная характеристика личности. Так, Духновский С.В. отмечает, что отношение ко времени можно рассматривать как личностный ресурс, позволяющий адаптироваться в том числе и в ситуации кризиса (Духновский, 2022, с. 59). По мнению автора, отношение ко времени (как управление своим временем) является ресурсной характеристикой личности, определяющей возможности самореализации и эффективность в преодолении трудностей. Аналогичные взгляды мы можем обнаружить и у Мартыановой Г. Ю., которая утверждает, что «...временная перспектива является частью регуляторного опыта человека и может выступать осознанным ресурсом совладания с жизненными трудностями» (Марьянова, 2020, с. 40).

Саморегуляция и самоконтроль выступают предикторами, влияющими на взаимосвязь между отношением ко времени и прокрастинацией (Wang & Sun, 2023). Люди, которые при принятии решений имеют положительное ожидание будущих результатов (отношение к времени), будут регулировать свое текущее поведение (самоконтроль) так, чтобы добиваться реализации долгосрочных целей, тем самым снижая риск прокрастинации (Wang & Sun, 2023; Goschke & Job, 2023). Более того, индивидуальные различия во временных перспективах влияют на отношение людей к здоровому образу жизни. Так, люди с высокой ориентацией на будущее более осознанно относятся к здоровью, ориентируясь не на сиюминутные удовольствия, а на долгосрочную перспективу (Guo, Lou & Zhang, 2023; Makarova, Makarova & Korovin, 2022).

Отдельное направление исследований – изучение особенностей саморегуляции спортсменов и условий при которой система саморегуляции становится пластичной и устойчивой. Так, Молодожников И.А., Гусейнов А.Ш., изучая спортсменов-капоэйров, эмпирически доказывают, что капоейры преимущественно развивают систему саморегуляции через агентные качества (конструктивные стратегии преодоления, личная зрелость, личная гармония) с ростом спортивной квалификации. Таким образом, с увеличением профессионального мастерства, развивается система саморегуляции через развитие общего потенциала личности (Molodozhnikov, Guseinov, 2024) Данные выводы соотносятся с результатами, полученными нами в отношении взаимосвязи особенностей саморегуляции и личностного потенциала (жизнестойкости и отношения ко времени).

Результаты исследования других авторов согласуются с нашими результатами в части взаимосвязи отношения ко времени и жизнестойкости как личностных ресурсов саморегуляции.

Заключение

Д. А. Леонтьев разделял ресурсы на психологические ресурсы устойчивости (ценности, устойчивая самооценка, право принятия решений); психологические ресурсы саморегуляции (мера контроля над обстоятельствами жизни, стратегии взаимодействия с неопределенностью, гибкость, ориентацию на действие или состояние (Ю. Куль), готовность к риску); мотивационные (стратегии совладания со стрессом) и инструментальные ресурсы (индивидуальные особенности человека).

Психологические ресурсы саморегуляции связаны с отношением человека ко времени, жизнестойкостью, самоконтролем. Временная перспектива во многом определяет способность человека действовать в ситуации неопределенности, быть вовлеченным и воспринимать любой опыт как значимый и важный, актуализировать личностный потенциал и быть готовым к риску, к действию в условиях негарантированного результата. Так, временная перспектива «негативное прошлое» по результатам нашего исследования связана с низкими показателями жизнестойкости; направленность на будущее, напротив, обеспечивает высокие показатели жизнестойкости (принятие риска, контроль), а также способность к проектированию и планированию.

Общий уровень саморегуляции положительно связан со всеми шкалами опросника жизнестойкости и шкалой опросника временной перспективы «Будущее».

При высоком уровне саморегуляции человек в большей степени способен автономно принимать решения, анализируя внешние и внутренние условия среды, и при необходимости менять стратегию поведения. Нами были выявлены значимые отрицательные связи по шкале «Негативное прошлое» со всеми показателями Жизнестойкости, общим уровнем саморегуляции и шкалой «Моделирование». При оценке своего прошлого как негативного, значительно снижается возможность разработки субъектом адекватных программ действий на основе учета внутренних и внешних условий. Особенно ярко эта тенденция проявляется в ситуациях неопределенности и стресса, когда гибкость в принятии решений напрямую влияет на успешность социально-психологической адаптации. Все шкалы жизнестойкости («Готовность к риску», «Контроль», «Вовлеченность») значимо отрицательно связаны со шкалой Фаталистическое настоящее. Полученные результаты позволяют нам рассматривать отношение ко времени, жизнестойкость и контроль в действии как личностные ресурсы саморегуляции, во многом определяющие возможность человека справляться со стрессом и выстраивать продуктивные стратегии поведения.

Литература

- Абульханова, К.А., Березина, Т.Н. (2001). *Время личности и время жизни*. Алетейя.
- Анисимова, Д.О. (2022). Временная перспектива юношей с разным уровнем жизнестойкости. *Мировая наука*, (11(68)), 17–25.
- Банщикова, Т.Н., Соколовский, М.Л., Коростелёва, Т.В. (2022). Саморегуляция и толерантность к неопределенности как ресурсы субъективного благополучия современной молодежи: кросс-культурный аспект. *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: Психология и педагогика, 19(4), 717–743. <https://doi.org/10.22363/2313-1683-2022-19-4-717-743>
- Баранова, А.В., Яковлева, Н.В. (2020). Возможные я и особенности саморегуляции в контексте субъективного восприятия времени. *Личность в меняющемся мире: здоровье, адаптация, развитие*, 8(3), 327–337.
- Годунов, М.В., Комерова, Н.Е. (2023). Рефлексия как предиктор отношения к временной перспективе. *Инновационная наука: психология, педагогика, дефектология*, 6(4), 64–72. <https://doi.org/10.23947/2658-7165-2023-6-4-64-72>
- Головаха, Е.И., Кроник, А.А. (2008). *Психологическое время личности*. Смысл.
- Духновский, С.В. (2022). Отношение ко времени как ресурсная характеристика личности. *Вестник Калужского университета. Серия 1. Психологические науки. Педагогические науки*, 5(1(14)), 55–61.
- Зимбардо, Ф., Бойд, Дж. (2010). *Парадокс времени. Новая психология времени, которая улучшит вашу жизнь*. Речь.
- Кадякина, Н. М. (2009). Диагностика мотивационно-динамических особенностей личностной устойчивости и саморегуляции. *Северо-кавказский психологический вестник*, 7(2), 47–51. EDN RCQFUJ.
- Конопкин, О.А. (2004). Общая способность к саморегуляции как фактор субъектного развития. *Вопросы психологии*, 2, 127–135.
- Конопкин, О.А. (2006) Участие эмоций в осознанной регуляции целенаправленной активности человека. *Вопросы психологии*, 3, 39–48.
- Кормачёва, И.Н., Донцов, Д. А., Машкова, Л. А. (2021). Влияние системных идей Ю. Куля на советскую и российскую психологию воли. *История психологии и психологии истории*, 1(37), 109–120. <https://doi.org/10.25688/2223-6872.2021.37.1.9>
- Леонтьев, Д. А. (2016) Саморегуляция, ресурсы и личностный потенциал. *Сибирский психологический журнал*, 62, 18–37. <https://doi.org/10.17223/17267080/62/3>
- Makarova, E. A., Makarova, E. L., & Korovin, I.S. (2022). Time perception and time management during COVID-19 pandemic lockdown. *International Journal of Cognitive Research in Science, Engineering and Education (IJCRSEE)*, 10(1), 57–69.
- Мартыанова, Г.Ю. (2020). Исследование связи временной перспективы и саморегуляции в трудной жизненной ситуации. *Психолог*, (1), 34–43.
- Моросанова, В.И. (2022). Психология осознанной саморегуляции: от истоков к современным исследованиям. *Теоретическая и экспериментальная психология*, 3(15), 57–82. <https://doi.org/10.24412/2073-0861-2022-3-57-82>
- Мэй, Р. (2016). *Любовь и воля*. ЭБС "Букап".
- Нюттен, Ж. (2004). *Мотивация, действие и перспектива будущего: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по направлению и специальностям психологии*. Смысл.
- Русаков, С.В. (2022). Взаимосвязь жизнестойкости и временной перспективы в структуре жизненных планов осужденных, отбывающих наказания в колонии строгого режима. *Прикладная юридическая психология*, (4 (61)), 64–71.

- Baird, H. M., Webb, T. L., Sirois, F. M., & Gibson-Miller, J. (2021). Understanding the effects of time perspective: A meta-analysis testing a self-regulatory framework. *Psychological Bulletin*, 147(3), 233–267. <https://doi.org/10.1037/bul0000313>
- Chen, T., Liu, L., Cui, J., et al. (2021). Balanced Time Perspective and Life Satisfaction: The Mediating Role of «Temporal Negative Affect». *Journal of Happiness Studies*, 22, 2563–2574. <https://doi.org/10.1007/s10902-020-00330-9>
- Goschke, T., & Job, V. (2023). The Willpower Paradox: Possible and Impossible Conceptions of Self-Control. *Perspectives on Psychological Science*, 18(6), 1339–1367. <https://doi.org/10.1177/17456916221146158>
- Guo, M., Lou, Y. & Zhang, N. (2023). Consideration of future consequences and self-control mediate the impact of time perspectives on self-rated health and engagement in healthy lifestyles among young adults. *Current Psychology*, 42, 19670–19680. <https://doi.org/10.1007/s12144-022-03135-6>
- Klamut, O., & Weissenberger, S. (2023). Embodying Consciousness through Interoception and a Balanced Time Perspective. *Brain Sciences*, 13, 592. <https://doi.org/10.3390/brainsci13040592>
- Kuhl, J. (2000). A functional-design approach to motivation and self-regulation: The dynamics of personality systems interactions. In Boekaerts, M., Pintrich, P.R., & Zeidner, M (Eds.), *The Handbook of Self-Regulation*, pp .112–163.
- Maddi, S. R. (2004) Hardiness: An Operationalization of Existential Courage. *Journal of Humanistic Psychology*, 44(3), 279–298. <https://doi.org/10.1177/0022167804266101>
- Meng, D., Zhao, Y., Guo, J. et al. (2023). The relationship between bedtime procrastination, future time perspective, and self-control. *Current Psychology*, 42, 11378–11387. <https://doi.org/10.1007/s12144-021-02419-7>
- Molodozhnikov, I. A., Guseinov, A. Sh., (2024). Agentic self-regulation of capoeira athletes of different sports qualifications. *Psychology in Russia: State of the Art*, 17(3), 81–95. <https://doi.org/10.11621/pir.2024.0306>
- Tillich, P. (1995). *The courage to be*. Favorites.
- Price, M., Higgs, S., & Lee, M. (2017) Self-control mediates the relationship between time perspective and BMI. *Appetite*. <https://doi.org/10.1016/j.appet.2016.09.034>
- Selezneva, Y.V., & Komerova, N.E. (2023). Features of self-regulation and resilience of higher education teachers: gender aspect. *Proceedings of the International University Scientific Forum «Practice Oriented Science: UAE – RUSSIA – INDIA»*. (November 25, UAE).
- Wang, J., & Sun, Y. (2023) Time flies, but you're in control: the mediating effect of self-control between time attitude and academic procrastination. *BMC Psychology*, 11, 393. <https://doi.org/10.1186/s40359-023-01438-2>
- Witowska, J. Zająkowski, & M. Wittmann, M. (2020) Integration of balanced time perspective and time perception: The role of executive control and neuroticism, *Personality and Individual Differences*, 163. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2020.110061>

Поступила в редакцию: 02.02.2024

Поступила после рецензирования: 20.03.2024

Принята к публикации: 24.07.2024

Заявленный вклад авторов

Юлия Викторовна Селезнева – теоретическое обоснование, построение концепции научного исследования, описание результатов.

Наталья Евгеньевна Комерова – описание выборки, статистическая обработка результатов, обзор литературных источников по тематике исследования, подготовка раздела «Обсуждение результатов».

Анастасия Юрьевна Тарасова – проведение исследования, обработка и графическое представление результатов.

Информация об авторах

Юлия Викторовна Селезнева – кандидат психологических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Донской государственной технической университет», Ростов-на-Дону, Российская Федерация; Scopus ID 57221206891; SPIN-код РИНЦ: 5438-7586, AuthorID: 1084160; ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-0630-5051>; e-mail: yulya.selezneva@gmail.com

Наталья Евгеньевна Комерова – ассистент кафедры «Общая и консультативная психология» ФГБОУ ВО «Донской государственной технической университет», Ростов-на-Дону, Российская Федерация; Web of Science ResearcherID: ABG-5445-2021; SPIN-код: 8656-9790, AuthorID: 1131361; ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-7129-3320>; e-mail: komerova.nata@gmail.com

Анастасия Юрьевна Тарасова – аспирант, ФГБОУ ВО «Донской государственной технической университет», Ростов-на-Дону, Российская Федерация; SPIN-код: 3496-5754; <https://orcid.org/0009-0003-3795-0632>; e-mail: na.design91@gmail.com

Информация о конфликте интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Научная статья

УДК: 159.9

<https://doi.org/10.21702/rpj.2024.3.6>

Исследование ценностных оснований идентичности с местом проживания: субъектный подход

Оксана Р. Тучина , Иван А. Аполлонов

Кубанский государственный технологический университет, Краснодар,
Российская Федерация

*Почта ответственного автора: tuchena@yandex.ru

Аннотация

Введение. Исследование феномена идентичности с местом проживания, его структуры и влияния на разные аспекты человеческой жизни является актуальной научной задачей. Цель нашего исследования – выявление ценностных оснований идентичности с городом в рамках субъектного подхода. **Методы.** Выборку исследования составили 447 респондентов, жителей Краснодара. Инструментарий включал шкалу Droseltis & Vignoles в авторском переводе, методику Б. Кайгородского в авторской модификации, «Личностный опросник изучения индивидуальных ценностей». Для обработки данных были использованы описательные статистики, дисперсионный анализ, корреляционный и регрессионный анализы. **Результаты.** Результаты исследования показали, что длительность проживания является значимым фактором идентичности с местом: респонденты, родившиеся и выросшие в условиях исследуемого города, значимо выше оценивают и свою глубинную связь с городом, и возможности реализации в нем. В группе коренных краснодарцев предикторами аспектов идентичности с городом «Аутентичность личности в городской среде» и «Самореализация в городской среде» являются ценности социального фокуса – Сохранения и Самопреодоления, ценностным основанием параметра идентичности «Самореализация в городской среде» является ценность Открытости изменениям. У респондентов, сознательно выбравших Краснодар в качестве места проживания, ценностным основанием параметра «Аутентичность личности в городской среде» является ценность Самопреодоление, в основе самореализации

в городской среде как фактора идентичности с местом у данной группы выявлена ценность Самоутверждения. Для респондентов, рассматривающих проживание в городе как временное, ценностным предиктором идентичности с городом является Открытость изменениям, на аутентичность личности в городской среде влияет выраженность ценность Сохранения. **Обсуждение результатов.** Результаты исследования расширяют применение субъектного подхода, идентичность с местом проживания может рассматриваться как проявление субъектности личности, как частный случай освоения личностью своих бытийных пространств. Результаты исследования могут быть использованы в разработке программ, направленных на интеграцию городского сообщества.

Ключевые слова

идентичность с местом проживания, идентичность с городом, идентичность, ценности, личностный смысл, субъектный подход

Финансирование

исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда и Кубанского научного фонда (проект 24-18-20075 «Культурный код города: визуальный аспект»)

Для цитирования

Тучина, О. Р., Аполлонов, И. А. (2024). Исследование ценностных оснований идентичности с местом проживания: субъектный подход. *Российский психологический журнал*, 21(3), 92-111. <https://doi.org/10.21702/rpj.2024.3.6>

Введение

Идентичность современного человека становится динамичным феноменом: она формируется и трансформируется в быстро меняющихся социокультурных условиях, что таит в себе угрозу размывания ценностно-смысловых оснований личностной самоидентичности. В этой связи актуализируется проблема поиска и обретения человеком ценностных оснований своего бытия, стремление понять самого себя, свои мотивы, цели, жизненные ценности. Идентичность с местом (place identity) является одним из основных источников построения ценностно-смысловой структуры личности, поскольку именно данный локус бытия формирует основу жизненного мира человека (Аполлонов, Тарба, 2023).

Место, пространство, территория проживания в современной науке рассматриваются не только как физические константы, но и сфера формирования личных смыслов, ценностей, жизненных планов человека (Муравьева и др., 2017).

Как показывает ряд исследований, идентичность с местом проживания является предиктором социальной активности человека, экологического поведения, а также особенностей его взаимоотношений с ближайшим окружением (Manzo, & Perkins, 2006; Dono et al., 2010; Bals et al., 2011; Неяскина, Бутова, 2015; Богомаз, Литвина, Муравьева, 2016). Соответственно, актуальной научной и практической задачей становится исследование феномена идентичности с местом проживания, его структуры и влияния данного вида идентичности на разные аспекты человеческой жизни.

Категория «идентичность с местом» в современной науке

В современных исследованиях существует большое разнообразие терминов, с помощью которых описываются процессы взаимосвязи человека и места его проживания. Наиболее часто используемыми являются такие понятия, как «place identity» – «идентичность места» и «местная идентичность» (Bernardo & Palma-Oliveira, 2016; Lemée et al., 2019; Ujang, 2017). Вместе с данным термином используют понятия «sense of place» (чувство места) (Shawket, 2018), «place attachment» (привязанность к месту) (Ujang, Zakariya 2015) и «local identity» (местная идентичность) (Shao, Binyi, 2018). В работах российских ученых также используются множество понятий и трактовок для определения человека в среде проживания: «территориальная идентичность», «локальная идентичность», «городская идентичность», «привязанность к месту», «местное сообщество» и др. В данный момент имеются попытки выстроить эти понятия в иерархическую систему – от наиболее общего к частному. Например, отмечается, что наиболее общим и основополагающим является термин «identity in landscape» (букв. «идентичность в ландшафте»). В русскоязычных исследованиях аналогом может служить понятие «культурный ландшафт», или «идентичность ландшафта» (Dredge, Jenkins, 2003). По мнению ученых, данное понятие отражает не столько физические характеристики масштаба территории, сколько культурный аспект. Этот конструкт в зарубежных исследованиях включает такие феномены, как региональная, городская, локальная (местная) идентичности («local identity»), но не охватывает всего существующего разнообразия понятий (например, «territorial identity»).

Концептуальные границы между данными понятиями остаются предметом дискуссий: привязанность к месту рассматривают как компонент идентичности места (Lalli, 1992), включают идентичность с местом в «sense of place» (Shamai, 1991), идентичность с местом отождествляют с привязанностью, критерием наличия которой является желание жить в данном месте или возвращаться туда (Hidalgo, Hernández, 2001; Giuliani, 2003; Manzo, 2006).

В последние годы наметилась тенденция рассматривать идентичность с местом как многомерный конструкт, включающий привязанность (аффективный компонент), идентификацию себя с данным местом (когнитивный компонент) и зависимость от места (поведенческий компонент), а также включают в него социальные связи (Belanche et al., 2017).

Одним из важных факторов локальной идентичности исследователи считают длительность проживания, которая является предиктором эмоционального и когнитивного аспектов идентичности с местом (Altman & Low, 1992; Nientied et al., 2019), однако связь эта нелинейная и обусловлена целым рядом факторов (Rollero & De Piccolo, 2010). Наиболее значимым фактором являются цели и ценности индивида, определяющие, насколько он ориентирован на освоение данного места как бытийного пространства личности (Фоменко, 2018). В социальных науках дифференцируют категории «родные» и «неродные» места проживания (Шютц, 2003). «Родные» места проживания характеризуются связью с прошлым, определенным опытом (и в эмоциональном, и в символическом смысле). «Неродные» – это «места прибежищ», не-места (Оже, 2017), которые преимущественно носят утилитарно-функциональный смысл. «Неродные места – вынужденные места, куда мы отправляемся как на чужбину: на работу, на учебу, в эмиграцию, ссылку» (Бороноев, Тхакахов, 2021, с. 99).

С позиций субъектного подхода, учитывающего активность субъекта в городском пространстве, жизненное пространство личности в рамках определенного населенного пункта, где происходит каждодневная реализация ее потребностей, формирование целей и личностных смыслов, является для нее значимым бытийным пространством. Претворяя свою субъектность в пространстве данного места, реализуя ключевую модальность субъекта – «способность преобразовывать внешнее по законам внутреннего» (Рябикина и др., 2023, с. 62), человек не только осваивает городское пространство, наделяя его новыми смыслами, но и изменяет свое отношение к нему, свои установки, жизненные планы. Соответственно, в исследованиях идентичности с местом проживания необходимо учитывать не только длительность нахождения человека в определенном месте, но его установки, жизненные планы по отношению к данному месту.

Одной из главных проблем исследования идентичности с местом проживания является недостаточность методического инструментария эмпирических исследований. Так, методы исследования городской идентичности в зарубежных исследованиях в основном опираются на опросник M. Lalli и его модификации (Belanche et al, 2017; Nientied et al, 2019). Привязанность к месту проживания также исследуют при помощи многомерных шкал с такими измерениями, как: знакомство с местом, принадлежность, удовлетворенность, социальные связи, зависимость от места, укорененность, идентичность с местом (Scannel & Gifford, 2010; Lewicka, 2011; Shamai & Ilatov, 2005). Сам конструкт «городская идентичность» является неоднозначной категорией и рассматривается, с одной стороны, как принадлежность личности определенному сообществу («community identity»), а с другой – как привязанность к городскому пространству, осмысление его привлекательности, исторических и культурных особенностей («place identity») (Озерина, Тимофеева, 2019). В ряде работ городская идентичность позиционируется как совокупность различных факторов (социальных, визуально-пространственных, коммуникативно-пространственных, историко-культурных, психологических),

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ, ФИЛОСОФИЯ И ПСИХОЛОГИЯ

исследование которых проводится методом интервью или анкетирования, с применением психосемантических и проективных методов, ассоциативного эксперимента (Тимофеева и др., 2021; Федотова, 2017; Filep et al., 2014).

Идентичность с местом является многомерным конструктом, охватывающим связи между материальными объектами данного места и личностными смыслами жителей, поэтому многие исследователи считают необходимым сочетание методологий и методов исследования данного явления и помещению его в более широкий социальный контекст (Moulay et al., 2018; Araújo de Azevedo et al., 2013; Nientied et al., 2019).

В нашем исследовании мы будем использовать термин «идентичность с городом», понимая под ним внутриличностный конструкт как результат осмысления и переживания человеком принадлежности определенному городу с его культурно-историческими и географическими особенностями.

Идентичность с городом, отражающая восприятие и понимание себя человеком в контексте определенной среды, ключевым моментом которой является личный опыт освоения культурного и социального пространства, является объектом исследований на основе шкалы идентичности с местом проживания Droseltis, O. & Vignoles, V.L. (Droseltis, Vignoles, 2010). Данная шкала обладает как универсальностью, поскольку позволяет исследовать особенности локальной идентичности личности, так и гибкостью, поскольку может применяться для изучения идентичности индивида с конкретным местом.

Поскольку смысловая структура повседневного мира человека опирается на ряд значимых, «якорных» точек ориентации в его социокультурном пространстве, место, к которому индивид испытывает привязанность, формирует его ценности и смыслы (Бороноев, Тхакахов, 2021). В ряде работ результаты исследования гражданской, этнической, религиозной идентичности выявили, что они могут быть детерминированы разными ценностями (Roccas et al., 2010; Лепشوкова, 2021; Галяпина, 2021; Федотова, 2024). Исследование ценностных аспектов идентичности с городом показало, что субъективная оценка реализуемости ценностей в среде города является существенным фактором идентификации с городом (Lalli, 1992; Муравьева и др., 2017; Богомаз и др., 2016).

Исследование ценностных детерминант идентичности опирается на теорию базовых ценностей Ш. Шварца (Шварц и др., 2012), который выделил 19 ценностей с различным мотивационным смыслом, объединив их в четыре метаценности:

- «Открытости изменениям» (Openness to change), которые характеризуют готовность к новым или преобразующим идеям, действиям и переживаниям и включают ценности самостоятельности, стимуляции и гедонизма;
- «Самоутверждения» (Self-Enhancement), которые фокусируются на удовлетворении собственных интересов и состоят из ценностей власти, достижений и репутации;

- «Сохранения» (Conservation), которые ориентированы на избегание изменений, самоограничение и порядок, включают ценности конформизма, безопасности и традиций;
- «Самопреодоления» (Self-Transcendence), ориентированные на преодоление личных интересов ради других и включающие благожелательность, заботу и универсализм.

Согласно субъектному подходу, личность «самоактуализируется, реорганизуя объективные пространства своей жизни в соответствии со структурой личностных смыслов и преобразуя их в пространство своего бытия» (Рябикина и др., 2023, с. 62). Исследование ценностных детерминант идентичности с местом проживания респондентов с разными периодами и установками проживания в городе с позиций субъектного подхода позволяет рассматривать данный феномен как проявление субъектности личности, как частный случай освоения личностью своих бытийных пространств.

Цель и задачи исследования

Цель исследования: выявление ценностных оснований идентичности с городом в контексте субъектного подхода.

Задачи исследования:

1. Сравнительный анализ выраженности идентичности с городом в группах респондентов с разными периодами и установками проживания в городе.
2. Выявление ценностных детерминант идентичности с городом в данных группах респондентов.
3. Исследование качественными методами смысловой наполненности параметров идентичности с городом (лично-смысловых аспектов идентичности).
4. Рассмотрение ценностных оснований идентичности с городом респондентов с разными периодами и установками проживания в городе с позиций субъектного подхода.

Методы

Выборка

Выборку исследования составили 447 респондентов, жителей Краснодара, в возрасте от 16 до 70 лет ($M = 22,6$; $SD = 8,29$);

- пол: женский – 225 человек (50,3%), мужской – 222 человека (49,7%);
- уровень образования: высшее – 25%, неполное высшее – 58,8%, среднее специальное – 16,3%;

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ, ФИЛОСОФИЯ И ПСИХОЛОГИЯ

- этническое большинство (русские) – 83,7%, этническое меньшинство (армяне, адыги, украинцы, татары, греки) – 14,3%.

Выборка была разделена на три группы в соответствии с периодами и обстоятельствами проживания в городе (табл. 1):

- В первую группу вошли респонденты, родившиеся и всю жизнь (или основную часть жизни) прожившие в Краснодаре, для которых город является «малой родиной»;
- Вторую группу составили те респонденты, кто переехал в город на постоянное место жительства вследствие своего выбора или стечения обстоятельств в осознанном возрасте.
- Третья группа – респонденты, проживающие в городе временно.

Таблица 1

Гендерные и возрастные характеристики выборки

Группы респондентов	Кол-во (N, %)	возрастные характеристики			пол	
		M	Min-Max	SD	муж (N, %)	жен (N, %)
Группа 1	190 (42,5)	23,3	16-70	8,9	90 (47,4)	100 (52,6)
Группа 2	143 (32)	20,7	18-55	6,1	73 (51,1)	70 (48,9)
Группа 3	114 (25,5)	20,3	16-47	4,8	59 (51,7)	55 (48,3)

Примечание. N – общий объем выборки; M – среднее значение; Min – минимальный возраст; Max – максимальный возраст; SD – стандартное отклонение.

Методики

Инструментарий включал шкалу Droseltis, O. & Vignoles, V.L. в авторском переводе. Данная методика была переведена на русский язык, с помощью экспертного опроса адаптирована в соответствии с российскими культурными особенностями и проверена на надежность шкал на выборке из 431 респондента (Тучина, 2024).

В результате адаптации методики были выделены два фактора: «Аутентичность личности в городской среде» и «Самореализация в городской среде». Первый отражает смыслообразующие характеристики идентичности с городом, позволяющие человеку почувствовать свою подлинность, конгруэнтность данному месту. Второй фактор характеризует город как пространство реализации, профессиональной, финансовой и личностной, позволяющей человеку чувствовать себя спокойно и уверенно.

В качестве инструмента исследования личностно-смыслового аспекта городской идентичности была использована методика исследования самопонимания Б. Кайгородова в авторской модификации. Результаты были обработаны методом контент-анализа.

Для исследования ценностей мы использовали сокращенную версию «Личностного опросника изучения индивидуальных ценностей» (PVQ-R) (Шварц и др., 2012).

Обработка данных

Для математико-статистической обработки данных были использованы описательные статистики, дисперсионный анализ (для сравнения выраженности исследуемых параметров эмпирических групп), корреляционный и регрессионный анализы (для исследования взаимосвязи ценностей с выраженностью идентичности с городом) в SPSS 22.0.

Результаты

Анализ аспектов идентичности

На первом этапе было проведено сравнение выраженности выделенных аспектов идентичности с городом в группах респондентов с разными периодами проживания в городе методом однофакторного дисперсионного анализа (ANOVA). Исследование выявило, что значимо больше выражены в группе давно проживающих в городе по сравнению с группами респондентов, переехавших недавно или проживающих в городе временно, показатели «Аутентичность личности в городской среде (АЛ)» ($p \leq 0,001$) и «Самореализация в городской среде (СА)» ($p \leq 0,01$). Различия данных показателей у респондентов второй и третьей группы незначимы (табл. 2).

Таблица 2

Результаты исследования городской идентичности в группах респондентов с разной продолжительностью проживания в городе

Исследуемые параметры идентичности с городом	Группа 1		Группа 2		Группа 3		F
	M	SD	M	SD	M	SD	
Аутентичность личности в городской среде (АЛ)	3,6	0,86	3,1	0,85	2,98	0,91	26,7***
Самореализация в городской среде (СА)	3,75	0,80	3,57	0,73	3,46	0,79	5,1**

Примечание: M – среднее значение; SD – стандартное отклонение; F – критерий Фишера; * – эффекты значимы на уровне $p < 0,05$; ** – эффекты значимы на уровне $p < 0,01$; *** – эффекты значимы на уровне $p < 0,001$.

Сравнительный анализ выраженности метаценностей по Ш. Шварцу («Открытость изменениям», «Самоутверждение», «Сохранение», «Самопреодоление») в исследуемых группах не выявил значимых различий. Во всех группах наиболее выраженной оказалась ценность «Самопреодоление», а наименее – «Сохранение» (табл. 3).

Таблица 3

Результаты исследования метаценностей в группах респондентов с разной продолжительностью проживания в городе

Метаценности по Шварцу	Группа 1		Группа 2		Группа 3		F
	M	SD	M	SD	M	SD	
Сохранения	4,02	0,81	3,96	0,74	3,91	0,89	0,661
Открытости изменениям	4,27	0,82	4,33	0,69	4,32	0,80	0,269
Самоутверждения	4,38	0,91	4,28	0,93	4,18	0,97	1,543
Самопреодоления	4,56	0,82	4,58	0,75	4,69	0,75	1,032

Примечание: M – среднее значение; SD – стандартное отклонение; F – критерий Фишера; * – эффекты значимы на уровне $p < 0,05$; ** – эффекты значимы на уровне $p < 0,01$; *** – эффекты значимы на уровне $p < 0,001$.

Затем мы проанализировали связь индивидуальных ценностей высокого порядка, выявленных у респондентов в исследуемых группах, с факторами идентичности с городом при помощи корреляционного анализа. Для исследования влияния ценностей на компоненты идентичности с городом методом регрессионного анализа в качестве независимых переменных были взяты метаценности со статистически достоверным уровнем значимости корреляции. В итоговых регрессионных моделях представлены ценности, коэффициент влияния которых демонстрировал достоверность обнаруженной взаимосвязи ($p \leq 0,05$), параметры моделей обозначены в нижних строках (табл. 4).

Таблица 4

Результаты исследования ценностных детерминант городской идентичности

Метаценности по Шварцу	Исследуемые параметры идентичности с городом					
	Группа 1		Группа 2		Группа 3	
	АЛ	СА	АЛ	СА	АЛ	СА
Сохранения	0,211*	0,160*			0,336**	
Открытости изменениям		0,175*			0,242*	0,306**
Самоутверждения				0,224*		
Самопреодоления	0,222**	0,251**	0,193*			
R	0,382	0,438	0,193	0,224	0,336	0,418
R ²	0,137	0,179	0,030	0,047	0,104	0,158
Adj. R ²	-0,005	-0,007	-0,016	-0,011	-0,023	-0,007
F	16,38***	15,12***	5,13*	7,01*	12,6**	10,39**

Примечание: F – F-критерий Фишера; * – эффекты значимы на уровне $p < 0,05$; ** – эффекты значимы на уровне $p < 0,01$; *** – эффекты значимы на уровне $p < 0,001$.

Смысловая наполненность идентичности

Согласно концепции нашего исследования, количественное изучение различий респондентов с разным периодом проживания в выраженности разных аспектов городской идентичности необходимо дополнить качественным исследованием смысловой наполненности этих параметров идентичности. В качестве инструмента исследования особенностей нарративов идентичности с городом была использована методика Б. В. Кайгородова в авторской модификации (Тучина и др., 2023). Респондентам задавали вопрос: «Что для вас значит быть краснодарцем?». Ответы респондентов были обработаны с использованием процедуры контент-анализа, которая была описана нами ранее (Тучина и др., 2023). В качестве единицы анализа рассматривались основные категории идентичности с городом, которые были выделены с помощью согласованных оценок трех независимых экспертов (психолога, социолога и лингвиста).

Обработка результатов исследования методом контент-анализа позволила выявить следующие смысловые единицы идентичности с городом.

1. Отрицание значимости городской идентичности.
2. Формальная составляющая идентичности, включающая следующие смысловые единицы: регистрация на территории города, проживание в городе.
3. Эмоциональная составляющая городской идентичности: положительные (чувство гордости, любовь к этому месту, чувство комфорта) и отрицательные (идентичность как проявление городского стресса).
4. Мотивационная составляющая городской идентичности описывает возможности человека в городской среде (природно-климатические условия, экономические и культурно-образовательные возможности; понимание преимуществ перед другими местами проживания).
5. Деятельностная составляющая городской идентичности: активность на благо города (экономическая, экологическая), деятельность по сохранению и передаче традиций, создание и поддержка положительного образа города.
6. Городская идентичность как часть личной истории и фактор личностного развития предполагает осмысление города в контексте автобиографии, осознание влияния городской среды и городской истории на личность и ее жизненный путь.
7. Идентичность с городом как возможность стать частью общности, «городского организма», истории города.
8. Идентичность с городом как фактор формирования определенных личностных и поведенческих особенностей, отличающих жителей города, особого менталитета и образа жизни.

Далее подсчитано было количество ответов респондентов каждой группы в соответствии с выделенными категориями. С помощью непараметрического

U-критерия–Манна-Уитни была проанализирована частота использования описательных характеристик по категориям.

Результаты исследования показали существенное отличие нарративов идентичности с городом в исследуемых группах. Отрицание важности идентичности с городом значимо чаще встречается у коренных краснодарцев и временно проживающих в городе, чем у недавно переехавших ($p \leq 0,01$). Формальная составляющая идентичности чаще зафиксирована в ответах временных жителей, чем переехавших недавно ($p \leq 0,05$). Значимых различий в ответах респондентов, характеризующих эмоциональную и мотивационную составляющую идентичности с городом, не выявлено. Значимо чаще встречаются в ответах коренных жителей и переехавших в сознательном возрасте, чем в ответах временно проживающих, следующие аспекты идентичности с городом: деятельностная составляющая ($p \leq 0,05$), идентичность как часть личной истории ($p \leq 0,05$), идентичность как возможность стать частью «городского организма» ($p \leq 0,05$), идентичность как фактор формирования личностных и поведенческих особенностей ($p \leq 0,05$) (табл. 5).

Таблица 5

Результаты исследования личностно-смысловых аспектов городской идентичности

Личностно-смысловые аспекты идентичности с городом	Ответы респондентов (в % ответов)		
	Группа 1	Группа 2	Группа 3
отрицание значимости идентичности с городом	10	1,3	14
формальная составляющая идентичности	6,8	4,2	8,7
эмоциональная составляющая идентичности: положительные/отрицательные реакции	28,4/5,8	21/1,4	20/9,6
мотивационная составляющая идентичности	16,3	19,7	21,9
деятельностная составляющая идентичности	14,6	14,9	2,6
идентичность как часть личной истории	9,4	6,8	1,7
идентичность как возможность стать частью «городского организма»	14,7	14,9	5,2
идентичность с городом как фактор формирования личностных и поведенческих особенностей	17,3	12,4	7

Обсуждение результатов

Результаты исследования выраженности выявленных аспектов идентичности с городом показали, что длительность проживания является значимым фактором идентичности с местом. Респонденты, родившиеся и выросшие в условиях исследуемого города, значимо выше оценивают и свою глубинную связь с городом, и возможности реализации в нем, что в основном соответствует данным исследований (Altman & Low, 1992; Nientied et al, 2019), отмечающих, что идентификация с городом происходит через привязанность к нему на основе «привычности», родства, безопасности (Муравьева и др., 2017). Однако, согласно полученным результатам, выраженность исследуемых аспектов идентичности с городом у тех, кто приехал в город в сознательном возрасте, сделав выбор в пользу данного места, и тех, кто рассматривает город как временное место проживания, значимо не различается. Это можно объяснить недостаточным освоением данной группой респондентов города как бытийного пространства. Кроме того, это подтверждает выявленный исследователями феномен, что в период 6–10 лет проживания в городе происходит «кризис идентификации с городом», переоценка отношения к нему и своего места в городской среде (Муравьева и др., 2017).

Как показали результаты исследования, мотиваторами поведения во всех группах респондентов выступают ценности социального фокуса – блока Самопреодоления, что соответствует данным межпоколенных исследований ценностей респондентов Кубани (Галяпина, 2021). При этом результаты количественного и качественного исследования ценностной детерминации идентичности с городом выявили, что в изучаемых группах разные ценностные основания данного вида идентичности.

В группе коренных краснодарцев ценностными предикторами обоих аспектов идентичности с городом являются ценности социального фокуса – Сохранения и Самопреодоления, то есть в основе идентичности с городом этих респондентов лежат стремление к сохранению традиций и тенденция жертвовать своими интересами ради других. Кроме того, ценностным основанием параметра идентичности «Самореализация в городской среде» является ценность Открытости изменениям, соответственно, готовность принимать новое, изменять свою жизнь и окружающую среду способствует повышению личностью оценки возможностей реализации в рамках города.

У респондентов, сознательно выбравших Краснодар в качестве места проживания, ценностным основанием параметра «Аутентичность личности в городской среде» является ценность Самопреодоления, соответственно, чем больше готовность человека поступиться своими желаниями ради общности, тем больше он чувствует свое соответствие данному месту, ощущает его «своим». А в основе самореализации в городской среде как фактора идентичности с местом у данной группы выявлена ценность Самоутверждения. Можно сказать, что чем больше респонденты ценят самостоятельность собственных мыслей и

действий, социальное равенство и толерантность, чем более они ориентированы на доминирование и получение ресурсов, тем выше оценивают свои шансы на успешную реализацию.

Для группы респондентов, рассматривающих проживание в городе как временное, ценностным предиктором идентичности с городом является Открытость изменениям, то есть, готовность принимать и осваивать новое способствует активному формированию идентичности с местом проживания. На аутентичность личности в городской среде в данной группе также влияет выраженность метаценности Сохранения: чем выше у респондентов стремление к сохранению традиций и соблюдению правил, тем больше у них ощущения города как своего, как принявшего их. Как показывают исследования, активное освоение человеком городского пространства усиливает его адаптивность к городским условиям, способствует повышению его рефлексивного отношения к себе и окружающей среде, укреплению эмоциональных и личностных связей с городской средой, в итоге, способствует повышению субъектности (Nientied et al., 2019; Тучина, 2023). При этом для лучшей адаптации в городской среде необходимо принимать его традиции, соблюдать нормы и правила; ценности, связанные с сохранением традиций, определяют как самоуважение, так и удовлетворенность жизнью (Галяпина, 2021).

Сравнительный анализ результатов личностно-смысловых особенностей идентичности с городом также выявил существенную разницу в исследуемых группах. Так, отрицание значимости городской идентичности характерно и для группы коренных краснодарцев, и для временно проживающих. Но в первом случае это является следствием отсутствия рефлексивной позиции: «Я никогда не задумывался об этом, всегда здесь жил было нормально» (муж., 22 года), а во втором – проявлением несформированности городской идентичности: «Ничего не значит, я здесь всего год, еще не успел стать краснодарцем» (муж., 19 лет).

Эмоциональная составляющая городской идентичности является наиболее выраженной в каждой группе, однако в первой и второй группе она в основном имеет положительную окраску: чувство гордости, любовь к этому месту, чувство комфорта: «Я горжусь тем городом, в котором родилась, росла и жила, он лучший» (жен., 23 года), а в третьей чаще рассматривается как проявление городского стресса, связанного с большими расстояниями, городской логистикой, экологической и экономической ситуацией: «Быть краснодарцем – значит часами стоять в пробках и постоянно думать, где найти жилье подешевле, но чтоб в пробках не стоять» (муж., 32 г.).

Мотивационная составляющая городской идентичности, включающая представление о возможностях человека в городской среде, также часто встречается в ответах всех исследуемых групп, при этом выявлены определенные смысловые нюансы. Переехавшие в город подчеркивают природно-климатические условия, экономические и культурно-образовательные возможности: «Жить в

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ, ФИЛОСОФИЯ И ПСИХОЛОГИЯ

теплом климате, в хорошем городе, куда все стремятся переехать» (жен., 44 г.). Понимание идентичности с городом коренных краснодарцев связано с описанием преимуществ перед другими местами проживания «Здесь лучший климат, всегда есть работа» (жен., 28 лет), а также город рассматривается как стартовая площадка для дальнейшего развития, карьеры, самореализации: «Это значит получить здесь образование, навыки, и уехать в Москву или за границу» (муж., 20 лет); «Это возможность вырасти в хорошем климате, с хорошим здоровьем, что будет потом конкурентным преимуществом» (жен., 20 лет). Временно проживающие в городе респонденты акцентируют внимание на тех особенностях городской сферы, что удовлетворяют или не удовлетворяют актуальные потребности: «Здесь всегда есть работа, даже для студента» (муж., 20 лет); «Много колледжей и вузов, реально поступить на бюджет» (муж., 17 лет), «Слишком большие расстояния, житель Краснодара все время куда-то едет» (жен., 25 лет).

Деятельностная составляющая городской идентичности, включающая разные виды активности на благо города, заметно больше выражена у коренных жителей и сознательно переехавших в город, которые готовы способствовать улучшению городского пространства и жизни горожан. Это же наблюдается и в проявлении идентичности с городом как возможности стать частью общности, «городского организма», истории города, а также идентичности с городом как фактора формирования определенных личностных и поведенческих особенностей: «Быть активным, амбициозным и готовым к конкуренции» (жен., 25 лет); «краснодарцев считают очень эмоциональными, энергичными и улыбчивыми, но также мы много суетимся и часто куда-то торопимся» (муж., 42 г.). Таким образом, по мере освоения и «присвоения» городского пространства личностью происходит изменение ее позиции по отношению к городу: от рассмотрения города как способа удовлетворения потребностей к пониманию его как части своей жизни и стремлению сделать его лучше.

Понимание городской идентичности как личной истории и фактора личностного развития активно проявляется у коренных горожан: «Место, благодаря которому я такой, как есть, где мои друзья, учителя» (муж., 30 лет), «Это место взросления, понимания мира, первой любви» (жен., 50 лет). Респонденты отмечают сакральный смысл локальной идентичности: «Это место силы» (муж., 27 лет), «это место, где я подпитываюсь энергией, прихожу в себя» (жен., 22 года), «место, где возвращаюсь к себе, стряхиваю всю шелуху, понимаю, как жить дальше» (муж., 44 года). Идентичность рассматривают как «чувство дома»: «место, где мне комфортно, где родились сестры, лучшая часть большого мира» (муж., 40 лет), как связь с родом, с корнями: «Это земля моих предков» (муж., 18 лет), «Это место, где берет начало мой род, мои корни» (муж., 21 год), как место, связывающее с семьей, родственниками: «Это там, где мои родные» (жен., 26 лет), как «все, что связано со мной и моими близкими людьми» (жен., 19 лет). Респонденты, переехавшие в город достаточно давно, отмечают в своих ответах, как формируется привязанность к

городу: «Сначала я все время сравнивал Краснодар с Воронежем, думал, где лучше, а теперь уже такое сравнение в голову не приходит» (муж., 27 лет); «Я чувствую, что стал краснодарцем, когда надолго уезжаю, скучаю по городу» (муж., 32 года).

Соответственно, рассматривая идентичность с городом с позиций субъектного подхода, учитывающего активность субъекта в городском пространстве, можно утверждать, что место проживания является, главным образом, субъективно-персонализированным пространством личности, поскольку человек ощущает эмоциональную связь с этим местом, городским сообществом, его историей и культурными особенностями. Когда у человека формируется желание влиять на городское пространство, делать его более комфортным, эстетичным, экологичным (объективно-персонализированным пространством), это становится следующим шагом в освоении города как бытийного пространства личности.

Заключение

Таким образом, длительность проживания является значимым фактором идентичности с местом: респонденты, родившиеся и выросшие в условиях исследуемого города, значимо выше оценивают и свою глубинную связь с городом, и возможности реализации в нем.

Исследование ценностных оснований идентичности с городом выявило наличие разных ценностных детерминант городской идентичности в группах респондентов с разным опытом проживания в Краснодаре. В группе коренных краснодарцев в основе идентичности с городом лежат стремление к сохранению традиций и готовность помогать другим. У респондентов, сознательно выбравших Краснодар в качестве места проживания, ценностным основанием ощущения своего соответствия месту проживания является готовность отказаться от реализации своих интересов в пользу интересов общности, а ориентация на самостоятельность и доминирование способствуют высокой оценке своих шансов на успешную реализацию в городской среде. Для респондентов, рассматривающих проживание в городе как временное, ценностным предиктором идентичности с городом парадоксальным образом является одновременно метаценности Традиция и Открытость изменениям: готовность принимать и осваивать новое способствует активному формированию идентичности с местом проживания, а стремление к сохранению традиций и соблюдению правил – формированию у этих респондентов ощущения города как своего, как принявшего их.

Соответственно, результаты исследования расширяют применение субъектного подхода: идентичность с местом проживания, исследуемая при помощи адаптированной методики, позволяет рассматривать данный феномен как проявление субъектности личности, как частный случай освоения личностью своих бытийных пространств, пространство города при этом становится онтологически значимой частью личностного «Я» горожанина.

Результаты исследования могут быть использованы в разработке программ, направленных на интеграцию городского сообщества, через призму ценностного единства, общих социальных идентичностей и позитивных культурных установок.

Литература

- Аполлонов, И.А., Тарба И.Д. (2023). Пространство культуры в зеркале городского ландшафта. *Вопросы философии*, 8, 174–188. <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2023-8-174-188>
- Богомаз, С.А., Литвина, С.А., Муравьева, О.И. (2016). Базисные ценности и характеристики личностного потенциала как факторы идентичности с городом. *Успехи современной науки*, 7(1), 154–157.
- Бороноев, А. О., Тхакахов, В. Х. (2021). Концепция пространства мест в социальных науках. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология*, 37(1), 91–105. <https://doi.org/10.21638/spbu17.2021.108>
- Галяпина, В. Н. (2021). Взаимосвязь ценностей, идентичности и установки на поддержание мультикультурной идеологии у русских в Краснодарском крае: межпоколенный анализ. *Психологические исследования*, 14(78), 1–21. <https://doi.org/10.54359/ps.v14i78.128>
- Лепشوкова, З.Х. (2021) Инклюзивные и эксклюзивные идентичности и контакты: роль ценностей и статуса этнической группы. *Национальный психологический журнал*, 2 (42), 61–75. <https://doi.org/10.11621/npj.2021.0206>
- Литвина, С.А., Муравьева, О.И. (2018). Опросник идентичности с городом: разработка, валидизация, проверка надежности. *Вестник Новосибирского государственного педагогического университета*, 8(1), 73–91. <https://doi.org/10.15293/2226-3365.1801.05>
- Муравьева, О.И., Литвина, С.А., Кружкова, О.В., Богомаз, С.А. (2017). Особенности структуры идентичности с городом молодежи российских городов. *Вестник Новосибирского государственного педагогического университета*, 1, 63–80. <https://doi.org/10.15293/2226-3365.1701.05>
- Неяскина, Ю.Ю., Бурова, О.Е. (2015). Субъективная оценка реализуемости базисных ценностей в условиях города при разных уровнях городской идентичности у вузовской молодежи. *Вестник Кемеровского государственного университета*, 3-3(63), 189–196.
- Оже, М. (2017). *Не-места. Введение в антропологию гипермодерна*. Новое литературное обозрение.
- Озерина, А.А., Тимофеева, Т.С. (2019). Обзор современных зарубежных исследований феномена «Городская идентичность». *Logos et Praxis*, 4, 142–152. <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2019.4.17>
- Прохоренко, Л.И. (2017) Территориальная идентичность. *Идентичность: личность, общество, политика*. Изд-во «Весь Мир».
- Психология личности: субъектно-бытийный подход* (2023): монография З.И. Рябикина, Л.Н. Ожигова, А.Ш. Гусейнова (ред.). Кубанский гос. ун-т.
- Тимофеева, Т.С., Озерина, А.А., Голубь, О.В. (2021). Разработка инструментария для исследования основных факторов формирования городской идентичности. *Человеческий капитал*, 4(148), 142–150. <https://doi.org/10.25629/HC.2021.04.13>
- Тучина, О.Р. (2024). Адаптация опросника идентичности с городом (на материале исследования жителей Краснодара). *Ярославский педагогический вестник*, 4(139), 139–147. <https://doi.org/10.20323/1813-145X-2024-4-139-139>

- Тучина, О.Р., Аполлонов, И.А., Посметюха, Л.А. (2023). Восприятие городского культурного пространства и особенности городской идентичности: межпоколенный анализ (на материале исследования респондентов Краснодара). *Южно-российский журнал социальных наук*, 24(3), 119–134. <https://doi.org/10.31429/26190567-24-3-119-134>
- Федотова, В. А. (2024). Гражданская и этническая идентичность россиян: роль ценностей в их формировании. *Вестник Московского университета. Серия 14. Психология*, 47(1), 131–149. <https://doi.org/10.11621/LPJ-24-06>
- Федотова, Н.Г. (2017). Формирование городской идентичности: факторный и институциональный аспекты. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 20(3), 32–49.
- Шварц, Ш., Бутенко, Т.П., Седова, Д.С., Липатова, А.С. (2012). Уточненная теория базовых индивидуальных ценностей: применение в России. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*, 9(2), 43–70.
- Шютц, А. (2003). *Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии*. Институт Фонда «Общественное мнение».
- Altman, I., & Low, S. M. (1992). *Place Attachment*. Plenum Press. <https://doi.org/10.1007/978-1-4684-8753-4>
- Araújo de Azevedo, A. J., Ferreira Custodio, M. J., & Perna, F. P. A. (2013). "Are You Happy Here?": The Relationship between Quality of Life and Place Attachment. *Journal of Place Management and Development*, 2, 102–119. <https://doi.org/10.1108/JPM-D-06-2012-0017>
- Bals, M., Turi, A.L., Skre, I., & Kvernmo, S. (2011). The relationship between internalizing and externalizing symptoms and cultural resilience factors in Indigenous Sami youth from Arctic Norway. *International Journal of Circumpolar Health*, 70, 37–45. <https://doi.org/10.3402/ijch.v70i1.17790>
- Belanche, D., Casalós, L. V., & Flavián, C. (2017). Understanding the cognitive, affective and evaluative components of social urban identity: Determinants, measurement, and practical consequences. *Journal of Environmental Psychology*, 50, 138–153. <https://doi.org/10.1016/j.jenvp.2017.02.004>
- Bernardo, F., & Palma-Oliveira, J-M. (2016): Identification with the neighborhood: Discrimination and neighborhood size. *Self and Identity*, 15(5), 579–598. <https://doi.org/10.1080/15298868.2016.1178665>
- Colquhoun, S., & Dockery, A. M. (2012). The Link between Indigenous Culture and Wellbeing: Qualitative Evidence for Australian Aboriginal Peoples. *The Centre for Labour Market Research*, 1, 1–29.
- Dallago, L., Perkins, D. D., Santinello, M., Boyce, W., Molcho, M., & Morgan, A. (2009). Adolescent Place Attachment, Social Capital, and Perceived Safety: A Comparison of 13 Countries. *American Journal of Community Psychology*, 44, 148–160. <https://doi.org/10.1007/s10464-009-9250-z>
- Dias, P., & Ramadier, T. (2015). Social trajectory and socio-spatial representation of urban space: The relation between social and cognitive structures. *Journal of Environmental Psychology*, 41, 135–144. <https://doi.org/10.1016/j.jenvp.2014.12.002>
- Dono, J., Webb, J., & Richardson, B. (2010). The relationship between environmental activism, pro-environmental behaviour and social identity. *Journal of environmental psychology*, 30(2), 178–186. <https://doi.org/10.1016/j.jenvp.2009.11.006>
- Dredge, D., & Jenkins, J. (2003). Destination place identity and regional tourism policy. *Tourism Geographies*, 5(4), 383–407. <https://doi.org/10.1080/1461668032000129137>
- Droseltis O., Vignoles V. (2010). Towards an integrative model of place identification: Dimensionality and predictors of intrapersonal-level place preferences. *Journal of Environmental Psychology*, 30, 23–34. <https://doi.org/10.1016/j.jenvp.2009.05.006>

- Filep, C.V., Thompson-Fawcett, M., & Rae, M. (2014). Built Narratives. *Journal of Urban Design*, 19, 298–316. <https://doi.org/10.1080/13574809.2014.890043>
- Giuliani, M. V. (2003). Theory of attachment and place attachment. In M. Bonnes, T. Lee, & M. Bonaiuto (Eds.). *Psychological theories for environmental issues*, 137–170.
- Hidalgo, M. C., & Hernandez, B. (2001). Place attachment: Conceptual and empirical questions. *Journal of Environmental Psychology*, 21(3), 273–281. <https://doi.org/10.1006/jevp.2001.0221>
- Lalli, M. (1992). Urban-related identity: Theory, measurement, and empirical findings. *Journal of Environmental Psychology*, 12(4), 285–303. [https://doi.org/10.1016/S0272-4944\(05\)80078-7](https://doi.org/10.1016/S0272-4944(05)80078-7)
- Lemée, C., Fleury-Bahi, G., Navarro, O. (2019). Impact of place identity, self-efficacy and anxiety state on the relationship between coastal flooding risk perception and the willingness to cope. *Frontiers in psychology*, 10, 1–11. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2019.00499>
- Lewicka, M. (2011). Place Attachment: How Far Have We Come in the Last 40 Years? *Journal of Environmental Psychology*, 31, 207–230 <https://doi.org/10.1016/j.jenvp.2010.10.001>
- Manzo, L. C., & Perkins, D. D. (2006). Neighborhoods as Common Ground: The Importance of Place Attachment to Community Participation and Development. *Journal of Planning Literature*, 20, 335–350. <https://doi.org/10.1177/0885412205286160>
- Moulay, A., Ujang, N., Maulan, S., & Ismail, S. (2018). Understanding the Process of Parks' Attachment: Interrelation between Place Attachment, Behavioral Tendencies, and the Use of Public Place. *City, Culture and Society*, 14, 28–36. <https://doi.org/10.1016/j.ccs.2017.12.002>
- Nientied, P., Dharmo, S., Papa, D. and Toska, M. (2019) Place Attachment in Seven Areas of Tirana, Albania. *Current Urban Studies*, 7, 206–227. <https://doi.org/10.4236/cus.2019.72010>
- Pol, E. (2002). The Theoretical Background of the City-Identity-Sustainability Network. *Environment and Behavior*, 34, 8–25. <https://doi.org/10.1177/0013916502034001002>
- Proshansky, H. M., Fabian, A. K., Kaminoff, R. (1983). Place-identity: physical world socialization of the self. *Journal of Environmental Psychology*, 3, 57–83. <https://doi.org/10.5632/jila.68.849>
- Roccas S., Schwartz S.H., Amit A. (2010). Personal Value Priorities and National Identification. *Political Psychology*, 31(3), 393–419. <https://doi.org/10.1111/j.1467-9221.2010.00763.x>
- Rollero, C., & De Piccolo, N. (2010). Place Attachment, Identification and Environment Perception: An Empirical Study. *Journal of Environmental Psychology*, 30, 198–205. <https://doi.org/10.1016/j.jenvp.2009.12.003>
- Scannel, L., & Gifford, R. (2017). The Experienced Psychological Benefits of Place Attachment. *Journal of Environmental Psychology*, 51, 256–269. <https://doi.org/10.1016/j.jenvp.2017.04.001>
- Shamai, S., & Ilatov, Z. (2005). Measuring Sense of Place: Methodological Aspects. *Tijdschrift voor Economische en Sociale Geografie*, 96, 467–476. <https://doi.org/10.1111/j.1467-9663.2005.00479.x>
- Shao Yu., Binyi L. (2018). Local identity regeneration of unused urban spaces. *International Review for Spatial Planning and Sustainable Development*, 6(4), 21–34. https://doi.org/10.14246/irspsd.6.4_21
- Shawket, I.M. (2018). Identity in urban spaces of residential compounds: Contributing to a better environment. *HBRC journal*, 14(2), 235–241. <https://doi.org/10.1016/j.hbrj.2016.08.003>
- Twigger-Ross, C. L., Uzzell, D. (1996). Place and identity processes. *Journal of Environmental Psychology*, 16, 205–220. <https://doi.org/10.1006/jevp.1996.0017>
- Ujang, N. (2017). Place attachment and continuity of urban place identity. *Asian Journal of Environment-Behaviour Studies*, 2(2), 117–132. <https://doi.org/10.21834/ajeb.v2i2.182>

- Ujang, N., & Zakariya, K. (2015). The notion of place, place meaning and Identity in urban regeneration. *Procedia-social and behavioral sciences*, 170, 709–717. <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2015.01.073>
- Uzzell, D., Pol, E., & Badenas, D. (2015). Place Identification, Social Cohesion, and Environmental Sustainability. *Environment and Behavior*, 34, 1, 26–53. <https://doi.org/10.1177/0013916502034001003>
- Valera, S., & Guardia, J. (2002). Urban Social Identity and Sustainability. Barcelona's Olympic Village. *Environment and Behavior*, 34, 81–96. <https://doi.org/10.1177/0013916502034001004>
- Williams, D. R. (2014). Making Sense of "Place": Reflections on Pluralism and Positionality in Place Research. *Landscape and Urban Planning*, 131, 74–82. <https://doi.org/10.1016/j.landurbplan.2014.08.002>

Поступила в редакцию: 01.05.2024

Поступила после рецензирования: 21.07.2024

Принята к публикации: 12.08.2024

Заявленный вклад авторов

Оксана Роальдовна Тучина – дизайн исследования, проведение исследования, обработка результатов, интерпретация результатов.

Иван Александрович Аполлонов – анализ источников, интерпретация результатов исследования.

Информация об авторах

Оксана Роальдовна Тучина – доктор психологических наук, профессор кафедры истории, философии и психологии, Кубанский Государственный Технологический университет (ФГБОУ ВО КубГТУ), г. Краснодар, Российская Федерация; ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-5525-7645>, e-mail: tuchena@yandex.ru

Иван Александрович Аполлонов – доктор философских наук, профессор кафедры истории, философии и психологии, Кубанский Государственный Технологический университет (ФГБОУ ВО КубГТУ), г. Краснодар, Российская Федерация; ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-1926-8213>, e-mail: obligo@yandex.ru

Информация о конфликте интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Научная статья

УДК 159.9

<https://doi.org/10.21702/rpj.2024.3.7>

Диагностика стресса субъективной и объективной неопределенности: разработка и валидизация опросной методики

Варвара И. Моросанова¹, Анна М. Потанина*²,
Александр К. Пащенко³

Федеральный научный центр психологических и междисциплинарных исследований, Москва, Российская Федерация

*Почта ответственного автора: a.m.potan@gmail.com

Аннотация

Введение. Проблема изучения стресса становится все более актуальной в связи с резким повышением его уровня у населения. Накапливается все больше свидетельств того, что причина этого явления – значительное повышение неопределенности существования в XXI веке, обусловленное стремительно нарастающими и мало предсказуемыми изменениями в различных сферах жизни человека и общества. При этом в отечественной психологии обнаруживается как недостаток работ, фокусирующихся на стрессе неопределенности, так и отсутствие валидных и надежных методик для его измерения. Цель статьи – создание новой опросной методики (опросника «Стресс субъективной и объективной неопределенности» (ССОН)) для диагностики степени воспринимаемого стресса неопределенности, ее валидизация и психометрическая оценка. **Методы.** Выборка исследования: общая выборка исследования составила 1411 человек, из них 1130 человек – студенты колледжа (средний возраст 17,64 лет; 43,5% – девушки) и 281 человек – студенты университета (средний возраст 19,14 лет; 76,3% – девушки). Методики для валидизации: опросник В.И. Моросановой «Стиль саморегуляции поведения – ССПМ» (Моросанова, Кондратюк, 2020), «Шкала воспринимаемого стресса (ШВС-10)» (Золотарева, 2023). **Результаты.** Представлены результаты апробации и валидизации на российской выборке опросной методики, получившей название

«Стресс субъективной и объективной неопределенности – ССОН». Опросник является надежным и валидным инструментом измерения стресса неопределенности на выборках юношеского возраста и включает шкалы выраженности стресса в ситуациях субъективной и объективной неопределенности, а также интегральную шкалу для оценки общей выраженности стресса неопределенности. **Обсуждение результатов.** Измеренные показатели степени переживания стресса в ситуациях субъективной и объективной неопределенности предсказуемо позитивно связаны с воспринимаемым дистрессом и умеренно негативно – с общим уровнем осознанной саморегуляции, что свидетельствует о конструктивной и конвергентной валидности разработанного опросника. Предлагаемая методика может быть использована в психологической и педагогической практике с целью выявления уровня воспринимаемого стресса неопределенности у обучающихся юношеского возраста, а также степени его выраженности в субъективно неопределенных жизненных ситуациях и по отношению к объективным глобальным стрессорам (ситуациям) неопределенности.

Ключевые слова

стресс неопределенности, воспринимаемый стресс, стрессовые ситуации, субъективная и объективная неопределенность, психологическая методика, стресс субъективной и объективной неопределенности

Финансирование

Работа выполнена при финансовой поддержке проекта Российской Федерацией в лице Минобрнауки России (Соглашение № 075-15-2024-526)

Для цитирования

Моросанова, В. И., Потанина, А. М., Пащенко, А. К. (2024). Диагностика стресса субъективной и объективной неопределенности: разработка и валидизация опросной методики. *Российский психологический журнал*, 21(3), 112–132, <https://doi.org/10.21702/rpj.2024.3.7>

Введение

Проблема исследования воспринимаемого стресса, его проявлений и влияния на человека приобретает все большее значение в современных условиях резкого повышения объективной неопределенности существования (Зинченко, 2021; Massazza et al., 2023). В период пандемии COVID-19 человечество впервые столкнулось с беспрецедентным повышением уровня неопределенности во всех сферах жизни, работы, досуга, питания, спорта (Stankovska et al., 2020). Эта

ситуация усугублялась опасениями за жизнь и здоровье, противоречивостью огромных потоков информации о болезни, способах её лечения и профилактики, возможностях медицины и жертвах пандемии. Недаром именно в этот период специалисты констатировали, что вследствие пандемии коронавируса можно говорить о пандемии стресса психологической неопределенности (Sweeny et al., 2020). Это подтверждалось данными о росте уровня и распространенности стрессовой соматической симптоматики в период пандемии COVID-19. Так, было зафиксировано увеличение тревожных расстройств на 76,2 миллиона случаев во всем мире уже в первый год пандемии, по сравнению с предыдущими годами (Santomauro et al., 2021; Золотарева и др., 2022). Каждый второй человек в этот период жаловался на как минимум одно из проявлений негативных стрессовых психофизиологических состояний (мышечное напряжение, трудности с засыпанием, изменение пищевых привычек и т.д.) (Золотарева и др., 2022).

Ситуация объективно высокой неопределенности в период пандемии и данные о её влиянии на человека актуализировали интерес психологов к изучению не только стрессовой соматической симптоматики, но и особенностей воспринимаемого стресса, что породило проблему оценки степени стрессогенности ситуаций, его стимулирующих (McCarty et al., 2023; Reizer et al., 2021; Золотарева, 2023). В современных исследованиях ситуаций неопределенности их рассматривают в объективном и субъективном аспектах (Черноусова, 2022). Большинство исследователей сходятся на необходимости различать субъективную и объективную неопределенность (Диев, 2010; Солнцева, Смолян, 2009).

Объективная неопределенность возникает в объективно трудных жизненных ситуациях, когда человеку недостаточно информации, чтобы принять решение, что делать, чтобы задействовать индивидуальные ресурсы или преодолеть их ограниченность. Следует отметить, что в современном мире особую значимость приобретают ситуации объективной неопределенности, связанные с распространением глобальных вызовов, характеризующихся не только ограниченностью, но зачастую и полным отсутствием информации об их природе, динамике и последствиях (Битюцкая, 2011; Бутенко, 2008; Диев, 2010; Солнцева, Смолян, 2009).

О стрессе субъективной неопределенности говорят, когда обыденные ситуации становятся стрессорами, провоцируя психологическое напряжение различной степени и негативные переживания, а индивидуальных ресурсов его преодоления (жизненного опыта, развитых когнитивных, личностных и регуляторных компетенций) не вполне достаточно для достижения актуальных целей. Среди источников такого рода «жизненного» стресса – проблемы со здоровьем, неудовлетворенность межличностными отношениями, трудности в учебе и работе, финансовые трудности и т.д. (напр., Тарабрина и др., 2018).

Таким образом, стресс субъективной неопределенности преодолим, если человек сможет актуализировать психологические и другие ресурсы для решения

проблемной жизненной ситуации. Стресс объективной неопределенности, в отличие от этого, возникает в ответ на столкновение субъекта с объективно непредсказуемой ситуацией, о которой нет достаточной и релевантной информации и с которой невозможно совладать при помощи доступных субъекту ресурсов (Диев, 2010; Кригер, 2014). По существу, речь идет о том, что ситуации глобальной неопределенности, в отличие от обыденных жизненных ситуаций, объективно не обеспечены информационными ресурсами для их преодоления не только на индивидуальном, но и на цивилизационном уровне в силу их непредсказуемой природы, объективно недостаточной структурированности, нечеткости, нестабильности ситуационных условий.

Если обыденные стрессовые ситуации могут вызывать психологическое напряжение и, как следствие, снижение психологического благополучия человека, то ситуации объективной глобальной неопределенности могут восприниматься как угроза самому его существованию. Именно поэтому стрессогенность этого типа неопределенности чрезвычайно высока, что может вызывать весь спектр соматической стрессовой симптоматики у населения. Объективная неопределенность глобальных вызовов усугубляется современными средствами массовой информации, мгновенно распространяющими поток, в первую очередь, эмоционально заряженных новостей, вызывающих актуализацию негативных установок, вплоть до катастрофических, влиянию которых трудно противостоять всем слоям населения.

Результаты эмпирических исследований связывают восприятие ситуации как неопределенной со снижением ментального здоровья (Phillimore & Cheung, 2021) и повышением дистресса (Massazza et al., 2023). Показано, что стресс неопределенности снижает возможность эффективно справляться с различными жизненными задачами, негативно влияет на самооценку (Peng et al., 2021), способствует развитию негативных эмоциональных состояний (Wise et al., 2023). Особенно остро данная проблема встает в старшем подростковом и юношеском возрасте, поскольку молодёжи необходимо не только успешно отвечать на современные жизненные и глобальные вызовы, но и решать крайне важную задачу профессионального самоопределения в условиях высокой степени неопределенности, тесно сопряженных с переживанием стресса (Моросанова и др., 2024). Неслучайно большое число современных исследований отмечают повышение уровня тревожности и дистресса у студентов колледжей и университетов (Saleh et al., 2017; Yusufov et al., 2019). Исследователи связывают это повышение с индивидуальными особенностями восприятия обучающимися ситуаций неопределенности, с демографическими и социально-экономическими аспектами их жизни (Wuthrich et al., 2020), а также с глобальными внешними факторами, такими как, например, климатические изменения (Clayton, 2020), пандемия COVID-19 (Wang et al., 2021; Зинченко, 2021; Hamaideh et al., 2022) и, в целом, возрастающая неопределенность будущего (Зинченко, 2021).

Для изучения одновременного и совокупного влияния обыденных (субъективных)

жизненных ситуаций неопределенности и глобальных (объективных) стрессоров требуется разработка специфического инструментария, позволяющего оценивать данные аспекты стресса. Анализ современных публикаций показывает, что в зарубежной психологии в данной области разработаны и активно применяются опросные методики для диагностики жизненного стресса в обыденных ситуациях и стресса неопределенности в ситуациях глобальных вызовов (Yang et al., 2017; Wu et al., 2020; Freeston et al., 2020). Среди популярных инструментов – опросник Т. Янга «Студенческий опросник повседневного стресса» («The Student Daily Stress Questionnaire» – SDSQ) и различные его модификации, позволяющие измерять выраженность жизненного стресса и стресса неопределенности у студентов (Yang et al., 2019; Wu et al., 2020). Следует отметить, что они в большей степени направлены на измерение учебного и обыденного стресса (Wu et al., 2020).

В отечественной литературе понятие «стресс неопределенности» практически не используется. В отдельных работах предпринимаются попытки концептуализации данного феномена как «неопределенности в контексте стресса» (Моспан, 2023). Что касается эмпирических исследований, на российских выборках изучаются, в основном, либо аспекты отношения к неопределенности (например, Сачкова, Семенова, 2024; Долгова и др., 2022) при помощи, например, широко известного опросника «Шкалы толерантности и интолерантности к неопределенности» (Корнилова, Чумакова, 2014), либо разнообразные аспекты субъективного жизненного стресса (Султанова и др., 2021; Золотарева, 2023). Был осуществлен перевод и апробация методики Т. Янга в исследовании этнорегиональной специфики ресурсной роли осознанной саморегуляции в преодолении стресса на студенческой выборке (Банщикова и др., 2023). Отметим, тем не менее, что психометрическая оценка и проверка структуры данной методики на российской выборке до настоящего времени не проводилась.

Для изучения одновременного и совокупного влияния стресса неопределенности, с нашей точки зрения, недостаточно различения обыденных жизненных ситуаций неопределенности и более глобальных стрессоров. Требуется разработка специфического инструментария, позволяющего оценивать стресс неопределенности в совокупности оценок выраженности воспринимаемого стресса в субъективных и объективных ситуациях неопределенности.

Целью настоящего исследования стало создание опросной методики «Стресс субъективной и объективной неопределенности», а также её валидизация и психометрическая оценка.

Выборку исследования составили в общей сложности 1411 человек, из них 1130 человек – студенты колледжа (средний возраст 17,64; 43,5% – девушки) и 281 человек – студенты университета (средний возраст 19,14; 76,3% – девушки). Сбор данных проводился с помощью платформы «Тестограф» (<https://www.testograf.ru/>).

Методы

Новый авторский опросник «Стресс субъективной и объективной неопределенности» (ССОН) направлен на измерение воспринимаемого стресса неопределенности и включает 14 утверждений, относящиеся к ситуациям, которые могут вызывать стрессовые реакции (7 утверждений образуют шкалу «Стресс субъективной неопределенности» и 7 утверждений – шкалу «Стресс объективной неопределенности»). Отметим, что в отличие от опросника Т. Янга, шкалы ССОН уравниваются по количеству пунктов, что дает возможность сопоставлять выраженность стресса субъективной и объективной неопределенности, не прибегая к процедурам стандартизации. Испытуемым предлагается оценить степень воспринимаемого стресса в этих ситуациях по 4-балльной шкале, где 1 – отсутствие стресса, а 4 – чрезмерный стресс. Интегральная шкала оценивает общую выраженность стресса неопределенности, суммируя полученные баллы по двум шкалам. Утверждения были созданы на основе уточнения теоретических представлений об субъективных и объективных аспектах стресса неопределенности, а также анализа существующих шкал воспринимаемого стресса (Mitchell et al., 2008; Yang et al., 2017; 2019; Золотарева, 2023 и др.). Инструкция, перечень утверждений и ключ опросника приведены в Приложении.

Для валидации созданного опросника использовались следующие методики:

1. Опросник В.И. Моросановой «Стиль саморегуляции поведения – ССПМ» (Моросанова и Кондратюк, 2020), включающий 7 шкал: «Планирование» (ПЛ), «Моделирование» (М), «Программирование» (ПР), «Оценивание результатов» (ОР), «Гибкость» (Г), «Самостоятельность» (С), «Надежность» (Н), а также интегративную шкалу «Общий уровень саморегуляции» (ОУ), рассчитываемый как сумма баллов по всем шкалам. Эта методика была использована для проверки валидности создаваемого опросника на основе полученных нами ранее данных о ресурсной роли осознанной саморегуляции в совладании с неопределенностью и стрессом (Кондратюк, Моросанова, 2021), а также данных, свидетельствующих о том, что осознанная саморегуляция является ресурсом преодоления такого вида стресса, как стресс неопределенности (Банщикова и др., 2023).
2. Опросник «Шкала воспринимаемого стресса ШВС–10» (Золотарева, 2023) включает субшкалы «Дистресс» и «Совладание», а также интегративную шкалу «Общего уровня воспринимаемого стресса» (сумма баллов). В данном исследовании рассчитывались корреляции между шкалами «Дистресс» и «Общий уровень воспринимаемого стресса» и шкалами опросника «Стресс субъективной и объективной неопределенности».

Результаты

Перед тем, как перейти непосредственно к анализу структуры методики и оценке ее валидности, была проверена возможность объединения выборки студентов колледжей и университетов. С этой целью, из 1130 студентов колледжей случайным образом были отобраны 294 человека для сравнения со студентами университетов ($N = 281$). Сравнение осуществлялось по показателям стресса субъективной и объективной неопределенности, а также общему уровню осознанной саморегуляции при помощи критерия Манна-Уитни. В таблице 1 представлены описательные статистики и значения критерия для каждого из вышеперечисленных показателей.

Таблица 1

Сравнение средних значений показателей стресса неопределенности и общего уровня саморегуляции (CP) у студентов колледжей и университетов

	Группа	N	Среднее	Ст. откл.	W
Стресс субъективной неопределенности	0	294	12,44	4,348	28382,5***
	1	281	15,08	4,901	
Стресс объективной неопределенности	0	294	11,58	3,769	27853,5***
	1	281	13,82	3,996	
Общий уровень CP	0	294	88,91	14,096	35925,0**
	1	281	92,27	14,557	

Примечание: 0 – студенты колледжей, 1 – студенты университета, *** – $p < 0,001$, ** – $p < 0,01$

Согласно полученным результатам, между двумя сравниваемыми группами существуют значимые различия. В частности, студенты университетов превосходят студентов колледжей как по показателям стресса неопределенности, так и по общему уровню осознанной саморегуляции. В связи с обнаруженными различиями,

для дальнейшего исследования структуры опросника и проверки его валидности использовались данные студентов колледжей. В таблице 2 представлены описательные статистики, а также результаты проверки распределения показателей стресса субъективной и объективной неопределенности на нормальность при помощи критерия Шапиро-Уилка.

Таблица 2

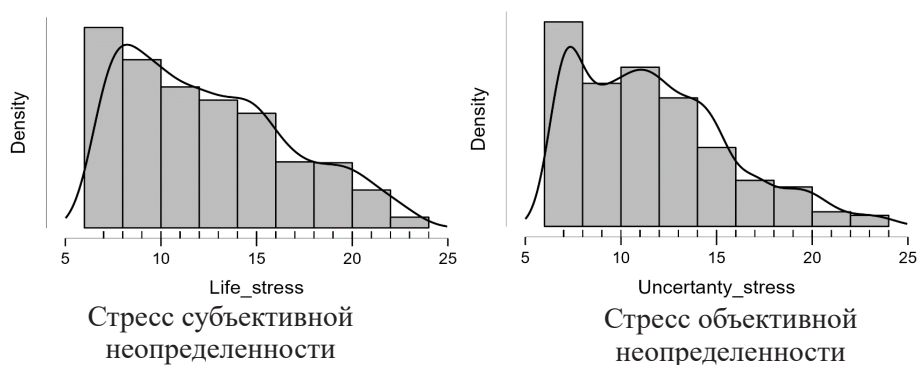
Описательные статистики и критерий Шапиро-Уилка для показателей стресса субъективной и объективной неопределенности

	Стресс субъективной неопределенности	Стресс объективной неопределенности
Среднее	12.555	11.825
Стандартное откл.	4.271	3.964
Мин.	7.000	7.000
Макс.	24.000	24.000
Критерий Шапиро-Уилка	0.937***	0.929***

Примечание: *** – $p < 0,001$

Рисунок 1

Распределение показателей стресса субъективной и объективной неопределенности

Согласно таблице 2, распределение значительно отличается от нормального (значимость критерия Шапиро-Уилка $< 0,05$), в связи с чем далее применялись непараметрические методы анализа. Отметим также, что распределение смещено в сторону низких значений (рис. 1), что, в целом, характерно для показателей стресса и негативных эмоциональных состояний.

Надежность методики «Стресс субъективной и объективной неопределенности - ССОН»

На выборке студентов колледжей были рассчитаны коэффициенты α -Кронбаха и ω -Макдональда с целью проанализировать степень внутренней согласованности шкал опросника. Результаты анализа представлены в таблице 3.

Таблица 3

Показатели внутренней согласованности шкал опросника «Стресс субъективной и объективной неопределенности - ССОН»

Шкала	McDonald's ω	Cronbach's α
Стресс субъективной неопределенности	0,823 [0,807; 0,839]	0,819 [0,803; 0,834]
Стресс объективной неопределенности	0,833 [0,818; 0,848]	0,829 [0,813; 0,843]
Общий уровень стресса неопределенности	0,887 [0,877; 0,897]	0,885 [0,875; 0,895]

Примечание: в квадратных скобках указаны границы 95% доверительного интервала

Согласно полученным результатам, все три шкалы демонстрируют достаточно высокую внутреннюю согласованность: и альфа-Кронбаха, и омега-МакДональда превышают 0,8.

Далее был проведен анализ структуры опросника при помощи эксплораторного (ЭФА) и конфирматорного (КФА) факторного анализа. Для этого общая выборка студентов колледжей случайным образом была разделена на 2 равные подвыборки (N = 565 для ЭФА и N = 565 для КФА).

Эксплораторный факторный анализ

Поскольку данные распределены ненормально, для факторного анализа был использован метод главных компонент как более предпочтительный при нарушении нормальности распределения (Fabrigar et al., 1999), а также как более мощный для изучения относительно простой факторной структуры (De Winter & Dodou, 2012). В

качестве метода вращения компонент был использован прямой облимин, поскольку существовала вероятность корреляции между факторами. Проверка соответствия матрицы корреляций для факторного анализа при помощи тестов Бартлетта и Кайзера-Мейера-Олкина показала применимость процедуры факторного анализа ($\chi^2 = 2884,512$, $df = 91$, $p < 0,001$). Результаты эксплораторного факторного анализа представлены ниже, в таблице 4.

Таблица 4

Факторные нагрузки и накопленный процент объясненной дисперсии для выделенных факторов

Model: $\chi^2 = 431.349$, $df=64$, $p<0.001$			
	Фактор 1	Фактор 2	Накопленная дисперсия
Пункт_6	0,852		
Пункт_7	0,737		
Пункт_3	0,682		
Пункт_5	0,658		0,270
Пункт_4	0,622		
Пункт_2	0,592		
Пункт_1	0,493		
Пункт_10		0,885	
Пункт_11		0,656	
Пункт_12		0,599	
Пункт_13		0,592	0,500
Пункт_14		0,583	
Пункт_8		0,550	
Пункт_9		0,483	

В результате эксплораторного факторного анализа обнаружено, что выделяется 2 фактора, содержательно соответствующих шкалам опросника и совместно объясняющих 50% дисперсии. Пункты опросника с 1-го по 7-ой демонстрируют высокие нагрузки на первый фактор («Стресс субъективной неопределенности»), тогда как пункты с 8-го по 14-ый – на второй фактор («Стресс объективной

неопределенности»). Полученный результат соотносится с предположением о структуре опросника. Отметим, что согласно полученным результатам, сведение всех пунктов опросника в один фактор не является информативным, как и увеличение количества факторов. При этом объясняемый процент дисперсии оказался достаточно невысок. В этой связи представляется целесообразной проверка более сложной модели, с наличием общего фактора второго порядка, методом конфирматорного факторного анализа.

Конфирматорный факторный анализ

Согласно результатам ЭФА, представленным выше, проверялись три модели: модель 1 с двумя латентными переменными (шкалы стресса субъективной и объективной неопределенности), модель 2 с одной латентной переменной (интегративная шкала общего уровня стресса неопределенности), модель 3 с двумя факторами первого порядка и одним фактором второго порядка (шкалы стресса субъективной и объективной неопределенности и шкала общего уровня стресса неопределенности). Поскольку данные измерены в порядковой шкале, но при этом демонстрируют невысокое отклонение от нормальности (асимметрия и эксцесс не превышали 1 по модулю), а также имеется довольно большая по численности выборка, то в качестве метода оценки соответствия модели применялся метод невзвешенных наименьших квадратов (unweighted least squares). Ниже, в таблице 5 представлены показатели соответствия всех трёх моделей. В качестве приемлемых значений принимались $CFI > 0,95$, $TLI > 0,95$, $RMSEA < 0,06$, $SRMR < 0,06$.

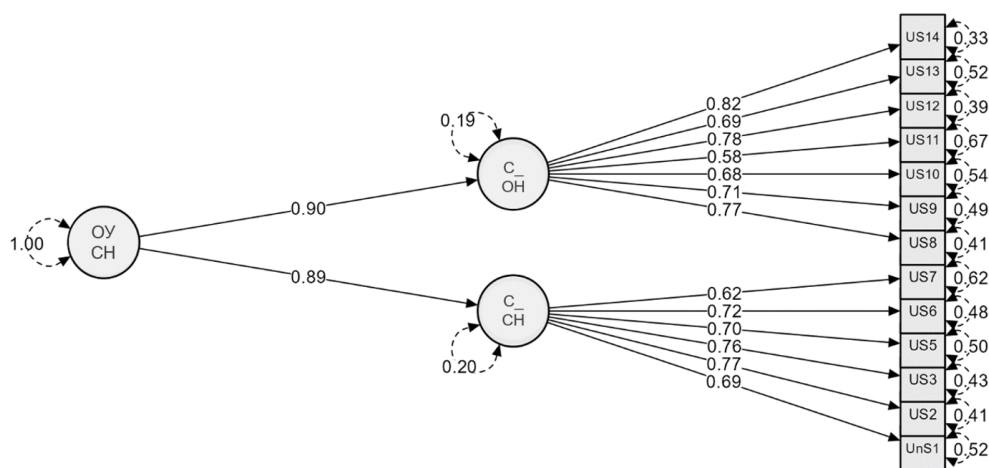
Таблица 5
Показатели соответствия исследуемых моделей

Номер модели	χ^2	Df	CFI	TLI	RMSEA	RMSEA p	SRMR
Модель 1	201,501	76	0,988	0,985	0,056	0,130	0,060
Модель 2	339,151	77	0,976	0,971	0,078	<0,001	0,076
Модель 3	172,990	63	0,988	0,986	0,056	0,166	0,058

Согласно полученным данным, наилучшие индексы соответствия наблюдаются у моделей 1 (два латентных фактора) и 3 (два латентных фактора и один фактор второго порядка), причем их значения практически идентичны. Тем не менее, поскольку нашим теоретическим представлениям в наилучшей степени соответствует модель 3, то она и была принята в качестве итоговой. На рисунке 2 представлена модель 3 с указанием факторных нагрузок пунктов на шкалы, а также вклад общего фактора в объяснение ковариации между латентными факторами первого порядка.

Рисунок 2

Итоговая модель по результатам конфирматорного факторного анализа

Примечание: C_SN – стресс субъективной неопределенности, C_ON – стресс объективной неопределенности, OUSN – общий уровень стресса неопределенности

Итак, в результате проведенных процедур эксплораторного и конфирматорного факторного анализа была подтверждена предполагаемая структура опросника, а именно две шкалы: «Стресс субъективной неопределенности» и «Стресс объективной неопределенности», а также интегративная шкала, отражающая общий уровень стресса неопределенности.

Валидность методики «Стресс субъективной и объективной неопределенности – ССОН»

Далее, на общей выборке студентов колледжей (N = 1130) была проверена валидность методики путем проведения корреляционного анализа ее показателей

с показателями по шкале «Дистресс», общим уровнем воспринимаемого стресса («Шкала воспринимаемого стресса»), а также с общим уровнем осознанной саморегуляции («Стиль саморегуляции поведения»). Поскольку мы ранее обнаружили, что распределение отличается от нормального, корреляции рассчитывались с применением коэффициента ρ Спирмена. Результаты анализа представлены в таблице 6.

Таблица 6

Корреляции показателей методики «Стресс субъективной и объективной неопределенности – ССОН», общего уровня осознанной саморегуляции (ССПМ) и показателей «Шкалы воспринимаемого стресса»

Переменная	1	2	3	4	5	6
1. Стресс субъективной неопределенности	—					
2. Стресс объективной неопределенности	0,675***	—				
3. Общий уровень стресса неопределенности	0,923***	0,902***	—			
4. Дистресс	0,531***	0,569***	0,602***	—		
5. Общий уровень воспринимаемого стресса	0,362***	0,339***	0,388***	0,612***	—	
6. Общий уровень саморегуляции	-0,243***	-0,260***	-0,279***	-0,415***	-0,151***	—

Примечание: *** – $p < 0,001$

В результате анализа обнаружены умеренные значимые корреляции показателей методики «Стресс субъективной и объективной неопределенности – ССОН» с показателями осознанной саморегуляции и воспринимаемого стресса. В частности, общий уровень стресса неопределенности положительно и умеренно коррелирует с общим уровнем воспринимаемого стресса, что может быть связано с тем фактом, что в методике «Шкала воспринимаемого стресса» его общий уровень отражает как

выраженность дистресса, так и воспринимаемую возможность совладания с ним. Данное предположение подтверждается высокой и положительной корреляцией значений шкалы «Дистресс» со всеми показателями опросника «Стресс субъективной и объективной неопределенности – ССОН». Таким образом, можно говорить о том, что представленный опросник демонстрирует хорошие показатели конструктивной валидности. Отметим также, что с осознанной саморегуляцией показатели опросника коррелируют невысоко и отрицательно.

Обсуждение результатов

Представленное исследование имело цель провести валидизацию и психометрическую оценку опросной методики «Стресс субъективной и объективной неопределенности – ССОН» на выборке юношеского возраста. Психометрическая оценка опросника была проведена на выборке студентов колледжей, поскольку, согласно полученным данным, студенты университетов, принявшие участие в опросе, значительно отличались от студентов колледжей как по показателям стресса неопределенности, так и по уровню осознанной саморегуляции. Данный результат может быть связан с возрастными особенностями: выборка студентов университетов в среднем старше, чем выборка студентов колледжей, хотя и включает одну и ту же возрастную группу (16–25 лет). Кроме того, это различие может быть обусловлено спецификой образовательных систем и стратегий обучающихся, выбирающих эти две разные образовательные траектории. Так, выбор обучения в колледже зачастую является частью образовательной стратегии «в университет через колледж», сопряженной с меньшим риском, поскольку позволяет не сдавать ЕГЭ (Александров и др., 2015; Чередниченко, 2017). Этот факт может объяснить более низкие уровни стресса и более низкие показатели осознанной саморегуляции у студентов колледжей. Тем не менее, выявленные различия и их причины требуют дальнейших эмпирических исследований.

Анализ надежности методики продемонстрировал ее высокую внутреннюю согласованность – показатели α -Кронбаха и ω -МакДональда оказались выше 0,8 для всех показателей опросника. Полученный результат соотносится как с данными о надежности оригинальной методики Янга (Yang et al., 2019), так и с данными о внутренней согласованности использованного варианта этой методики, переведённого на русский язык (Банщикова и др., 2023). Проведённый анализ факторной структуры нашего опросника при помощи эксплораторного и конфирматорного факторного анализа, с одной стороны, подтвердил существование двух латентных факторов стресса (Yang et al., 2019), а с другой, – позволил подтвердить предположение о наличии фактора более высокого порядка – интегративного показателя стресса неопределенности. Таким образом, согласно полученным в настоящей работе результатам, исследуемый конструкт обладает

более сложной структурой, и модифицированный нами вариант опросника Янга позволяет измерять стресс неопределённости с высокой степенью надежности.

Заключение и выводы

1. В результате апробации на российской юношеской выборке создана новая русскоязычная версия методики Т. Янга, получившая название «Стресс субъективной и объективной неопределенности – ССОН». Новая версия не только позволяет измерять показатели стресса субъективной и объективной неопределенности, но также имеет интегральную шкалу, отражающую общий уровень стресса неопределенности.
2. Новая адаптированная версия методики демонстрирует высокие показатели внутренней согласованности и является достаточно надежным и валидным инструментом измерения стресса неопределенности на выборках юношеского возраста.
3. Результаты проверки валидности продемонстрировали, что показатели стресса субъективной и объективной неопределенности выражено позитивно связаны с воспринимаемым дистрессом и умеренно негативно связаны с общим уровнем осознанной саморегуляции. Полученные данные соотносятся с теоретическими представлениями о стрессе неопределенности, а также с результатами исследований, демонстрирующих ресурсную роль осознанной саморегуляции в совладании с неопределенностью и стрессом;
4. Предложенная методика может быть использована в психологической и педагогической практике с целью диагностики уровня стресса неопределенности у обучающихся юношеского возраста, а также выраженности стресса по отношению к жизненным и глобальным стрессорам.
5. Представляется перспективным использование разработанной методики для сравнения выраженности стресса объективной и субъективной неопределенности у обучающихся в зависимости от возраста, пола, региона проживания, а также от степени развития у них личностных, когнитивных и регуляторных ресурсов и резервов. Актуальной проблемой, ожидающей своего изучения, является влияние различных аспектов стресса неопределенности на академическую успешность, субъективное благополучие, личностное и профессиональное развитие в юношеском возрасте.

Ограничения исследования

В настоящее время разработанная методика применима для исследований на выборках юношеского возраста (16–25 лет). Будущие исследования могут быть направлены на валидизацию методики на выборках других возрастов, а также разработку нормативных показателей в зависимости от пола и возраста.

Литература

- Александров, Д. А., Тенишева, К. А., Савельева, С. С. (2015). Мобильность без рисков: образовательный путь «в университет через колледж». *Вопросы образования*, (3), 66–91. <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2015-3-66-91>
- Банщикова, Т. Н., Соколовский, М. Л., Тегетаева, Ж. Р. (2023). Осознанная саморегуляция как ресурс преодоления стресса и достижения субъективного благополучия: этнорегиональная специфика. *Теоретическая и экспериментальная психология*, 16(1), 19–42. <https://doi.org/10.24412/TEP-23-2>
- Битюцкая, Е. В. (2011). Современные подходы к изучению совладания с трудными жизненными ситуациями. *Вестник Московского университета. Серия 14. Психология*, 1, 100–111.
- Бутенко, Т. П. (2008). Методика диагностики понимания неопределенности жизненных ситуаций и совладания с ними. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*, 5(2), 117–123.
- Диев, В. С. (2010). Неопределенность как атрибут и фактор принятия решений. *Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Философия*, 8(1), 3–8.
- Долгова, В. И., Кондратьева, О. А., Маслова, П. М. (2022). Исследование взаимосвязи толерантности к неопределенности и копинг-стратегий у студентов факультета психологии. *Вестник Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета*, (6), 260–291. <https://doi.org/10.25588/6993.2022.48.13.013>
- Зинченко, Ю. П. (Ред.) (2021). *Психологическое сопровождение пандемии COVID-19*. Издательство Московского университета.
- Золотарева, А. А., Смирникова, О. В., Витко, Ю. С. (2022). Соматизация, психологический дистресс и качество жизни сельских городских жителей России. *Психологический журнал*, 6(43), 94–104. <https://doi.org/10.31857/S020595920023648-8>
- Золотарева, А. А. (2023). Психометрические свойства русскоязычной версии Шкалы воспринимаемого стресса (версии PSS-4, 10, 14). *Клиническая и специальная психология*, 12(1), 18–42. <https://doi.org/10.17759/cpse.2023120102>
- Кондратюк, Н. Г., Моросанова, В. И. (2021). Надежность осознанной саморегуляция как ресурс психологической безопасности личности в условиях стресса и неопределенности. *Психология саморегуляции в контексте актуальных задач образования (к 90-летию со дня рождения ОА Конопкина)*, (1), 156–161.
- Корнилова, Т. В., Чумакова, М. А. (2014). Шкалы толерантности и интолерантности к неопределенности в модификации опросника С. Баднера. *Экспериментальная психология*, 7(1), 92–110.
- Кригер, Е. Э. (2014). Ситуации неопределенности и проблемные ситуации: общее и особенное. *Современные проблемы науки и образования*, (2), 581–581.
- Моросанова, В. И. (2021). Осознанная саморегуляция как метаресурс достижения целей и разрешения проблем жизнедеятельности. *Вестник Московского университета. Серия 14. Психология*, (1), 4–37. <https://doi.org/10.11621/vsp.2021.01.01>
- Моросанова, В. И. (2022). Психология осознанной саморегуляции: от истоков к современным исследованиям. *Теоретическая и экспериментальная психология*, 15(3), 57–82. <https://doi.org/10.24412/2073-0861-2022-3-57-82>
- Моросанова, В. И., Кондратюк, Н. Г. (2020). Опросник В.И. Моросановой «Стиль саморегуляции поведения-ССПМ 2020». *Вопросы психологии*, (4), 155–167.
- Моросанова, В. И., Кондратюк, Н. Г., Потанина, А. М. (2024). Регуляторные ресурсы профессионального самоопределения обучающихся в условиях стресса: исследовательские подходы и теоретические основания. *Вестник Московского университета. Серия 14. Психология*, (2), 31–60. <https://doi.org/10.11621/LPJ-24-14>

- Моспан, А. Н. (2023). Совладание со стрессом неопределенности. *Человек*, 34(2), 40–51.
- Сачкова, М. Е., Семенова, Л. Э. (2024). Толерантность к неопределенности и суеверность как личностные ресурсы решения социальных проблем учащейся молодежью. *Психолого-педагогические исследования*, 16(1), 3–20. <https://doi.org/10.17759/psyedu.2024160101>
- Солнцева, Г. Н., Смолян, Г. Л. (2009). Принятие решений в ситуации неопределенности и риска (психологический аспект). *Труды Института системного анализа Российской академии наук*, 41, 266–280.
- Султанова, А. Н., Тагильцева, Е. В., Станкевич, А. С. (2021). Психологические детерминанты успешной адаптации студентов-мигрантов. *Вестник Московского университета. Серия 14. Психология*, (3), 129–147. <https://doi.org/10.11621/vsp.2021.03.07>
- Тарабрина, Н. В., Журавлев, А. Л., Сергиенко, Е. А., & Харламенкова, Н. Е. (2017). Повседневный и травматический стресс: современные направления исследований. *Фундаментальные и прикладные исследования современной психологии: результаты и перспективы развития*, 1468–1475.
- Чередниченко, Г. А. (2017). Российская молодежь в системе образования: от уровня к уровню. *Вопросы образования*, 3, 152–182. <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2017-3-152-182>
- Черноусова, Т. В. (2022). Стратегии проживания ситуации неопределенности как предмет социально-психологического анализа. *Психология человека в образовании*, 4(4), 421–434. <https://doi.org/10.33910/2686-9527-2022-4-4-421-434>
- Clayton, S. (2020). Climate anxiety: Psychological responses to climate change. *Journal of anxiety disorders*, 74, 102263. <https://doi.org/10.1016/j.janxdis.2020.102263>
- De Winter, J. C., & Dodou, D. (2012). Factor recovery by principal axis factoring and maximum likelihood factor analysis as a function of factor pattern and sample size. *Journal of applied statistics*, 39(4), 695–710. <https://doi.org/10.1080/02664763.2011.610445>
- Fabrigar, L. R., Wegener, D. T., MacCallum, R. C., & Strahan, E. J. (1999). Evaluating the use of exploratory factor analysis in psychological research. *Psychological methods*, 4(3), 272.
- Freeston, M., Tiplady, A., Mawn, L., Bottesi, G., & Thwaites, S. (2020). Towards a model of uncertainty distress in the context of Coronavirus (COVID-19). *The Cognitive Behaviour Therapist*, 13, e31. <https://doi.org/10.1017/S1754470X2000029X>
- Hamaideh, S. H., Al-Modallal, H., Tanash, M. A., & Hamdan-Mansour, A. (2022). Depression, anxiety and stress among undergraduate students during COVID-19 outbreak and "home-quarantine". *Nursing Open*, 9(2), 1423–1431. <https://doi.org/10.1002/nop2.918>
- Massazza, A., Kienzler, H., Al-Mitwalli, S., Tamimi, N., & Giacaman, R. (2023). The association between uncertainty and mental health: a scoping review of the quantitative literature. *Journal of Mental Health*, 32(2), 480–491. <https://doi.org/10.1080/09638237.2021.2022620>
- McCarty, R. J., Downing, S. T., Daley, M. L., McNamara, J. P., & Guastello, A. D. (2023). Relationships between stress appraisals and intolerance of uncertainty with psychological health during early COVID-19 in the USA. *Anxiety, Stress, & Coping*, 36(1), 97–109. <https://doi.org/10.1080/10615806.2022.2075855>
- Mitchell, A.M., Crane, P.A., & Kim, Y. (2008). Perceived stress in survivors of suicide: Psychometric properties of the perceived stress scale. *Research in Nursing and Health*, 31(6), 576–585. <https://doi.org/10.1002/nur.20284>
- Phillimore, J., & Cheung, S. Y. (2021). The violence of uncertainty: Empirical evidence on how asylum waiting time undermines refugee health. *Social Science & Medicine*, 282, 114154. <https://doi.org/10.1016/j.socscimed.2021.114154>
- Peng, S., Yang, T., & Rockett, I. R. (2020). Life stress and uncertainty stress: which is more associated with unintentional injury? *Psychology, health & medicine*, 25(6), 774–780. <https://doi.org/10.1080/13548506.2019.1687913>

- Peng, S., Yang, X. Y., Yang, T., Zhang, W., & Cottrell, R. R. (2021). Uncertainty stress and its impact on disease fear and prevention behavior during the COVID-19 epidemic in China: a panel study. *American Journal of Health Behavior, 45*(2), 334–341. <https://doi.org/10.5993/AJHB.45.2.12>
- Reizer, A., Geffen, L., & Koslowsky, M. (2021). Life under the COVID-19 lockdown: On the relationship between intolerance of uncertainty and psychological distress. *Psychological Trauma: Theory, Research, Practice, and Policy, 13*(4), 432–437. <https://doi.org/10.1037/tra0001012>
- Saleh, D., Camart, N., & Romo, L. (2017). Predictors of stress in college students. *Frontiers in psychology, 8*, 19. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2017.00019>
- Santomauro, D. F., Herrera, A. M. M., Shadid, J., Zheng, P., Ashbaugh, C., Pigott, D. M., ... & Ferrari, A. J. (2021). Global prevalence and burden of depressive and anxiety disorders in 204 countries and territories in 2020 due to the COVID-19 pandemic. *The Lancet, 398*(10312), 1700–1712. [https://doi.org/10.1016/S0140-6736\(21\)02143-7](https://doi.org/10.1016/S0140-6736(21)02143-7)
- Stankovska, G., Memedi, I., & Dimitrovski, D. (2020). Coronavirus COVID-19 disease, mental health and psychosocial support. *Society Register, 4*(2), 33–48. <https://doi.org/10.14746/sr.2020.4.2.03>
- Sweeny, K., Rankin, K., Cheng, X., Hou, L., Long, F., Meng, Y., ... & Zhang, W. (2020). Flow in the time of COVID-19: Findings from China. *PloS one, 15*(11), e0242043. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0242043>
- Wise, T., Zbozinek, T. D., Charpentier, C. J., Michelini, G., Hagan, C. C., & Mobbs, D. (2023). Computationally-defined markers of uncertainty aversion predict emotional responses during a global pandemic. *Emotion, 23*(3), 722–736. <https://doi.org/10.1037/emo0001088>
- Wu, D., Yang, T., Hall, D. L., Jiao, G., Huang, L., & Jiao, C. (2021). COVID-19 uncertainty and sleep: the roles of perceived stress and intolerance of uncertainty during the early stage of the COVID-19 outbreak. *BMC psychiatry, 21*(1), 306. <https://doi.org/10.1186/s12888-021-03310-2>
- Yang, T., Yang, X. Y., Yu, L., Cottrell, R. R., & Jiang, S. (2017). Individual and regional association between socioeconomic status and uncertainty stress, and life stress: A representative nationwide study of China. *International Journal for Equity in Health, 16*(1), 118. <https://doi.org/10.1186/s12939-017-0618-7>
- Yang, T., Barnett, R., Fan, Y., & Li, L. (2019). The effect of urban green space on uncertainty stress and life stress: A nationwide study of university students in China. *Health & Place, 59*, 102199. <https://doi.org/10.1016/j.healthplace.2019.102199>
- Yusufov, M., Nicoloro-Santa Barbara, J., Grey, N. E., Moyer, A., & Lobel, M. (2019). Meta-analytic evaluation of stress reduction interventions for undergraduate and graduate students. *International Journal of Stress Management, 26*(2), 132–145. <https://doi.org/10.1037/str0000099>
- Wang, C., Wen, W., Zhang, H., Ni, J., Jiang, J., Cheng, Y., ... & Liu, W. (2021). Anxiety, depression, and stress prevalence among college students during the COVID-19 pandemic: A systematic review and meta-analysis. *Journal of American college health, 71*(7), 2123–2130. <https://doi.org/10.1080/07448481.2021.1960849>
- Wuthrich, V. M., Jagiello, T., & Azzi, V. (2020). Academic stress in the final years of school: A systematic literature review. *Child Psychiatry & Human Development, 51*(6), 986–1015. <https://doi.org/10.1007/s10578-020-00981-y>
- Zhu, Z., Wu, D., Wei, K., Liu, Y., Xu, Z., Jiao, G., ... & Zou, L. (2023). Uncertainty stress and self-rated health during the early stage of the COVID-19 outbreak. *Health Psychology and Behavioral Medicine, 11*(1), 2173202. <https://doi.org/10.1080/21642850.2023.2173202>

Приложение

Инструкция, утверждения и ключ опросника «Стресс субъективной и объективной неопределенности»

Инструкция

Вам будут предложены утверждения, относящиеся к ситуациям, которые могут вызывать негативные стрессовые реакции. Пожалуйста, оцените наличие и меру возможного стресса в каждой из этих ситуаций по шкале: 1 – отсутствие стресса, 2 – небольшой стресс, 3 – значительный стресс, 4 – чрезмерный стресс.

Утверждения	Отсутствие стресса	Небольшой стресс	Значительный стресс	Чрезмерный стресс
Трудности в учебе	1	2	3	4
Неудовлетворительные отношения со сверстниками	1	2	3	4
Конфликтные отношения с преподавателями	1	2	3	4
Неудовлетворённость романтическими отношениями	1	2	3	4
Постоянные финансовые затруднения	1	2	3	4
Отсутствие поддержки от членов семьи	1	2	3	4
Угроза жизни и здоровью	1	2	3	4
Стремительно меняющийся мир	1	2	3	4

Утверждения	Отсутствие стресса	Небольшой стресс	Значительный стресс	Чрезмерный стресс
Поток негативных новостей	1	2	3	4
В современном мире трудно определить, где правда, а где – ложь	1	2	3	4
Климатические изменения и природные катаклизмы	1	2	3	4
Трудности построения профессиональных планов в условиях неопределенности	1	2	3	4
Сложно понять, кто враги, а кто – друзья	1	2	3	4
Возрастающая неопределённость будущего	1	2	3	4

Ключ

Показатели шкал рассчитываются путем суммирования баллов по следующим пунктам: стресс субъективной неопределенности – пункты 1–7; стресс объективной неопределенности – пункты 8–14. Показатель интегральной шкалы общего уровня стресса неопределённости рассчитывается как сумма значений по обеим шкалам методики.

Поступила в редакцию: 13.03.2024

Поступила после рецензирования: 12.08.2024

Принята к публикации: 12.08.2024

Заявленный вклад авторов

Варвара Ильинична Моросанова – разработка методологической концепции и дизайна исследования, подготовка теоретического обзора, интерпретация результатов, участие в подготовке текста статьи.

Анна Михайловна Потанина – участие в подготовке теоретического обзора, сбор и обработка данных, участие в интерпретации результатов, подготовка текста статьи, оформление рукописи.

Александр Константинович Пащенко – участие в подготовке текста статьи, участие в оформлении рукописи.

Информация об авторах

Варвара Ильинична Моросанова – член-корреспондент Российской Академии образования, доктор психологических наук, профессор, заведующая лабораторией психологии саморегуляции, ФГБНУ «Федеральный научный центр психологических и междисциплинарных исследований», г. Москва, Российская Федерация, Web of Science ResearcherID: J-5946-2016, Scopus Author ID: 6506351065, ID РИНЦ: 75040; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7694-1945>; e-mail: morosanova@mail.ru

Анна Михайловна Потанина – научный сотрудник лаборатории психологии саморегуляции, ФГБНУ «Федеральный научный центр психологических и междисциплинарных исследований», г. Москва, Российская Федерация, Web of Science ResearcherID: AAF-9474-2021, ID РИНЦ: 1032262; ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4358-6948>; e-mail: a.m.potan@gmail.com

Александр Константинович Пащенко – кандидат психологических наук, старший научный сотрудник лаборатории конвергентных исследований когнитивных процессов, ФГБНУ «Федеральный научный центр психологических и междисциплинарных исследований», г. Москва, Российская Федерация, Web of Science ResearcherID: GRR-1944-2022, ID РИНЦ: 683508; ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-7489-2986>; e-mail: a.k.pashchenko@mail.ru

Информация о конфликте интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Научная статья

УДК 159.9.075

<https://doi.org/10.21702/rpj.2024.3.8>

Интерпретация этически нагруженных ситуаций молодыми людьми: зависимость от предметного контекста и индивидуально-типологических характеристик

Елена И. Горбачева , Екатерина А. Зыкова, Кирилл В. Кабанов*

Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского, Калуга,
Российская Федерация

* Почта ответственного автора: KabanovKV@tksu.ru

Аннотация

Введение. Предложен исследовательский подход к выявлению индивидуальных детерминант морального мышления как интеллектуального процесса, обеспечивающего применение моральных запретов в изменяющихся предметных контекстах этически нагруженных ситуаций. **Методы.** Исследование проведено на выборке студентов КГУ им. К.Э. Циолковского, обучающихся на первых-вторых курсах социогуманитарных направлений подготовки ($n = 90$ человек). Выявлению подлежала специфика вариативности продуктивности интерпретации моральных противоречий на материале сконструированных этически нагруженных ситуаций в условиях изменения их предметного контекста. Применены процедуры однофакторного дисперсионного анализа и его варианта (ANOVA с повторными измерениями) для установления силы влияния переменной «предметный контекст» на полноту, содержательную релевантность и проблематизацию интерпретации этически нагруженной ситуации в условиях воздействия переменных субъектного уровня. **Результаты.** Установлено, что полнота, релевантность и проблематизация интерпретации этически нагруженных ситуаций в разных предметных контекстах не остаются неизменными, и границы такой изменчивости сопряжены с вариативностью показателей сформированности когнитивных и личностных характеристик студентов. С включением морального содержания в правовой контекст полнота выделения ее компонентов повышается, и эта тенденция

определена действием таких переменных, как уровень умственного развития и сформированность этических понятий. При интерпретации этически нагруженной ситуации в житейском контексте релевантность обоснования морального противоречия лимитирована сформированностью коллективной и личностной рефлексий. В условиях правового контекста уровень проблематизации возрастает с повышением степени сформированности этических понятий, а в условиях житейского контекста проблематизация моральных противоречий растет у тех испытуемых, кто демонстрирует доминирование моральных ориентиров в своем социальном поведении. **Обсуждение результатов.** Выявление границ вариативности продуктивности интерпретации моральных противоречий в контекстуально неоднородных этических ситуациях у лиц, отличающимися своими когнитивными и личностными характеристиками, позволяет установить, как функционируют моральные нормы в индивидуальном сознании и как они актуализируются в форме морального запрета.

Ключевые слова

моральное мышление, этически нагруженная ситуация, предметный контекст, продуктивность интерпретации, индивидуальные характеристики, моральный запрет, субъект морального выбора

Финансирование

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 23-28-10189 «Индивидуальные и контекстуальные детерминанты применения моральных запретов у студентов разных профессионально-образовательных групп».

Для цитирования

Горбачева, Е.И., Зыкова, Е.А., Кабанов, К.В. (2024). Продуктивность интерпретации этически нагруженной ситуации в зависимости от ее предметного контекста и индивидуальных характеристик студентов. *Российский психологический журнал*, 21(3), 133–151. <https://doi.org/10.21702/rpj.2024.3.8>

Введение

Существенным для понимания морального мышления является представление о том, как осуществляется процесс распознавания моральных противоречий, их структурирования и интерпретации. Изучение детерминант этого процесса позволяет не только получить необходимую информацию о репрезентации в индивидуальном сознании моральных запретов, но и восстановить те способы

ориентации в этически нагруженных ситуациях (далее – ЭНС), которые используют ее решатели (моральные агенты). В подобных ситуациях индивиды апеллируют к своим потенциально противоположным личным и профессиональным ценностям, например, в отношении того, что составляет качество жизни или человеческое достоинство, осуществляя многомерную интерпретацию оснований социально ответственного поведения (Арутюнова, Александров, 2019; Горбунова, 2010; Мачехина, 2018; Bartels et al., 2016; Tassy et al., 2013).

Этически нагруженные ситуации – это ситуации, в которых интересы, потребности, желания людей противоречат интересам, потребностям, желаниям других и требуется применить моральный запрет в разрешении противоречия или предложить или артикулировать имеющиеся конвенциональные нормы урегулирования, которые признавались бы конфликтующими сторонами. Актуализируемый субъектом моральный запрет предполагает определенный способ интерпретации нормативных ситуаций, объяснения причин своего и чужого поведения, оценки их правильности (Nichols, Mallon, 2006; Skitka et al., 2021). Оценка должного действия с собственной позиции и с позиции другого человека является контекстуальной детерминантой, оказывающей воздействие на императивность применения моральных обязательств.

Предположение о том, что существуют специфические особенности принятия морального решения в разных предметных контекстах этических ситуаций, основывается на признании различий в системах социальных отношений. В этих системах «...стимулы, адресованные индивидам или группам, не являются универсальными, а всегда соответствуют определенному типу регулирования социальных связей» (Fiske, 1992). С этой точки зрения, норма закона (в правовой системе) и нравственное осуждение (в системе житейских взаимодействий), хотя и выполняют одну и ту же функцию, все же несут разную информацию для принятия морального решения.

Моральные запреты в контексте социальных взаимодействий реализуются не непосредственно, а опосредованно, в соотношении с нормами и правилами, закодированными в логике регулирования предметного-правового или любого другого контекста (Луман, 2007). Такие предметные «коды» отражают контекстуальную специфику ЭНС. В этом своем качестве они служат опознавательными знаками в процессе их соотношения с нравственным содержанием.

Специфика осуществления моральных суждений и интерпретации моральных противоречий при решении разных типов задач широко обсуждается в работах, и на настоящий момент составляет целый корпус исследований (Ениколопов, Медведева, Воронцова, 2019; Carpendale & Krebs, 1995; Greene et al., 2008; Sobral & Fraguela, 2018). Необходимость учета контекста, в котором производятся моральные рассуждения, продемонстрированы на разных по содержанию задачах: распространении достижений генной инженерии, разоблачении криминального поведения, честного

поведения в спорте, обеспечении надлежащего качества медицинских услуг (Craft, 2013). Вместе с тем предметно-содержательный контекст моральных запретов в проводимых исследованиях не рассматривается в качестве контекстуальной переменной, оказывающей продвигающее или, напротив, нивелирующее влияние на проблематизацию моральных противоречий и их интерпретацию.

Принципиальным моментом в рассмотрении интерпретации ЭНС служит то, что она включает как собственно оценочный компонент («правильно» или «неправильно» «нужно» или «не нужно»), так и обоснование – доказательство приемлемости именно такой оценки. Для интерпретации требуется осуществить анализ выделяемого содержания во всей полноте представленных в ней связей, отношений, в том числе в ее соотношении с другим содержанием, подобным или отличающимся. Соответственно, интерпретация может быть затруднена в силу множества возможных направлений анализа и структурирования включённых нормативных содержаний.

До сих пор актуальным является обсуждение оснований интерпретации морального решения в плане полноты охвата всех его структурных элементов – и субъективных (мотивация, ценности), и объективных (результат, обстоятельства, последствия). Представители так называемой консеквенциальной этики, например, эвдемонизма, макиавеллизма, утилитаризма, придают главное значение результатам действий и их последствиям, а ценности и мотивы выносят на периферию в моральных рассуждениях. Напротив, представители теории «автономной морали» определяют место результатов в зависимости от ценностей и мотивов. Функциональная роль каждой из компонентов ЭНС в ее продуктивной интерпретации в конкретных предметных контекстах пока не получила надлежащего рассмотрения.

В зависимости от того, какие компоненты ЭНС фиксируются индивидами в качестве семантического центра, устанавливается доминирующий взгляд на моральное противоречие и его осмысление. Фиксация этого противоречия выступает как проблематизация. Следуя традиции, идущей от Мишеля Фуко, проблематизация необходима, когда «...некий комплекс отношений или поведения входит в поле мысли при условии, что определённое количество факторов, связанных с этими отношениями или поведением, становится неопределённым, теряет свою «узнаваемость», обыденность, создаёт ряд «трудностей» вокруг себя, т.е. становится проблемным» (Фуко, 2006, с. 66).

ЭНС представляет собой интеллектуальную задачу, в которой интерпретация ее содержания предшествует принятию решения. Но, по замечанию Дьюи, это решение не самоочевидно. «Есть конфликтующие желания, есть альтернативные и несомненные виды блага. Все, что здесь требуется, – это избрать надлежащий способ действия, надлежащее благо. Итак, предмет исследования уточняется: надо детально обозреть, как построена ситуация; проанализировать ее разнообразные

факторы; прояснить, что именно является невразумительным; не доверять тому, что более всего бросается в глаза и отвлекает внимание; рассмотреть последствия самых различных способов действия, которые только приходят в голову; считать достигнутое решение гипотетическим или пробным до тех пор, пока предвидимые или предполагаемые последствия, из-за которых оно было принято, не совпадут с последствиями актуальными. Такое исследование и есть разумное понимание» (Дьюи, 2003, с. 106).

Как было показано ранее, в процессе интерпретации подобных ситуаций должны быть задействованы когнитивные характеристики индивидов, связанные, во-первых, с актуализацией этических понятий, способов логического рассуждения как средств распознавания морального содержания социальной задачи, его структурирования как ситуации морального выбора, и, во-вторых – со способами обнаружения и проблематизации противоречия между собственно моральными и неморальными суждениями о компонентах целостной ситуации (Горбачева и др., 2018; Малюгин, 2007).

Идентификация морального содержания может осуществляться не только средствами абстрактного мышления и рефлексивного рассуждения, но и определяться предрасположенностью к моральным оценкам и соответствующим поступкам. В интерпретации ЭНС моральный агент может руководствоваться как ситуационной аффективной оценкой, направляемой моральным чувством, так и устойчивыми личностными характеристиками – нравственной направленностью и осознанным отношением к нравственным нормативам (Лебедева, 2023).

При выборе адекватных обсуждаемой проблеме исследовательских процедур и диагностических методик важно учесть, что моральные агенты демонстрируют вариативные способы интерпретации ЭНС (Молчанов и др., 2019; Beißert, Hasselhorn, 2016; Reynolds, 2006). Несмотря на то, что требования морали могут приобретать «выпуклый» характер и жестко навязываться участникам в виде морального правила, в соответствии со «своим видением» ситуации моральные агенты предпочитают руководствоваться в рассуждении не только собственно моральными, но иными, иррелевантными моральной сфере нормативами. В данном случае правомерно полагать, что в принятии морального решения в изменяющихся предметных контекстах ЭНС опосредствующую роль выполняют когнитивные и личностные характеристики индивидов.

Методы

Был выбран однофакторный план эмпирического исследования с рандомизированным предъявлением заданий. Независимой переменной в исследовании выступил предметный контекст ситуаций, актуализирующих моральные противоречия (право, житейские практики), а в качестве зависимой переменной рассматривалась продуктивность интерпретации компонентов ситуации морального выбора.

Выборка

В исследовании приняли участие студенты младших курсов Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского в возрасте 18–19 лет (всего 90 человек).

Методика

Сконструированные исследовательские задания включали ЭНС, возникающие в области правовых и повседневных житейских практик. Основная серия заданий состояла из четырех текстов-описаний. Характер морального противоречия в заданиях не отличался, при этом изменялся только их предметный контекст – правовой и житейский. Это требование было обеспечено предварительной экспертной оценкой. В качестве экспертов выступили сами участники проекта (четверо человек), при этом показателем соответствия исследовательских заданий обозначенным требованиям стала высокая степень (не менее 95%) совпадения оценок структурной гомогенности.

Для того, чтобы уравновесить силу возможного влияния на продуктивность интерпретации факторов «знакомости» или «типичности» содержательного наполнения анализируемых студентами ситуаций, все они были сгенерированы на основе представленного в медийной среде материала, который в равной степени соответствовал социокультурной осведомленности студентов.

Первая группа ситуаций «Развод» и «Расставание» отражали моральный конфликт в сфере житейских практик: 1) сохранение единства семьи в контексте изменяющихся культурных норм и сохранения традиции и 2) поддержание детско-родительских отношений, вопреки культурным стереотипам и ценностям индивидуального благополучия. Вторая группа ситуаций «Разоблачение» и «Обличение» реализовывались в правовой сфере: 1) отражающая противоречия между интересами сохранения семейных связей и ответственностью перед законом и 2) отражающая противоречия между интересами сохранения семейных и корпоративных связей (и те, и другие связи с узким радиусом доверия) и правовыми нормативами социума.

Для анализа продуктивности интерпретации ситуаций использовалась специально разработанная и апробированная Е.А. Мачехиной процедура контент-анализ протоколов, единицами которого служили утверждения (слова и словосочетания в текстах протоколов), относящиеся к основным компонентам ситуации. Основными показателями в оценке продуктивности интерпретации ситуации морального выбора являются: полнота, которая характеризуется охватом всех компонентов ситуации: участников, их мотивов и ценностей, условий морального решения; и содержательная релевантность, которая включает в себя нравственные измерения ситуации, где ведущая роль отводится проблемной

рефлексии индивидом конфликта интересов, мнений и ожиданий участников в ситуации, требующей нравственной оценки, признания свободы и ответственности личности как субъекта морального поведения. Показателем проблематизации морального противоречия служили высказывания по расширению анализа ситуации в направлении прогнозирования ее последствий с точки зрения нарушения морального запрета (Мачехина, 2015; Мачехина, 2018).

Пример ЭНС и интерпретации

Приведем пример правовой ситуации с описанием показателей продуктивности ее интерпретации.

Описание ситуации «Разоблачение»: «Отца молодой женщины-адвоката, венгерского иммигранта, обвиняют в военных преступлениях, совершённых во время Второй мировой войны. Прокурор подозревает, что он, скорее всего, является «Мишкой», бывшим командиром эскадрона смерти фашистской и расистской партии «Скрещённые стрелы Венгрии». Во время осады Будапешта Мишка и его подразделение подвергли пыткам и убили десятки венгерских евреев, цыган и многих других людей. Для молодой женщины эти обвинения являются абсурдными. Ласковый отец-одиночка, вырастивший ее и теперь заботящийся о ее сыне, по ее мнению, не мог совершить такие преступления. Она решает выступить в качестве официального защитника отца и первоначально ей удается доказать его непричастность к тем преступлениям, в которых его обвиняют, однако, по ходу проведенного ею расследования, в ее руки попадают фотографии, подтверждающие подозрения прокурора. Она решает сообщить об этом отцу и написать письмо прокурору, к которому прилагает документы, доказывающие его вину».

Интерпретация представленной ситуации морального выбора считалась полной, если в протоколе испытуемого упоминались все компоненты:

- участники (отец, подозреваемый в совершении преступлений на националистической почве, любящий свою дочь и внука; его дочь, адвокат, ведущая расследование его причастности к этим преступлениям, любящая своего отца и сына);
- мотивы (у пожилого мужчины (подозреваемого в нацистских преступлениях) – желание жить с дочерью и воспитывать внука; у его дочери – желание разобраться в том, виновен ее отец или нет в совершении тех преступлений, в которых его обвиняют);
- ценности (отец женщины-адвоката – сохранение статуса заботливого отца и дедушки; его дочери – любовь к отцу и справедливость);
- условия (над бывшим нацистом идет судебный процесс, в рамках которого он обвиняется в совершении военных преступлений (расстреле мирного населения – стариков, женщин, детей). На суде не были представлены достаточные

доказательства его вины, и он был отпущен. Однако, в результате проведения собственного расследования, его дочь находит неопровержимые доказательства, которые убеждают ее в его виновности).

Интерпретация представленной ситуации морального выбора считалась релевантной, если в протоколе испытуемого раскрывалось моральное противоречие, лежащее в основе рассматриваемой ЭНС: женщина-адвокат оказывается в ситуации конфликта гражданских гуманистических ценностей (справедливость) и утилитаристской морали, осуществляя выбор между тем, чтобы поступить по справедливости и передать суду найденные ею свидетельства виновности отца в военных преступлениях или утаить правду и оставить все, как есть; для ее отца – любовь к дочери и к внуку и сохранение статуса преданного семьянина противостоит страху разоблачения и неготовности к самообвинению.

Психодиагностические методики

План эмпирического исследования был дополнен применением психодиагностических методик. Был подобран пакет методик по выявлению когнитивных и личностных характеристик. Уровень умственного развития, включая осведомленность и сформированность мыслительных действий, определялся с помощью «Теста умственного развития взрослых» (Акимова, Горбачева и др., 2012). Мера освоения этических понятий, позволяющих ориентироваться в сфере моральных кодов социального взаимодействия, проверялась посредством методик сформированности этических понятий «Определение понятий» и «Пословицы» (Жидкова, 2013). Для проверки предположения об опосредствующей роли рефлексивности мышления и видов рефлексии в выделении, проблематизации и интерпретации морального противоречия применялась «Методика диагностики рефлексивности мышления» (Анисимов, 1994). Для установления степени выраженности моральной ориентации использовалась исследовательская методика «Типы ориентации в социальном взаимодействии» (Мачехина, 2015).

Гипотеза исследования

Основная гипотеза исследования состояла в том, что продуктивность интерпретации ЭНС будет изменяться в зависимости от ее предметного контекста, и границы этой вариативности будут сопряжены с вариативностью показателей сформированности когнитивных и личностных характеристик.

Результаты

В таблице 1 показано, как изменялась интерпретация ЭНС в плане ее полноты, релевантности, проблематизации и общей продуктивности (определялась как суммарный показатель полноты и релевантности).

Сопоставления результатов интерпретаций ситуаций и составляющих ее компонентов, предъявляемых в разных предметных контекстах (с использованием непараметрического критерия сравнения связанных выборок Т-критерия Вилкоксона) показали, что их структурирование осуществляется в более полном объеме в правовом контексте ($T = 246,0$; $p = 0,000$). Это подтвердилось и в отношении более развернутого анализа действий участников ($T = 338,5$; $p = 0,04$), их мотивов ($T = 89,0$; $p = 0,000$) и ценностей ($T = 85,0$; $p = 0,000$). Различия между показателями релевантности интерпретации компонентов ситуаций с житейским и правовым контекстами оказались еще более выражены (за исключением условий), все они значимы на уровне не менее, чем $p = 0,01$.

Таблица 1

Показатели полноты, релевантности и общей продуктивности интерпретации ЭНС в зависимости от изменения их предметного контекста

Показатели интерпретации ситуаций	Житейский контекст	Правовой контекст	Статистическая достоверность влияния предметного контекста (n = 90)	
			T-критерий	Уровень значимости
Полнота				
Участники	1,44	1,62	338,5	0,04
Мотивы	0,91	1,25	89,00	0,000
Ценности	1,09	1,38	85,5	0,000
Условия	0,73	0,80	108,5	нет различий
Проблематизация	0,44	0,45	159,5	нет различий
Полнота (общий балл)	4,61	5,5	246,0	0,000
Релевантность				
Участники	0,49	0,83	183,5	0,000
Мотивы	0,47	0,66	95,0	0,013
Ценности	0,56	0,73	196,0	0,031
Условия	0,27	0,30	113,0	нет различий
Проблематизация	0,28	0,26	144,5	нет различий
Релевантность (общий балл)	2,07	2,78	233,5	0,000
Продуктивность	6,68	8,28	317,0	0,000

С помощью однофакторного дисперсионного анализа (ANOVA для связанных выборок) тенденция вариативности продуктивности интерпретации в условиях изменения предметного контекста нашла свое подтверждение (таблица 2).

Полнота описания компонентов ЭНС, реализуемой на правовом материале, оказывается значимо выше по сравнению с показателями, демонстрируемыми в ситуациях с житейским ($F = 12,74$; $p = 0,000$). Правовой контекст ситуации морального выбора также способствует ее релевантной содержательной интерпретации, в отличие от ее включения в житейский ($F = 14,77$; $p = 0,000$). Вместе с тем моральные характеристики и мотивы участников ситуаций студентами прорабатываются более глубоко на материале житейских практик ($F = 8,07$; $p = 0,007$). В условиях включения ситуации в правовой контекст повышается и уровень ее проблематизации ($F = 15,45$; $p = 0,0000$), что значимо отличает влияние этой градации переменной от других вариантов ее изменения (житейские практики).

Таблица 2

Изменения в полноте, релевантности и проблематизации ЭНС в разных предметных контекстах с применением однофакторного дисперсионного анализа

Показатели продуктивности интерпретации	Тип ситуации (предметный контекст)	F-статистика	Уровень значимости (Sig)
Полнота обоснованности морального противоречия	Правовой	$F = 12,74$	$p = 0,000$
	Житейский	$F = 10,04$	$p = 0,002$
Релевантность	Правовой	$F = 14,77$	$p = 0,000$
	Житейский	$F = 13,90$	$p = 0,000$
Проблематизация	Правовой	$F = 15,45$	$p = 0,000$
	Житейский	$F = 8,07$	$p = 0,007$

Анализ соотношения выраженности когнитивных характеристик и показателей продуктивности интерпретации ситуаций (был проведен с помощью метода ранговых корреляций Спирмена) указал на неоднозначный характер интеллектуального опосредствования процессов структурирования и интерпретации моральных противоречий. Установлено, что релевантная реконструкция житейской ЭНС опирается на когнитивные характеристики студентов, среди которых значимую роль выполняют осведомленность в культурных и социально-политических явлениях ($r_s = 0,53$; $p = 0,000$), рефлексивность мышления ($r_s = 0,28$; $p = 0,02$), сформированность

этических понятий ($r_s = 0,32$; $p = 0,004$). Полнота структурирования и интерпретации житейской ситуации также поддерживалась рефлексивностью мышления ($r_s = 0,27$; $p = 0,02$) и таким видом рефлексии, как коллективная рефлексия ($r_s = 0,31$; $p = 0,003$). Состав когнитивных и личностных характеристик, опосредствующих продуктивную интерпретацию ЭНС, заданной в правовом контексте, оказался схожим: и полнота, и релевантность интерпретации положительно коррелировали с общим показателем уровня умственного развития ($r_s = 0,58$; $p = 0,000$), сформированностью разных видов рефлексии – личностной ($r_s = 0,34$; $p = 0,002$), коллективной ($r_s = 0,31$; $p = 0,003$) и общей рефлексивностью мышления ($r_s = 0,36$; $p = 0,001$) и, что особенно отличало задачи с правовым контекстом, достаточно высоким уровнем овладения этическими понятиями ($r_s = 0,41$; $p = 0,000$).

Полученные данные потребовали дальнейшей коррекции и конкретизации. Это было определено еще и тем, что исследование строилось как внутригрупповой план, и в соответствии с ним действие независимой переменной могло быть сопряжено с действием переменной субъектного уровня. Поэтому был применен еще один вариант однофакторного дисперсионного анализа для связанных выборок (ANOVA с повторными измерениями).

Представим наиболее показательные и значимые (по критерию минимальных значений Фишера) результаты проверки основной гипотезы. Так, выявлено, что, когда ЭНС включается в контекст принятия решений в правовой сфере, то полнота выделения ее компонентов повышается. Но подобная вариативность определена действием таких субъектных переменных, как уровень умственного развития ($p = 0,008$) и сформированность этических понятий ($p = 0,03$). Перенос анализируемой ситуации в житейский контекст определяет более полное ее рассмотрение при условии сформированности у студентов общего уровня рефлексии ($p = 0,05$), а также уровня умственного развития ($p = 0,007$).

Любое изменение предметного контекста ситуации морального выбора сказывается на показателях полноты реконструкции, и возрастание этих показателей сопряжено с возрастанием коллективной рефлексии ($p = 0,004$), выражающейся в способности осознавать действия, мышление и поступки других в совместной деятельности (по О.С. Анисимову). При рассмотрении ситуации морального выбора в житейском контексте возрастание релевантности лимитировано действием переменной субъектного уровня: сформированностью коллективной ($p = 0,01$) и личностной ($p = 0,01$) рефлексии.

С переносом анализа ситуации морального выбора в правовую сферу содержательная релевантность ее реконструкции будет повышаться, эта закономерность проявляется у более рефлексивных испытуемых ($p = 0,002$). В этой связи конкретизировано влияние сформированности этических понятий и моральной ориентации личности в проблематизации содержания морального выбора в условиях изменения предметного контекста социального взаимодействия.

С введением правового контекста уровень проблематизации возрастает с повышением степени сформированности этических понятий ($p = 0,03$). В условиях житейского контекста чувствительность к выделению моральных противоречий растет (на уровне тенденции) у тех испытуемых, кто демонстрирует доминирование моральных ориентиров в своем социальном поведении ($p = 0,08$).

Независимо от контекста, в котором задавалась ЭНС, содержательную релевантность ее интерпретации продемонстрировали те испытуемые, которых отличали высокие показатели рефлексии коллективного типа ($p = 0,04$). Как было выявлено нами ранее, особое влияние этой переменной определяется характеризующей ее способностью преодолевать «давление» предметного контекста в выделении значимых для анализа задач социального взаимодействия компонентов ситуации морального выбора (Горбачева и др., 2018).

Определение специфики воздействия исследуемых факторов на вариативность показателей полноты, релевантности и проблематизации в ЭНС морального выбора в группах, различающихся когнитивными и личностными характеристиками, а также выявленные случаи взаимосвязи уровней выраженности этих характеристик и показателей интерпретации позволили предположить, что в группах, отличающихся общей продуктивностью интерпретации морального содержания, будут иметь место различные, характерные именно для этих групп, целостные паттерны когнитивных и/или личностных характеристик. Выявление таких паттернов могло рассматриваться в качестве свидетельства о существовании устойчивых предрасположенностей в виде определенных индивидуальных характеристик и их сочетаний в процессах морального мышления.

Для решения поставленной задачи был применен частотно-конфигуральный анализ, разработанный Г.А. Линертом (Линерт, 2000), который позволяет выявить такие конфигурации признаков испытуемых, которые отличают один тип испытуемых (компетентный в моральных аспектах задач социального взаимодействия) от другого (не обладающий моральной компетентностью). Мы попытались выяснить, соотносится ли уровень общей продуктивности интерпретации ЭНС (суммарный показатель полноты и релевантности для всех шести заданий) с такими когнитивными и личностными характеристиками, как уровень умственного развития, моральная ориентация, уровень рефлексивности личности и особенности проявления видов рефлексии в мышлении. Иными словами, необходимо было установить, отличает ли определенная конфигурация когнитивных и личностных характеристик испытуемых, демонстрирующих высокий уровень продуктивности интерпретации ситуаций морального выбора, от испытуемых с низким уровнем продуктивности по этому показателю, или выделенные группы не имеют различий (нуль-гипотеза).

Анализ, проведенный на выборке 40 испытуемых, относящихся к контрастным группам по уровню продуктивности интерпретации (суммарный балл полноты и релевантности) показал, что выдвинутое предположение не подтвердилось. Это

касается уровня продуктивности интерпретации ситуации морального выбора в задачах социального взаимодействия в сфере повседневных житейских практик и права.

Был выявлен целостный паттерн этих характеристик (все низкие показатели, сопряженные друг с другом) лишь в одной группе (низкая продуктивность интерпретации) у трех испытуемых. Но относить их к особому типу, представляющему собой некоторое единство, и говорить о соответствующей ему конфигурации признаков было бы поспешным. Скорее, их отличает моральное отстранение, которое особенно заметно в характере проблематизации ими моральных противоречий – ответы на некоторые вопросы в протоколах отсутствовали или же я были односложными, а там, где была возможность не отвечать (например, при ответе на вопрос: «Если бы у вас была возможность задать вопрос герою...»), они не предлагали каких-либо вариантов или они носили неморальный характер («Сколько ему лет?», «Живет ли он один?» и т.п.)

В группе испытуемых с высокой продуктивностью интерпретации такие паттерны не были обнаружены. Отсутствие целостных паттернов когнитивных и личностных характеристик в сопоставляемых группах указало на «гибкую неопределенность» опосредствования интерпретации ЭНС в условиях изменения ее предметного контекста. Одни и те же испытуемые, интерпретируя моральные аспекты ситуации и вычлняя в ней составляющие ее компоненты в разных предметных контекстах, актуализировали разные когнитивные и личностные характеристики, и варианты их сочетаний всякий раз перестраивались при варьировании предметного контекста.

Обсуждение результатов

Предложенный исследовательский подход акцентирует внимание на показателях продуктивности интерпретации ЭНС и отвечает задачам исследования сущности и закономерностей морального мышления как интеллектуального процесса, обеспечивающего применение универсальных ценностей в управлении своим поведением, а также различие «правильного» и «неправильного» в разнообразных контекстах взаимодействия.

По мере увеличения воспринимаемых рисков отказа от морального выбора для персонажей интерпретируемой правовой ситуации осуществляемые аналогичные интерпретации утрачивали свою прогностическую силу в отношении применения морального запрета для житейской ситуации. В правовом контексте неприменение морального запрета с большей очевидностью представляло угрозу для общественной безопасности или же подрывало согласие в социальных структурах. Поддержание позитивного функционирования социума студентами обосновывалось с меньшей противоречивостью, чем признание или умаление морального достоинства отдельной личности. Это и определяло большую полноту воспроизведения всех компонентов правовой ситуации.

Усиление противоречия в выборе между нанесением вреда отдельному лицу/ группе лиц и значимыми для социума позитивными последствиями приводит к снижению релевантности применения моральных запретов, но возрастанию альтернативного морального обоснования. Результаты предсказывают, что когда действие реализуется в направлении утверждения какой-то более крупной и более ценной возможности (большого блага для общества, организации), альтернатива решения в пользу блага отдельного лица будет рассматриваться как (относительно) «неправильная». Вместе с тем в житейском контексте проблематизация принимаемых персонажами решений осуществлялась студентами преимущественно в направлении признания необходимости морального запрета. Здесь проявилась подтвержденная в экспериментальных исследованиях морального поведения закономерность: чем больше испытуемый ознакомлен с подробностями из жизни действующих лиц, тем с большей вероятностью он приписывает им «моральную ответственность и ... даже в тех случаях, если они находятся под давлением непреодолимых обстоятельств» (Эдмондс, 2016, с. 124).

Полнота выделения компонентов, представленных в ситуациях морального выбора, и релевантность их интерпретации, акцентирующая отношение к Другому в качестве равного участника взаимодействия, и оценивание принимаемых решений, исходя из соотношения «наибольшего добра и наименьшего зла», опираются на схожие конфигурации когнитивных характеристик. Особо проявилась роль этических понятий: показатели их сформированности у студентов определили устойчивость полного и содержательно релевантного анализа морального конфликта в варьирующихся контекстах ситуаций. Функция этического понятия рассматривается здесь не столько с точки зрения обобщения знания, но как средство распознавания ситуации, отбора признаков, имеющих отношение к её предметной квалификации и выработке смыслового значения (Жордан, 1996).

Примечательно, что уровень общего умственного развития не выступил в качестве критического ресурса в варьировании индивидуальных результатов полноты и релевантности интерпретаций морального конфликта, но способствовал его проблематизации во всех ситуациях, независимо от их контекста. Это можно объяснить известными нам данными о том, что вынесение рационально «взвешиваемых» суждений само по себе еще не определяет императивность в применении норм, к которым они апеллируют (Nichols et al., 2016). Роль интеллектуальных процессов заключается не столько в принятии более «морального» решения, сколько в установлении баланса и компромисса между конкурирующими моральными обязательствами и «нахождению общего условия их соотношения и способов удовлетворять каждое из них» (Brandt, 1992, pp. 40-41).

Интерпретация, обеспечивающая выявление структуры и компонентов ЭНС, предъявляет высокие требования к испытуемым в плане сформированности рефлексивных механизмов, обеспечивающих перестройку мыслительного анализа в направлении согласования отличающихся социальных контекстов нормативного

регулирования (Landy & Kupfer, 2023). Развитие рефлексивности мышления и его форм в виде личностной и коммуникативной рефлексии сопряжено со всесторонним рассмотрением компонентов ситуации, с пониманием условий и последствий разрешения моральных противоречий независимо от их предметных контекстов, включая житейские практики. Роль коллективной рефлексии в следовании моральному запрету становится особенно очевидной при изменении социального контекста взаимодействия участников ситуации морального выбора и вынесения морального решения в правовом поле совместного действия. И в этой связи важно учитывать, что «моральные суждения представляют не продукт, а инструмент, с помощью которого человек отстаивает и аргументирует свою позицию» (Заикин, 2017, с. 36). В согласовывании собственных суждений о должном с суждениями воображаемых других участники исследования получали своего рода независимую поддержку принципов, которые придавали дополнительно обосновывающую силу моральному запрету.

Устойчивая «сцепленность» между уровнями выраженности тех или иных когнитивных и личностных характеристик, и, как следствие этого, непротиворечивость моральной интерпретации ожидаемо могла бы стать свидетельством детерминированности применения студентами морального запрета, проявляющейся независимо от того, в каких предметных контекстах он реализуется. Но такое положение противоречит сущностной характеристике автономности морального агента. Именно поэтому будет правомерным заключить, что для успешной ориентации в контекстуально вариативных ЭНС и продуктивной их интерпретации требуется гибкое и адаптивное функционирование когнитивных и личностных характеристик, актуализация их разнообразных сочетаний и форм сопряженного действия.

Заключение

В исследовании получило обоснование положение о том, что деятельностными проявлениями мышления в сфере морали служат процессы идентификации, структурирования и интерпретации морального противоречия. Важным шагом рассматриваемого процесса является допущение, что моральные запреты как основания продуктивной интерпретации не выступают в своей имманентной сущности, а воплощаются в предметной логике нормативных требований. С этой точки зрения, полнота и релевантность интерпретации морального противоречия в заданиях, моделирующих этически нагруженную ситуацию, осуществляется посредством «переформатирования» его составляющих применительно к специфике нормативного регулирования и его применения в конкретных сферах социального взаимодействия. В качестве таковых рассматривались право и обыденный контекст жизнеустройства (житейские практики).

Получила подтверждение гипотеза об опосредствующей роли когнитивных и личностных характеристик в применении морального запрета. В процессе

интерпретации ЭНС в разной степени оказались задействованы индивидуальные (когнитивные и личностные) характеристики испытуемых, связанные: 1) с избирательностью выделения и продуктивностью мыслительной обработки морального содержания (сформированность этических понятий, уровень умственного развития) и 2) со способами обнаружения и проблематизации противоречия между собственно моральными и неморальными суждениями о компонентах целостной ситуации в условиях изменения ее предметного контекста (уровень развития рефлексии мышления и ее видов – интеллектуальной, коллективной личностной рефлексий; степень выраженности моральной ориентации личности).

Теоретическая и практическая значимость проведенного исследования состоит в том, что благодаря осуществленным в нем концептуализациям и методическим разработкам открываются возможности для изучения общепсихологических закономерностей мышления, реализуемого в нравственной сфере с учетом психологически содержательной операционализации показателей интерпретации моральных противоречий в ситуациях с высоким риском социальной ответственности.

Ограничения исследования

Исследование проведено на выборке студентов младших курсов, которым не свойственна глубина погруженности в предметно-профессиональный контекст этически нагруженных ситуаций. Включение в качестве участников исследования студентов старших курсов могло бы стать фактором, усиливающим воздействие предметного контекста анализируемых ситуаций на продуктивность их интерпретации.

Литература

- Акимова, М.К., Горбачева, Е.И., Козлова, В.Т., Ференс, Н.А. (2010). Тест умственного развития взрослых. *Психологическая диагностика*, 1, 42–60.
- Анисимов, О.С. (1994). *Акмеологические основы рефлексивной самоорганизации педагога: творчество и культура мышления*. Диссертация на соискание степени доктора психологических наук.
- Арутюнова, К.Р., Александров, Ю.И. (2019). *Мораль и субъективный опыт*. Изд-во «Институт психологии РАН».
- Горбачева, Е.И. (2018). *Опосредствующая роль когнитивных и личностных характеристик в обеспечении продуктивной реконструкции ситуации морального выбора*. Личность, интеллект, метакогниции: исследовательские подходы и образовательные практики: Материалы III-й Международной научно-практической конференции, Калуга, 19–21 апреля 2018 года, 133–141.
- Горбачева, Е.И., Кабанов, К.В., Мачехина, Е.А., Безрученков, Р.О. (2018). Продуктивность реконструкции ситуации морального выбора в зависимости от предметного контекста и формы предъявления задач социального взаимодействия. Труды регионального конкурса научных проектов. Сборник трудов, 203–211.

- Горбунова, В.В. (2010). Этические дилеммы в психологической практике. *Психологический журнал*, 31(4), 113–119.
- Дьюи, Дж. (2003). *Реконструкция в философии. Проблемы человека*. Республика.
- Ениколопов, С.Н., Медведева, Т.И., Воронцова, О.Ю. (2019). Моральные дилеммы и особенности личности. *Психология и право*, 9(2), 141–155. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2019090210>
- Жидкова, Е.Ю. (2013). О соотношении усвоения будущими учителями этических понятий с выбором ими способа ориентации в задачах с нравственным содержанием. Письма в Эмиссия. Электронный журнал. URL: <http://www.emissia.org/offline/2013/2009.htm>
- Жордан, А. (1996). Новые модели процесса обучения: прогресс по сравнению с конструктивизмом? *Перспективы*, 25(1), 111–130.
- Заикин, В.А. (2017). Моральное функционирование: социально-психологический подход. *Национальный психологический журнал*, 1, 32–38. <https://doi.org/10.11621/npj.2017.0104>
- Лебедева, Р.В. (2023). Личностные корреляты характеристик нравственной сферы, проявляющихся в ситуациях морального выбора у студентов с различными типами жизненных ориентаций. *Психология человека в образовании*, 5(3), 405–425. <https://doi.org/10.33910/2686-9527-2023-5-3-405-425>
- Линерт, Г.А. (2000). Частотно-конфигуральный анализ (краткая история создания и развития метода). *Иностранная психология*, 13, 56–60.
- Луман, Н. (2007). *Социальные системы: очерк общей теории*. Наука.
- Малюгин, Д.В. (2007). *Психологические детерминанты морального выбора*. Диссертация на соискание степени доктора психологических наук.
- Мачехина, Е.А. (2018). Проблематизация морального противоречия в задачах социального взаимодействия с разным предметным контекстом. *Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета*, 3(47), 212–219.
- Мачехина, Е.А. (2015). Анализ противоречий в реконструкции ситуаций морального выбора у подростков. *Universum: Психология и образование: электронный научный журнал*, 1(12). URL: <http://7universum.com/ru/psy/archive/item/1859>
- Молчанов, С.В., Алмазова, О.В., Поскребышева, Н.Н. (2019). Моральные суждения подростков с разным уровнем психологического благополучия. *Психологическая наука и образование*, 24(4), 22–35. <https://doi.org/10.17759/pse.2019240402>
- Фуко, М. (2006). *Полемика, политика и проблематизация. Интеллектуалы и власть*. Ч. 3. Праксис.
- Эдмондс, Д. (2016). *Убили бы вы толстяка? Задача о вагонетке: что такое хорошо и что такое плохо?* Издательство Института Гайдара.
- Bartels, D.M., Bauman, C.W., Cushman, F.A., Pizarro, D.A., & McGraw, A.P. (2016). *Moral judgment and decision making*. The Wiley Blackwell Handbook of Judgment and Decision Making (pp. 478-515). Wiley.
- Beißert, H.M., & Hasselhorn, M. (2016). Individual Differences in Moral Development: Does Intelligence Really Affect Children's Moral Reasoning and Moral Emotions? *Frontiers in psychology*, 7. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2016.01961>
- Brandt, R.B. (1992). *Morality, Utilitarianism, and Rights*. Cambridge University Press.
- Carpendale, J.I.M., & Krebs, D.L. (1995). Variations in level of moral judgment as a function of type of dilemma and moral choice. *Journal of Personality*, 63(2), 280–313.
- Craft, J.L. (2013). A review of the empirical ethical decision-making literature: 2004-2011. *Journal of Business Ethics*, 117(2), 221–259. <https://doi.org/10.1007/s10551-012-1518-9>
- Fiske, A.P. (1992). The Four Elementary Forms of Sociality: Framework for of Unified Theory of Social Relations. *Psychological Review*, 99(4), 689–723.

- Greene, J.D., Morelli, S.A., Lowenberg, K., Nystrom, L.E., & Cohen, J.D. (2008). Cognitive load selectively interferes with utilitarian moral judgment. *Cognition*, 107(3), 1144–1154. <https://doi.org/10.1016/j.cognition.2007.11.004>
- Landy, J.F., & Kupfer, T.R. (2023) Editorial: Appraisal processes in moral judgment: resolving moral issues through cognition and emotion. *Frontiers in psychology*, 14. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2023.1233865>
- Nichols, S., Kumar, S., Lopez, T., Ayars, A., & Chan, H.-Y. (2016). Rational learners and moral rules. *Cognition*, 100, 530–542. <https://doi.org/10.1016/j.cognition.2005.07.005>
- Nichols, S., & Mallon, R. (2006). Moral dilemmas and moral rules. *Cognition*, 100, 530–542. <https://doi.org/10.1016/j.cognition.2005.07.005>
- Reynolds, S.J. (2006). Moral Awareness and Ethical Predispositions: Investigating the Role of Individual Differences in the Recognition of Moral Issues. *Journal of Applied Psychology*, 91(1), 233–243.
- Skitka, L.J., Hanson, B.E., Morgan, G.S., & Wisneski, D. C. (2021). The psychology of moral conviction. *Review of Psychology*, 72, 347–366. <https://doi.org/10.1146/annurev-psych-063020-030612>
- Sobral, R., & Fraguera, J. (2018). Moral reasoning in adolescent offenders: A meta-analytic review. *Psicothema*, 30(3), 289–294. <https://doi.org/10.7334/psicothema2017.378>
- Tassy, S., Oullier, O., Mancini, J., & Wicker, B. (2013). Discrepancies between judgment and choice of action in moral dilemmas. *Frontiers in psychology*, 4. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2013.00250>

Поступила в редакцию: 25.12.2023

Поступила после рецензирования: 16.04.2024

Принята к публикации: 12.08.2024

Заявленный вклад авторов

Елена Игоревна Горбачева – разработка теоретической концепции и методологии исследования, анализ и интерпретация данных, подготовка и редактирование текста статьи;

Екатерина Александровна Зыкова – сбор данных, проведение статистического анализа, анализ и интерпретация данных;

Кирилл Валерьевич Кабанов – подготовка литературного обзора, разработка методического инструментария исследования, подготовка и техническое оформление текста статьи.

Информация об авторах

Елена Игоревна Горбачева – доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры психологии развития и образования Института психологии, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского», г. Калуга, Российская Федерация; SPIN-код РИНЦ: 6867-8625; ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-2747-2342>; e-mail: GorbachevaEl@tksu.ru

Елена И. Горбачева, Екатерина А. Зыкова, Кирилл В. Кабанов
ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ЭТИЧЕСКИ НАГРУЖЕННЫХ СИТУАЦИЙ МОЛОДЫМИ ЛЮДЬМИ: ЗАВИСИМОСТЬ ОТ ПРЕДМЕТНОГО КОНТЕКСТА И
ИНДИВИДУАЛЬНО-ТИПОЛОГИЧЕСКИХ ХАРАКТЕРИСТИК
Российский психологический журнал, 21(3), 2024

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ, ФИЛОСОФИЯ И ПСИХОЛОГИЯ

Екатерина Александровна Зыкова – начальник отдела технологий воспитательной деятельности, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского», г. Калуга, Российская Федерация; SPIN-код РИНЦ: 9144-4902; e-mail: MachekhinaEA@tksu.ru

Кирилл Валерьевич Кабанов – кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии развития и образования Института психологии, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского», г. Калуга, Российская Федерация; SPIN-код РИНЦ: 3541-2432; ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-9626-3005>; e-mail: KabanovKV@tksu.ru

Информация о конфликте интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Научная статья

УДК 159.9

<https://doi.org/10.21702/rpj.2024.3.9>

Эмоциональная валентность зрительных сцен: существует ли связь спонтанной электрической активности головного мозга и гена COMT?

Виталий В. Бабенко¹ , Екатерина М. Ковш¹ ,
Александр С. Столетний¹ , Павел Н. Ермаков¹ , Денис В. Явна¹ ,
Екатерина Г. Денисова² , Константин А. Гапченко¹

¹ Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Российская Федерация

² Донской государственный технический университет, Ростов-на-Дону,
Российская Федерация

*Почта ответственного автора: emkovsh@sfedu.ru

Аннотация

Введение. Распознавание эмоционального контекста зрительных сцен является на сегодняшний день значимым компонентом успешной социально-психологической адаптации человека к различным условиям реальной и виртуальной жизни. В то же время данных о генетических факторах, ассоциированных с нейробиологическими механизмами пространственно-временных паттернов электрических потенциалов мозга, сопровождающих процесс дифференциации эмоциональной валентности зрительных сцен, на сегодняшний день недостаточно. Ген катехол-О-метилтрансферазы COMT связан с продолжительностью пребывания моноаминов в синаптической щели, а также с длительностью и интенсивностью эмоциональных реакций; генотипы по полиморфному локусу Val158Met (rs4680) ассоциированы с разными особенностями эмоциональной и познавательной сфер их носителей (тревожностью, когнитивным контролем и проч.). Целью нашего исследования явилось изучение характеристик спонтанной электрической активности головного мозга у носителей различных генотипов гена COMT при решении задач на определение эмоциональной валентности зрительных сцен. **Методы.** Для достижения поставленной цели мы использовали генетический (выделение

ДНК из клеток буккального соскоба, генотипирование), электрофизиологический (регистрация ЭЭГ в 128 отведениях), поведенческий (исследование точности распознавания эмоциональной валентности зрительных сцен) и статистический (спектральный, когерентный анализы ЭЭГ; ANOVA; Kruskal-Wallis Test; Dunn's Post Hoc Comparisons для анализа поведенческих данных) методы. **Результаты.** Анализ данных ЭЭГ, полученных при делении на генотипы, показал наличие связи между генотипами генов COMT и спектральными характеристиками ЭЭГ. Анализ точности оценки эмоциональной валентности зрительных сцен у носителей разных генотипов гена COMT показал наличие ассоциации гена COMT с точностью решения этой задачи. **Обсуждение результатов.** Полученные результаты дополняют и расширяют имеющиеся данные о связи гена катехол-О-метилтрансферазы с характеристиками спонтанной электрической активности головного мозга, а также с успешностью решения задач на определение эмоциональной валентности зрительных сцен.

Ключевые слова

ЭЭГ, зрительные сцены, эмоциональная валентность, эмоции, ген COMT, катехол-О-метилтрансфераза, функциональная связность

Финансирование

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ) в рамках научного проекта № 20-64-47057.

Для цитирования

Бабенко, В.В., Ковш, Е. М., Столетний, А. С., Ермаков, П. Н., Явна, Д. В., Денисова, Е. Г., Гапченко, К. А. (2024). Эмоциональная валентность зрительных сцен: существует ли связь спонтанной электрической активности головного мозга и гена COMT? *Российский психологический журнал*, 21(3), 152-171. <https://doi.org/10.21702/rpj.2024.3.9>

Введение

Сцена как совокупность зрительных образов представляет особенный научный интерес ввиду своей естественности: в повседневной жизни мы чаще встречаемся именно со сценами; а также эволюционной значимости: сцена как совокупность стимулов несет информацию не только об изображенных на ней объектах, но также об их отношениях и контекстах, в которые они помещены (Ermakov et al., 2022). Категоризация сцен относится также и к фундаментальным проблемам машинного распознавания образов (computer vision). Вслед за Xiao J. с соавт. мы понимаем под сценой место, в пространстве которого человек может актуально или потенциально располагаться и действовать (Xiao et al., 2010).

Несмотря на широкую распространенность исследований, направленных на изучение нейрофизиологических аспектов восприятия эмоционально окрашенных стимулов, интерес к ним не угас: изучение пространственно-временных паттернов электрических потенциалов мозга, характерных для каждого эмоционального состояния, используется на сегодняшний день для усовершенствования сферы человеко-машинных технологий (BCI). Так, при помощи глубоких нейросетей, а также искусственных нейронных сетей автоэнкодеров (Deep Neural Network and Sparse Autoencoder) на основе электроэнцефалографических показателей составлены и дополняются базы данных физиологических сигналов, характерных для распознавания эмоций (Liu et al., 2020); исследуется влияние физических параметров зрительных стимулов на успешность распознавания их эмоционального контекста и отражение данных процессов в параметрах ЭЭГ (Babenko et al., 2022, Родионов, Явна, Бабенко, 2023).

За прошедшие годы широко описаны ЭЭГ-индикаторы интенсивности (arousal/intensity) и валентности (valence) эмоциональных реакций человека в норме и патологии, а также электрофизиологические корреляты мотивационной значимости эмоционально окрашенных стимулов. Согласно результатам исследования Frantzidis C. A. et al. (2010), надежность классификации объективных эмоциональных показателей (различение эмоциональных состояний по сигналам ЭЭГ) составляет около 80%.

В последнее время особенное внимание уделяется изучению микросостояний ЭЭГ (EEG microstates), отражающих временную (миллисекундную) динамику обработки сложных эмоционально окрашенных стимулов и выступающих нейрофизиологическими коррелятами социально-аффективного сознания (socio-affective mind) (Schiller et al., 2023); совершенствуются подходы к математической обработке полученных ЭЭГ-данных (например, InvBase method, включающий коррекцию базовой линии (baseline power removal) (Ahmed et al., 2023).

Безусловно, физиологический ответ на предъявление эмоционально окрашенного стимула куда более сложный и включает в себя ряд физиологических сдвигов в деятельности сердечно-сосудистой, дыхательной, эндокринной и других систем организма (Лапин, Алфимова, 2014). На сегодняшний день получают все большее распространение междисциплинарные исследования, результатом которых является создание мультимодальных баз данных, включающих в свой состав ряд психологических и физиологических параметров (личностные черты, физиологические показатели, успешность распознавания эмоционально окрашенных стимулов и проч.), среди них базы данных ASCERTAIN (Subramanian et al., 2018); K-EmoCon (Park et al., 2020); DREAMER (Katsigiannis & Ramzan, 2018), DEAP (Koelstra et al., 2012), GAMEEMO (Alakus et al., 2020) и другие (Liu et al., 2020; Seal et al., 2020).

В то же время данных о генетических факторах, оказывающих влияние на определение эмоциональной валентности стимулов, на сегодняшний день недостаточно. Вместе с этим в рамках заявленной темы среди прочих интерес может представлять ген моноаминергической системы, экспрессирующийся в

лимбические и стриопаллидарные структуры, а также префронтальные зоны коры головного мозга (Arnsten et al., 2015), отвечающий за познавательные процессы, эмоциональные реакции, исследовательское поведение: COMT (rs4680) влияет на активность ферментов, расщепляющих моноамины (Tunbridge et al., 2006; 2019) и взаимосвязан с работой гормональных систем (Jacobs & D'Esposito, 2011; Louis et al., 2023). Аллель Val ассоциируют с более выраженной когнитивной гибкостью, позволяющей интегрировать новые релевантные стимулы; аллель Met – устойчивым и целенаправленным вниманием, а также с особенностями функциональной связности между структурами лимбической системы (гиппокампом, миндалиной) и префронтальной корой (Morris et al., 2020). На физиологическом уровне это влияние распространяется на процессы возбуждения и торможения в центральной нервной системе.

Целью нашего исследования явилось изучение пространственно-временного паттерна электрических потенциалов мозга (а именно – характеристик спонтанной электрической активности головного мозга, регистрируемой при решении задач на определение эмоциональной валентности зрительных сцен) у носителей различных генотипов гена катехол-О-метилтрансферазы COMT.

Методы

Банк зрительных стимулов (360 изображений) был сформирован методом экспертных оценок посредством распределения изображений, взятых из сети Интернет, по трем группам, в зависимости от их эмоциональной валентности (по 120 стимулов в каждой): нейтральные, позитивные, негативные. Зрительные стимулы были уравнены по параметрам углового размера, средней яркости и RMS контраста.

В исследовании приняли участие 87 человек (европейцы, женщин 63%, мужчин 37%, средний возраст $20,44 \pm 2,6$ лет), студенты Южного федерального и Донского государственного технического университетов. Все они письменно подтвердили свое добровольное согласие на участие в исследовании; были адаптированы к условиям его проведения, а также заявили об отсутствии у них неврологических и психических заболеваний. Исследования проводились в соответствии с требованиями комиссии по этике Южного федерального университета и выполнялось с соблюдением этических норм в соответствии с The Code of Ethics of the World Medical Association (Declaration of Helsinki).

В ходе эксперимента участникам в случайной последовательности предъявлялось 360 стимулов в виде зрительных сцен разной эмоциональной валентности. Длительность предъявления каждого очередного стимула составляла 700 мс. За это время испытуемый должен был определить валентность сцены и выбрать в качестве ответа один из трех возможных вариантов (позитивная, нейтральная или негативная сцена). Чтобы ознакомить участников с процедурой и убедиться, что они правильно поняли задание, предварительно проводилось несколько обучающих

проб. Образы, использованные в обучении, не использовались в основном эксперименте. В течение всего эксперимента у участников регистрировалась ЭЭГ по 128 отведениям в диапазоне частот от 0,5 до 35 Гц.

При подготовке записи каждого участника к последующему анализу ЭЭГ проводилось удаление артефактов с помощью анализа независимых компонентов (ICA). Несмотря на указанную процедуру, из дальнейшего анализа пришлось исключить записи 2 участников ввиду сильной зашумленности ЭЭГ. В результате для дальнейшей обработки использовались данные 85 человек.

На следующем этапе подготовки ЭЭГ была произведена нарезка эпох относительно меток подачи стимулов. Длительность эпох составляла от -1000 мс до +1000 мс относительно метки. С помощью визуальной проверки были удалены эпохи, которые все еще содержали артефакты. Оставшиеся отрезки ЭЭГ группировались в три набора, в соответствии с валентностью стимула.

Для осуществления дальнейшего анализа в каждой корзине для каждого участника были сформированы по две сплошные эпохи, состоящие из предстимульных и постстимульных отрезков.

Весь подготовительный этап был осуществлен с помощью пакета функций EEGLAB версии 2022.0 в программе для численных расчетов и инженерной математики MATLAB версии R2021a (The MathWorks Inc.: Natick, MA, USA). Экспорт данных для обработки ЭЭГ в другом программном обеспечении осуществлялся с помощью Matlab-скриптов, написанных в лаборатории ЮФУ.

Обработка ЭЭГ включала спектральный и когерентный анализ. Вычисления проводились в 4 частотных диапазонах: 0,5-4 Гц (дельта), 4-8 Гц (тета), 8-13 Гц (альфа) и 13-25 Гц (бета). Статистический анализ проводился путем попарных сравнений с применением однофакторного дисперсионного анализа с повторными измерениями (one-way ANOVA) при уровне значимости $p \leq 0,01$. Для решения этой задачи была использована программа для математико-статистических расчетов Statistica 12 (TIBCO).

Спектральный анализ предусматривал определение для каждой валентности амплитудных спектров в предстимульной и постстимульной ЭЭГ, последующее вычисление в каждом из 128 отведений разностных спектров в четырех диапазонах частот, а затем их статистическое сравнение.

Когерентный анализ был направлен на определение корреляции спектральной мощности ЭЭГ в каждом из частотных диапазонов между 19 отведениями, которые соответствуют стандартной схеме 10x20 (число используемых отведений было уменьшено с целью сокращения проверяемых связей до приемлемых величин). Топографическое распределение когерентных связей вычислялось отдельно для предстимульной и постстимульной ЭЭГ, после чего определялась разница между картами.

И спектральный, и когерентный анализ были выполнены с применением оконной

функции Ханна (4-секундная эпоха анализа с 50% перекрытием) для минимизации утечек на границах соединяемых отрезков ЭЭГ.

При обработке поведенческих данных для стимулов каждой валентности было определено количество правильных узнаваний и «ложных тревог», после чего рассчитывался показатель чувствительности (sensitivity index) – d' . Для расчёта d' использовалась функция PAL_SDT_1AFC_PHFtoDP из Palamedes toolbox (Prins & Kingdom, 2018). Для межгрупповых сравнений показателей чувствительности у носителей разных генотипов гена COMT использовался тест Краскела-Уоллеса. В качестве post hoc процедуры применялся тест Данна с поправкой Холма на множественные сравнения. Статистическая обработка полученных результатов осуществлялась с применением свободно распространяемого программного пакета JASP Computer software (Version 0.16, 2021).

Генетический анализ проводился на базе лаборатории медицинской генетики ФГБОУ ВО РостГМУ Минздрава России (г. Ростов-на-Дону), включал экстракцию ДНК из клеток Buccalного соскоба и ПЦР. Был исследован полиморфный локус Val158Met гена COMT (472A>G, rs4680), определены генотипы, - Val/Val, Val/Met, Met/Met. Распределение частот генотипов изучаемых генов соответствует равновесию Харди-Вайнберга.

Результаты

Характеристики спонтанной электрической активности головного мозга, регистрируемой при решении задач на определение эмоциональной валентности зрительных сцен, у носителей различных генотипов гена COMT

Рассмотрим результаты спектрального анализа, проведенного с группирующей переменной – генотип гена COMT. Полученные по всей выборке разностные спектры были разделены на 3 группы в соответствии с генотипом гена COMT: Val/Val, Val/Met и Met/Met. Между разными группами были проведены попарные сравнения значений, полученных при восприятии сцен определенной валентности (ANOVA). Результаты сравнения разностных спектров представлены в Таблицах 1–3.

Как видно из Таблиц 1, 2, полученные в ходе спектрального анализа различия проявляются при восприятии нейтральных и позитивных сцен и выражаются в более сильном снижении амплитудного спектра в бета диапазоне в теменных и центральных отведениях левого полушария в группе носителей генотипа Met/Met.

Таблица 1

Сравнение разностных спектров при восприятии нейтральных сцен носителями генотипов Val/Met и Met/Met гена COMT

Отведение	Бета-диапазон			Средние значения	
	F-ratio	p-level	η^2	M_{VM}	M_{MM}
FC1	7,446	0,008	0,093	-0,062	-0,242
CP1	10,273	0,002	0,124	-0,153	-0,371
P3	9,369	0,003	0,115	-0,185	-0,388
Pz	8,917	0,003	0,110	-0,206	-0,450
CP3	9,001	0,003	0,111	-0,141	-0,331
P1	9,208	0,003	0,113	-0,188	-0,420
CPP3h	7,616	0,007	0,095	-0,159	-0,360
PPO1h	7,379	0,008	0,093	-0,216	-0,419
FCC1h	6,959	0,010	0,088	-0,070	-0,257
CCP3h	9,836	0,002	0,120	-0,125	-0,337
CPP1h	10,326	0,002	0,125	-0,171	-0,413

Примечание. Здесь и далее показаны только статистически значимые отличия.

Таблица 2

Сравнение разностных спектров при восприятии позитивных сцен носителями генотипов Val/Met и Met/Met гена COMT

Отведение	Бета-диапазон			Средние значения	
	F-ratio	p-level	η^2	M_{VM}	M_{MM}
FC1	7,068	0,009	0,090	-0,022	-0,211
T8	7,324	0,008	0,093	-0,004	-0,121
CP1	7,320	0,008	0,093	-0,087	-0,255
CP6	8,143	0,005	0,102	-0,053	-0,19
P3	6,939	0,010	0,089	-0,118	-0,275
Pz	9,348	0,003	0,116	-0,118	-0,328
CP3	7,273	0,008	0,092	-0,089	-0,238
P1	7,722	0,007	0,098	-0,105	-0,278
PO3	7,776	0,006	0,098	-0,081	-0,262
PPO1h	8,134	0,005	0,102	-0,109	-0,293

Как видно из Таблицы 3, различия между Val/Met и Val/Val менее выражены, затрагивают только дельта диапазон и проявляются при восприятии позитивных сцен в снижении амплитудного спектра у носителей Val/Val и в его повышении (в тех же отведениях) у носителей Val/Met.

Таблица 3

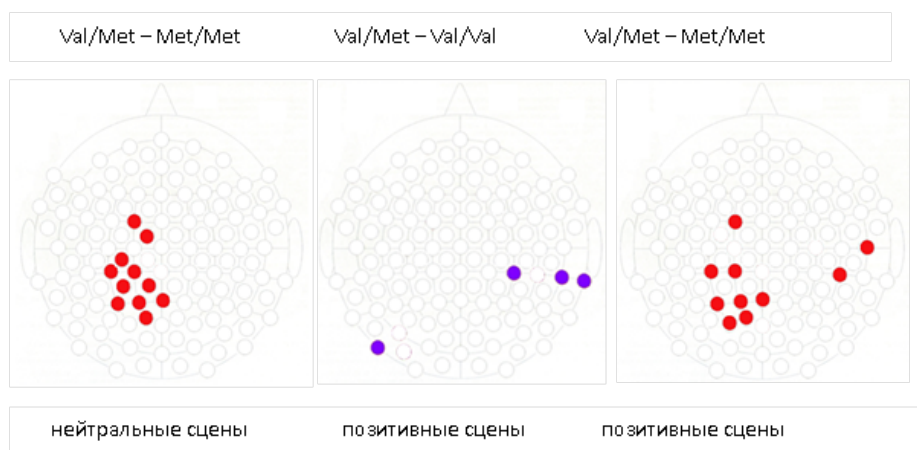
Сравнение разностных спектров при восприятии позитивных сцен носителями генотипов Val/Val и Val/Met гена COMT

Отведение	Дельта-диапазон			Средние значения	
	F-ratio	p-level	η^2	M_{VV}	M_{VM}
TP10	8,865	0,004	0,132	-0,531	0,114
CP4	7,883	0,006	0,119	-0,444	0,191
TP8	9,175	0,003	0,136	-0,583	0,072
PO9	7,616	0,007	0,116	-0,55	0,102

Согласно результатам проведенного анализа, различия в характеристиках спонтанной электрической активности головного мозга, регистрируемой при решении задач на определение эмоциональной валентности зрительных сцен, обнаруживаются между группой с генотипом Val/Met и другими группами при восприятии нейтральных и позитивных сцен. Рисунок 1 демонстрирует, что более существенные отличия наблюдаются между носителями генотипов Val/Met и Met/Met.

Рисунок 1

Сравнение разницы в амплитудных спектрах между предстимульной и постстимульной ЭЭГ при восприятии сцен разной эмоциональной валентности у носителей разных генотипов гена COMT*

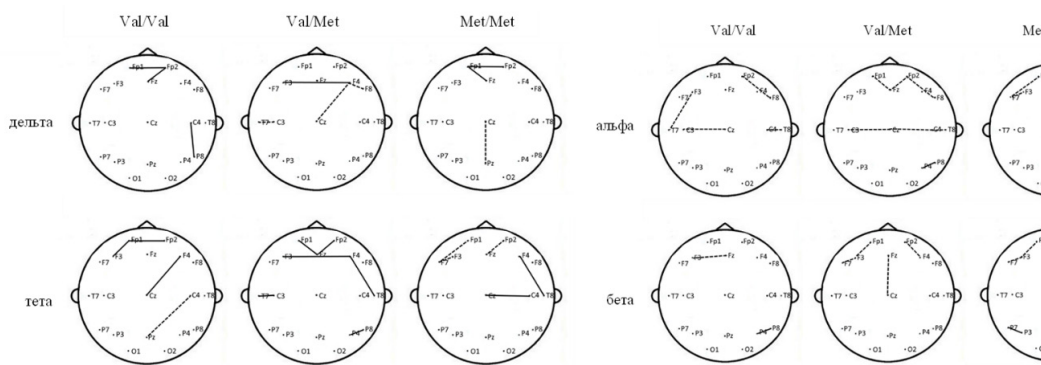
Примечание. *показаны отведения, в которых обнаружены статистически значимые отличия. Слева показаны отведения, в которых наблюдается более сильное снижение спектра в бета-диапазоне у носителей генотипа Met/Met при восприятии нейтральных сцен. В центре показаны отведения, в которых изменения в дельта-диапазоне носят разнонаправленный характер в группах Val/Met (увеличение спектра) и Val/Val (снижение спектра) при восприятии позитивных сцен. Справа показаны отведения, в которых наблюдается более сильное снижение спектра в бета-диапазоне у носителей генотипа Met/Met при восприятии позитивных сцен.

Таким образом, группы носителей гомозиготных генотипов гена COMT Val/Val и Met/Met более сходны между собой по характеру изменений ЭЭГ при переходе от ожидания стимула к анализу зрительных сцен с разной эмоциональной валентностью. Напротив, группа Val/Met отличается по характеристикам ЭЭГ и от группы Val/Val, и от группы Met/Met.

Рассмотрим результаты **когерентного анализа, проведенного с группировочной переменной – генотип гена COMT**. В ходе анализа были построены и сравнены разностные карты когерентности для трех генотипов гена COMT. Следует отметить, что при восприятии негативных сцен (рис. 2) происходит увеличение синхронизации между некоторыми отведениями в группах Val/Val и Val/Met в дельта и тета диапазонах. Во всех остальных случаях наблюдается лишь снижение корреляции спектральной мощности ЭЭГ при переходе от фазы ожидания стимула к его анализу.

Рисунок 2

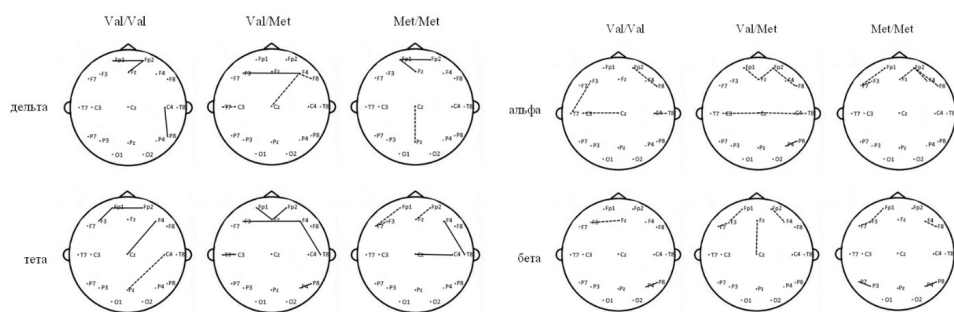
Карты когерентности в виде разницы между картами для предстимульной и постстимульной ЭЭГ в разных частотных диапазонах для носителей разных генотипов гена COMT при восприятии негативных сцен

При восприятии нейтральных сцен (рис. 3) наибольшие различия между генотипами отмечаются в бета диапазоне и проявляются в том, что новые функциональные связи формируются только в группах Val/Val и Met/Met, а в группе Val/Met наблюдается лишь снижение корреляции ЭЭГ между фронтальными отведениями.

Рисунок 3

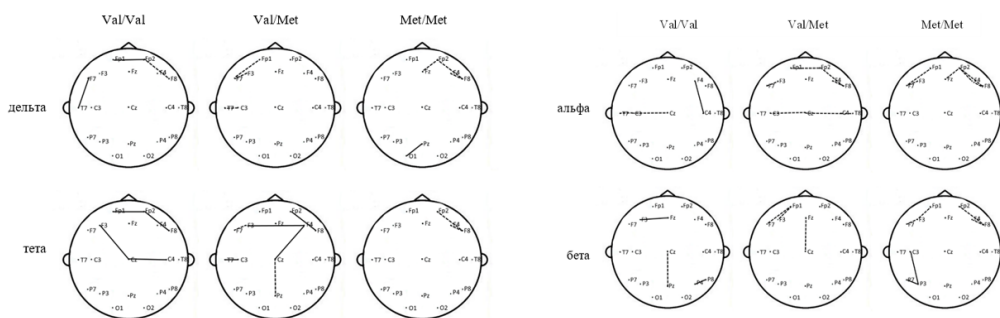
Карты когерентности в виде разницы между картами для предстимульной и постстимульной ЭЭГ в разных частотных диапазонах для носителей разных генотипов гена COMT при восприятии нейтральных сцен

При восприятии позитивных сцен (рис. 4) отличия между группами выявлены не только в бета, но и в дельта диапазоне, и проявляются, как и при анализе нейтральных сцен, в снижении функциональной связности лобных отведений в группе Val/Met в отсутствии формирования новых связей.

Рисунок 4

Карты когерентности в виде разницы между картами для предстимульной и постстимульной ЭЭГ в разных частотных диапазонах для носителей разных генотипов гена COMT при восприятии позитивных сцен

Таким образом, наиболее существенные различия в картах когерентности обнаруживаются между группой Val/Met и другими группами при восприятии нейтральных и позитивных сцен в дельта и бета диапазонах.

Исследование успешности распознавания эмоциональной валентности зрительных сцен у носителей различных генотипов гена COMT

Рассмотрим результаты **анализа поведенческих данных**. Для выполнения поставленной цели нами были изучены особенности распознавания эмоционально окрашенных и нейтральных зрительных сцен у носителей различных генотипов гена COMT. Полученные результаты указывают на то, что полиморфный локус Val158Met гена COMT ассоциирован с оценкой эмоциональной валентности зрительных сцен (табл. 4).

Тест Краскела-Уоллиса (Kruskal-Wallis Test) продемонстрировал значимые различия в успешности распознавания нейтральных сцен носителями разных генотипов гена COMT ($N = 9,1$, $df = 2$, $p = 0,01$). В ходе апостериорного анализа Данна (Dunn's Post Hoc Comparisons) было показано, что хуже всего распознают нейтральные изображения носители гетерозиготного генотипа Val/Met. При этом точность распознавания нейтральных сцен у носителей генотипа Val/Met статистически значимо ниже, чем у носителей генотипа Val/Val ($VM - VV$, $z = -2.798$, $p_{holm} = 0,008$) (рис. 5).

Таблица 4

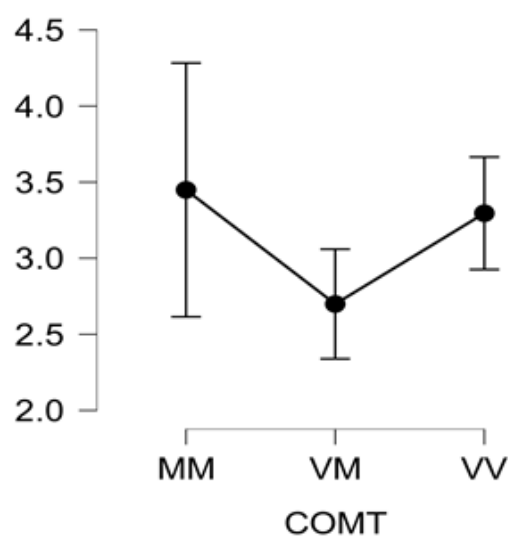
Результаты оценки достоверности различий в чувствительности к эмоциональной валентности предъявляемых зрительных сцен у носителей разных генотипов генов COMT с применением теста Краскела-Уоллеса

Генотипы гена COMT	Общая чувствительность	Сцены			
		Негативные	Нейтральные	Позитивные	
Mean ranks for COMT (Val158Met, rs4680)	Val/Met	38,52	40,29	37,37	39,75
	Met/Met	45,80	43,98	48,22	44,72
	Val/Val	60,91	57,00	60,64	57,77
Kruskal-Wallis test	H	7,548	4,051	9,088	4,782
	p	0,023*	0,132	0,011*	0,092

Примечание. – $p < 0,05$*

Рисунок 5

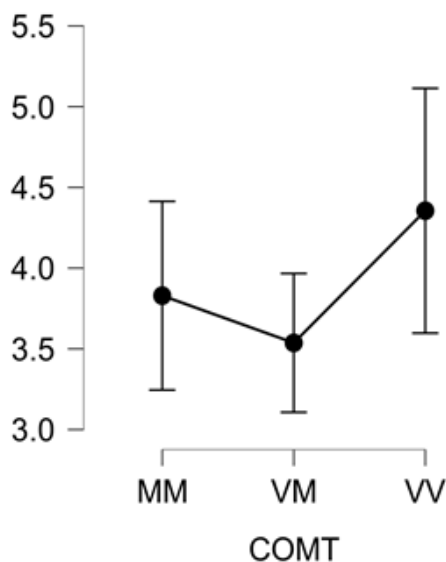
Точность распознавания нейтральных сцен носителями разных генотипов гена COMT. По оси ординат - чувствительность (d'). По оси абсцисс – генотипы по гену COMT: MM – Met/Met, VM – Val/Met, VV – Val/Val.

Значимые различия в группах носителей разных генотипов гена COMT были получены по тесту Краскела-Уоллиса и в отношении чувствительности к эмоциональному содержанию сцен ($N = 7,458$, $df = 2$, $p = 0,02$). Апостериорный анализ Данна показал, что носители генотипа Val/Val в целом лучше других распознают эмоциональную окраску стимулов. Точность распознавания эмоциональной валентности сцен у носителей генотипа Val/Val статистически значимо выше, чем у носителей генотипа Val/Met ($VM - VV$, $z = -2.692$, $p_{\text{holm}} = 0,011$) (рис.6).

Рисунок 6

Точность распознавания эмоциональной валентности сцен носителями разных генотипов гена COMT. По оси ординат - чувствительность (d'). По оси абсцисс - генотипы по гену COMT: MM - Met/Met, VM - Val/Met, VV - Val/Val

Обсуждение результатов

Это исследование показало, что полиморфизм Val158Met гена COMT связан с характеристиками разностных амплитудных спектров ритмов ЭЭГ, индуцированных визуальным восприятием эмоционально окрашенных сцен.

Генотип Met/Met гена COMT связан с характеристиками амплитудного спектра в бета диапазоне в теменных и центральных отведениях преимущественно левого полушария: при восприятии нейтральных и позитивных сцен отмечается более сильное снижение спектра, по сравнению с носителями генотипа Val/Met.

Полученные результаты могут быть связаны с более выраженным, по сравнению с носителями одного или двух аллелей Val, изменением функционального состояния

коры головного мозга у носителей гомозиготного минорного генотипа Met/Met гена СОМТ при оценке данных стимулов, – со снижением фокусировки внимания и степени субъективной значимости стимулов (Никишена и др., 2004).

Генотипы Val/Met и Val/Val гена СОМТ связаны с характеристиками амплитудного спектра в дельта диапазоне в центрально- и темпорально-париетальном отделе правого полушария, а также в париетально-окципитальном отделе левого полушария: при восприятии позитивных сцен отмечается более сильное снижение спектра у носителей Val/Val и повышение – у носителей Val/Met.

Полученные результаты согласуются и расширяют существующие данные о том, что носители аллеля Met, как правило, успешнее выполняют когнитивные задачи, а уровень активации мозговых структур при когнитивной нагрузке выше у носителей аллелей Val, склонных к гиперактивации (Алфимова, Голимбет, 2011; Barnett et al., 2008). Отсутствие снижения активации (мощности бета-диапазона) при распознавании отрицательных сцен у носителей генотипа Met/Met подтверждается данными Drabant et al. (2006) о связи данного генотипа с выраженным нейронным ответом на неприятные стимулы, проявляющейся в активации различных структур лимбической системы и префронтальной коры, а также в низкой устойчивости носителей аллеля Met к негативному настроению. В работе Wacker & Gatt (2010) показана связь аллеля Val с увеличением дельта/тета Pz–Fz в состоянии покоя. Авторы отмечают, что данные физиологические характеристики могут выступать компонентами дофаминергической основы экстраверсии (the posterior–anterior distribution of resting EEG).

По результатам когерентного анализа выявлено формирование новых функциональных связей в группах носителей генотипов Val/Val и Met/Met гена СОМТ при восприятии нейтральных сцен – в бета диапазоне, при восприятии позитивных сцен – в бета и дельта диапазонах; в группе Val/Met наблюдается лишь снижение корреляции ЭЭГ между фронтальными отведениями. Полученные результаты свидетельствуют о большей функциональной связности коры головного мозга у носителей гомозиготных генотипов гена СОМТ, зарегистрированной при выполнении задач на дифференциацию стимулов с разной эмоциональной валентностью, по сравнению с носителями гетерозиготного генотипа, у которых отмечается снижение связности различных областей коры, независимая работа фронтальных отделов при категоризации эмоционально окрашенных и нейтральных сцен.

Результаты, полученные в данном исследовании, отличаются от результатов, полученных в исследованиях Liu et al. (2010), Wang et al. (2015): авторы обнаружили, что носители гетерозиготного генотипа имеют более сильную связь, чем носители гомозиготного генотипа Val/Val, между венстромедиальным и переднемедиальным ядрами префронтальной коры, задней поясной корой, ретроспленальной и правой нижней височной корой, а также поясной корой, при этом различий относительно коннективности в области стриатума и первичной зрительной коры между

носителями доминантного гомозиготного и гетерозиготного генотипов выявлено не было. Dang et al. (2013) подтвердили наличие большей функциональной связности между медиальной префронтальной корой и остальными структурами дефолтной системы мозга (medial PFC with the rest of the DMN) у носителей гетерозиготного генотипа. Ряд исследований подтверждает результаты о более выраженной связности между префронтальными отделами коры и структурами лимбической и стриопаллидарной систем у носителей гетерозиготного генотипа (Wang et al., 2018).

В то же время, в исследовании Lee et al. (2011) показано, что наибольшая функциональная связность лево-латерализованной сети нейронов в дельта/тета-диапазонах частот выявлена у носителей генотипа Val/Val; каждый аллель Met снижал показатели связности. В исследовании Damoiseaux et al. (2016) было получено, что функциональная связность (functional connectivity) между задним гиппокампом и задней поясной извилиной, а также ретроспленальной корой была значительно больше у носителей одного и двух аллелей Met, по сравнению с носителями генотипа Val/Val.

Таким образом, на сегодняшний день существуют разрозненные данные относительно ассоциации гомо- и гетерозиготных генотипов гена COMT с функциональной связностью. В систематическом обзоре, включающем анализ 35 исследований функциональной связности у носителей различных генотипов гена COMT, Morris et al. (2020) была обнаружена общая тенденция к ассоциации аллеля Val с большей функциональной связностью в состоянии покоя, а аллеля Met – с большей функциональной связностью во время выполнения различных задач, связанных с обработкой эмоционально окрашенных стимулов, с активизацией различных видов памяти (в том числе, оперативной) и исполнительных функций в целом, с обучением, основанным на вознаграждении. Таким образом, специфичность полученных нами результатов может быть объяснена особенностями распознаваемых стимулов (эмоционально окрашенных и нейтральных сцен), и расширяет представления о функциональной связности между различными структурами мозга носителей различных генотипов гена COMT при выполнении разных задач.

В ходе данного исследования нами выявлено, что сниженная точность категоризации зрительных сцен по эмоциональной валентности у носителей генотипа Val/Met гена COMT сопровождается менее выраженными изменениями амплитудного спектра в дельта и бета диапазонах ЭЭГ при переходе от ожидания стимула к его анализу, а также различиями в характере когерентных связей в этих же частотных диапазонах.

Выявленные различия могут быть также связаны с регулируемой геном COMT длительностью пребывания моноаминов в синаптическом пространстве. Для носителей аллелей Met характерно более длительное пребывание моноаминов в синаптической щели (Chen et al., 2004; Lotta et al., 1995) и увеличенное содержание в коре дофамина (Zareyan et al., 2021). В то же время большая чувствительность носителей генотипа Val/Val гена COMT к эмоциональному содержанию зрительных

сцен может быть связана с более быстрым распадом моноаминов (в том числе дофамина) в синаптическом пространстве, с более низкой концентрацией дофамина в префронтальной коре. В ряде исследований было получено, что аллель Met гена COMT в группе здоровых людей ассоциирован с большей эффективностью исполнительных функций (Barnett et al., 2007), в том числе, с большей производительностью оперативной памяти (Weinberger & Scarabino, 2006), в то время как аллель Val связан преимущественно с обработкой эмоционально окрашенной информации (Mier et al., 2010).

Новизна полученных данных заключается в том, что впервые описаны спектральные, когерентные характеристики спонтанной электрической активности головного мозга, регистрируемой при решении задач на определение эмоциональной валентности зрительных сцен, у носителей различных генотипов гена катехол-О-метилтрансферазы COMT; проанализированы поведенческие данные: описана точность распознавания эмоционально окрашенных и нейтральных зрительных сцен.

Результаты исследования расширяют понимание роли гена COMT в процессе оценки эмоциональной валентности зрительных сцен посредством описания их электрофизиологических и поведенческих коррелятов.

Заключение

6. Выявлены значимые различия в амплитудных спектрах предстимульной и постстимульной ЭЭГ у носителей различных генотипов гена COMT: группа Val/Met COMT достоверно отличается по характеру изменений ЭЭГ при переходе от ожидания стимула к анализу зрительных сцен с разной эмоциональной валентностью и от группы Val/Val COMT, и от группы Met/Met COMT (в группе Met/Met, по сравнению с группой Val/Met COMT, при восприятии и нейтральных, и позитивных сцен отмечается более сильное снижение амплитудного спектра в бета диапазоне в теменных и центральных отведениях левого полушария).
7. При восприятии позитивных сцен отмечено снижение амплитудного спектра в дельта диапазоне в теменных и центральных отведениях левого полушария у носителей Val/Val COMT, по сравнению с носителями генотипа Val/Met COMT, и его повышение (в тех же отведениях) у носителей Val/Met COMT.
8. Обнаружено, что полиморфизм Val158Met гена COMT ассоциирован с точностью оценки эмоциональной валентности зрительных сцен. Носители генотипа Val/Val успешнее распознают эмоциональную окраску данных стимулов.

Литература

- Алфимова, М. В., & Голимбет, В. Е. (2011). Гены и нейрофизиологические показатели когнитивных процессов: обзор исследований. *Журнал высшей нервной деятельности им. И. П. Павлова*, 61(4), 389–401.

- Лапин, И. А., & Алфимова, М. В. (2014). ЭЭГ-маркеры депрессивных состояний. *Социальная и клиническая психиатрия*, 24(4), 81–89.
- Никишена, И. С., Кропотов, Ю. Д., Пономарев, В. А., Гринь-Яценко, В. А., Яковенко, Е. А., & Белякова, Е. Н. (2004). Динамика спектров мощности и когерентности ЭЭГ в ходе курса бета1-тренинга у детей с нарушениями внимания. *Сибирский научный медицинский журнал*, (3), 74–80.
- Родионов, Е. Г., Явна, Д. В., Бабенко, В. В. (2023). Вклад в управление экзогенным вниманием зрительных признаков второго порядка при решении задачи опознания. *Инновационная наука: психология, педагогика, дефектология*, 6(3), 59–68. <https://doi.org/10.23947/2658-7165-2023-6-3-59-68>
- Ahmed, M. Z. I., Sinha, N., Ghaderpour, E., Phadikar, S., & Ghosh, R. (2023). A novel baseline removal paradigm for subject-independent features in emotion classification using EEG. *Bioengineering*, 10(1), 54.
- Alakus, T. B., Gonen, M., & Turkoglu, I. (2020). Database for an emotion recognition system based on EEG signals and various computer games–GAMEEMO. *Biomedical Signal Processing and Control*, 60, 101951.
- Arnsten, A. F., Wang, M., & Paspalas, C. D. (2015). Dopamine's actions in primate prefrontal cortex: Challenges for treating cognitive disorders. *Pharmacological Reviews*, 67, 681–696. <https://doi.org/10.1124/pr.115.010512>
- Babenko, V. V., Alekseeva, D. S., Yavna, D. V., Denisova, E. G., Kovsh, E. M., Ermakov, P. N. (2022). Recognition of Facial Expressions Based on Information From the Areas of Highest Increase in Luminance Contrast. *International Journal of Cognitive Research in Science, Engineering and Education*, 10(3), 37–51. <https://doi.org/10.23947/2334-8496-2022-10-3-37-51>
- Barnett, J. H., Jones, P. B., Robbins, T. W., & Müller, U. (2007). Effects of the catechol-O-methyltransferase Val158Met polymorphism on executive function: a meta-analysis of the Wisconsin Card Sort Test in schizophrenia and healthy controls. *Molecular Psychiatry*, 12(5), 502. <https://doi.org/10.1038/sj.mp.4001973>
- Barnett, J. H., Scoriels, L., & Munafò, M. R. (2008). Meta-analysis of the cognitive effects of the catechol-O-methyltransferase gene Val158/108Met polymorphism. *Biological psychiatry*, 64(2), 137–144.
- Chen, J., Lipska, B. K., Halim, N., Ma, Q. D., Matsumoto, M., Melhem, S., ... & Weinberger, D. R. (2004). Functional analysis of genetic variation in catechol-O-methyltransferase (COMT): effects on mRNA, protein, and enzyme activity in postmortem human brain. *The American Journal of Human Genetics*, 75(5), 807–821.
- Damoiseaux, J. S., Viviano, R. P., Yuan, P., & Raz, N. (2016). Differential effect of age on posterior and anterior hippocampal functional connectivity. *NeuroImage*, 133, 468–476. <https://doi.org/10.1016/j.neuroimage.2016.03.047>
- Dang, L. C., O'Neil, J. P., & Jagust, W. J. (2013). Genetic effects on behavior are mediated by neurotransmitters and large-scale neural networks. *NeuroImage*, 66, 203–214. <https://doi.org/10.1016/j.neuroimage.2012.10.090>
- Drabant, E. M., Hariri, A. R., Meyer-Lindenberg, A., Munoz, K. E., Mattay, V. S., Kolachana, B. S., ... & Weinberger, D. R. (2006). Catechol O-methyltransferase val158met genotype and neural mechanisms related to affective arousal and regulation. *Archives of General Psychiatry*, 63(12), 1396–1406. <https://doi.org/10.1001/archpsyc.63.12.1396>
- Ermakov, P.N., Vorobyeva, E.V., Denisova, E.G., Yavna, D.V., Babenko, V.V., Kovsh, E.M., Alekseeva, D.S. (2022). Recognition of Emotional and Neutral Visual Scenes in Carriers of the MAOA, COMT, DRD4, and 5HT2A Gene Polymorphisms. *Psychology in Russia: State of the Art*, 15(4), 159–169. <https://doi.org/10.11621/pir.2022.0410>
- Frantzidis, C. A., Bratsas, C., Papadelis, C. L., Konstantinidis, E., Pappas, C., & Bamidis, P. D. (2010). Toward emotion aware computing: an integrated approach using multichannel neurophysiological recordings and affective visual stimuli. *IEEE transactions on Information Technology in Biomedicine*, 14(3), 589–597.

- Jacobs, E., & D'Esposito, M. (2011). Estrogen shapes dopamine-dependent cognitive processes: Implications for women's health. *Journal of Neuroscience*, 31, 5286–5293. <https://doi.org/10.1523/JNEUROSCI.6394-10.2011>
- Katsigiannis, S., & Ramzan, N. (2017). DREAMER: A database for emotion recognition through EEG and ECG signals from wireless low-cost off-the-shelf devices. *IEEE journal of biomedical and health informatics*, 22(1), 98–107.
- Koelstra, S., Muhl, C., Soleymani, M., Lee, J. S., Yazdani, A., Ebrahimi, T., ... & Patras, I. (2011). Deap: A database for emotion analysis; using physiological signals. *IEEE transactions on affective computing*, 3(1), 18–31.
- Lee, T. W., Yu, Y. W., Hong, C. J., Tsai, S. J., Wu, H. C., & Chen, T. J. (2011). The effects of catechol-O-methyl-transferase polymorphism Val158Met on functional connectivity in healthy young females: A resting EEG study. *Brain Research*, 1377, 21–31. <https://doi.org/10.1016/j.brainres.2010.12.073>
- Liu, B., Song, M., Li, J., Liu, Y., Li, K., Yu, C., & Jiang, T. (2010). Prefrontal-related functional connectivities within the default network are modulated by COMT val158met in healthy young adults. *The Journal of Neuroscience*, 30, 64–69. <https://doi.org/10.1523/JNEUROSCI.3941-09.2010>
- Liu, J., Wu, G., Luo, Y., Qiu, S., Yang, S., Li, W., & Bi, Y. (2020). EEG-based emotion classification using a deep neural network and sparse autoencoder. *Frontiers in Systems Neuroscience*, 14, 43.
- Lotta, T., Vidgren, J., Tilgmann, C., Ulmanen, I., Melen, K., Julkunen, I., & Taskinen, J. (1995). Kinetics of human soluble and membrane-bound catechol O-methyltransferase: a revised mechanism and description of the thermolabile variant of the enzyme. *Biochemistry*, 34(13), 4202–4210.
- Louis, C. C., Jacobs, E., D'Esposito, M., & Moser, J. (2023). Estradiol and the Catechol-o-methyltransferase Gene Interact to Predict Working Memory Performance: A Replication and Extension. *Journal of Cognitive Neuroscience*, 35(7), 1144–1153.
- Mier, D., Kirsch, P., & Meyer-Lindenberg, A. (2010). Neural substrates of pleiotropic action of genetic variation in COMT: a meta-analysis [Article]. *Molecular Psychiatry*, 15(9), 918–927. <https://doi.org/10.1038/mp.2009.36>
- Morris, K. A., Grace, S. A., Woods, W., Dean, B., & Rossell, S. L. (2020). The influence of COMT rs4680 on functional connectivity in healthy adults: A systematic review. *European Journal of Neuroscience*, 52(8), 3851–3878. <https://doi.org/10.1111/ejn.14748>
- Park, C. Y., Cha, N., Kang, S., Kim, A., Khandoker, A. H., Hadjileontiadis, L., ... & Lee, U. (2020). K-EmoCon, a multimodal sensor dataset for continuous emotion recognition in naturalistic conversations. *Scientific Data*, 7(1), 293. <https://doi.org/10.5281/zenodo.3762962>
- Prins, N., Kingdom, F. A. (2018). Applying the model-comparison approach to test specific research hypotheses in psychophysical research using the Palamedes toolbox. *Frontiers in psychology*, 9, 1250. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2018.01250>
- Schiller, B., Sperl, M. F., Kleinert, T., Nash, K., & Gianotti, L. R. (2023). EEG microstates in social and affective neuroscience. *Brain topography*, 1–17. <https://doi.org/10.1007/s10548-023-00987-4>
- Seal, A., Reddy, P. P. N., Chaithanya, P., Meghana, A., Jahnavi, K., Krejcar, O., & Hudak, R. (2020). An EEG database and its initial benchmark emotion classification performance. *Computational and mathematical methods in medicine*, 2020(1), 8303465. <https://doi.org/10.1155/2020/8303465>
- Subramanian, R., Wache, J., Abadi, M. K., Vieriu, R. L., Winkler, S., & Sebe, N. (2016). ASCERTAIN: Emotion and personality recognition using commercial sensors. *IEEE Transactions on Affective Computing*, 9(2), 147–160. <https://doi.org/10.1109/TAFFC.2016.2625250>
- Tunbridge, E. M., Harrison, P. J., & Weinberger, D. R. (2006). Catechol-o-methyltransferase, cognition, and psychosis: Val158Met and beyond. *Biological Psychiatry*, 60, 141–151. <https://doi.org/10.1016/j.biopsych.2005.10.024>
- Tunbridge, E. M., Narajos, M., Harrison, C. H., Beresford, C., Cipriani, A., & Harrison, P. J. (2019). Which dopamine polymorphisms are functional? Systematic review and meta-analysis

- of COMT, DAT, DBH, DDC, DRD1–5, MAOA, MAOB, TH, VMAT1, and VMAT2. *Biological Psychiatry*, 86(8), 608–620.
- Wacker, J., & Gatt, J. M. (2010). Resting posterior versus frontal delta/theta EEG activity is associated with extraversion and the COMT VAL158MET polymorphism. *Neuroscience Letters*, 478(2), 88–92. <https://doi.org/10.1016/j.neulet.2010.04.071>
- Wang, H., Zhang, B., Zeng, B., Tang, Y., Zhang, T., Zhao, S., ... Goff, D. C. (2018). Association between catechol-O-methyltransferase genetic variation and functional connectivity in patients with first-episode schizophrenia. *Schizophrenia Research*, 199, 214–220. <https://doi.org/10.1016/j.schres.2018.04.023>
- Wang, X.-H., Li, L., Xu, T., & Ding, Z. (2015). Investigating the temporal patterns within and between intrinsic connectivity networks under eyes-open and eyes-closed resting states: A dynamical functional connectivity study based on phase synchronization. *PLoS ONE*, 10, e0140300. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0140300>
- Weinberger, D. R., & Scarabino, T. (2006). Prefrontal-Hippocampal Coupling During Memory Processing Is Modulated by COMT Val158Met Genotype [Article]. *Biological Psychiatry*, 60(11), 1250–1258. <https://doi.org/10.1016/j.biopsych.2006.03.078>
- Xiao, J., Hays, J., Ehinger, K. A., Oliva, A., & Torralba, A. (2010, June). *Sun database: Large-scale scene recognition from abbey to zoo*. In 2010 IEEE computer society conference on computer vision and pattern recognition (pp. 3485–3492). IEEE.
- Zareyan, S., Zhang, H., Wang, J., Song, W., Hampson, E., Abbott, D., & Diamond, A. (2021). First demonstration of double dissociation between COMT-Met158 and COMT-Val158 cognitive performance when stressed and when calmer. *Cerebral Cortex*, 31(3), 1411–1426. <https://doi.org/10.1093/cercor/bhaa276>

Поступила в редакцию: 01.06.2024

Поступила после рецензирования: 15.07.2024

Принята к публикации: 12.08.2024

Заявленный вклад авторов

Виталий Вадимович Бабенко – разработка методологии исследования; планирование этапов исследования, критический пересмотр текста рукописи.

Екатерина Михайловна Ковш – анализ и обобщение данных литературы; аккумуляция исследовательских данных (регистрация ЭЭГ, забор биоматериала для генетических проб, поведенческое исследование), обобщение результатов исследования; формулировка выводов; интерпретация результатов исследования; написание текста рукописи.

Александр Сергеевич Столетний – анализ и систематизация экспериментальных данных; применение статистических, математических методов для анализа данных; работа с графическим материалом.

Павел Николаевич Ермаков – обоснование концепции исследования (формулирование идеи, исследовательских целей и задач); создание модели исследования.

Денис Викторович Явна – разработка дизайна экспериментального исследования; анализ и систематизация экспериментальных данных; применение статистических, математических методов для анализа данных.

Екатерина Геннадьевна Денисова – аккумуляция исследовательских данных (регистрация ЭЭГ, забор биоматериала для генетических проб, поведенческое исследование), обобщение результатов исследования; редактирование текста рукописи.

Константин Алексеевич Гапченко – аккумуляция исследовательских данных, Сбор данных литературы.

Информация об авторах

Виталий Вадимович Бабенко – доктор биологических наук, профессор, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Российская Федерация; Scopus Author ID: [7101752217](#); WoS Redearcher ID: B-1507-2013; SPIN-код РИНЦ: 1028-0613; ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-3750-1277>; e-mail: babenko@sfedu.ru

Екатерина Михайловна Ковш – кандидат психологических наук, доцент, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Российская Федерация; Scopus Author ID: 57202393992; WoS Redearcher ID: C-6952-2017; SPIN-код РИНЦ: 4741-3217; ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-5804-5688>; e-mail: emkovsh@sfedu.ru

Александр Сергеевич Столетний – кандидат психологических наук, доцент, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Российская Федерация; Scopus Author ID: [56801819200](#); WoS Redearcher ID: AAB-6584-2020; SPIN-код РИНЦ: 8999-6214; ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-7955-8696>; e-mail: asstoletniy@sfedu.ru

Павел Николаевич Ермаков – доктор биологических наук, профессор, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Российская Федерация; Scopus Author ID: [6602450914](#); WoS Redearcher ID: [B-3040-2016](#); SPIN-код РИНЦ: 7706-9441; ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-8395-2426>; e-mail: paver@sfedu.ru

Денис Викторович Явна – кандидат психологических наук, доцент, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Российская Федерация; Scopus Author ID: [56034231500](#); WoS Redearcher ID: [B-1314-2013](#); SPIN-код РИНЦ: 3357-7716; ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-2895-5119>; e-mail: dvyavna@sfedu.ru

Екатерина Геннадьевна Денисова – кандидат психологических наук, доцент, Донской государственной технической университет, Ростов-на-Дону, Российская Федерация; Scopus Author ID: [57221193371](#); WoS Redearcher ID: [A-5252-2016](#); SPIN-код РИНЦ: 3389-8667; ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-0240-8176>; e-mail: denisovakeith@gmail.com

Константин Алексеевич Гапченко – студент, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Российская Федерация; SPIN-код РИНЦ: 1451-0597; e-mail: kgapchenko@sfedu.ru

Информация о конфликте интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Влияние рефлексии на электрофизиологическую активность мозга в зависимости от уровня тревожности

Татьяна Э. Сизикова¹ , Сергей В. Леонов² , Ирина С. Поликанова^{2*}

¹ ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный педагогический университет», Новосибирск, Российская Федерация

² ФГБНУ «Федеральный научный центр психологических и междисциплинарных исследований», Москва, Российская Федерация

*Почта ответственного автора: irinapolikanova@mail.ru

Аннотация

Введение. Высокий уровень тревожности часто связывают с аномальной активностью в областях мозга, участвующих в обработке эмоций, в когнитивном контроле, в снижении связности сети пассивного режима работы мозга (СПРРМ). Также исследования показывают, что активация СПРРМ возрастает во время процессов рефлексии, в частности, обращения личности на себя (самореференции), имеющих положительную направленность, что позволяет сделать предположение о возможности использования рефлексии для снижения уровня тревожности. В рамках настоящей работы сделана попытка проверить это предположение, основываясь на данных динамики ЭЭГ до и после прохождения методики, направленной на активизацию, в большей степени, личностной рефлексии. Методы. В исследовании приняли участие 127 человек (средний возраст 25 ± 8 лет). Выборка была поделена на группы с низкой и высокой тревожностью, а также на экспериментальную и контрольную подгруппы. Экспериментальные подгруппы проходили авторскую методику имагинально-рефлексивного ресурса (МИРР), направленную на активизацию рефлексии. Контрольные группы выполняли задания по учебной дисциплине – стандартную когнитивную нагрузку. Запись ЭЭГ проводилась до и после выполнения заданий. Результаты. Результаты показали, что высокий уровень тревожности с большей вероятностью приведет к развитию когнитивного утомления в случае выполнения типичных когнитивных заданий. При

этом процесс рефлексии в сочетании с высоким уровнем тревожности не приводит к сильному когнитивному утомлению, а отражает скорее процессы внимания. Низкий уровень тревожности связан в целом с меньшим когнитивным утомлением. Выполнение задачи на рефлексию у людей с низкой тревожностью отражается на значительной активации мозга, характеризующей процессы внимания. Обсуждение результатов. Полученные результаты соотносятся с данными других исследователей и в целом подтверждают гипотезу нашего исследования. Рефлексия, имеющая положительную направленность, может оказывать влияние на снижение высокого уровня тревожности благодаря активации СПРРМ.

Ключевые слова

рефлексия, тревожность, самореференция, ЭЭГ, электроэнцефалограмма, альфа-ритм, тета-ритм, когнитивные процессы

Финансирование

работа выполнена в рамках Лаборатории конвергентных исследований когнитивных процессов ФНЦ ПМИ, созданной в рамках конкурса Минобрнауки России.

Для цитирования

Сизикова, Т. Э., Леонов, С. В., Поликанова, И. С. (2024). Влияние рефлексии на электрофизиологическую активность мозга в зависимости от уровня тревожности. *Российский психологический журнал*, 21(3), 172–189. <https://doi.org/10.21702/rpj.2024.3.10>

Введение

В современных условиях продолжается поиск новых средств в работе со стрессом, тревогой, тревожностью. Обращение внимания на возможности рефлексии является относительно новым направлением в исследованиях. Необходимость подтверждения валидности рефлексивных методов не вызывает сомнения. Знание психофизиологической реакции организма на рефлексию способствует более правильному применению методов воздействия на снижение тревожности, тревоги и организации условий для рефлексивного процесса.

Тревога (англ. anxiety) – переживание эмоционального дискомфорта, связанного с ожиданием неблагоприятия и предчувствием грядущей опасности (Большой психологический словарь, 2008). Отличие тревоги от страха заключается в том, что тревога связана с неопределенной угрозой, в то время как страх возникает в ответ на конкретную опасность. Оптимальный уровень тревоги необходим для эффективного приспособления к действительности, но чрезмерно высокий или низкий уровень тревоги может привести к дезадаптивным реакциям.

ПСИХОФИЗИОЛОГИЯ

Тревога является основой любых психических состояний и поведения, связанных с переживанием стресса. В качестве стрессоустойчивости чаще всего выделяются следующие факторы: *«энергетический потенциал личности; уровень развития интуиции; уровень развития логических способностей; эмоциональная зрелость личности; эмоциональная устойчивость и уровень эмоционального контроля; пластичность (гибкость, готовность личности к изменениям); сильный тип темперамента (по И.П. Павлову); высокий уровень развития рефлексии и др.»* (Грехов, Сулейманова, Адамович, 2017, с. 62). Такой фактор стрессоустойчивости, как высокий уровень развития рефлексии, выделяется в работах последнего десятилетия в связи с исследованиями роли рефлексии в саморегуляции, самоорганизации, саморазвитии личности (Карпов, 2012; 2018; Маслова, Покацкая, 2019; Лысенко, 2022; Ясько и др., 2023).

Предиктором развития стрессовых состояний является тревожность: *«...более тревожные люди обладают более низкими адаптационными возможностями, в связи с чем они становятся более уязвимы для стрессового воздействия экстремальных ситуаций. <...> воздействие травматического события ослабляет адаптационные возможности человека и как следствие способствует повышению уровня личностной тревожности»* (Быховец, Падун, 2019, с. 80).

Согласно ряду нейрофизиологических исследований, высокий уровень тревожности часто ассоциирован с аномальной активностью и гипосвязностью областей мозга, участвующих в обработке эмоций (лимбической системы, в частности миндалины), в когнитивном контроле, а также так называемой сети пассивного режима работы мозга (СПРРМ) (англ. «default mode network») (Imperatori et al., 2019; Saviola et al., 2020; Wang et al., 2021; Xu et al., 2019). Последняя получила такое название потому, что входящая в ее состав медиальная префронтальная кора больших полушарий (область 10 по Бродману, или MPFC/BA 10) демонстрирует связанную активность, когда наш ум не занят решением конкретных задач, к примеру, в течение длительных периодов отдыха, а также во время коротких перерывов между выполнением экспериментов (Damoiseaux et al., 2006; Fox et al., 2005; Fransson, 2005). У людей с высоким уровнем тревожности часто отмечается отсутствие связанной активации СПРРМ в состоянии покоя, которая наблюдается в норме (Imperatori et al., 2019; Wang et al., 2021).

В ряде исследований также показано увеличение активации СПРРМ во время процессов саморефлексии и самореференции (Beer et al., 2010; D'Argembeau et al., 2007; Hu et al., 2016; Kim & Johnson, 2015a; Kircher et al., 2002; Morin, 2007; Mu & Han, 2010a; Ochsner et al., 2005; Shi et al., 2011a). Данная область активизируется, когда участники думают о своей личности (Jenkins & Mitchell, 2011), размышляют о своих эмоциях (Ochsner et al., 2005), думают о личных проблемах (Kuiken & Mathews, 1986), думают о принадлежащих им объектах (Kim & Johnson, 2015b), при предъявлении притяжательных местоимений типа «мой» или фраз с ними (Shi et al., 2011b), представляют себя в прошлом или будущем (Araujo et al., 2013; Spreng & Grady, 2010).

СПРРМ чувствительна к периодам повышенного самосознания на протяжении всей жизни (Pfeifer et al., 2009; Sebastian et al., 2008; Somerville et al., 2013).

Под самореференцией понимается направленность рефлексии на качества личности, в частности, на определенные характеристики или физические свойства. Таким образом, самореференция рассматривается как один из аспектов рефлексии (Сизикова и др., 2024).

В контексте нашей работы особый интерес представляют исследования, демонстрирующие положительную связь между особенностями самореференции (к примеру, положительная самореференция в противопоставление предвзятой негативной самореференции) и уровнем тревожности (Abraham et al., 2013; Tracy et al., 2021). Эти результаты, в свою очередь, могут свидетельствовать о том, что правильно выстроенный процесс рефлексии или самореференции может быть связан с более низким уровнем тревожности. Кроме того, важное значение имеют работы, отражающие связь между рефлексивными процессами (самореференция, медитация и др.), а также электрофизиологическими параметрами (к примеру, синхронизация альфа- и тета-ритмов) (Aftanas, Golosheikine, 2001; Aftanas et al., 2001; Asada et al., 1999; Fossati et al., 2004; Knyazev, 2013).

В качестве **гипотезы** выступило предположение о том, что в зависимости от уровня тревожности рефлексия может по-разному отражаться на динамике электрофизиологической активности мозга.

Методы

Выборка

В исследовании приняли участие 127 человек (средний возраст 25 ± 8 лет). Выборка была разделена по интегральной оценке уровня тревожности в зависимости от показателей личностной и ситуативной тревожности на «низкотревожную группу» и «высокотревожную группу» (табл. 1). Средний уровень тревожности был исключен из эксперимента. Значимых различий между показателями личностной и ситуативной тревожности в каждой группе не выявлено. Это позволило сформировать интегральную оценку уровня тревожности: высокая и низкая.

Обе группы также были разделены на экспериментальную и контрольную группы (табл. 1). Экспериментальная процедура проходила в течение стандартного университетского занятия и заняла 1,5 часа. Экспериментальная группа в течение этого времени выполняла методику имагинально-рефлексивного ресурса (Сизикова, 2018), направленную на организацию личностной рефлексии. Контрольная группа выполняла задания по учебной дисциплине. В начале и в конце занятия обеим группам проводилась запись фоновой ЭЭГ с закрытыми и открытыми глазами.

Таблица 1
Описательные характеристики групп испытуемых

	Экспериментальная группа	Контрольная группа
«Низкотревожная» группа	Группа 1 25 человек (ср.возраст 24 ± 9)	Группа 2 29 человек (ср.возраст 28 ± 9)
«Высокотревожная» группа	Группа 3 35 человек (ср.возраст 24 ± 7)	Группа 4 28 человека (ср.возраст 24 ± 8)

Условия организации рефлексивного процесса

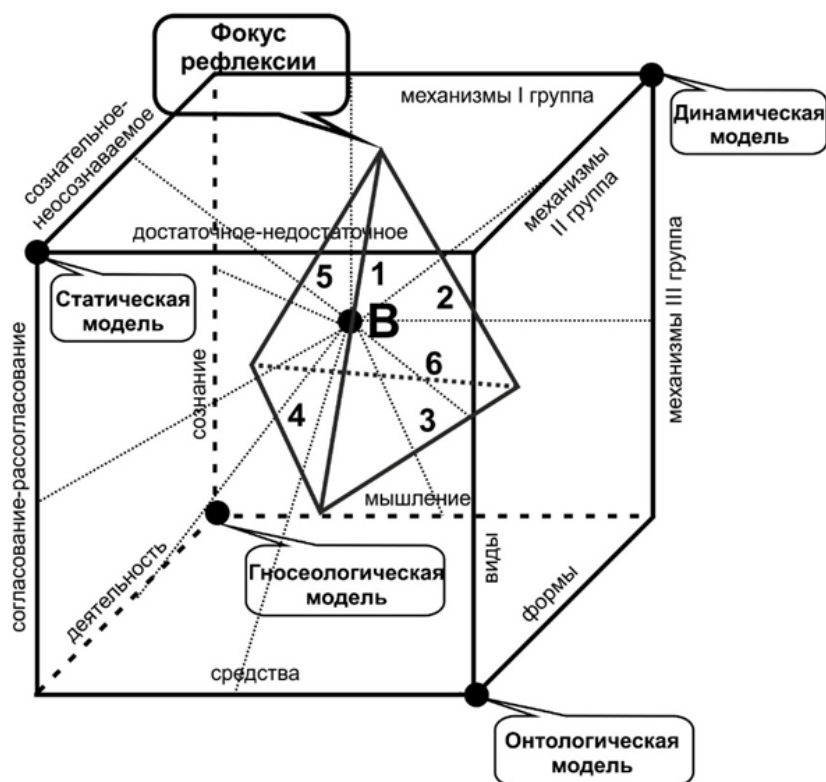
В мета-модели рефлексии (Сизикова, 2018) среди видов рефлексии выделяется личностная рефлексия. Для акта рефлексии любые различия условны. Научные представления в парадигме целого позволяют рассматривать элемент как целое, в котором большее целое – весь объект. Личностная рефлексия отражает в себе все другие виды рефлексии, ее формы, средства, механизмы и прочее. Мета-модель представляет собой определенный конструктор – кентавр из пяти моделей, четыре из которых построены в рамках неклассической парадигмы, пятая соответствует постнеклассической парадигме (рис. 1. Сизикова, 2018, с. 23).

Модель рефлексии в виде куба отражает потенциальное состояние рефлексии, а в виде тетраэдра – ее актуальное состояние. В 12 гранях куба фиксируется актуальная ситуация. В точке выбора (на рисунке тетраэдр) принимается решение, пролонгируемое в действие. Направленности рефлексии (интенциональность) являются характеристикой объекта как целого. Направленность рефлексии на личность (в модели «направленность в рефлексии личности на себя и на Другого»), то содержание личности, которое вырезается вниманием и становится объектом рефлексии мы относим к личностной рефлексии.

Авторская методика МИРР (Методика имаго-рефлексивного ресурса) относится к виду проективных методов. Ее задачей является создание условий для рефлексии, направленной на личность и ее понимание своего мира. Имагинальный слой сознания актуализируется с помощью заданий на ассоциации абстрактных картин, относящихся к архетипическим образам, рефлексивный – с помощью заданий переноса анализа ассоциаций в личную жизнь. Путь от всеобщего к частному позволяет личности расширить свои границы. Основное назначение в мета-модели фокуса рефлексии – совершение выбора. Ассоциирование создает поле возможностей, выбор сужает их до решения. Решение переносится в самоанализ. Самоанализ личности проводится письменно. Письменная речь структурирует внутреннюю речь.

Рисунок 1

Мета-модель рефлексии в мета-онтологии

Примечание: 1 – направленность в рефлексии личности на себя и на «Другого», 2 – направленность на развитие или «застывание», 3 – направленность на творчество, 4 – способ переработки информации, 5 – виды работы с информацией, 6 – саморазвитие рефлексии.

Методику МИРР можно анализировать с позиции мета-модели рефлексии, мы относим такой анализ к гносеологической стороне рефлексии, также с онтологической стороны, основой которой является модальное представление о психике и о рефлексии в частности (Sizikova, 2019; Sizikova, Durachenko, 2020 (a, b); Сизикова, Кудрявцев, 2023 (a, б)).

Процедура методики. В первой части методики испытуемым экспериментальной группы предлагается рассмотреть карточки, на которых изображены в абстрактной форме архетипы, как их видит художник: Дух Огня, Дух Воды, Дух Запаха, Дух Гор, Дух Земли, Дух Воздуха, Дух Природы и Мировое дерево (карточки и процедура методики

представлены в нашей предыдущей работе (Сизикова, 2018). Названия архетипов направляют сознание и восприятие в область мифологического. Обращение к архетипам относится к символической регуляции личности и ее поведения. Л. С. Выготский (Выготский, 1982; 1984) полагал выделение символа как овладение всеобщим в частностях, определял его номинативную функцию в развитии речи и мышления, когда образуются комплексы и символ становится эквивалентом всеобщего в классе объектов. Абстрагирование относится к более высокой форме развития мышления, символ приобретает отчуждаемое личностное как всеобщее содержание. Затем анализ ассоциации возвращает ей привязанность к личности. Ранжирование карточек-картин архетипов от «нравится» до «не нравится» включает анализ, а ассоциативный ряд от 1 до 5 ассоциаций обрисовывает личностный мир в дуальности. Процедуры распределения рядов по блокам на основе предлагаемых критериев (фундаментальность – не фундаментальность, динамичность – не динамичность, реалистичность – фантазийность, ресурсность – не ресурсность, нейтральность) позволяют структурировать ассоциации и перенести эту структуру в свой реальный мир, выполняя самоанализ, что является ключевым заданием методики. Особенностью самоанализа является написание его в качестве рекомендации другу, в которой кроме описания жизни дается ответ на вопрос «как сделать жизнь интереснее и плодотворнее?». Применение децентрации в самоанализе позволяет в рефлексии занимать две позиции, что облегчает переход от личностной включенности в переживания к его объективации.

Во второй части методики все процедуры повторяются, но меняется стимульный материал. Испытуемый оперирует карточками-картинами философского и метафизического содержания: жизнь, любовь, искра творчества, свет, поток.

Третья часть методики завершающая. Испытуемому из всех карт-картин предлагается выбрать одну самую ресурсную и продумать для себя, как этот ресурс может быть применен в жизни. Таким образом, логика методики МИРП позволяет задействовать мета-модель рефлексии в целом.

Шкала оценки уровня реактивной и личностной тревожности. Для определения уровня тревожности использовалась Шкала тревоги Спилбергера (State-Trait Anxiety Inventory – STAI) (Спилбергер Ч. Д. & Ханин Ю.Л., 2000). Опросник разработан Ч. Д. Спилбергером и адаптирован Ю. Л. Ханиным. Он является информативным способом самооценки уровня тревожности в данный момент (реактивная тревожность, как состояние) и личностной тревожности (как устойчивая характеристика человека).

Личностная тревожность – это стойкая индивидуальная черта, которая проявляется в склонности субъекта к тревоге и восприятию многих ситуаций как угрожающих. Эта черта активизируется при восприятии стимулов, которые могут нанести ущерб самооценке и самоуважению. Ситуативная тревожность – это эмоциональное состояние, которое характеризуется переживанием напряжения, беспокойства, озабоченности и нервозности в ответ на стрессовую ситуацию.

Интенсивность и динамика этого состояния могут быть разными. Диагностика тревожности необходима при проведении исследований проективными методами рефлексии с целью определения не только состояния, но и для снятия высокого уровня тревожности в ходе эксперимента. Испытуемый отвечает на вопросы и с помощью понимания своего состояния имеет возможность для саморегуляции своей стрессовости, вызванной новыми для испытуемого условиями эксперимента.

Запись ЭЭГ

Запись электроэнцефалограммы (ЭЭГ) проводилась с помощью программно-аппаратного комплекса «БОСЛАБ-14» (г. Новосибирск) монополярно в отведении Pz. В качестве референтного использовали ушной электрод. Pz сайт был выбран в связи с тем, что характеристики альфа-активности в теменно-затылочной области наиболее устойчивы и воспроизводимы при повторных измерениях, а также наименее вариабельны (Thatcher et al., 2008; Базанова, 2011; Балиоз, 2012). Регистрацию ЭЭГ проводили в состоянии покоя с закрытыми глазами (2 мин) и в пробе на открывание глаз (30 сек). Для контроля за движением глаз записывали электромиограмму (ЭМГ) от мышц лба. В анализ электроэнцефалографических данных включали свободные от артефактов эпохи ЭЭГ, которые подразделялись на сегменты длительностью 4 секунды и подвергались быстрому преобразованию Фурье в полосе пропускания 3–20 Гц с использованием окна Ханна. Выходные данные анализировали с помощью специализированной программы Win EEG (Мицар, Санкт-Петербург), составленной с принятыми стандартами анализа сигнала и представленными в виде таблицы спектральной мощности ЭЭГ с шагом 1 Гц. Для анализа электрофизиологических характеристик использовались значения полной и относительной мощности основных ритмов ЭЭГ: тета-ритм (4–8 Гц), альфа-ритм (8–13 Гц), бета-ритм (13–20 Гц).

Анализ данных

Сравнительный анализ проводился с использованием программы Jamovi 2.4.1. Анализ на нормальность Шапиро-Уилка (Shapiro-Wilk) показал, что по некоторым параметрам ЭЭГ выборка не характеризуется нормальным распределением, в связи с чем было принято решение использовать непараметрический критерий Вилкоксона (Wilcoxon) ($\alpha=0,05$) для внутригрупповых сравнений внутри каждой из подгрупп.

Результаты

Исследование тревожности

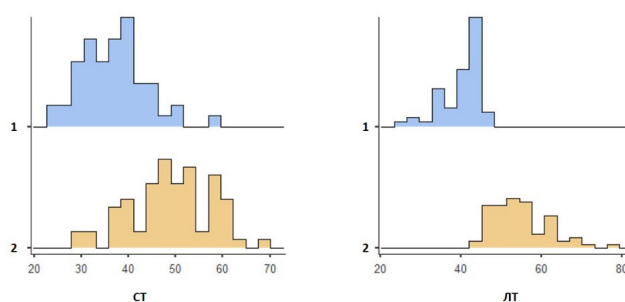
Выборка была разделена по интегральной оценке уровня тревожности в зависимости от показателей личностной и ситуативной тревожности на «низкотревожную группу» и «высокотревожную группу». На рис. 2 представлены гистограммы распределения

ПСИХОФИЗИОЛОГИЯ

по показателям ситуативной тревожности (СТ) и личностной тревожности (ЛТ) в группе низкотревожных (сверху) и высокотревожных (снизу).

Рисунок 2

Гистограммы распределения значений уровня тревожности (личностной тревожности и ситуативной тревожности)

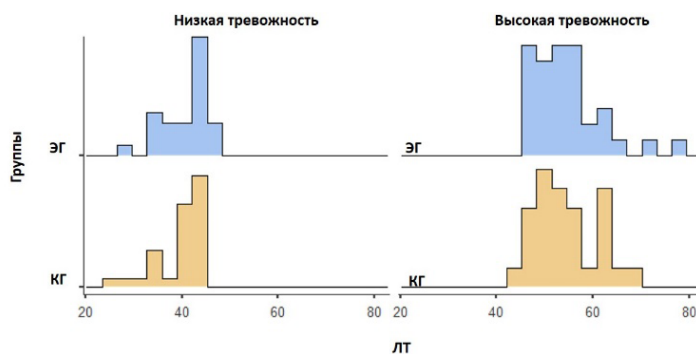

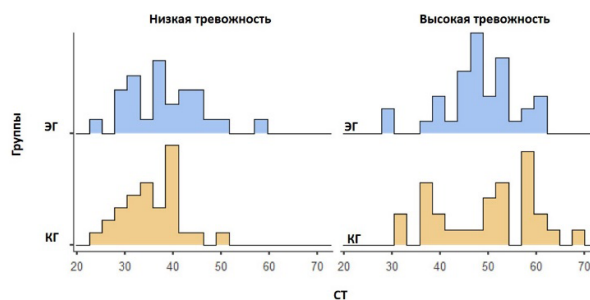
Примечание: 1 – низкий уровень тревожности, 2 – высокий уровень тревожности, СТ – ситуативная тревожность, ЛТ – личностная тревожность.

Группы были также поделены на экспериментальную и контрольную. На рис. 3 представлены гистограммы уровня тревожности по четырем группам. Мы видим, что разбивка на ЭГ и КГ по уровню тревожности в целом идентична.

Рисунок 3

Гистограммы распределения значений уровня тревожности (личностной тревожности и ситуативной тревожности) для экспериментальных и контрольных групп

Примечание: ЭГ – экспериментальная группа, КГ – контрольная группа, СТ – ситуативная тревожность, ЛТ – личностная тревожность.

Показатели электрической активности мозга

Значимые статистические различия по динамике электрофизиологических показателей до и после прохождения методики на рефлексию для групп с высоким уровнем тревожности представлены в таблице 2.

Таблица 2

Результаты статистического анализа сравнения электрофизиологических показателей ДО и ПОСЛЕ прохождения методики на рефлексию (высокотревожная группа)

		ДО		ПОСЛЕ		p	Коеф d
		Среднее	SD	Среднее	SD		
ЭГ	ГЗАльфа8-9,5	25.64	34.53	32.04	39.61	0.002	-0.6**
	%ГЗАльфа8-9,5	16.22	10.57	19.90	14.24	0.004	-0.56**
	ГЗАльфа	51.35	48.12	64.07	47.91	0.011	-0.62*
	ГЗАльфа8-9,5	18.44	25.34	23.73	31.46	0.022	-0.57*
	ГЗАльфа 9,5-11	18.25	17.29	26.16	21.68	0.003	-0.71**
КГ	%ГЗАльфа 9,5-11	18.78	13.65	23.5	15.15	0.01	-0.63*
	%ГОАльфа 9,5-11	8.43	4.5	10.83	4.79	0.006	-0.66**
	%ГЗТета 4-5,5	11.81	5.56	9.63	4.62	0.007	0.65**
	%ГОТета 7-8	12.16	6.77	15.01	4.61	0.005	-0.49**

Примечание: ЭГ – экспериментальная группа, КГ – контрольная группа * $p < .05$, ДО – запись ЭЭГ до выполнения заданий, ПОСЛЕ - запись ЭЭГ до выполнения заданий. ** $p < .01$, *** $p < .001$.

ПСИХОФИЗИОЛОГИЯ

Экспериментальная группа с высоким уровнем тревожности показала значимое увеличение в полосе альфа-ритма 8–9,5 Гц как для полной мощности, так и для относительной. Контрольная группа при этом характеризовалась более обширным изменением динамики после выполнения академической нагрузки в течение 1,5 часов как в полосе альфа-ритма, так и в полосе тета-ритма. При этом в диапазоне альфа-ритма наблюдалось значимое увеличение мощности (полной и относительной) во всех поддиапазонах альфа-ритма, кроме высокой полосы (11–13 Гц). В диапазоне тета-ритма наблюдалось уменьшение относительной мощности.

Значимые статистические различия по динамике электрофизиологических показателей до и после прохождения методики на рефлексию для групп с низкой тревожностью представлены в таблице 3. КГ с низкой тревожностью показала значимое уменьшение в верхнем диапазоне альфа-ритма 11–13 Гц с открытыми глазами. ЭГ с низкой тревожностью также показала значимое снижение в альфа-диапазоне 11–13 Гц с закрытыми глазами, а также значимое увеличение полной и относительной мощности альфа-ритма в полосе 8–9,5 Гц. Кроме того, у данной группы показано значимое снижение относительной мощности тета-ритма в нижней полосе 4–5,5 Гц.

Таблица 3

Результаты статистического анализа сравнения электрофизиологических показателей ДО и ПОСЛЕ прохождения методики на рефлексию (низкотревожная группа)

	ДО		ПОСЛЕ		p	Коэф d	
	Среднее	SD	Среднее	SD			
ЭГ	ГЗ1Альфа8-9,5	17.45	19.31	24.26	27.43	0.014	-0.6**
	%ГЗАльфа8-9,5	15.65	12.15	18.62	15.77	0.035	-0.52**
	%ГЗАльфа 11-13	17.38	16.12	15.88	15.96	0.046	0.5*
	%ГЗТета 4-5,5	11.37	7.32	8.51	4.24	0.029	0.54*
КГ	ГО1Альфа 11-13	8.44	10.20	6.20	6.86	0.006	0.59**

Примечание. ЭГ – экспериментальная группа, КГ – контрольная группа, ДО – запись ЭЭГ до выполнения заданий, ПОСЛЕ – запись ЭЭГ до выполнения заданий. * $p < .05$, ** $p < .01$, *** $p < .001$

Обсуждение результатов

Мы изначально предполагали, что контрольная группа – КГ (как с высоким уровнем, так и с низким уровнем тревожности), выполняющая относительно стандартную когнитивную нагрузку, покажет динамику ЭЭГ, близкую к состоянию когнитивного утомления (КУ). КУ характеризуется, как правило, увеличением мощности в альфа-диапазоне и тета-диапазоне (Polikanova & Leonov, 2016). Динамика электрофизиологических показателей у КГ с высоким уровнем тревожности в целом соответствуют литературным данным, в частности, наблюдается увеличение мощности альфа-ритма во всех диапазонах, кроме высокочастотного диапазона (11–13 Гц), а также увеличение мощности верхнего тета-ритма (7–8 Гц) (Aftanas, Golosheikine, 2001; Aftanas et al., 2001; Asada et al., 1999). При этом в полосе нижнего тета-ритма наблюдается уменьшение мощности. Более низкие показатели в диапазоне тета-ритма свидетельствуют о худших процессах памяти (Klimesch et al., 1999). Также есть предположения, что уменьшение мощности в тета-диапазоне коррелирует с когнитивным старением (Cummins & Finnigan, 2007).

В экспериментальной группе – ЭГ – с высоким уровнем тревожности наблюдается гораздо меньше сдвигов в ЭЭГ после прохождения методики на рефлексии, что свидетельствует в первую очередь о том, что этот процесс в гораздо меньшей степени связан с развитием когнитивного утомления. Кроме того, увеличение мощности в нижней полосе альфа-ритма (8–9,5 Гц) во время процесса рефлексии (в нашем случае – прохождении методики МИРР) или самореференции как одного из проявлений рефлексии свидетельствует о большей задействованности процессов внимания (Doppelmayr et al., 2002).

В группах с низким уровнем тревожности результаты показали другие закономерности.

ЭГ с низким уровнем тревожности показала больше значимых сдвигов в ЭЭГ после прохождения методики МИРР, которые частично пересекаются с результатами КГ (хотя у КГ эта закономерность наблюдается только при открытых глазах), а именно – уменьшением мощности верхнего альфа-ритма (11–13 Гц).

Литературные данные показывают, что спектральная мощность верхнего альфа-диапазона (10,5–13 Гц) несет информацию о том, куда направлено внимание – вовне или внутрь (Doppelmayr et al., 2008; Klimesch, 2012). Эта полоса альфа-ритма индексирует внутреннее и внешнее внимание (Salvador et al., 2020). В частности, известно, что когда человек внимательно следит за внешним объектом, мощность его верхнего альфа-диапазона снижается – наблюдается депрессия альфа-ритма (Benedek et al., 2014; Klimesch, 2012; Ray & Cole, 1985). Депрессия альфа-ритма наблюдается в различных задачах, требующих направленного вовне внимания, включая обработку предложений (Bastiaansen et al., 2002; Bastiaansen, Hagoort, 2006) или более социальные задачи, такие как наблюдение за поведением других людей (Perry et al., 2011; Salvador et al., 2020).

Увеличение мощности в нижней полосе альфа-ритма свидетельствует о включенности процессов внимания в рефлексию. Уменьшение мощности в верхней полосе тета-ритма может отражать описанный ранее реципрокный характер отношений между альфа- и тета-ритмами во время когнитивной нагрузки (Klimesch, 1999).

Заключение

Таким образом, проведенное нами исследование демонстрирует, что уровень тревожности достаточно сильно отражается на динамике электрофизиологических показателей после прохождения методики, направленной на рефлексию (в нашем случае – методики МИРР). Низкий уровень тревожности связан, в первую очередь, с меньшим развитием когнитивного утомления, контрольная группа «низкотревожных» показала минимальные сдвиги в ЭЭГ. После выполнения задачи на рефлексию у группы с низкой тревожностью (группа 1) отмечаются сдвиги ЭЭГ, характеризующие процессы внимания, направленные вовне, а не внутрь себя (уменьшение мощности верхнего альфа-ритма (11–13 Гц) и уменьшение мощности нижнего альфа-ритма (8–9,5 Гц), уменьшение верхнего тета-ритма (7–8 Гц)). Это обусловлено тем, что задания методики МИРР выполнялись письменно и задействовали децентрацию, Эти результаты согласуются с нашими предыдущими результатами (Сизикова, Леонов, Поликанова, 2024).

Высокий уровень тревожности связан с более значимыми сдвигами в ЭЭГ, ассоциированными с когнитивным утомлением в случае выполнения когнитивной нагрузки (группа 4). Выполнение методики МИРР, направленной на рефлексию (даже в случае высокого уровня тревожности), приводит к значительно меньшему развитию когнитивного утомления. Основные сдвиги связаны с увеличением мощности нижнего альфа-ритма, ассоциированного с процессами внимания.

Мы можем сделать вывод о подтверждении выдвинутой нами гипотезы о том, что в зависимости от уровня тревожности рефлексия может по-разному отражаться на динамике электрофизиологической активности мозга. Кроме того, рефлексия, имеющая положительную направленность, имеет важное терапевтическое значение для снижения уровня тревожности, благодаря активации СПРРМ – сети мозга, которая характеризуется отсутствием связанной активации у людей с высоким уровнем тревожности.

Литература

- Базанова, О.М. (2011). Современная интерпретация альфа-активности ЭЭГ. *Международный Неврологический Журнал*, 46(8), 96–104.
- Балиоз, Н.В. (2012). Индивидуально-типологические особенности ЭЭГ спортсменов при остром гипоксическом воздействии. *Физиология Человека*, 38(5), 24.
- Быховец, Ю. В., Падун, М. А. (2019). Личностная тревожность и регуляция эмоций в контексте изучения посттравматического стресса. *Клиническая и специальная психология*, 8(1), 78–89. <https://doi.org/10.17759/psyclin.2019080105>

- Выготский, Л. С. (1982). Мышление и речь. Собрание сочинений: В 6-ти т. Т. 2. Проблемы общей психологии. В. В. Давыдов (ред.). Педагогика.
- Выготский, Л. С. (1984). Орудие и знак в развитии ребенка. Собрание сочинений: В 6-ти т. Т. 6. Научное наследство. М. Г. Ярошевский (ред.). Педагогика.
- Грехов, Р. А., Сулейманова, Г. П., Адамович, Е. И. (2017). Роль тревоги в психофизиологии стресса. *Вестник ВолГУ. Серия 11, Естественные науки*, 7(1), 57–66. <https://doi.org/10.15688/jvolsu11.2017.1.7>
- Зинченко, В. П., Мещеряков, Б. Г. (2008). Большой психологический словарь. В. П. Зинченко, Б. Г. Мещеряков (ред.). СПб.
- Карпов, А. В. (2012). Рефлективная детерминация деятельности и личности. М.: РАО, 476 с.
- Карпов, А. В. (2018). Метасистемная организация индивидуальных качеств личности. Ярославль: ЯрГУ, 744 с.
- Лысенко, В. М. (2022). Оценка стрессоустойчивости и уровня тревоги в зависимости от типа личности. *Инновационные механизмы решения проблем научного развития: сборник статей Международной научно-практической конференции. OMEGA SCIENCE*, 143-147.
- Маслова, Т. М., Показкая, А. В. (2019). Тревожность личности как фактор развития стрессоустойчивости. *Азимут научных исследований: педагогика и психология*, 8(2(27)), 352–354.
- Сизикова Т. Э. (2018). *Рефлективное психологическое консультирование*. Изд-во НГПУ.
- Сизикова, Т. Э. (2018). Мета-модель рефлексии в рамках мета-онтологии. *Сибирский психологический журнал*, 68, 6–31. <https://doi.org/10.17223/17267080/66/1>
- Сизикова, Т. Э., Кудрявцев, В. Т. (2023). Схема теории Льва Выготского. Часть 2. *Культурно-историческая психология*, 19(3), 23–29. <https://doi.org/10.17759/chp.2023190303>
- Сизикова, Т. Э., Леонов, С. В., Поликанова, И. С. (2024). Свободное действие и его психофизиологические корреляты. *Культурно-историческая психология*, 20(2), 15–22.
- Сизикова, Т. Э., Кудрявцев, В. Т. (2023). Схема теории Льва Выготского. Часть I. *Культурно-историческая психология*, 19(2), 9–17. <https://doi.org/10.17759/chp.2023190202>
- Сизикова, Т. Э., Леонов, С. В., Поликанова, И. С. (2024). Динамика функционального состояния сердечно-сосудистой системы в задаче на рефлексию при разных уровнях тревожности. *Экспериментальная психология (в печати)*.
- Спилбергер, Ч. Д., Ханин, Ю. Л. (2000). Шкала оценки уровня реактивной и личностной тревожности. *Психологические Тесты*, 1, 39–45.
- Ясько, Б. А., Скрипниченко, Л. С., Стриханов, С. Н., Тедорадзе, Д. Д. (2023). Личностные предикторы стрессоустойчивости медицинских работников. *Российский психологический журнал*, 20(2), 169–184. <https://doi.org/10.21702/rpj.2023.2.11>
- Abraham, A., Kaufmann, C., Redlich, R., Hermann, A., Stark, R., Stevens, S., & Hermann, C. (2013). Self-referential and anxiety-relevant information processing in subclinical social anxiety: An fMRI study. *Brain Imaging and Behavior*, 7(1), 35–48. <https://doi.org/10.1007/s11682-012-9188-x>
- Aftanas, L. I., & Golocheikine, S. A. (2001). Human anterior and frontal midline theta and lower alpha reflect emotionally positive state and internalized attention: High-resolution EEG investigation of meditation. *Neuroscience Letters*, 310(1), 57–60. [https://doi.org/10.1016/S0304-3940\(01\)02094-8](https://doi.org/10.1016/S0304-3940(01)02094-8)
- Aftanas, L. I., Varlamov, A. A., Pavlov, S. V., Makhnev, V. P., & Reva, N. V. (2001). Affective picture processing: Event-related synchronization within individually defined human theta band is modulated by valence dimension. *Neuroscience Letters*, 303(2), 115–118. [https://doi.org/10.1016/S0304-3940\(01\)01703-7](https://doi.org/10.1016/S0304-3940(01)01703-7)

- Araujo, H. F., Kaplan, J., & Damasio, A. (2013). Cortical Midline Structures and Autobiographical-Self Processes: An Activation-Likelihood Estimation Meta-Analysis. *Frontiers in Human Neuroscience*, 7. <https://doi.org/10.3389/fnhum.2013.00548>
- Asada, H., Fukuda, Y., Tsunoda, S., Yamaguchi, M., & Tonoike, M. (1999). Frontal midline theta rhythms reflect alternative activation of prefrontal cortex and anterior cingulate cortex in humans. *Neuroscience Letters*, 274(1), 29–32. [https://doi.org/10.1016/S0304-3940\(99\)00679-5](https://doi.org/10.1016/S0304-3940(99)00679-5)
- Bastiaansen, M. C. M., Van Berkum, J. J. A., & Hagoort, P. (2002). Event-related theta power increases in the human EEG during online sentence processing. *Neuroscience Letters*, 323(1), 13–16. [https://doi.org/10.1016/S0304-3940\(01\)02535-6](https://doi.org/10.1016/S0304-3940(01)02535-6)
- Bastiaansen, M., & Hagoort, P. (2006). Oscillatory neuronal dynamics during language comprehension. In *Progress in Brain Research* (Vol. 159, pp. 179–196). Elsevier. [https://doi.org/10.1016/S0079-6123\(06\)59012-0](https://doi.org/10.1016/S0079-6123(06)59012-0)
- Beer, J. S., Lombardo, M. V., & Bhanji, J. P. (2010). Roles of Medial Prefrontal Cortex and Orbitofrontal Cortex in Self-evaluation. *Journal of Cognitive Neuroscience*, 22(9), 9. <https://doi.org/10.1162/jocn.2009.21359>
- Benedek, M., Schickel, R. J., Jauk, E., Fink, A., & Neubauer, A. C. (2014). Alpha power increases in right parietal cortex reflects focused internal attention. *Neuropsychologia*, 56, 393–400. <https://doi.org/10.1016/j.neuropsychologia.2014.02.010>
- Cummins, T. D. R., & Finnigan, S. (2007). Theta power is reduced in healthy cognitive aging. *International Journal of Psychophysiology*, 66(1), 10–17. <https://doi.org/10.1016/j.ijpsycho.2007.05.008>
- D'Argembeau, A., Ruby, P., Collette, F., Degueldre, C., Baeteau, E., Luxen, A., Maquet, P., & Salmon, E. (2007). Distinct Regions of the Medial Prefrontal Cortex Are Associated with Self-referential Processing and Perspective Taking. *Journal of Cognitive Neuroscience*, 19(6), Article 6. <https://doi.org/10.1162/jocn.2007.19.6.935>
- Damoiseaux, J. S., Rombouts, S. A. R. B., Barkhof, F., Scheltens, P., Stam, C. J., Smith, S. M., & Beckmann, C. F. (2006). Consistent resting-state networks across healthy subjects. *Proceedings of the National Academy of Sciences*, 103(37), 13848–13853. <https://doi.org/10.1073/pnas.0601417103>
- Doppelmayr, M., Finkenzeller, T., & Sauseng, P. (2008). Frontal midline theta in the pre-shot phase of rifle shooting: Differences between experts and novices. *Neuropsychologia*, 46(5), 1463–1467. <https://doi.org/10.1016/j.neuropsychologia.2007.12.026>
- Doppelmayr, M., Klimesch, W., Stadler, W., Pöllhuber, D., & Heine, C. (2002). EEG alpha power and intelligence. *Intelligence*, 30(3), 289–302. [https://doi.org/10.1016/S0160-2896\(01\)00101-5](https://doi.org/10.1016/S0160-2896(01)00101-5)
- Fossati, P., Hevenor, S. J., Lepage, M., Graham, S. J., Grady, C., Keightley, M. L., Craik, F., & Mayberg, H. (2004). Distributed self in episodic memory: Neural correlates of successful retrieval of self-encoded positive and negative personality traits. *NeuroImage*, 22(4), 1596–1604. <https://doi.org/10.1016/j.neuroimage.2004.03.034>
- Fox, M. D., Snyder, A. Z., Vincent, J. L., Corbetta, M., Van Essen, D. C., & Raichle, M. E. (2005). The human brain is intrinsically organized into dynamic, anticorrelated functional networks. *Proceedings of the National Academy of Sciences*, 102(27), 9673–9678. <https://doi.org/10.1073/pnas.0504136102>
- Fransson, P. (2005). Spontaneous low-frequency BOLD signal fluctuations: An fMRI investigation of the resting-state default mode of brain function hypothesis. *Human Brain Mapping*, 26(1), 15–29. <https://doi.org/10.1002/hbm.20113>
- Hu, C., Di, X., Eickhoff, S. B., Zhang, M., Peng, K., Guo, H., & Sui, J. (2016). Distinct and common aspects of physical and psychological self-representation in the brain: A meta-analysis of self-bias in facial and self-referential judgements. *Neuroscience & Biobehavioral Reviews*, 61, 197–207. <https://doi.org/10.1016/j.neubiorev.2015.12.003>

- Imperatori, C., Farina, B., Adenzato, M., Valenti, E. M., Murgia, C., Marca, G. D., Brunetti, R., Fontana, E., & Ardito, R. B. (2019). Default mode network alterations in individuals with high-trait-anxiety: An EEG functional connectivity study. *Journal of Affective Disorders*, 246, 611–618. <https://doi.org/10.1016/j.jad.2018.12.071>
- Jenkins, A. C., & Mitchell, J. P. (2011). Medial prefrontal cortex subserves diverse forms of self-reflection. *Social Neuroscience*, 6(3), 211–218. <https://doi.org/10.1080/17470919.2010.507948>
- Kim, K., & Johnson, M. K. (2015). Activity in ventromedial prefrontal cortex during self-related processing: Positive subjective value or personal significance? *Social Cognitive and Affective Neuroscience*, 10(4), 4. <https://doi.org/10.1093/scan/nsu078>
- Kircher, T. T. J., Brammer, M., Bullmore, E., Simmons, A., Bartels, M., & David, A. S. (2002). The neural correlates of intentional and incidental self processing. *Neuropsychologia*, 40(6), 6. [https://doi.org/10.1016/S0028-3932\(01\)00138-5](https://doi.org/10.1016/S0028-3932(01)00138-5)
- Klimesch, W. (1999). EEG alpha and theta oscillations reflect cognitive and memory performance: A review and analysis. *Brain Research Reviews*, 29(2–3), 169–195. [https://doi.org/10.1016/S0165-0173\(98\)00056-3](https://doi.org/10.1016/S0165-0173(98)00056-3)
- Klimesch, W. (2012). Alpha-band oscillations, attention, and controlled access to stored information. *Trends in Cognitive Sciences*, 16(12), 606–617. <https://doi.org/10.1016/j.tics.2012.10.007>
- Knyazev, G. G. (2013). EEG Correlates of Self-Referential Processing. *Frontiers in Human Neuroscience*, 7. <https://doi.org/10.3389/fnhum.2013.00264>
- Kuiken, D., & Mathews, J. (1986). EEG and Facial EMG Changes during Self-Reflection with Affective Imagery. *Imagination, Cognition and Personality*, 6(1), 55–66. <https://doi.org/10.2190/933R-0QV9-KH9Y-MQ4N>
- Michels, L., Lüchinger, R., Koenig, T., Martin, E., & Brandeis, D. (2012). Developmental Changes of BOLD Signal Correlations with Global Human EEG Power and Synchronization during Working Memory. *PLoS ONE*, 7(7), e39447. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0039447>
- Morin, A. (2007). Self-Awareness and the Left Hemisphere: The Dark Side of Selectively Reviewing the Literature. *Cortex*, 43(8), 8. [https://doi.org/10.1016/S0010-9452\(08\)70704-4](https://doi.org/10.1016/S0010-9452(08)70704-4)
- Mu, Y., & Han, S. (2010). Neural oscillations involved in self-referential processing. *NeuroImage*, 53(2), Article 2. <https://doi.org/10.1016/j.neuroimage.2010.07.008>
- Ochsner, K. N., Beer, J. S., Robertson, E. R., Cooper, J. C., Gabrieli, J. D. E., Kihlstrom, J. F., & D'Esposito, M. (2005). The neural correlates of direct and reflected self-knowledge. *NeuroImage*, 28(4), 4. <https://doi.org/10.1016/j.neuroimage.2005.06.069>
- Perry, A., Stein, L., & Bentin, S. (2011). Motor and attentional mechanisms involved in social interaction—Evidence from mu and alpha EEG suppression. *NeuroImage*, 58(3), 895–904. <https://doi.org/10.1016/j.neuroimage.2011.06.060>
- Pfeifer, J. H., Masten, C. L., Borofsky, L. A., Dapretto, M., Fuligni, A. J., & Lieberman, M. D. (2009). Neural Correlates of Direct and Reflected Self-Appraisals in Adolescents and Adults: When Social Perspective-Taking Informs Self-Perception. *Child Development*, 80(4), 1016–1038. <https://doi.org/10.1111/j.1467-8624.2009.01314.x>
- Polikanova, I. S., & Leonov, S. V. (2016). Psychophysiological and molecular genetic correlates of fatigue. *Journal of Modern Foreign Psychology*, 5(4), 24–35. <https://doi.org/10.17759/jmfp.2016050403>
- Ray, W. J., & Cole, H. W. (1985). EEG Alpha Activity Reflects Attentional Demands, and Beta Activity Reflects Emotional and Cognitive Processes. *Science*, 228(4700), 750–752. <https://doi.org/10.1126/science.3992243>
- Salvador, C. E., Kraus, B. T., Ackerman, J. M., Gelfand, M. J., & Kitayama, S. (2020). Interdependent self-construal predicts reduced sensitivity to norms under pathogen threat: An electrocortical investigation. *Biological Psychology*, 157, 107970. <https://doi.org/10.1016/j.biopsycho.2020.107970>

- Saviola, F., Pappaianni, E., Monti, A., Grecucci, A., Jovicich, J., & De Pisapia, N. (2020). Trait and state anxiety are mapped differently in the human brain. *Scientific Reports*, 10(1), 11112. <https://doi.org/10.1038/s41598-020-68008-z>
- Sebastian, C., Burnett, S., & Blakemore, S.-J. (2008). Development of the self-concept during adolescence. *Trends in Cognitive Sciences*, 12(11), 441–446. <https://doi.org/10.1016/j.tics.2008.07.008>
- Shi, Z., Zhou, A., Liu, P., Zhang, P., & Han, W. (2011a). An EEG study on the effect of self-relevant possessive pronoun: Self-referential content and first-person perspective. *Neuroscience Letters*, 494(2), 2. <https://doi.org/10.1016/j.neulet.2011.03.007>
- Sizikova, T. (2019). Polymodality of reflection: triangular relations between modalities. *Book of Abstracts: XVI European Congress of Psychology (ECP 2019) (2–5 July, 2019, Lomonosov Moscow State University, Moscow)*. Moscow University Press.
- Sizikova, T., Durachenko, O. (2020) "Curve mirror" and the authenticity of reflection: the third row of a triangular network of modalities. *European Science Review*, 5-6, 49–60.
- Sizikova, T., Durachenko, O. (2020). Polymodality of reflection: triangular relations between modalities. *European Science Review*, 5-6, 40–48.
- Somerville, L. H., Jones, R. M., Ruberry, E. J., Dyke, J. P., Glover, G., & Casey, B. J. (2013). The Medial Prefrontal Cortex and the Emergence of Self-Conscious Emotion in Adolescence. *Psychological Science*, 24(8), 1554–1562. <https://doi.org/10.1177/0956797613475633>
- Spreng, R. N., & Grady, C. L. (2010). Patterns of Brain Activity Supporting Autobiographical Memory, Propection, and Theory of Mind, and Their Relationship to the Default Mode Network. *Journal of Cognitive Neuroscience*, 22(6), 1112–1123. <https://doi.org/10.1162/jocn.2009.21282>
- Thatcher, R. W., North, D. M., & Biver, C. J. (2008). Intelligence and EEG phase reset: A two compartmental model of phase shift and lock. *NeuroImage*, 42(4), 1639–1653. <https://doi.org/10.1016/j.neuroimage.2008.06.009>
- Tracy, A., Jopling, E., & LeMoult, J. (2021). The effect of self-referential processing on anxiety in response to naturalistic and laboratory stressors. *Cognition and Emotion*, 35(7), 1320–1333. <https://doi.org/10.1080/02699931.2021.1951675>
- Wang, C., Wang, Y., Lau, W. K. W., Wei, X., Feng, X., Zhang, C., Liu, Y., Huang, R., & Zhang, R. (2021). Anomalous static and dynamic functional connectivity of amygdala subregions in individuals with high trait anxiety. *Depression and Anxiety*, 38(8), 860–873. <https://doi.org/10.1002/da.23195>
- Xu, J., Van Dam, N. T., Feng, C., Luo, Y., Ai, H., Gu, R., & Xu, P. (2019). Anxious brain networks: A coordinate-based activation likelihood estimation meta-analysis of resting-state functional connectivity studies in anxiety. *Neuroscience & Biobehavioral Reviews*, 96, 21–30. <https://doi.org/10.1016/j.neubiorev.2018.11.005>

Поступила в редакцию: 22.05.2024

Поступила после рецензирования: 12.08.2024

Принята к публикации: 19.08.2024

Заявленный вклад авторов

Татьяна Эдуардовна Сизикова – методология исследования, рецензирование и редактирование статьи, окончательное утверждение версии для публикации.

Сергей Владимирович Леонов – методология исследования, окончательное утверждение версии для публикации.

Ирина Сергеевна Поликанова – анализ литературы, подготовка первичной версии статьи, рецензирование и редактирование статьи, окончательное утверждение версии для публикации.

Информация об авторах

Татьяна Эдуардовна Сизикова – кандидат психологических наук, доцент, кафедра коррекционной психологии и педагогики, Институт детства, ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный педагогический университет», г. Новосибирск, Российская Федерация; WoS Researcher ID: KLY-9003-2024, Scopus ID: 55793802500, РИНЦ AuthorID: 435125; SPIN-код РИНЦ: 3182-8166; ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-7889-2043>; e-mail: tat@ccru.ru

Сергей Владимирович Леонов – кандидат психологических наук, старший научный сотрудник, лаборатория психологии детства и цифровой социализации, ФГБНУ «Федеральный научный центр психологических и междисциплинарных исследований», г. Москва, Российская Федерация; WoS Researcher ID: I-8368-2012; Scopus Author ID 58342582700; РИНЦ AuthorID: 241123; SPIN-код РИНЦ: 2840-1360; ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-8883-9649>; e-mail: svleonov@gmail.com

Ирина Сергеевна Поликанова – кандидат психологических наук, руководитель Лаборатории конвергентных исследований когнитивных процессов ФНЦ ПМИ, г. Москва, Российская Федерация; Web of Science ResearcherID I-8857-2012; Scopus Author ID: 88572012; РИНЦ AuthorID: 786645; SPIN-код РИНЦ: 5818-5573; ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-5323-3487>; e-mail: irinapolikanova@mail.ru

Информация о конфликте интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Интересность текста: подходы к изучению и методы оценки в психолого-педагогических исследованиях

Юлия А. Тюменева¹ , Екатерина С. Кащенко^{2*} , Мария Ю. Лебедева³

^{1,2} Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Российская Федерация

³ Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина, Москва, Российская Федерация

* Почта ответственного автора: eskaschenko@hse.ru

Аннотация

Введение. Интересность текста часто рассматривается как самостоятельный мотивационный фактор в обучении, что делает его популярным объектом внимания в психолого-педагогических исследованиях. Цель данного обзора – структурирование информации по методологии оценки интересности текста, выявление ограничений и пересечений разных методов. **Теоретическое обоснование.** Существующие исследования интересности текста исходят в основном из лингвистического подхода, оценочной теории интереса и теории индивидуального интереса. Анализ литературы методом обоснованной теории позволил выделить три существующих в исследованиях подхода к интересности: (1) интересность, основанная на характеристиках текста, (2) интересность, основанная на характеристиках читателя, и (3) интересность как воспринимаемая читателем характеристика текста. Результаты анализа методов оценки интересности показали, что каждый подход отдаёт предпочтение своим специфическим методам. В подходе к интересности на основе характеристик текста описаны наиболее объективные, лингвистические (формальные и дискурсивно-содержательные методы) оценки. В подходе к интересности на основе характеристик читателя распространены тесты проверки знаний и самоотчётная оценка индивидуальных и предметных интересов. В подходе к интересности как к воспринимаемой читателем характеристике текста используются в основном методы субъективного

шкалирования и рейтинги. **Обсуждение результатов.** Каждый из подходов имеет преимущества и недостатки, а их методы, хоть и отличаются, но иногда связаны между собой. Разрастается число конструкторов, связанных с интересностью. Не столько разные методы, сколько пролиферация синонимичных конструкторов может затруднять интеграцию результатов исследований интересности текста.

Ключевые слова

интересность текста, оценка интереса, характеристики читателя, характеристики текста, воспринимаемая интересность

Финансирование

Работа выполнена при финансовой поддержке госзадания, проект FZNM-2024-0003 «Комплексное изучение когнитивно-эмоциональных и лингвистических факторов коммуникативной деятельности человека в современном образовательном контексте»

Для цитирования

Тюменева, Ю. А., Кащенко, Е. С., Лебедева, М. Ю. (2024). Интересность текста: подходы к изучению и методы оценки в психолого-педагогических исследованиях. *Российский психологический журнал*, 21(3), 190-210, <https://doi.org/10.21702/rpj.2024.3.11>

Введение

Интересность текста как любого другого стимула или объекта – это способность этого стимула притягивать или удерживать чье-либо внимание. Под интересностью учебного текста обычно подразумевается его способность удерживать внимание учащегося, мотивировать продолжать чтение, и возможно, продолжить чтение текстов по схожей теме. Изучение вопроса интересности текста в литературе по психологии обучения имеет довольно давнюю историю (Asher, Hymel & Wigfield, 1978; Asher, 1980; Hidi, Baird & Hildyard, 1982; Hidi & Baird, 1986; Renninger, 1989; Alexander & Jetton, 1996). Однако, существует не так много обзорных работ по проблематике интересности текста, и они, к сожалению, не способны помочь сориентироваться в существующих методах оценки интересности, их взаимосвязи и ограничениях. Так, относительно недавний обзор (Su, 2020) обобщает эмпирические данные об эффектах интереса и других мотивационных конструкторов в отношении результатов обучения, но не даёт аналитики по методологии исследований. Сфокусированный на ситуационном интересе обзор Schraw & Lehman (2001) также не даёт представлений о методах оценки интересности текста. Ещё одна обзорная

работа, подготовленная Schriver (1989), посвящена оценке качества текста в целом. Хотя этот обзор включает множество полезных сведений относительно подходов к оценке текста, все же автор рассматривает их преимущественно в контексте более широкой проблематики понимания текста в целом.

Цель исследования

Цель данного исследования – систематизировать методологические подходы к изучению интересности текста, их взаимосвязь и ограничения.

Дополнительно уточним, что выражения «интерес к тексту» и «интересность текста» обозначают в данной статье одно и то же явление, хотя и с разных его сторон. В первом случае интерес атрибутируется читателю, во втором – самому тексту. Однако ясно, что невозможно представить интересность текста без интереса к нему со стороны читателя, и, наоборот, интерес к тексту не может существовать, если сам текст не кажется интересным. Поэтому в дальнейшем мы будем использовать оба термина взаимозаменяемо, если не указано иное.

Теоретическое обоснование

Теории интереса

Ранние теории интереса сосредоточены в основном на текстовых характеристиках, вызывающих интерес. Berlyne (1960) одним из первых составил список характеристик, вызывающих интерес: новизна, неожиданность, несоответствие стандартам, сложность, изменчивость и загадочность. Более поздние теории исходили уже из того, что этих характеристик недостаточно для возникновения интереса из-за его внутри-индивидуальной и межиндивидуальной вариативности. Внутри-индивидуальная вариативность интереса указывает: то, что интересно человеку сегодня, может быть неинтересно завтра или в следующем месяце. Межиндивидуальная вариативность интереса указывает, что что-либо, интересное для одного человека, может быть неинтересным для другого (Silvia, 2008). Так, Schraw & Lehman (2001) расширили список детерминант интереса к тексту, различая личностные интересы (т.е. долгосрочные интересы) и ситуативный интерес (т.е. краткосрочный интерес), где последний – это взаимодействие между характеристиками текста, контекстом задачи и знаниями читателя. Хорошим обобщением такого рода «списочных» подходов является лингвистическая теория эмоций Шаховского (Шаховский, 2008). В соответствии с ней языку присуща эмотивность – способность передавать эмоциональные состояния, что как раз и делает текст полноценным средством коммуникации. Эмотивность реализуется специальными речевыми средствами, к которым могут быть отнесены все вышеперечисленные текстовые характеристики.

В соответствии с оценочной теорией интереса (Ellsworth & Scherer, 2003; Silvia, 2008) переживание интереса зависит от нескольких оценок, которые должен

сделать человек в отношении текста (стимула), стоящей задачи (контекста) и себя. Важность стимула, его привлекательность и предсказуемость соотносятся с оценкой способности справиться с задачей и понять текст. Баланс «предсказуемости-сложности» будет определять возникновение интереса: если текст оценивается как новый, но слишком сложный, или слишком предсказуемый и недостаточно сложный, то интерес не возникает.

Теория индивидуального интереса (Hidi & Renninger, 2006; Renninger & Hidi, 2015), сфокусированная больше на развитии интереса, выделяет ситуативный интерес – сравнительно незрелый, основанный на конкретных обстоятельствах, и индивидуальный интерес – более устойчивый, характеризующий личность. Ситуативный интерес ассоциируется с позитивной эмоциональной реакцией, стимулирующей внимание к изучаемому материалу, и потенциально ведет к формированию устойчивого индивидуального интереса (Mitchell, 1993; Schiefele & Rheinberg, 1997). Возможно и обратное, когда существующие индивидуальные интересы будут определять ситуативные. Если интерес к тексту – это разновидность ситуативного интереса, вызванного конкретной ситуацией, а индивидуальный интерес – это сформированная личностная направленность на определенную сферу деятельности, то появляется ещё и категория тематического интереса, т.е. интереса к той теме, по которой написан текст (Hidi & McLaren, 1991; Schiefele, 1996, 1998; Schiefele & Krapp, 1996).

Процедура анализа литературы

Для систематизации существующей литературы, где интересность и интерес так или иначе бы измерялись, мы использовали метод обоснованной теории (Grounded theory) (Страус, Корбин, 2001). Идея метода заключается в том, что теории и гипотезы относительно данных могут выводиться из самих данных, тем самым отражая опыт участников исследования. Метод обоснованной теории широко применяется для исследования социальных явлений, процессов и взаимодействий, когда необходимо изучить неизвестную или недостаточно исследованную область.

Мы применили указанный метод к опубликованной литературе, касающейся оценки интереса к тексту, используя вместо респондентов источники данных в виде публикаций. Этот метод также позволил остановить поиск новых публикаций, после того как подходы к оценке интереса и методы начали повторяться, и мы перестали находить новые.

Анализ публикаций проводился в соответствии с этапами, описанными Страусом и Корбином (Страус, Корбин, 2001; Charmaz, 2006), хотя и с некоторыми изменениями, которые соответствовали нашим задачам. В частности, вместо кодирования частей протоколов ответов каждого респондента и последующей группировки схожих кодов в субкатегории и категории, мы фиксировали подходы исследователей к интересности и методы оценки, и затем объединяли схожие подходы в более крупные компоненты.

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Таким образом, например, выделились группы методов, ориентированные на количественные и качественные текстовые характеристики, связываемые с возникновением интереса к тексту. Эти методы преимущественно использовались в лингвистических исследованиях. Вместо гипотез, на построение которых изначально направлен метод обоснованной теории, мы пытались построить структуру области исследований, следя, чтобы структурные элементы не пересекались, хотя и оставались взаимосвязанными. Параллельно удалось систематизировать и ограничения того или иного подхода и связанных с ним методов. Процесс анализа публикаций продолжался до тех пор, пока каждая категория не была насыщена и перестали появляться данные, требующие новых категорий.

Поисковый запрос

Процесс начался с поискового запроса, который состоял из следующих шагов.

Шаг 1:

По поисковой фразе «(Individual interest OR Text interestingness)» были собраны все публикации, в названиях, аннотациях или ключевых словах которых присутствуют эти фразы. Период поиска публикаций – с 2003 по 2023 год.

Шаг 2:

Затем мы ограничили количество найденных публикаций, связанных с интересом, всеми теми, которые индексируются в базе данных WoS под исследовательскими категориями, связанными с психологией, включая «Psychology», «Psychology Multidisciplinary», «Psychology Experimental», «Psychology Social», «Psychology Applied», «Education», «Education & Educational Research».

Шаг 3:

Поисковые запросы, полученные на этапах 1 и 2, были объединены в один поисковый запрос следующим образом:

TS = «(Individual interest) OR TS = (Text interestingness)». Он был уточнен по следующим категориям Web of Science: (Psychology OR Psychology Multidisciplinary OR Psychology Experimental OR Psychology Social OR Psychology Applied AND Education AND Education & Educational Research).

Шаг 4:

Все собранные данные были проанализированы и построены на основе следующих характеристик: год публикации, основной журнал в данной области, h-индекс, импакт-фактор (IF) и количество цитирований.

В общей сложности нами было проанализировано 83 статьи.

Интересность текста: подходы к оценке

Фактически, интересность текста оценивается в логике теоретических позиций, изложенных нами выше, даже если явных отсылок на ту или иную теорию авторы не

делали. В конечном итоге методология оценки интересности текста и интереса к тексту была структурирована следующим образом.

Во-первых, интересность рассматривается как характеристика самого текста, так что для ее оценки используются формальные количественные текстовые параметры или содержательно-дискурсивные методы, когда текст классифицируется по каким-то параметрам (жанр, тип информации и пр.), которые предположительно способствуют появлению интереса.

Во-вторых, интересность рассматривается как зависящая от характеристик читателя, так что оцениваются индивидуальные предпосылки, от которых (потенциально) зависит возникновение интереса к тексту. То есть, в данном подходе, интересность рассматривается как прямое следствие попадания текста в «правильную» зону читательских знаний и интересов (Renninger, Hidi & Krapp, 1992; Sansone & Thoman, 2005; Draijer, Bronkhorst & Akkerman, 2022).

Наконец, в-третьих, интересность рассматривается как воспринимаемая характеристика текста, и для ее оценки используются субъективные самоотчеты или поведенческие индикаторы. В этом подходе применяются в том числе и динамические методы оценки.

Отметим, что мы не преследуем цели охватить все представленные в литературе методы оценки текста, характеристик читателя и интереса читателя к тексту. Точно также у нас не было цели описать эмпирически установленные детерминанты интереса или последствия его возникновения. Наша задача – структурно представить всю методологию этой области, указав на преимущества и недостатки разных методов, обсуждаемые в литературе.

Оценка текстовых характеристик, связываемых с интересностью текста

Формальные характеристики текста и методы их оценки

В лингвистике и в области обработки естественного языка (natural language processing, NLP) текст рассматривается как независимая от читателя реальность, способствующая возникновению у читателя того или иного впечатления от текста, включая его интересность. За более чем полувековую историю оценки текстов накопилось не только множество «формул интересности» (Hilderman & Hamilton, 1999; McGarry, 2005), но и достаточно вариантов текстовых характеристик, связываемых с интересностью.

Индексы интересности могут как основываться непосредственно на текстовых характеристиках, так и быть производными от других индексов. В первом случае интересность определяется на основе частотности определенных слов, их сочетаний, паттернов и пр. в оцениваемом тексте в сравнении с теми же

параметрами в тематически подобранных корпусах текстов. Во втором случае интересность считается функцией от других текстовых параметров. Например, психолингвистическая теория сложности обработки информации концептуализирует интерес как функцию сложности и понятности (Van der Sluis et al., 2014).

Комплексные модели оценки сейчас дают возможность создавать огромное число индексов, потенциально связанных с интересностью текста: читабельность (Benjamin, 2012; O'Sullivan et al., 2020), связность (Boscolo & Mason, 2003; Boscolo et al., 2011; Xia, Kochmar & Briscoe, 2016), понятность (Baur & Prue, 2014; Friedrich & Heise, 2022), информативность (González-Gallardo et al., 2020), трудность (Fulmer et al., 2015), семантический шум (Lee et al., 2021) и др. Все эти методы формальны в том смысле, что не требуют качественной оценки содержания текста; и они объективны в том смысле, что значение индекса зависит только от текста или корпуса текстов.

Содержательно-дискурсивные характеристики текста и методы их оценки

Подход к интересности со стороны текста помимо объективных рассматривает также содержательные и дискурсивные характеристики. Исторически этот подход можно считать более современным, во многом вытеснившим формальные индексы (Bisiada, 2017).

В подходе, рассматривающем содержательные и дискурсивные характеристики текста, предполагается, что сам тип информации или даже её жанр может определить интересность текста. Например, такие типы информации, как концептуальная (определение феномена и описание его основных характеристик), событийная (описание действий людей), дискуссионная и оценочная (комментарии относительно каких-то явлений) предположительно будут вызывать разный интерес независимо от специфики читателей (Boscolo et al., 2011; Lepper et al., 2022; Mardasari, 2017).

Со стороны исследователей в образовании получили внимание т.н. *притягательные детали* текста (*seductive details*). Это такие части текста, которые не являются важными с точки зрения ключевой идеи текста, но являются более интересными по сравнению с остальным текстом за счет каких-то ярких, нетривиальных моментов. Хотя исследователи много лет экспериментируют с «эффектом притягательных деталей» в отношении запоминания или понимания учебного текста (Hidi, Baird & Hildyard, 1982), эта характеристика до сих пор плохо определена (Sadoski et al., 1995). В разных исследованиях использовались различные приемы для придания тексту большей притягательности, например, через добавление биографических характеристик, обращений к читателю, описания жизненно важных событий (Hidi & Baird, 1988; Wade & Adams, 1990; Garner et al., 1991).

Живость/яркость (*vividness*) описаний в тексте также могут оцениваться как своеобразный аналог интересности (Wade et al., 1993; Wade, Buxton & Kelly, 1999). Яркими считаются сегменты текста, создающие неопределённость, напряжение,

тревожное ожидание (Jose & Brewer, 1984; Iran-Nejad, 1987), интенсифицирующие происходящее (Bergin, 1999; Folling-Albers & Hartinger, 1998; Hidi & Harackiewicz, 2000), удивляющие неожиданным поворотом сюжета, малоизвестными фактами (Hidi, 1990), или содержащие юмористические детали (Dienstbier, 1995).

По большому счету, упомянутые выше параметры могут быть обобщены как эмоциогенные. Лингвистическая теория эмоций (Шаховский, 2008) может служить хорошим средством обобщения указанных характеристик. В соответствии с ней, текст как инструмент коммуникации способен выражать и передавать эмоции, так что интересный текст – это текст, в первую очередь, эмоциональный (Hidi & Baird 1988; Schiefele, 2009; Soemer & Schiefele, 2019). Отсюда, предметом лингвистического анализа становятся и эмоциогенные речевые приемы. Кроме упомянутых выше параметров «привлекательности», к эмоциогенным также относят: контекстуализацию, конкретизацию, диалогичность, манифестацию эмоций, проблематизацию, идентификацию с читателем (например, апелляцию к его опыту) (Пиотровская & Трушелёв, 2020; Piotrovskaya & Trushchelev, 2021; Ионова, 2023).

Содержательно-дискурсивные характеристики оцениваются обычно привлечёнными экспертами. Мы не будем подробно останавливаться на преимуществах и недостатках экспертного метода, отметим только, что он полезен там, где есть необходимость подготовить текст для какой-то специфической группы читателей, например, для инженеров или компьютерщиков, и где другие читательские характеристики можно считать более или менее одинаковыми (подробнее про характеристики читателя ниже).

Помимо экспертной оценки широко используются методы шкалирования (субъективные рейтинги) различных, связанных с интересностью, параметров. Подробнее об этих методах – ниже.

Оценка читательского интереса к тексту

Читатель – активный субъект чтения, который воспринимает и интерпретирует текст, и на качествах читателя фокусируются преимущественно исследования в образовании. Типичный подход к оценке может быть описан так, что читатель имеет какие-то независимые от текста характеристики, которые способствуют желаемым (для обучения) результатам: запоминанию, пониманию, вовлечённости, и в том числе возникновению интереса к учебному тексту. Как показал наш анализ, ни одно исследование интереса к тексту не обходит предварительные знания читателя, его устойчивые индивидуальные интересы и ситуативный тематический интерес. Будет для каждого конкретного читателя текст интересным или нет – функция как минимум трёх этих характеристик.

В сфере внимания исследователей оказываются и другие индивидуальные характеристики читателя: внутренняя и внешняя мотивация, потребность в новых знаниях, установки к тексту и ожидания, определённые когнитивные способности,

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

пол и т.д. Остановимся здесь на трёх из них, наиболее показательных в плане разнообразия методов оценки.

Предварительные знания

Поскольку предварительные знания могут влиять на восприятие текста как интересного, эту характеристику, как правило, оценивают при исследовании интереса. Обычно предварительные знания оцениваются несколькими, предваряющими чтение, вопросами по теме текста. Количество правильных ответов респондентов по теме текста рассматриваются как показатель уровня предварительных знаний. Например, в работе Song (2003) использовались несколько вопросов, предполагающих четыре коротких ответа, касающихся терминов, ключевых для целевого текста. Сходным образом оценка предварительных знаний производилась в исследовании (Boscolo et al., 2011), за исключением того, что кроме знания терминов респондентов спрашивали дополнительно о механизмах возникновения того или иного феномена или его последствиях.

Индивидуальный интерес

Индивидуальный интерес обычно рассматривается как опосредующий фактор в появлении интереса к тексту. Чаще всего индивидуальный интерес оценивается через прямые открытые вопросы, в которых области интересов задаются заранее исследователями, например, интересы, что прямо связаны со школьными предметами (Alexander, Jetton & Kulikowic, 1995; Dawson, 2000; Ainley, Hillman & Hidi, 2002; Häussler & Hoffmann, 2002; Marsh et al., 2005).

Ещё один распространённый метод оценки индивидуального интереса – опросники, подшкалами (размерностями) которых выступают критерии сформированного индивидуального интереса, определённые в теории Хиди и Ренингера (напр., Dahl & Nierenberg, 2021). Среди этих критериев – ценности, связанные с областью индивидуального интереса, достигнутая компетентность. Существует множество опросников индивидуального интереса, разработанных в этом подходе: Опросник индивидуального интереса IIQ («The Individual Interest Questionnaire») (Rotgans, 2015), шкалы ценности задачи и убеждений в компетентности (Eccles et al., 1993), опросник учебного интереса (SIQ) и шкала когнитивной компетентности (Schiefele et al., 1988), части опросника текущей мотивации (QCM) (Vollmeyer, Rollett & Rheinberg, 1998; Vollmeyer & Rheinberg, 2000), шкалы «Аффект и опыт» (Ely, Ainley & Pearce, 2013) и другие (Bathgate, Schunn & Correnti, 2014). Многие из этих шкал были разработаны специально для конкретных областей, например, шкалы интереса к математике, физике, биологии (Marsh et al., 2005).

Более гибкий метод оценить индивидуальный интерес – это использовать открытые вопросы. В самом простом случае участники могут сами указывать на свои интересы, выбирая подходящий вариант из широкого списка. Иногда предлагаются

варианты интересов, связанные со школьными предметами (например, Bathgate, Schunn & Correnti, 2014), а точнее даже специфическими подтемами, вроде «роботов» или «чёрных дыр», что приближает такой метод к оценке тематических интересов (см. также Ainley, Hillman & Hidi, 2002).

Ещё более гибкий подход был реализован в работе Ely и коллег (Ely, Ainley & Pearce, 2013), где респонденты, используя интерактивную программу, выбирали свои области интересов из довольно широкого списка тем (60 различных интересов), не связанных напрямую со школьными предметами, и включающих такие, как фитнес и игровые приставки. Затем респонденты могли добавлять специфические особенности своих интересов с помощью текстовых комментариев и рейтинговых шкал. Шкалы же включали оценки эмоций, ассоциированных с каждой выбранной областью интересов: счастье, надежда, фрустрация, тревожность и так далее. В итоге были построены индивидуальные профили интересов респондентов.

Кроме того были разработаны и поведенческие индикаторы индивидуального интереса (Renninger, 1990, 1992; Тюменева, Обухов & Финогенова, 2020), такие как повторное возвращение к той или иной деятельности, способность заниматься деятельностью без принуждения и контроля или готовность тратить время отдыха или другие ресурсы ради доступа к интересной деятельности.

Тематический интерес

Концептуально тематический интерес определен плохо; он остается скорее рабочим понятием, которое эмпирически показало себя как возможный медиатор между индивидуальным интересом и интересом к тексту. Как считает Bergin (1999), утверждать, что тот или иной фактор является чисто личным или чисто ситуативным бессмысленно, поскольку индивидуальные факторы всегда взаимодействуют с ситуативными, вызывая интерес или отсутствие интереса. Аналогичная точка зрения была представлена рядом других исследователей (Wade et al., 1999; Renninger, 2000).

Тематический интерес оценивается рейтингами тех или иных тем, иногда исключительно тех, о которых пойдет речь в целевом тексте, а иногда нескольких, в числе которых тема целевого текста (Boscolo et al., 2011). Оценка, как правило, производится с помощью шкал Ликерта по типу «Укажите, насколько вы интересуетесь глобализацией?» (Ainley et al., 2002; Carrell & Wise, 1998), либо же предлагается оценить заголовки или общее описание сути текстов, например, «Насколько, вы думаете, текст об хххх будет вам интересен?» (Graham et al., 2008). Другой способ предполагает оценку предварительных знаний респондентов по той или иной теме с учётом того, что тематический интерес должен сопровождаться более глубокими знаниями в соответствующей области, чем в той, где интерес не выражен. Несмотря на то, что этот способ кажется более объективным, его использование затрудняет интерпретацию многих эмпирических данных, поскольку оценки тематического интереса и оценки предварительных знаний часто смешиваются (Bügel & Buunk, 1996; Uher, 2023).

Воспринимаемая интересность текста

Под воспринимаемой интересностью мы понимаем субъективное впечатление от текста, которое возникает у читателя во время или сразу после чтения текста и непосредственно связано с оценкой текста как интересного или нет.

Часто исследователи пытаются выделить из спектра впечатлений какие-то составляющие интереса, рассматривая интерес как некоторое вторичное образование, например, как функцию новизны, живости повествования и определённого уровня сложности текста. При таком подходе исследователи могут каждую такую составляющую рассматривать как автономную «независимую» переменную. Однако границы между всеми воспринимаемыми характеристиками текста, если они вообще существуют, являются проницаемыми, семантически или феноменологически. Так что едва ли можно серьёзно рассматривать автономность таких возникающих впечатлений от текста, как «живость» повествования, «увлекательность» или «интересность».

В любом случае, раз речь идет о субъективных впечатлениях от текста, вполне естественным оказывается применение субъективных методов оценки. Как правило используется рейтинговая шкала для указания уровня интереса, который вызывает текст. Такой рейтинг может производиться как глобальная оценка или по отдельным аспектам интереса (эмоциональный отклик, полезность), которые определяются самими исследователями произвольно или на основе предыдущих работ (Schraw, Flowerday & Reisetter, 1998; Boscolo et al., 2011). Иногда вместо простой рейтинговой шкалы рейтинга используются опросники, например, опросник воспринимаемого интереса (Perceived Interest Questionnaire), включающие утверждения вроде «Эта история мне кажется очень интересной, я бы прочитал её снова, когда появится возможность» (Schraw, 1997) (см. также Abu-Rabia & Salim; 1996).

Одна из проблем, которая часто поднимается в связи с воспринимаемым интересом к тексту – влияние последующего чтения на оценку предшествующего текста. Даже если участников проинструктировать ответить, что они чувствовали в какой-то определённый момент, например, когда только начали читать текст, последующий опыт чтения может повлиять на их суждения. Таким образом, воспринимаемая интересность текста после его прочтения не обязательно указывает на то, что происходит в процессе чтения (Schraw, 1997; Schraw & Lehman, 2001).

Для оценки динамики интереса во время чтения часто прибегают к рейтингам отдельных сегментов текста. Например, в рамках исследования, проведённого Schiefele (1996), студентов просили оценить по пятибалльной шкале активность, эмоциональное состояние и концентрацию внимания в четырёх точках времени во время прочтения текста. Данные шкалы оценок были включены в текст между его частями. Аналогичный подход был использован в онлайн-опроснике мотивации чтения, где проводилась оценка собственного эмоционального отклика на прочитанный текст и намерения продолжить обучение (Boekaerts, 1997).

В попытке сделать оценку интереса во время чтения более непосредственной и не отвлекать респондента текстом с вопросами, иногда прибегают к пиктограммам. Например, во время чтения несколько раз демонстрируется набор пиктограмм с изображением лица, выражающим негативные или позитивные эмоции. Респондентов просят выбрать ту эмоцию, которую вызывал у них прочитанный сегмент текста (Ainley, Hillman & Hidi, 2002). Кроме того, исследователи добавляют поведенческие индикаторы интереса к тексту, например, продолжение чтения при возможности его прервать (см. также Graham et al., 2008).

Вообще, динамическая оценка интереса с опорой на поведенческие индикаторы раскрывает свой потенциал при использовании интерактивных компьютеризированных заданий. В этом случае в режиме реального времени фиксируется последовательность поведенческих реакций, свидетельствующих о вовлечённости студента в работу с текстом. Так, была разработана специальная программа «Между строк» (Between the Lines) (Ainley, Hillman & Hidi, 2002), которая кроме фиксации эмоциональных реакций на прочитанный сегмент текста позволяла студентам выбирать, какой текст читать следующим.

Обсуждение результатов

Анализ публикаций в логике обоснованной теории позволил выявить три подхода к оценке интересности: со стороны текстовых характеристик, со стороны читательских характеристик (интерес к тексту) и со стороны восприятия текста читателем. Первый подход использует преимущественно объективные или экспертные методы оценки; второй – опросники и рейтинговые шкалы; и третий – рейтинговые шкалы и поведенческие индикаторы (табл. 1).

В целом, говоря о методах оценки интересности как характеристике текста, необходимо подчеркнуть их объективность, относительную независимость от оценщика (за исключением метода с привлечением экспертов) и техническую возможность создания сложных индексов. Методы обработки формальных характеристик текста, особенно автоматические, быстры в использовании, могут работать на большом количестве текстов. Они позволяют подбирать модели (индексы) по составу и «весу» каждой характеристики для наилучшего прогноза поведения читателя. Это, кстати, объясняет преимущественное внимание к этим методам со стороны электронной торговли и маркетинга.

К недостаткам методов обработки формальных характеристик текста, да и подхода в целом, относится их сильный фокус на вычислительных стратегиях в ущерб теоретической обоснованности. Это, на наш взгляд, мешает использовать эти методы в обучении и образовании, где сложно найти простые прогностические критерии «интересности», особенно на уровне поведения индивидуального учащегося.

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Методы оценки интереса к тексту – это в основном субъективные самоотчёты и рейтинги. В отличие от объективных методов, они максимально «персонализированы» и теоретически обоснованы, хотя страдают от проблем, типичных для всех опросных методов: не очень высокой надёжности, плохой воспроизводимости, подверженности социальной желательности и пр.

Наконец, методы оценки воспринимаемой интересности текста включают субъективные самоотчёты и наблюдение за поведением. При всех недостатках, свойственных самоотчётам, такой подход позволяет наиболее точно оценить интересность текста как характеристику. В конце концов, самоотчёты о собственных впечатлениях – это наиболее подходящий способ узнать, что респонденты действительно думают и чувствуют.

Наш анализ методологии обнаружил, что диапазон оцениваемых конструктов, связанных с интересностью, с одной стороны очень широк, а с другой во многом дублируется в разных подходах.

Таблица 1

Конструкты, связанные с интересностью и методы их оценки

Конструкты*	Методы					
	Текстовые метрики	Опросники	Субъективные рейтинги	Экспертная оценка	Тесты знаний	Поведенческие**
Интересность	+	+	+			
Читабельность	+					
Эмоциональность	+		+	+		
Индивидуальный интерес		+	+			
Тематический интерес		+	+		+	
Предварительные знания			+		+	
Воспринимаемая интересность			+			+

Примечание. * – список не является полным, ** – не включая глазодвигательные реакции.

Как видно из таблицы 1, одни и те же конструкты могут оцениваться разными методами. В частности, «понятность» как формальная характеристика оценивается, например, с помощью формулы LIX, связывающей количество слов в тексте, количество предложений и количество слов, содержащих более шести букв (Björnsson, 1968, см. также Klare, 1984). Но та же «понятность» оценивается и как воспринимаемая характеристика текста с помощью экспертов или опросником понятности (Friedrich & Heise, 2022).

Более того, валидность многих лингвистических индексов обеспечивается их сопоставлением с оценками со стороны реальных читателей (Benzahra & Yvon, 2019; Gkikas et al., 2022). Для проверки обычно используются прямые вопросы читателям: «Насколько хорошо написана эта статья?», «Как хорошо части текста сочетаются друг с другом?», «Насколько легко было понять текст?», «Насколько интересна эта статья?» и пр. (Crossley, Allen & McNamara, 2011). Без такой проверки использование объективно рассчитанных индексов может вводить в заблуждение, приводя к ухудшению, а не улучшению текстов (Swaney et al., 1981). Иными словами, интерпретация объективных текстовых показателей зависит от того, существует ли одноименная характеристика в семантическом поле читателя и от его возможностей эту характеристику оценить.

Такая зависимость объективных мер интересности от субъективных неизбежна, но, это, по сути, возрождает одну из главных проблем психологии индивидуальных различий – проблему пролиферации психологических конструктов или «jingle-jangle fallacy» – когда идентичным явлениям присваиваются разные названия или изобретаются новые конструкты из описаний поведения (Boag, 2011; Cooper, 2024; Hodson, 2021). Дело в том, что интересность текста можно описать множеством способов, что даёт множество характеристик текста, которые можно оценивать. Действительно, мы видим, что оцениваются (и объективными, и субъективными методами) практически синонимичные характеристики: интересность, увлекательность, живость, лёгкость понимания, вовлечённость, эмоциональность (см., напр., Schraw, Bruning & Svoboda, 1995; Schraw, 2000; Dai & Wang, 2007; Friedrich & Heise, 2022).

Принципиальное решение этой проблемы видится в исключении синонимов из исследуемых конструктов (подход «снизу вверх», предложенный когда-то Раймондом Кэттеллом) и в более осмысленной минимизации изучаемых характеристик текста, когда оцениваются только наиболее специфичные параметры, делающие экспликацию других оценочных значений нерелевантной (Задворная, 2022).

Заключение

Представленный обзор и анализ литературы создают структурированное представление о методологии исследований интересности текста, о конструктах, связанных с «интересностью», а также о пересечениях и ограничениях различных методов оценки. Выделено три подхода к интересности текста: со стороны

характеристик текста, со стороны характеристик читателя, и со стороны восприятия текста читателем. В каждом походе используются преимущественно свои специфические методы, хотя и со значительным их пересечением между собой.

Мы отметили широкий диапазон синонимичных оцениваемых конструкторов, так или иначе связанных с интересностью, что способствует разрастанию и фрагментации этой области исследований. Представляется, что эта проблема заслуживает большего внимания, так как без этого невозможно добиться интеграции новых знаний об интересности текста, как бы мы не совершенствовали методы её оценки.

Литература

- Задворная, Е. Г. (2022, март). Просто интересно: о некоторых аспектах оценки информации. В *Лингвистика, лингводидактика, лингвокультурология: актуальные вопросы и перспективы развития: Материалы VI Международной научно-практической конференции*. Белорусский государственный университет.
- Ионова, С. В. (2023). Эмоциональная доминанта текста: некоторые лингвистические аспекты исследования. *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание*, 22(1), 13–27.
- Пиотровская, Л. А., Трущелёв, П. Н. (2020). Что делает текст интересным? Языковые способы повышения эмоциогенности учебных текстов. *Russian Journal of Linguistics*, 24(4), 991–1016.
- Страус, А., Корбин, Д. (2001). Основы качественного исследования: обоснованная теория. Процедуры и техники. УРСС.
- Тюменева, Ю. А., Обухов, А. С., Финогенова, О. Н. (2020). Разработка и валидизация шкалы поведенческих индикаторов для оценки интереса к математике. *Педагогика и психология образования*, 3, 128–146. <https://doi.org/10.31862/2500-297X-2020-3-128-146>
- Шаховский, В. И. (2008) *Лингвистическая теория эмоций*. Гнозис.
- Abu-Rabia, S. (1996). Druze Minority Students Learning Hebrew in Israel: The Relationship of Attitudes, Cultural Background, and Interest of Material to Reading Comprehension in a Second Language. *Journal of Multilingual and Multicultural Development*, 17(6), 415–426. <https://doi.org/10.1080/01434639608666293>
- Ainley, M., Hillman, K., & Hidi, S. (2002). Gender and interest processes in response to literary texts: Situational and individual interest. *Learning and Instruction*, 12(4), 411–428. [https://doi.org/10.1016/S0959-4752\(01\)00008-1](https://doi.org/10.1016/S0959-4752(01)00008-1)
- Alexander, P. A., & Jetton, T. L. (1996). The Role of Importance and Interest in the Processing of Text. *Educational Psychology Review*, 8(1), 89–121.
- Alexander, P. A., Jetton, T. L., & Kulikowich, J. M. (1995). Interrelationship of knowledge, interest, and recall: Assessing a model of domain learning. *Journal of Educational Psychology*, 87(4), 559–575. <https://doi.org/10.1037/0022-0663.87.4.559>
- Asher, S. R. (1980). Topic interest and children's reading comprehension. In R. Spiro, B. Bruce, & W. Brewer (Eds.), *Theoretical issues in reading comprehension* (pp. 525–534). Erlbaum.
- Asher, S. R., Hymel, S., & Wigfield, A. (1978). Influence of topic interest on children's reading comprehension. *Journal of Reading Behavior*, 10, 3–47.
- Bathgate, M. E., Schunn, C.D., & Correnti, R. (2014). Children's motivation toward science across contexts, manner of interaction, and topic. *Science Education*, 98(2), 189–215. <https://doi.org/10.1002/sce.21095>

- Baur, C., & Prue, C. (2014). The CDC Clear Communication Index is a new evidence-based tool to prepare and review health information. *Health Promotion Practice, 15*(5), 629–637. <https://doi.org/10.1177/1524839914538969>
- Benjamin, R. G. (2012). Reconstructing readability: Recent developments and recommendations in the analysis of text difficulty. *Educational Psychology Review, 24*, 63–88.
- Benzahra, M., & Yvon, F. (2019, August). Measuring text readability with machine comprehension: a pilot study. In *Workshop on Building Educational Applications Using NLP* (pp. 412–422). <https://doi.org/10.18653/v1/W19-4443>
- Bergin, D. A. (1999). Influences on classroom interest. *Educational Psychologist, 34*(2), 87–98. https://doi.org/10.1207/s15326985ep3402_2
- Berlyne, D. E. (1960). *Conflict, arousal, and curiosity*. McGraw-Hill Book Company. <https://doi.org/10.1037/11164-000>
- Bisiada, M. (2017). Review of the book *Readability: Text and Context*, by Alan Bailin and Ann Grafstein. *Style, 51*(2), 257–263. <https://doi.org/10.1353/sty.2017.0019>
- Björnsson, C. H. (1968). *Läsbarhet. Liber*.
- Boag, S. (2011). Explanation in personality psychology: “Verbal magic” and the five-factor model. *Philosophical Psychology, 24*(2), 223–243. <https://doi.org/10.1080/09515089.2010.548319>
- Boekaerts, M. (1997). Self-regulated learning: A new concept embraced by researchers, policy makers, educators, teachers, and students. *Learning and Instruction, 7*(2), 161–186. [https://doi.org/10.1016/S0959-4752\(96\)00015-1](https://doi.org/10.1016/S0959-4752(96)00015-1)
- Boscolo, P., & Mason, L. (2003) Topic Knowledge, Text Coherence, and Interest: How They Interact in Learning from Instructional Texts. *The Journal of Experimental Education, 71*(2), 126–148. <https://doi.org/10.1080/00220970309602060>
- Boscolo, P., Ariasi, N., Del Favero, L., & Ballarin, C. (2011). Interest in an expository text: How does it flow from reading to writing? *Learning and Instruction, 21*(3), 467–480. <https://doi.org/10.1016/j.learninstruc.2010.07.009>
- Bügel, K., & Buunk, A. (1996). Sex differences in foreign language text comprehension: The role of interests and prior knowledge. *Modern Language Journal, 80*(1), 15–31.
- Carrell, P. L., & Wise, T. E. (1998). The relationship between prior knowledge and topic interest in second language reading. *Studies in second language acquisition, 20*(3), 285–309. <https://doi.org/10.1017/S0272263198003015>
- Charmaz, K. (2006). *Constructing grounded theory: A practical guide through qualitative analysis*. Sage Publications.
- Cooper, C. (2024). What is wrong with individual differences research? *Personality and Individual Differences, 221*, 112550. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2024.112550>
- Crossley, S. A., Allen, D. B., & McNamara, D. S. (2011). Text readability and intuitive simplification: A comparison of readability formulas. *Reading in a Foreign Language, 23*(1), 84–101.
- Dahl, T. I., & Nierenberg, E. (2021). Here’s the TRIQ: The Tromsø Interest Development Questionnaire based on the four-phase model of interest development. *Frontiers in Education, 6*(402), 1–17. <https://doi.org/10.3389/educ.2021.716543>
- Dai, D. Y., & Wang, X. (2007). The role of need for cognition and reader beliefs in text comprehension and interest development. *Contemporary Educational Psychology, 32*(3), 332–347. <https://doi.org/10.1016/J.CEDPSYCH.2006.05.002>
- Dawson, C. (2000). Upper primary boys’ and girls’ interests in science: have they changed since 1980? *International Journal of Science Education, 22*(6), 557–570. <https://doi.org/10.1080/095006900289660>
- Dienstbier, R. A. (1995). The impact of humor on energy, tension, task choices, and attributions: Exploring hypotheses from toughness theory. *Faculty Publications, Department of Psychology, 111*.

- Draijer, J., Bronkhorst, L., & Akkerman, S. (2022). Manifestations of non-interest: Exploring the situated nature of students' interest. *International Journal of Educational Research*, 113, 101971. <https://doi.org/10.1016/j.ijer.2022.101971>
- Eccles, J. S., Midgley, C., Wigfield, A., Buchanan, C. M., Reuman, D., Flanagan, C., & Mac Iver, D. (1993). Development during adolescence: The impact of stage-environment fit on young adolescents' experiences in schools and in families. *American Psychologist*, 48(2), 90–101. <https://doi.org/10.1037/0003-066X.48.2.90>
- Ellsworth, P.C., & Scherer, K.R. (2003). Appraisal processes in emotion. In R.J. Davidson, K.R. Scherer, & H.H. Goldsmith (Eds.), *Handbook of affective sciences* (pp. 572–595). Oxford University Press.
- Ely, R., Ainley, M., & Pearce, J. (2013). More than enjoyment: Identifying the positive affect component of interest that supports student engagement and achievement. *Middle Grades Research Journal*, 8(1), 13–32.
- Folling-Albers, M., & Hartinger, A. (1998). *Interest in boys and girls in elementary school. Interest and Learning*. Kiel, Germany: Institute for Science Education (pp. 175-183)
- Friedrich, M. C., & Heise, E. (2022). *The Influence of Comprehensibility on Interest and Comprehension*. Zeitschrift für Pädagogische Psychologie. <https://doi.org/10.1024/1010-0652/a000349>
- Fulmer, S. M., D'Mello, S. K., Strain, A., & Graesser, A. C. (2015). Interest-based text preference moderates the effect of text difficulty on engagement and learning. *Contemporary Educational Psychology*, 41, 98–110. <https://doi.org/10.1016/j.cedpsych.2014.12.005>
- Garner, R., Alexander, P. A., Gillingham, M. G., Kulikowich, J. M., & Brown, R. (1991). Interest and learning from text. *American Educational Research Journal*, 28(3), 643–659. <https://doi.org/10.2307/1163152>
- Gkikas, D. C., Tzafilkou, K., Theodoridis, P. K., Garmpis, A., & Gkikas, M. C. (2022). How do text characteristics impact user engagement in social media posts: Modeling content readability, length, and hashtags number in Facebook. *International Journal of Information Management Data Insights*, 2(1), 100067. <https://doi.org/10.1016/j.ijime.2022.100067>
- González-Gallardo, C. E., SanJuan, E., & Torres-Moreno, J. M. (2020). Extending Text Informativeness Measures to Passage Interestingness Evaluation (Language Model vs. Word Embedding). <https://doi.org/10.48550/arXiv.2004.06747>
- Graham, J., Tisher, R., Ainley, M., & Kennedy, G. (2008). Staying with the text: The contribution of gender, achievement orientations, and interest to students' performance on a literacy task. *Educational Psychology*, 28(7), 757–776.
- Häussler, P., & Hoffmann, L. (2002). An intervention study to enhance girls' interest, self-concept, and achievement in physics classes. *Journal of Research in Science Teaching*, 39(9), 870–888. <https://doi.org/10.1002/tea.10048>
- Hidi, S. (1990). Interest and its contribution as a mental resource for learning. *Review of Educational Research*, 60(4), 549–571.
- Hidi, S. E., & McLaren, J. A. (1991). Motivational factors and writing: The role of topic interestingness. *European Journal of Psychology of Education*, 6, 187–197.
- Hidi, S., & Baird, W. (1986). Interestingness — A neglected variable in discourse processing. *Cognitive Science*, 10(2), 179–194.
- Hidi, S., & Baird, W. (1988). Strategies for increasing text-based interest and students' recall of expository texts. *Reading Research Quarterly*, 465–483. <https://doi.org/10.2307/747644>
- Hidi, S., & Harackiewicz, J. M. (2000). Motivating the academically unmotivated: A critical issue for the 21st century. *Review of Educational Research*, 70(2), 151–179.
- Hidi, S., & Renninger, K. A. (2006). The four-phase model of interest development. *Educational Psychologist*, 41(2), 111–127.

- Hidi, S., Baird, W., & Hildyard, A. (1982). That's important but is it interesting? Two factors in text processing. In *Advances in psychology*. (Vol. 8, pp. 63–75). North-Holland. [https://doi.org/10.1016/S0166-4115\(08\)62681-3](https://doi.org/10.1016/S0166-4115(08)62681-3)
- Hilderman, R. J., & Hamilton, H. J. (1999). Heuristic measures of interestingness. In *Principles of Data Mining and Knowledge Discovery: Third European Conference, PKDD'99* (pp. 232–241). Springer Berlin Heidelberg.
- Hodson, G. (2021). Construct jangle or construct mangle? Thinking straight about (nonredundant) psychological constructs. *Journal of Theoretical Social Psychology*, 5(4), 576–590.
- Iran-Nejad, A. (1987). Cognitive and affective causes of interest and liking. *Journal of Educational Psychology*, 79(2), 120–130. <https://doi.org/10.1037/0022-0663.79.2.120>
- Jose, P. E., & Brewer, W. F. (1984). Development of story liking: Character identification, suspense, and outcome resolution. *Developmental Psychology*, 20(5), 911–924.
- Klare, G. R. (1984). Readability. In P. D. Pearson (Ed.), *Handbook of reading research* (pp. 681–744). Longman.
- Lee, B.W., Jang, Y., & Lee, J.H. (2021). Pushing on Text Readability Assessment: A Transformer Meets Handcrafted Linguistic Features. *Conference on Empirical Methods in Natural Language Processing*. <https://doi.org/10.18653/v1/2021.emnlp-main.834>
- Lepper, C., Stang, J., & McElvany, N. (2022). Gender differences in text-based interest: Text characteristics as underlying variables. *Reading Research Quarterly*, 57(2), 537–554. <https://doi.org/10.1002/rrq.420>
- Mardasari, D. (2017). Reading Interest, Text types and reading Comprehension of English Education Study Program Students of FKIP Sriwijaya University. *The Journal of English Literacy Education: The Teaching and Learning of English as a Foreign Language*, 4(1), 44–58.
- Marsh, H. W., Trautwein, U., Lüdtke, O., Köller, O., & Baumert, J. (2005). Academic self-concept, interest, grades, and standardized test scores: Reciprocal effects models of causal ordering. *Child Development*, 76(2), 397–416. <https://doi.org/10.1111/j.1467-8624.2005.00853.x>
- McGarry, K. (2005). A survey of interestingness measures for knowledge discovery. *The knowledge engineering review*, 20(1), 39–61.
- Mitchell, M. (1993). Situational interest: Its multifaceted structure in the secondary school mathematics classroom. *Journal of Educational Psychology*, 85(3), 424.
- O'Sullivan, L., Sukumar, P., Crowley, R., McAuliffe, E., & Doran, P. (2020). Readability and understandability of clinical research patient information leaflets and consent forms in Ireland and the UK: a retrospective quantitative analysis. *BMJ open*, 10(9), e037994.
- Piotrovskaya, L., & Trushchelev, P. (2021). Linguistic Approach to Study of Strategies for Increasing Text-Based Interest. *European Proceedings of Social and Behavioural Sciences*.
- Renninger, K. A. (1989). Interests and noninterests as context in reading. In *annual meeting of the American Educational Research Association*, San Francisco.
- Renninger, K. A. (1990). Children's play interests, representation, and activity. In Fivush, R., & Hudson, J. (eds.), *Knowing and Remembering in Young Children, Memory Cognition*.
- Renninger, K. A. (1992). Individual interest and development: Implications for theory and practice. In K. A. Renninger, S. Hidi, & A. Krapp (Eds.), *The role of interest in learning and development* (pp. 361–395). Lawrence Erlbaum Associates, Inc.
- Renninger, K. A. (2000). Individual interest and its implications for understanding intrinsic motivation. In C. Sansone & J. M. Harackiewicz (Eds.), *Intrinsic and extrinsic motivation: The search for optimal motivation and performance* (pp. 373–404). Academic Press. <https://doi.org/10.1016/B978-012619070-0/50035-0>
- Renninger, K. A., & Hidi, S. (2017). *The Power of Interest for Motivation and Engagement*. Routledge. <https://doi.org/10.4324/9781315771045>

- Rotgans, J. I. (2015). Validation study of a general subject-matter interest measure: The Individual Interest Questionnaire (IIQ). *Health Professions Education, 1*(1), 67–75.
- Sadoski, M., Goetz, E. T., & Avila, E. (1995). Concreteness effects in text recall: Dual coding or context availability. *Reading Research Quarterly, 30*(2), 278–288. <https://doi.org/10.2307/748038>
- Sansone, C., & Thoman, D. B. (2005). Interest as the missing motivator in self-regulation. *European Psychologist, 10*(3), 175–186. <https://doi.org/10.1027/1016-9040.10.3.175>
- Schiefele U. (1998). Individual interest and learning, what we know and what we don't know. In Hoffman L., Krapp A., Renninger K. A., Baumert J. (Eds.) *Interest and learning: Proceedings of the Secon Conference on Interest and Gender* (pp. 91–104). Kiel, Germany: IPN.
- Schiefele, U. (1996). Topic interest, text representation, and quality of experience. *Contemporary Educational Psychology, 21*(1), 3–18.
- Schiefele, U., & Krapp, A. (1996). Topic interest and free recall of expository text. *Learning and Individual Differences, 8*(2), 141–160.
- Schiefele, U., & Rheinberg, F. (1997). Motivation and knowledge acquisition: Searching for mediating processes. In M. L. Maehr & P. R. Pintrich (Eds.), *Advances in motivation and achievement* (Vol. 10, pp. 251–301). Greenwich, CT: JAI Press.
- Schraw, G. (1997). Situational interest in literary text. *Contemporary Educational Psychology, 22*(4), 436–456. <https://doi.org/10.1006/ceps.1997.0944>
- Schraw, G. (2000). Reader beliefs and meaning construction in narrative text. *Journal of Educational Psychology, 92*(1), 96. <https://doi.org/10.1037/0022-0663.92.1.96>
- Schraw, G., & Lehman, S. (2001). Situational interest: A review of the literature and directions for future research. *Educational Psychology Review, 13*, 23–52. <https://doi.org/10.1023/A:1009004801455>
- Schraw, G., Bruning, R., & Svoboda, C. (1995). Sources of situational interest. *Journal of Reading Behavior, 27*(1), 1–17.
- Schraw, G., Flowerday, T., & Reisetter, M. F. (1998). The role of choice in reader engagement. *Journal of Educational Psychology, 90*(4), 705. <https://doi.org/10.1037/0022-0663.90.4.705>
- Schrivier, K. A. (1989). Evaluating text quality: The continuum from text-focused to reader-focused methods. *IEEE Transactions on Professional Communication, 32*(4), 238–255.
- Silvia, P. J. (2008). Interest — The curious emotion. *Current Directions in Psychological Science, 17*(1), 57–60.
- Soemer, A., & Schiefele, U. (2019). Text difficulty, topic interest, and mind wandering during reading. *Learning and Instruction, 61*, 12–22. <https://doi.org/10.1016/j.learninstruc.2018.12.006>
- Song, S. H. (2003). *The effect of interesting text on the reading comprehension of Korean college EFL students: a comparison of seductive details and interesting elaborations*. Doctoral dissertation. Austin.
- Su, R. (2020). The three faces of interests: An integrative review of interest research in vocational, organizational, and educational psychology. *Journal of Vocational Behavior, 116*, 103240.
- Swaney, J. H., Janik, C. J., Bond, S. J., & Hayes, J. R. (1981). *Editing for comprehension: Improving the process through reading protocols* (DDC Tech. Rep. No. 14). Pittsburgh, PA: Carnegie Mellon University, Communications Design Center.
- Uher, J. (2023). What's wrong with rating scales? Psychology's replication and confidence crisis cannot be solved without transparency in data generation. *Social and Personality Psychology Compass, 17*(5), e12740. <https://doi.org/10.1111/spc3.12740>
- Van der Sluis, F., Van den Broek, E. L., Glassey, R. J., van Dijk, E. M., & de Jong, F. M. (2014). When complexity becomes interesting. *Journal of the Association for Information Science and Technology, 65*(7), 1478–1500.

- Vollmeyer, R., & Rheinberg, F. (2000). Does motivation affect performance via persistence? *Learning and Instruction*, 10(4), 293–309. [https://doi.org/10.1016/S0959-4752\(99\)00031-6](https://doi.org/10.1016/S0959-4752(99)00031-6)
- Vollmeyer, R., Rollett, W., & Rheinberg, F. (1998). Motivation and learning in a complex system. *Advances in Motivation*, 53–67.
- Wade, S. E., & Adams, R. B. (1990). Effects of importance and interest on recall of biographical text. *Journal of Reading Behavior*, 22(4), 331–353.
- Wade, S. E., Buxton, W. M., & Kelly, M. (1999). Using think-alouds to examine reader-text interest. *Reading Research Quarterly*, 34(2), 194–216.
- Wade, S. E., Schraw, G., Buxton, W. M., & Hayes, M. T. (1993). Seduction of the strategic reader: Effects of interest on strategies and recall. *Reading Research Quarterly*, 93–114.
- Xia, M., Kochmar, E., & Briscoe, T. (2016). Text readability assessment for second language learners. In *Proceedings of the 11th Workshop on Innovative Use of NLP for Building Educational Applications* (pp. 12–22). San Diego, California: Association for Computational Linguistics. <https://doi.org/10.18653/v1/W16-0502>

Поступила в редакцию: 12.03.2024

Поступила после рецензирования: 15.05.2024

Принята к публикации: 15.08.2024

Заявленный вклад авторов

Юлия Алексеевна Тюменева – работа с источниками, написание текста статьи, анализ ее содержания;

Екатерина Сергеевна Кащенко – работа с источниками, написание текста статьи, анализ содержания статьи.

Мария Юрьевна Лебедева – написание текста статьи, анализ содержания статьи.

Информация об авторах

Юлия Алексеевна Тюменева – кандидат психологических наук, старший научный сотрудник, доцент Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Российская Федерация; Web of Science ResearcherID: H-7317-2015, Scopus Author ID: 12790872300, SPIN-код РИНЦ: 7451-2225, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-2381-917X>; e-mail: jutu@yandex.ru

Екатерина Сергеевна Кащенко – аспирант Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Российская Федерация; Web of Science ResearcherID: GZK-6625-2022, SPIN-код РИНЦ: 4682-2750, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-1273-6600>; e-mail: eskachenko@hse.ru

Мария Юрьевна Лебедева – кандидат филологических наук, заведующая лаборатории когнитивных и лингвистических исследований, Федеральное

государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина», Москва, Российская Федерация; Web of Science ResearcherID: G-2557-2016, SPIN-код РИНЦ: 8526-1522, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-9893-9846>; e-mail: m.u.lebedeva@gmail.com

Информация о конфликте интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Научная статья

УДК 378.015.3

<https://doi.org/10.21702/rpj.2024.3.12>

Развитие навыков метакогнитивной включенности в деятельность при обучении способам понимания текста

Евгения Н. Каменева-Любавская^{1,2*} , Татьяна В. Борзова²

¹ Дальневосточный государственный медицинский университет, Хабаровск, Российская Федерация

² Тихоокеанский государственный университет, Хабаровск, Российская Федерация

* Почта ответственного автора: klen.93@mail.ru

Аннотация

Введение. Одним из главных моментов понимания текста является выход за рамки фактически обозначенной информации в тексте, которую необходимо связать с контекстом, полученными знаниями в прошлом, а также интерпретировать и проанализировать. Для этого требуется высокий уровень метакогнитивной включенности в деятельность, который позволит правильно планировать собственные действия при работе с тем или иным текстом, размышлять о том, насколько понято то, что только что прочитано, оценивать уровень понимания прочитанного. Метакогнитивная включенность в деятельность состоит из метакогнитивных знаний (декларативных, процедурных, условных) и метакогнитивного регулирования (планирование, стратегии управления информацией, контроль компонентов, структура исправления ошибок, оценка). Цель статьи заключается в изучении влияния обучения студентов способам понимания текста на метакогнитивную включенность в деятельность: владение метакогнитивными знаниями и стратегиями. **Методы.** В исследовании приняли участие 190 студентов ФГБОУ ВО ДВГМУ Минздрава России, из которых 95 человек вошли в состав экспериментальной группы, проходившей специальное обучение способам понимания текста, а 95 студентов вошли в состав контрольной группы. Для определения метакогнитивной включенности в деятельность использовался

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

опросник «Метакогнитивная включенность в деятельность» G. Shraw, R. Dennison в адаптации А.В. Карпова и И.М. Скитяева. **Результаты.** Студенты экспериментальной группы, которые проходили обучение способам понимания текста, в большей степени обладают навыками метакогнитивной включенности в деятельность, чем обучающиеся контрольной группы, не проходившие обучение. **Обсуждение результатов.** Повышение метакогнитивной включенности возможно через обучение студентов способам понимания текста. В рамках нашего обучения использовался комплекс способов понимания текста: создание иллюстрационного плана текста, маркировка текста, постановка вопросов, создание концептуальной таблицы, поиск ассоциаций, создание устного вторичного текста, определение читательской проекции, определение противоречий.

Ключевые слова

понимание текста, метакогнитивная включенность, метакогнитивная включенность в деятельность, метакогнитивные знания, метакогнитивное регулирование

Финансирование

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-01757, <https://rscf.ru/project/24-28-01757/>

Для цитирования

Каменева-Любавская Е.Н., Борзова Т.В. (2024). Развитие навыков метакогнитивного познания при обучении способам понимания текста. *Российский психологический журнал*, 21(3), 211-228, <https://doi.org/10.21702/rpj.2024.3.12>

Введение

В образовательном процессе высшей школы системообразующей единицей обучения является текст, и понимание текста относится к важному качественному показателю эффективности обучения. Под пониманием текста в данном исследовании принимается выход за рамки написанной автором информации, ее связь с предыдущими знаниями и полученным опытом, выявление проблемы, не озвученной в тексте, противоречий, не сказанных автором. Психолого-педагогический аспект проблемы понимания текста связан с особенностями развития когнитивных функций в образовании. В современных условиях цифровизации образовательный процесс требует от обучающихся не только усвоения новых знаний, развития когнитивных навыков, но и анализа своей познавательной деятельности (Борзова, Мосунова, 2020; Artelt & Schneider, 2015; Кофейникова, Николаева, Хукуматшоева, 2019; Бабаев,

Кылычова, 2020). Студент должен не только оценивать то, что и сколько он усвоил или узнал, но и то, *каким образом* он овладевает этими знаниями и что еще ему нужно сделать, чтобы двигаться дальше к познанию явлений и событий окружающего мира (Flavell, 1979; Пушкарева, 2009). Для этого процесса понимания текста необходимы метакогнитивные стратегии – «сознательно выбранные действия, направленные на достижение конкретных целей, для которого необходимо сознательное планирование, контроль, оценка и коррекция чтения (Берлин Хенис и др., 2024), которые оказывают влияние на успешность обучения, помогают принимать решения по поводу образовательной траектории и самообразования (Габдуллина, 2023; Дмитриенко, Ершова, 2022; Перикова, Ловягина, Бызова, 2019; Магомедова, 2024; Акопова, 2022; Мельникова и др., 2022). Метакогнитивность проявляется в способности и готовности к метакогнитивной включенности в познавательную деятельность и осуществлению метакогнитивной регуляции на основе метакогнитивных знаний и стратегий (Hammedin, Sauhan, 2020; Yakin et al., 2024).

Основной конструкт нашего исследования – «*метакогнитивная включенность в деятельность*» – интегральный показатель развития у студента метакогнитивных знаний и стратегий. Метакогнитивная включенность в деятельность позволяет личности осознанно подходить к пониманию учебной информации и текста.

Метакогнитивная включенность предполагает наличие *метакогнитивного знания и метакогнитивного регулирования* (Schraw & Dennison, 1994). Знание человека о собственном процессе мышления особенно важно в процессе психической саморегуляции личности (Dinsmore, Alexander, Loughlin, 2008), а саморегуляция, в свою очередь, необходима для развития у обучающегося автономии и самостоятельности (Schraw & Dennison, 1994).

Актуальность исследования метакогнитивной включенности в деятельность при обучении способам понимания текста определяется следующими компонентами:

1. Важность когнитивного развития в контексте функциональной неграмотности, «неспособности человека, формально умеющего читать и писать, понимать и анализировать тексты» как цивилизационного риска XXI века (Пищальникова, 2021). Цифровизация образования наряду с неограниченными возможностями компьютерных технологий доступа к информации может иметь негативные последствия для психологического развития и социализации обучающегося (Пищальникова, 2021; Карпов, 2023). Среди негативных последствий цифровизации образования – низкий уровень когнитивного развития, определяющий проблемы в обучении, восприятии и понимании научного текста как системообразующей единицы образовательного процесса.
2. Важность метакогнитивного развития студента в контексте эффективности психолого-педагогического сопровождения в цифровом образовательном пространстве, а также необходимость развития метакогнитивной регуляции как условия включения студента в осознанное, рефлексивное восприятие

учебной и научной информации, активизации когнитивных функций в процессе обучения (Мельникова, 2022; Проненко, Беликова, Скрипкина, 2023).

3. Диссонанс между высокими требованиями к современному образованию в контексте цифровой цивилизации, постоянно увеличивающимся объемом информации, необходимым для усвоения и низким уровнем метакогнитивной включенности в деятельность у обучающихся.

4. Необходимость не внешней, а внутренней (содержательной) технологизации образовательных процессов с использованием подходов на основе законов и принципов когнитивного развития обучающегося, например, разноуровневое обучение, которое позволит отстающим хорошо усваивать азы преподаваемых дисциплин, а сильным – получать объем информации «сверх нормы».

Метакогнитивный подход в психологии

«Мета» в эпистемологии означает данные о «себе» (Кундин, 2017). Следовательно, метакогнитивная стратегия в образовательном процессе представляет собой познание и изменение самой структуры мыслительных процессов, а не набора информации и знаний, как в когнитивном познании.

Метакогнитивный подход в психологии стал активно разрабатываться и применяться с выходом работ Дж. Флэйвелла, который описывал структуру метапознания, включающую в себя знания, стратегии, чувства (Flavell, 1979). После этого в течение десятилетий фокус исследования метакогнитивного познания сместился на изучение контроля и стратегии деятельности (Перикова и др., 2020). Метапознание – актуальный предмет исследований в различных областях психологии (Таблица 1).

Таблица 1

Метакогнитивные исследования в разных отраслях психологической науки

Отрасли психологии	Предмет исследования	Задачи исследования	Ключевые исследователи
Психология развития	Метакогнитивные элементы на разных возрастных периодах человека	Определение периода, когда и как человек начинает мыслить метакогнитивно.	Zimmerman B.J. Kloo D., Rohwer M. Brinck I., Liljenfors R.
		Определение изменения метапознания в течение жизни.	Hertzog C. Чернокова Т.Е.
		Качественное измерение аспектов метапознания.	

Отрасли психологии	Предмет исследования	Задачи исследования	Ключевые исследователи
Экспериментальная и когнитивная психология	Метакогнитивные чувства	<p>Оценка метакогнитивных суждений во время познавательной деятельности.</p> <p>Оценка степени уверенности в данных суждениях.</p> <p>Исследование процессов, влияющих на успешность познания.</p> <p>Исследование метакогнитивного контроля и мониторинга.</p>	Koriat A. Фомин А.Е., Богомолова Е.А.
Психология образования	Саморегуляция обучения	<p>Определение того, каким образом различные аспекты обучения взаимодействуют между собой.</p> <p>Определение факторов, влияющих на степень вовлеченности в самостоятельный учебный процесс.</p> <p>Определение зависимости метапознания и успешности обучения.</p> <p>Определение факторов, влияющих на развитие метапознания.</p>	Pintrich P.R. Zimmerman B.J. Чернокова Т.Е. Panadero E. Кофейникова Ю.Л.

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Отрасли психологии	Предмет исследования	Задачи исследования	Ключевые исследователи
Психология личности и социальная психология	Метакогнитивные убеждения о других и собственных намерениях.	Оценка самооффективности, потребности в познании, контроле над собственными и чужими психическими состояниями и процессами	Jost J.T. Bem D.J. Frigth (2012). Холмогорова А.Б.. Перикова Е.И.
Клиническая психология	Метапознание как система определенных характеристик личности, влияющая на развитие и/или лечение психопатологии	Определение способов работы терапевтов с метокогнитивной составляющей пациентов для облегчения их состояния. Определение взаимосвязи метакогнитивной составляющей и имеющегося у пациента заболевания.	Wells A.. Lysaker P.H. Sun S. (2017). Проворова А.Н.

Обобщая данные, представленные в Таблице 1, можно сказать, что метапознание, метакогнитивные навыки «имеют общую, универсальную применимость, они могут быть предметно-специфическими и варьироваться в разноплановых содержательных областях познания и деятельности» (Кашапов, Базанова, 2021, с. 394). Исследователи сфокусированы на изучении самостоятельности собственного мышления: не на количественных, а на качественных познавательных характеристиках: каким образом происходит когнитивный процесс у человека и как он сам может его регулировать (Харзеева, 2012).

Саморегуляция когнитивного процесса очень важна в образовательном процессе. В последние десятилетия объем необходимых для усвоения знаний постоянно увеличивается, и обучающимся необходимо самостоятельно выстраивать собственный образовательный процесс (Смирнова, 2021). Помимо этого, сейчас в некоторых производственных отраслях ведется политика непрерывного образования, особенно в области здравоохранения и образования, где уже взрослым специалистам необходимо самостоятельно планировать и контролировать свою образовательную траекторию, накапливать баллы для подтверждения и повышения

категории. Успешность обучения напрямую зависит от навыков метакогнитивной включенности в деятельность (Krebs & Roebbers, 2010; Zohar & Dori, 2012; Isaacson & Fujita, 2006; Tobias & Everson, 2000; Schunk & Zimmerman, 2003; Карпович & Королева, 2020).

Метакогнитивные знания

Для успешного получения образования современному человеку необходим высокий уровень сформированности навыков метакогнитивной включенности в деятельность, включающей в себя различные элементы общих метакогнитивных знаний (рис. 1).

Метакогнитивные знания подразумевают под собой рефлексивное понимание информации о том или ином процессе, а также роль субъекта в нем (Yong & Fry, 2008; Бызова, Перикова, Ловягина, 2019).

Рисунок 1

Элементы метакогнитивных знаний

Как показывает рисунок 1, метакогнитивные знания включают в себя декларативные, процедурные и условные знания (Карпов, 2005). Декларативные знания включают в себя информацию о самом себе, о том, что дается обучающемуся легче или сложнее, в какой форме ему проще воспринимать, запоминать и обрабатывать информацию, какие способы понимания текста лично для него наиболее просты и эффективны. Процедурные знания дают возможность обучающемуся осознать, как применить те или иные способы обучения, в том числе и способы понимания учебного материала, а условные знания помогают подбирать их в зависимости от ситуации и сложности задания, текста, предлагаемой информации.

Метакогнитивное регулирование

Необходимо отметить навыки метакогнитивного регулирования, которыми должен обладать студент в процессе понимания текста:

- планирование, с помощью которого студент организует свою деятельность;
- стратегии управления информацией, которые позволяют работать с потоком знаний, отбирать необходимые данные;
- контроль компонентов, который позволяет подвести промежуточные итоги, проконтролировать полноценность и качество выполненной деятельности;
- структура исправления ошибок;
- оценка, которая позволяет оценить качество всей проделанной учебной работы.

Цель исследования

Цель исследования заключается в изучении влияния обучения студентов способам понимания текста на метакогнитивную включенность в деятельность: владение метакогнитивными знаниями и стратегиями.

Для овладения навыками метакогнитивной включенности в деятельность в процессе обучения студентам необходимо дать инструмент, который будет способствовать большей вовлеченности в образовательную деятельность, самоконтролю со стороны самих обучающихся. Мы полагаем, что таким инструментом может стать обучение студентов способам понимания текста, которые позволят им лучше анализировать и понимать прочитанное, планировать и анализировать собственную учебную деятельность.

Методы

Выборка

В исследовании приняли участие 190 студентов ФГБОУ ВО ДВГМУ Минздрава России, из которых 95 человек вошли в состав экспериментальной группы, проходившей специальное обучение способам понимания текста (48 парней и 44 девушки), а 95 студентов вошли в состав контрольной группы (37 парней и 58 девушек). Средний возраст студентов – $19,31 \pm 1,67$ лет.

Методы исследования

Оценка уровня понимания текста проводилась с помощью комплекса заданий, сформулированных, согласно способам понимания текста (табл. 2):

1. Изобразить иллюстрационный план текста.
2. Разбить текст на следующие блоки: информация, знакомая до прочтения; неизвестная информация, но понятная; неизвестная и непонятная информация.
3. Сформулировать вопросы для уточнения непонятной информации.
4. Определить основные явления или процессы, описанные в тексте и выделить для них сравнительные признаки.
5. С какими фактами, явлениями и событиями у Вас ассоциируются выделенные в задании 4 явления и процессы.
6. Кратко перескажите текст, используя иллюстрационный план текста.
7. Перенесите смысл прочитанного на уже имеющиеся у Вас знания или жизненный опыт.
8. Найдите в тексте противоречие или сформулируйте его самостоятельно, опираясь на имеющиеся знания или жизненный опыт.

За каждое задание студенты получали от 1 до 5 баллов (где 1 – наихудшая оценка, 5 – наилучшая оценка).

В качестве методики изучения метакогнитивной включенности в деятельность использовался опросник «Метакогнитивная включенность в деятельность» G. Shraw, R. Dennison (1994) в адаптации А.В. Карпова и И.М. Скитяевой (2005).

Математические методы обработки и анализа данных – критерий Стьюдента, коэффициент корреляции Спирмена.

Этапы исследования

На первом этапе исследования нами проводилась оценка уровня понимания текста у студентов контрольной и экспериментальной группы.

Далее у студентов оценивался уровень метакогнитивной включенности в деятельность с помощью опросника «Метакогнитивная включенность в деятельность» G. Shraw, R. Dennison (1994) в адаптации А.В. Карпова и И.М. Скитяевой (2005).

На втором этапе нами было проведено специальное обучение студентов способам понимания текста с анализом изменения показателей метакогнитивной включенности. Обучение проводилось в течении 15 занятий в очном формате. На каждом занятии проходил разбор одного из 8 способов понимания текста, представленного в таблице 2. Например, первое занятие «Создание иллюстрационного плана текста» требует от обучающегося полного прочтения текста, выделения отдельных его разделов, основной мысли каждого из разделов и только затем, выполнение иллюстраций по тексту. Следующее занятие было посвящено «маркировке текста» и «постановке вопросов». «Маркировка текста» позволяет выявить знакомую и незнакомую информацию, понятную и непонятную.

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Последняя уточняется с помощью формулирования конкретных вопросов. Знакомство с 8 способами понимания текста и обучение им проходило на одном тексте, далее, каждое занятие студенты получали новый текст, на котором отработывали навыки понимания текста.

Акцент был сделан на универсальности использования предложенных способов понимания текста, т.е. возможности применять их при организации процесса самообучения, изучении различных дисциплин.

Способы понимания текста, рассмотренные в процессе обучения, представлены в таблице 2 (Каменева-Любавская, Борзова, 2023).

Таблица 2

Способы понимания текста

Способ	Суть способа
Создание иллюстрационного плана текста	План, в виде рисунков, отражающих основные разделы текста.
Маркировка текста	Маркировка текста в процессе его первичного чтения: а) уже известную до прочтения информацию; б) неизвестную, но понятную информацию; в) неизвестную и непонятную информацию.
Постановка вопросов	Формулирование конкретных вопросов по непонятой информации.
Создание концептуальной таблицы	Создание сравнительной таблицы для анализа характеристик определений или явлений, описанных в тексте, взаимосвязей между ними.
Поиск ассоциаций	Создание образов по фактам, явлениям, событиям.
Создание устного вторичного текста	Краткий пересказ текста с целью выделения его основной мысли, основных разделов.
Определение читательской проекции	Перенос смысла прочитанного на собственный опыт, имеющиеся знания.
Определение противоречий	Определение нарушения взаимосвязей между компонентами явлений или процессов, представленных в тексте.

На третьем, завершающем этапе, проводилась обработка полученных результатов, сравнительный анализ показателей эффективности обучения способам понимания текста у студентов контрольной и экспериментальной групп, а также выявление различий в уровне метакогнитивной включенности.

Результаты

Для анализа уровня понимания текста студенты работали с различными текстами с помощью способов понимания, представленных в таблице 2, за которые нами выставлялись оценки от 1 до 5, где 1 – наихудшая оценка, 5 – наилучшая.

На начало эксперимента у всех студентов был отмечен одинаково низкий уровень умений и навыков работы с текстом, среднее значение оценки за все выполненные задания у контрольной группы составляла $1,98 \pm 0,24$, экспериментальной – $1,96 \pm 0,27$. Это подтверждает рассчитанный критерий Фишера, равный 1,34, который находится в зоне незначимости.

Среднее значение метакогнитивной включенности в деятельность до начала эксперимента в обеих группах был ниже среднего: в контрольной – $100,17 \pm 24,87$, экспериментальной – $97,77 \pm 25,54$. Уровень метакогнитивных знаний был средним: в контрольной группе $36,28 \pm 6,15$, в экспериментальной – $37,34 \pm 5,34$. При этом наблюдался средний уровень декларируемых знаний ($26,34 \pm 4,24$ в контрольной группе и $23,89 \pm 3,21$ – в экспериментальной). А уровень процедурных и условных знаний был низкий (ниже 6 по обоим показателям в обеих группах). Уровень метакогнитивного регулирования также был средним: $65,24 \pm 14,34$ в контрольной группе, $64,25 \pm 15,21$ – в экспериментальной. При этом низкие показатели отмечались в стратегиях управления информацией, контроле компонентов и структуре исправления ошибок. Уровень планирования и оценки деятельности в обеих группах был выше среднего.

Для определения эффективности проведения специального обучения способам понимания текста на заключительном этапе эксперимента проводилась математическая обработка полученных результатов на основе применения коэффициента корреляции Спирмена (табл. 3).

Коэффициенты корреляции Спирмена, рассчитанные в таблице 3, показывают связь между результатами выполнения работ по тому или иному способу понимания текста, представленных в виде оценок от 1 до 5 и фактом проведения специального обучения (где прохождение специального обучения способам понимания текста равно 1, его отсутствие равно 0). Наблюдается значимая связь между всеми показателями (при уровне значимости $p \leq 0,05$), а для способа понимания текста «Постановка вопросов», коэффициент корреляции равен 0,74, что говорит о значимой связи наличия специального обучения и полученными результатами по выполненному заданию. Таким образом, специально организованная деятельность по обучению студентов способам понимания текста связана с уровнем понимания текста.

Таблица 3

Коэффициенты корреляции Спирмена между уровнем понимания текста и фактом проведения специального обучения*

Способ понимания текста	Обучение способам понимания текста (1 – проходили, 0 – не проходили)
Создание иллюстрационного плана текста	0,57
Маркировка текста	0,57
Постановка вопросов	0,74
Создание концептуальной таблицы	0,58
Поиск ассоциаций	0,53
Создание устного вторичного текста	0,55
Определение читательской проекции	0,56
Определение противоречий	0,49

Примечание. * $p \leq 0,05$

Проводимое нами исследование также включало изучение метакогнитивной включенности в деятельность студентов экспериментальной и контрольной групп с помощью опросника «Метакогнитивная включенность в деятельность» G. Shraw, R. Dennison (1994) в адаптации А.В. Карпова и И.М. Скитяевой (2005). Метакогнитивные знания в рамках данного опросника рассматриваются по таким факторам, как декларируемые, процедурные знания и условные значения. Сравнение данных показателей в экспериментальной и контрольной группах производилось с помощью Т-критерия Стьюдента (Таблица 4).

Таблица 4

Анализ показателей метакогнитивных знаний у студентов экспериментальной и контрольной групп

Показатель	Метакогни- тивные знания	Деклари- руемые знания	Проце- дурные знания	Условные знания
Среднее значение в экспериментальной группе	46,06 ± 6,39	17,98 ± 4,06	10 ± 3,04	14,04 ± 3,96
Среднее значение в контрольной группе	25,84 ± 5,96	17,48 ± 4,34	7,73 ± 2,84	8,07 ± 2,59
Кр. Стьюдента*	21,9	2,6	5,4	12,4

Примечание: * $p \leq 0,05$

По всем видам метакогнитивных знаний (за исключением декларируемых), экспериментальная группа имеет более высокие показатели, чем контрольная группа. Это говорит о том, что при равных знаниях о себе и собственных познавательных процессах, экспериментальная группа имеет большие знания о том, что и в каких случаях применять, что им дается лучше или хуже.

В таблице 5 представлены результаты анализа показателей метакогнитивного регулирования у студентов контрольной и экспериментальной групп.

Таблица 5

Анализ показателей метакогнитивного регулирования у студентов экспериментальной и контрольной групп

Показатель	Метакогнитивное регулирование	Планирование	Стратегии управления информацией	Контроль компонентов	Структура исправления ошибок	Оценка
Среднее значение в экспериментальной группе	71,22 ± 15,54	14,61 ± 3,52	8,03 ± 1,40	19,49 ± 5,60	14,32 ± 3,80	15,90 ± 2,56
Среднее значение в контрольной группе	54,09 ± 17,67	10,10 ± 3,42	5,44 ± 1,96	12,5 ± 2,78	9,37 ± 3,63	9,62 ± 3,33
Критерий Стьюдента*	7,1	9	10,8	12,4	9,2	14,6

Примечание: * $p \leq 0,05$

Все показатели метакогнитивного регулирования у студентов экспериментальной группы выше, чем в контрольной группе. Это говорит о том, что те, кто проходил специальное обучение, помимо знакомства со способами понимания текста, улучшили навыки планирования своей деятельности и могут выстраивать свою деятельность так, чтобы максимально понимать информацию. Помимо этого, они могут оценить собственную проведенную работу и, при необходимости, исправить ошибки, внести корректировки и осуществить добавление информации, что является составной частью метакогнитивной включенности в деятельность (Бызова, 2019).

Проведенное исследование позволило определить связь между характеристиками метакогнитивных процессов у студентов экспериментальной и контрольной групп. Определено, что студенты экспериментальной группы после специально организованной деятельности по обучению способам понимания текста обладают не только более высокими навыками работы с текстом, но и более высокой метакогнитивной включенностью в деятельность, по сравнению со студентами контрольной группы.

Обсуждение результатов

Полученные нами результаты не противоречат данным исследований, связанных с метакогнитивной включенностью в деятельность. Студенты, обладающие высоким уровнем метакогнитивной включенности в деятельность, демонстрируют высокий уровень понимания текста, а также имеют более развитые метакогнитивные знания и стратегии (Pressley, Ghatala, 1990). В данном исследовании была выявлена связь между фактом обучения способам понимания текста и улучшением показателей метакогнитивной включенности в деятельность, что подтверждает выводы, полученные в исследовании Кофейниковой Ю.Л., Николаевой Е.С. и Хукуматшовоевой Ш. о том, что для развития метакогнитивных знаний и стратегий необходима «специально организованная среда обучения, направленная на формирование процессов и самоопределения и развитие способности выбирать наиболее оптимальные стратегии достижения поставленных целей» (Кофейникова, Николаева, Хукуматшоева, 2019). В нашем случае, такой «специально организованной средой» является обучение способам понимания текста.

Проводимое нами обучение способам понимания текста положительно влияет на развитие навыков метакогнитивного познания:

- Академических: студенты, прошедшие специальное обучение способам понимания текста, лучше запоминают и понимают учебную информацию за счет развития навыков метапознания (Gomes et al., 2014). Это подтверждают результаты исследования Artelt, С. и Schneider W., которые пришли к выводам о том, что метакогнитивные стратегии оказывают высокое влияние на уровень понимания текста (Artelt & Schneider, 2015). Благодаря приобретенным навыкам, более высокому уровню развития метакогнитивных знаний и стратегий, они владеют большим объемом информации по различным областям наук, а также могут дольше удерживать информацию в памяти (Мельникова, Максимова, Чикова, Богданчикова, 2022). Кроме того, у студентов улучшается успеваемость, заинтересованность и работоспособность за счет целенаправленного инициирования и регулирования собственной деятельности (Tobias & Everson, 2000; Reeve & Jang, 2006; Дмитриенко & Ершова, 2022). Здесь подтверждаются выводы, полученные в исследовании Габидуллиной А.Ш. о том, что навыки метапознания «улучшают способность обработки и запоминания новой информации», что приводит к более высоким академическим результатам (Габидуллина, 2023, 163). Владение способами понимания текста дает обучающимся некоторую самостоятельность при освоении нового учебного или внеучебного материала, быть активным участником (Schunk & Zimmerman, 2003). Студенты могут самостоятельно управлять учебным процессом и стимулировать собственную деятельность (Пушкарева, 2009; Бабаев, Кылычова, 2020; Смирнова, 2021; Krebs & Roebbers, 2010).
- Социальные: в процессе обучения способам понимания текста студенты развивают социальные и коммуникативные навыки (Бортникова, Долженкова,

2022). Они в состоянии грамотно сформулировать конкретный вопрос в случае необходимости, чтобы получить тот ответ, который ему необходим. Помимо этого, данные студенты лучше взаимодействуют друг с другом при выполнении командной, проектной деятельности.

- Психологические: обучение способам понимания текста позволяет студентам быть более уверенными в собственных знаниях, не бояться задавать вопросы наставнику, в случае, когда это необходимо, а также быть более вовлеченным в процесс обучения (Andreassen & Makarova, 2018; Skinner et al., 2009; Isaacson & Fujita, 2006). Высокий уровень метакогнитивной включенности должен ориентировать обучающихся на достижение собственных целей, создавать ощущения управления и контроля над учебным процессом (Карпович & Королева, 2020). Помимо этого, прошедшие специальное обучение способам понимания текста студенты совершенствуют собственные метакогнитивные навыки, включающие в себя самоанализ и самодисциплину, которые необходимы им в течение всего жизненного пути (Glaser, 1991).

Заключение

Постоянно увеличивающийся объем информации требует от обучающихся развитых навыков работы с текстом и способности к анализу собственной метакогнитивной деятельности. Занятия в высших учебных заведениях должны включать в себя обучение инструментам управления, контроля и оценки собственной деятельности, развитие метакогнитивной включенности студентов в образовательный процесс в рамках изучаемых дисциплин (Zohar & Dori, 2012).

Повышение метакогнитивной включенности в нашем исследовании происходило через обучение студентов способам понимания текста. Способы понимания текста – это создание иллюстрационного плана текста, его маркировка, постановка вопросов наставнику, разработка концептуальной таблицы, определение ассоциаций, пересказ, построение читательской проекции и выявление противоречий. Обучение студентов способам понимания текста позволяет повысить степень усвоения материала, способности делать определенные умозаключения на основе собственных, уже имеющихся знаний, планировать свою деятельность, осознавая, что необходимо сделать для достижения результата, осваивать когнитивные стратегии, которые будут уместны при работе с информацией.

Литература

- Акопова, М. А. (2022). Исследование влияния метакогнитивных процессов на изменение успеваемости студентов-педагогов по психологическим дисциплинам. *Science for Education Today*, 12(5), 22–38. <https://doi.org/10.15293/2658-6762.2205.02>
- Бабаев, Д. Б., Кылычова, Н. Э. (2020). Анализ различных уровней и методов активизации познавательной деятельности учащихся на уроках физики. *Международный журнал гуманитарных и естественных наук*, 2–1 (41), 66–70.

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

- Берлин Хенис, А.А., Пучкова А.Н., Кащенко, Е.С., Лебедева, М.Ю. (2024). Метакогнитивные читательские стратегии: анализ данных самоотчета и глазодвигательного поведения школьников. *Психологическая наука и образование*, 29(2), 15–31.
- Борзова, Т. В., Мосунова, Л. А. (2020). Условия развития смыслового понимания информации в процессе обучения. *Science for Education Today*, 10(1), 7–24.
- Бортникова Т. Г., Долженкова М. И. (2022). Формирование коммуникативных навыков студентов в процессе работы с поликодовыми текстами. *Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки*, 27(1), 47–56.
- Бызова, В. М., Перикова, Е. И., Ловягина А. Е. (2019). Метакогнитивная включенность в системе психической саморегуляции студентов. *Сибирский психологический журнал*, 73, 126–140. <https://doi.org/10.17223/17267080/73/8>
- Габдуллина, А. Ш. (2023). Метакогнитивные стратегии в обучении спонтанной иноязычной коммуникации студентов. *Мир науки, культуры, образования*, 6(103), 161–164.
- Дмитриенко, Н. А., Ершова, С. И. (2022). Метакогнитивная осведомленность как фактор самоорганизации иноязычной компетентности студентов в процессе обучения иностранному языку. *Общество: социология, психология, педагогика*, (5), 140–151.
- Каменева-Любавская, Е. Н., Борзова, Т. В. (2023). Развитие навыков понимания научного текста как путь успешного андрагогического обучения. *Психология. Историко-критические обзоры и исследования*, 12(10А), 233–244.
- Карпов, А. В. (2023). Методологические аспекты влияния цифровизации на когнитивное развитие личности. В: *Человек, субъект, личность: перспективы психологических исследований*. Издательство «Институт психологии РАН».
- Карпович, И. А., Королева, Ю. В. (2020). Метакогнитивные стратегии как фактор академической успеваемости студентов при дистанционном обучении иностранному языку в вузе. *Ученые записки Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики*, 4(72), 13–22.
- Кашапов, М. М., Базанова, Г. Б. (2021). Сравнение показателей метакогнитивной осведомленности врачей на разных этапах образования. *Перспективы науки и образования*, 4(52), 392–403.
- Кофейникова, Ю.Л., Николаева, Е. С., Хукуматшоева, Ш. (2019). Диагностика метакогниций студентов психолого-педагогического профиля в процессе профессионального обучения. *Педагогика и психология образования*, (2), 153–159.
- Кундин, А. В. (2017). Общая концепция мета-учения. *Философия и космология*, (18), 165–192.
- Магомедова, А. Х. (2024). Педагогические условия формирования метакогнитивных умений обучающихся. *Мир науки, культуры, образования*, 3(106), 310–312.
- Мельникова, М. Л., Максимова, Л. А., Чикова, О. А., Богданчикова, Ю.Р. (2022). Связь показателей метакогнитивной включенности, универсальных компетенций и обучаемости в юношеском возрасте. *Педагогическое образование в России*, (3), 198–207.
- Перикова, Е. И., Ловягина, А. Е., Бызова, В. М. (2019). Эффективность метакогнитивных стратегий принятия решений в учебной деятельности. *Science for Education Today*, 9(4), 19–33.
- Перикова, Е. И., Ловягина, А. Е., Бызова, В. М. (2020). *Психология метапознания*. Скифия-принт.
- Пищальникова, В.А. (2021). Функциональная неграмотность как следствие утраты доминирующей функции языкового знака в цифровом информационном пространстве. *Вестник Воронежского университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация*, (2), 36–45.

- Проненко, Е. А., Беликова, М. Е., Скрипкина, Т. П. (2023). Отчуждение студентов от обучения: могут ли метакогнитивная регуляция и осознание смысла обучения помочь его преодолеть? *Российский психологический журнал*, 20(2), 240–258. <https://doi.org/10.21702/rpj.2023.2.15>
- Пушкарева, Т. В. (2009). Интериоризация научного знания в процессе обучения в вузе. *Преподаватель XXI век*, (1), 178–183.
- Смирнова, П. В. (2021). Метакогнитивные компетенции в профессиональном становлении будущего педагога: понятие и перспективы исследования. *Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Педагогика и психология*, 4(58), 117–131.
- Харзеева, С. Э. (2012). Понимание как когнитивный процесс и как характеристика знаний в компетентностной модели образования. *Глобальная энергия*, (2–1), 351–356.
- Andreassen, J.-E., & Makarova, E. (2018). Student research in a cooperation project of innovation management between two universities. *International Journal of Management Science and Business Administration*, 5(1), 7–1.
- Artelt, C., & Schneider, W. (2015). Cross-country generalizability of the role of metacognitive knowledge in students' strategy use and reading competence. *Teachers College Record*, 117(1), 1–32.
- Dinsmore, D., Alexander, P., Loughlin, S. (2008). Focusing the Conceptual Lens on Metacognition, Self-regulation, and Self-regulated Learning. *Educational Psychology Review*, 20(4), 391–409.
- Flavell, J. (1979) Metacognition and cognitive monitoring: A new area of cognitive-developmental inquiry. *American Psychologist*, 34(10), 906–911.
- Glaser, R. (1991). The maturing of the relationship between the science of learning and cognition and educational practice. *Learning and Instruction*, 1(2), 129–144.
- Gomes, C. M., Golino, H. F., & Menezes, M. A. (2014). Predicting school achievement rather than intelligence: Does metacognition matter? *Psychology*, (5), 1095–1110.
- Hammedin, H., & Sauhan, A. (2020). Investigating metacognitive knowledge in reading comprehension: the case of Indonesian undergraduate students. *Indonesian Journal of Applied Linguistics*, 9(3), 608–615. <https://doi.org/10.17509/ijal.v9i3.23211>
- Isaacson, R. M., & Fujita, F. (2006). Metacognitive Knowledge Monitoring and Self-Regulated Learning: Academic Success and Reflections on Learning. *Journal of the Scholarship of Teaching and Learning*, 6(1), 39–55.
- Krebs, S. S., & Roebers, Br. J. (2010) Children's strategic regulation, metacognitive monitoring, and control processes during test taking. *Educational Psychologist*, 80(3), 325–340.
- Pressley, M., & Ghatala, E.S. (1990) Self-regulated learning: Monitoring learning from text. *Educational Psychologist*, (25), 19–33.
- Reeve, J., & Jang, H. (2006). What teachers say and do to support students' autonomy during a learning activity. *Journal of Educational Psychology*, 98(1), 209–218.
- Schraw, G., & Dennison, R.S. (1994). Assessing metacognitive awareness. *Contemporary Educational Psychology*, (19), 460–475.
- Schunk, D.H., & Zimmerman, B.J. (2003). Self-regulation and learning. *Handbook of psychology*, (7), 59–78.
- Skinner, E. A., Kindermann, T. A., Connell, J. P., & Wellborn, J. G. (2009). Engagement and disaffection as organizational constructs in the dynamics of motivational development. *Routledge/Taylor & Francis Group*, 223–245.
- Tobias, S. & Everson, H. (2000) Assessing Metacognitive Knowledge Monitoring. *Lincoln, NE: Buros Institute of Mental Measurement*, 147–222.
- Yakin N.T., Edi S., & Edi S. (2024). Students' Metacognitive Awareness in Mathematics Learning. *Academy of Education Journal*, 15(1), 1047–1055.

Yong, A., & Fry, J. D. (2008). Metacognitive awareness and academic achievement in college students. *Journal of the Scholarship of Teaching and Learning*, 8(2), 1–10.

Zohar, A. & Dori, Y. J. (2012). Introduction Metacognition in Science Education: Trends in Current Research. *Contemporary Trends and Issues in Science Educational*, 1–20.

Поступила в редакцию: 22.03.2024

Поступила после рецензирования: 12.07.2024

Принята к публикации: 12.08.2024

Заявленный вклад авторов

Евгения Николаевна Каменева-Любавская – планирование и руководство исследованием, организация эмпирического исследования, анализ и интерпретация полученных эмпирических данных, подготовка и редактирование текста статьи.

Татьяна Владимировна Борзова – теоретический обзор зарубежных и отечественных исследований, подготовка текста статьи, работа с источниками.

Информация об авторах

Евгения Николаевна Каменева-Любавская – старший преподаватель кафедры сестринского дела с курсом социальных дисциплин, ФГБОУ ВО «Дальневосточный государственный медицинский университет» Министерства здравоохранения Российской Федерации, г. Хабаровск, Российская Федерация, аспирант Высшей школы психологии, ФГБОУ ВО «Тихоокеанский государственный университет», г. Хабаровск, Российская Федерация; Author ID: 822845, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-9446-4011>; e-mail: klen.93@mail.ru

Татьяна Владимировна Борзова – доктор психологических наук, профессор с ученой степенью доктор наук и ученым званием доцент высшей школы психологии, ФГБОУ ВО «Тихоокеанский государственный университет», г. Хабаровск, Российская Федерация; Researcher ID: HKE-9138-2023, Scopus ID: 57205363884, Author ID: 278454, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-2307-9001>; e-mail: borzova_tatiana@mail.ru

Информация о конфликте интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Научная статья

УДК 372.878:159.9.072

<https://doi.org/10.21702/rpj.2024.3.13>

Психолого-педагогическая сравнительная диагностика российских и китайских учащихся с разным творческим потенциалом при обучении музыке

Елена А. Макарова^{1*}, Елена Л. Макарова², Елена Б. Абросимова³

¹ Донской государственный технический университет, Ростов-на-Дону, Российская Федерация

² Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Российская Федерация

³ Колледж международного образования, Шэньчжэнь, Китай

*Почта ответственного автора: makarova.h@gmail.com

Аннотация

Введение. Творческий потенциал – то, что отличает одаренных учащихся от их обычных сверстников, то, что подлежит дальнейшему и превратится в талант. Творчество и талант связаны. Учителя могут использовать показатели креативности для оценки одаренности учащихся. Цель нашего исследования – выявить, как показатели творческого потенциала могут быть предикторами одаренности учащихся. Научная новизна исследования состоит в получении результатов сравнительной диагностики творческого потенциала российских и китайских учащихся при обучении музыке для дальнейшего планирования их образовательного процесса для достижения высоких результатов. **Методы.** Анкетирование проводилось с помощью комплексной методики, составленной для выявления уровня творческого потенциала учащихся при обучении музыке. Респондентами исследования стали китайские учащиеся Шэньчжэньского колледжа международного образования, г. Шэньчжэнь, Китай (50 человек) и российские учащиеся ГБПОУ *Ростовский колледж искусств*, г. Ростов-на-Дону, Россия (62 человека). Возраст учащихся колледжа варьируется от 14 до 19 лет ($n = 112$). Средний возраст респондентов – $17,1 \pm 1,8$ лет, а медианный возраст составляет 17 лет. **Результаты.** Среднее значение уровня творческого потенциала (креативности) учащихся Шэньчжэньского

колледжа международного образования (Китай) составило 21,67 баллов, а студентов *Ростовского колледжа искусств* – 25,05 баллов, что сравнительно выше. Стандартное отклонение показывает величину разброса полученных данных и составляет 2,74 балла для китайских учащихся и 2,28 балла для российских учащихся. Проведенный расчет t-критерия Стьюдента позволяет оценить статистическую значимость выявленных различий величин средних значений для двух несвязанных выборок. Полученное эмпирическое значение $t_{Эмп} = 5.2$ ($p \leq 0.01$) находится в зоне значимости. Кроме того, данные исследования показали связь творческого потенциала учащихся с эмоциональным интеллектом. **Обсуждение результатов.** Результаты психологической диагностики позволяют редактировать программу обучения музыке с учетом выбора инструментов и технологий, активизирующих формирование и развитие эмоционального интеллекта в группах и развитие творческого потенциала учащихся.

Ключевые слова

обучение музыке, психологическая диагностика, креативность, мотивация, музыкальный талант, одаренность, образовательная среда, творческий потенциал, преподавание музыки, эмоциональный интеллект

Для цитирования

Макарова, Е. А., Макарова, Е. Л., Абросимова, Е. Б. (2024). Психолого-педагогическая сравнительная диагностика российских и китайских учащихся с разным творческим потенциалом при обучении музыке. *Российский психологический журнал*, 21(3), 229–249. <https://doi.org/10.21702/rpj.2024.3.13>

Введение

Проблемы одаренных и талантливых учащихся привлекают все больше внимания психологов (Вогоуавленская, 2010). Существует множество определений данного феномена, но все они сводятся к одному: это учащиеся с ускоренным развитием в одной или нескольких областях, с особыми способностями. Значительное ускорение может наблюдаться практически во всех сферах проявления способностей – это математики, музыканты, поэты, шахматисты, программисты, инженеры, спортсмены...

Нельзя забывать, что одаренные и талантливые учащиеся – это учащиеся с особыми потребностями, и наравне с учащимися с ограниченными возможностями они требуют особых условий обучения для поддержания и развития их таланта. Немногие психологи прошли подготовку по решению проблем одаренных и талантливых, и даже те, кто прошел подготовку, обычно не уделяют внимания одаренным учащимся, полагаясь на самостоятельное их развитие и ускоренное

обучение благодаря талантам. В результате одаренные учащиеся часто подвергаются забвению в своей образовательной среде, что имеет негативные последствия для обучения и достижений, мотивации и личной адаптации. В первую очередь, талантливые учащиеся нуждаются в том, чтобы их талант заметили, а затем уже учителя должны создать особые условия, чтобы эта искра не угасла и одаренный учащийся развивал дальше свои способности.

Группа одаренных учащихся весьма разнообразна по областям и уровням своих способностей, а также по своим личностным характеристикам. Наиболее широко принятое определение одаренности подчеркивает «потенциал деятельности, нацеленный на чрезвычайно высокий уровень достижений, что приводит к необходимости образовательных услуг, которые обычно не предоставляются» (Макарова, Абросимова, 2023). Как и все другие учащиеся, одаренные и талантливые нуждаются в целях и задачах, соответствующих их темпу и уровню обучения. Дифференцированная учебная программа должна использовать гибкую группировку, многоуровневые задания и поощрение самостоятельности; а замена простых заданий более сложной работой, углубление понимания, установление связей и применение знаний в реальном мире поможет одаренным учащимся не утратить интерес к обучению и творчески подходить к выполнению поставленных учебных задач.

Современная образовательная среда многогранна, и в каждой школе и колледже есть учащиеся с разными творческими способностями. Термин «одаренный» или «талантливый» применяется к молодым людям, которые достигают или имеют потенциал достичь уровня, значительно превосходящего остальных представителей своей группы сверстников (Богоявленская, 2019; Лейтес, 2023; Макарова, Абросимова, 2023; Нагорнова, 2019; Савенков, 2024; Дикая, Наумова, 2014). Важно осознавать, что одаренные и талантливые учащиеся – это личности со своими уникальными способностями, сильными и слабыми характеристиками. Термины «одаренный» и «талантливый» использовались взаимозаменяемо на протяжении длительного периода времени, теперь же они используются для обозначения разных понятий. Одаренными называют учащихся, которые способны преуспеть в учебе по одному или нескольким предметам, таким как английский язык или музыка; талантливые – это учащиеся, способные преуспеть в таких сферах, как творческая деятельность, спорт, живопись или скульптура (Бозиева, Паштов, 2018; Шумакова, 2020; Экземплярский, 2006).

Хотя одаренные и талантливые учащиеся вполне могут пройти путь профессионального обучения до трудоустройства, некоторые из них подвержены риску утратить интерес к обучению и не достичь желаемого результата. Прямое вмешательство педагога особенно важно для этих учащихся, поскольку одаренность может проявиться только тогда, когда ей предоставляются соответствующие возможности. Молодые люди могут иметь определенную предрасположенность к успеху в одной или нескольких областях, но продемонстрировать и развивать эти предрасположенности или «потенциал» только если их побуждают и поощряют к

этому. Для того чтобы эти одаренные и талантливые учащиеся не «проскользнули через сеть образования» и не затерялись среди своих менее талантливых сверстников, необходима психолого-педагогическая диагностика их творческого потенциала (Абросимова, Макарова, 2022; Анисимов 2004; Schiavi & Benedek, 2020). Особенно это актуально для студентов, обучающихся в творческих профессиях, например, для музыкантов (Кирнарская, 2006).

Учителя должны действовать как «искатели талантов», обнаруживая показатели выдающихся способностей, как только они начинают проявляться (Subotnik, Olszewski-Kubilius & Worrell, 2018; Worrell et al., 2021). Одаренные и талантливые учащиеся обычно идентифицируют себя сами, проявляя стремление и мотивацию, но есть и другие, менее очевидные признаки одаренности, такие как сильный интерес к конкретному предмету и «интеллектуальные предикторы», намекающие на ученика, который может преуспеть с годами (Worrell & Dixon, 2018). Каждому учителю необходимо знать, как распознавать и обучать одаренных и талантливых учащихся, особенно в сфере обучения музыке (Лучинина, 2013; Лосева, 2023; Макарова, Абросимова, 2022; Надырова, 2015; Холопова, 2012). Такая диагностика составляет основу обновленной программы для одаренных и талантливых учащихся, которая повышает эффективность обучения, поднимая надежды учащихся, их родителей и преподавателей, и создает среду, в которой ценится работа с максимальной отдачей.

Выявление творческого потенциала учащихся должно быть непрерывным процессом, который является справедливым, признает весь спектр способностей; не дискриминирует отдельные группы; и достаточно гибким, чтобы включать в себя учащихся, которые еще не раскрыли свой творческий потенциал. Учителя должны проявлять особую бдительность в отношении «скрытых талантов» или нераскрытого потенциала. Таланты и способности часто проявляются, когда им предоставляются соответствующие возможности, но иногда учащиеся могут быть исключены (или фактически исключают себя сами) из этих возможностей (Оржековский, Степанов, Мишина, 2020; Кибальченко с соавторами, 2020). Эффективная диагностика и последующее обеспечение возможностей и условий интеллектуального, эмоционального, социального и творческого развития предполагает выход за рамки очевидного и удовлетворение индивидуальных потребностей таким образом, чтобы устранять препятствия на пути к достижениям, вовлекая, мотивируя и вдохновляя учащегося (Chatelain et al., 2024). Мотивация, высокие амбиции и хорошая самооценка являются ключом к реализации творческого потенциала, и учитель должен неявно способствовать развитию социальных и эмоциональных навыков, которые лежат в основе эффективного обучения, позитивного поведения, а также эмоционального здоровья и психологического благополучия учащихся с разным творческим потенциалом. Положительная обратная связь также важна для развития и поддержания мотивации и самоуважения, а также оценка стратегий обучения, учебных материалов и условий обучения.

Цель исследования

Целью данного исследования является психолого-педагогическая диагностика творческого потенциала учащихся музыкальных колледжей, применяя которую можно было выявить, как показатели творческого потенциала могут стать предикторами музыкальной одаренности учащихся.

Научная новизна исследования состоит в получении результатов сравнительной диагностики творческого потенциала российских и китайских учащихся при обучении музыке для дальнейшего планирования их образовательного процесса с помощью дифференцированной образовательной программы с гибкой системой многоуровневых заданий и поощрением самостоятельности; для более компетентных учащихся такая система предполагает замену простых заданий более сложной работой, углубление понимания, установление связей и применение знаний в реальном мире, что поможет талантливым учащимся не утратить интерес к обучению и творчески подходить к выполнению поставленных задач для развития музыкального таланта, достижения высоких результатов и получения удовлетворения от творческой деятельности.

Методы

На экспериментально-диагностическом этапе исследования была разработана комплексная методика психолого-педагогической диагностики учащихся с разным творческим потенциалом (креативности) при обучении музыке.

Выборка

Исследование степени одаренности и креативности учащихся в процессе обучения музыке проводилось на базе Шэньчжэньского колледжа международного образования, г. Шэньчжэн, Китай (50 человек) и ГБПОУ Ростовский колледж искусств, г. Ростов-на-Дону, Россия (62 человека). Возраст учащихся колледжа варьируется от 14 до 19 лет ($n = 112$). Средний возраст респондентов – $17,1 \pm 1,8$ лет, а медианный возраст составляет 17 лет.

На первом этапе исследования психолого-педагогических особенностей групп учащихся с разным творческим потенциалом проводился сбор данных на выборке китайских учащихся Шэньчжэньского колледжа международного образования, г. Шэньчжэнь (Китай), и российских учащихся ГБПОУ *Ростовский колледж искусств, г. Ростов-на-Дону, Россия*.

Реализация цели исследования предполагает необходимость получения двух основных массивов эмпирических данных. На основании разделения испытуемых на две группы был проведен анализ различий между ними по исследуемым показателям. Критерием деления испытуемых на две группы стала местность проживания, принимая во внимание получение профессионального музыкального образования:

- 1-я группа – г. Шэньчжэн, Китай (n1 = 50 человек);
- 2-я группа – г. Ростов-на-Дону, Россия (n2 = 62 человека).

Обе выборки совпадают по основным акмеологическим показателям, включая возраст, гендер, уровень образования и музыкальную направленность учащихся.

Методика психолого-педагогической диагностики учащихся с разным творческим потенциалом (креативности)

Для исследования психолого-педагогических особенностей групп с разным творческим потенциалом были разработаны анкеты для учащихся на русском и английском языках, с учетом ментальности китайских учащихся колледжа, для которых английский – второй язык.

Первая часть анкеты учащихся состоит из 8 утверждений и является диагностической. Проведение подобной диагностики позволяет узнать степень вовлеченности учащихся при обучении музыке в группах с разным творческим потенциалом.

Вторая часть анкеты включает 5 утверждений и определяет уровень эмоционального интеллекта учащегося (см. табл. 1). Согласие с утверждениями определяется выбором из трех вариантов: а (1 балл), b (2 балла) или с (3 балла). Сумма набранных баллов позволяет указать уровень эмоционального интеллекта с учетом субъективного опыта участника эмпирического исследования.

Третья часть исследования представляет собой адаптированный опросник мотивации к успеху Т. Элерса (Rost & Czeschlik, 1994; Макарова, Макарова, Денисов, 2022; Зимина, 2023; Musikhina, 2024), который состоит из 20 утверждений, на каждое из которых необходимо ответить «да» или «нет». Эта часть опроса нацелена на профессиональное самоопределение учащихся; определение уровня мотивации к обучению музыки в группах с разным творческим потенциалом.

Четвертая часть комплексного исследования включает 30 утверждений и основана на зарубежных исследованиях (Müllensiefen et al., 2013; Lima et al., 2023; Møller et al., 2024), посвященных психологической диагностике учащихся с разным творческим потенциалом (креативности) в процессе обучения музыке. Согласие с утверждениями оценивается по 5-балльной шкале Лайкерта, что позволяет указать степень соответствия каждого пункта субъективному опыту участника обследования. Выбранная шкала состоит из четырех секций (вовлеченность, восприятие, вокальные данные, эмоциональность) – показателей, характеризующих творческий потенциал учащихся, в частности, в процессе обучения музыке. Секция «музыкальность» не учитывается при проведении данной психолого-педагогической диагностики, поскольку все студенты обучаются музыке профессионально в специализированных учебных заведениях.

Математическая обработка полученных эмпирических данных включала определение средних величин исследуемых показателей, а также процедуру оценки статистической значимости выявленных различий.

Результаты

На первом, диагностическом, этапе исследования было выявлено, что респонденты Шэньчжэньского колледжа международного образования г. Шэньчжэн, Китай и Ростовского колледжа искусств, г. Ростов-на-Дону, Россия регулярно занимаются игрой на музыкальных инструментах (включая вокал) от года до 15 лет. На пике своего интереса они практикуются до 10 часов ежедневно на своем основном музыкальном инструменте (включая вокал). За последний год большинство респондентов обоих музыкальных колледжей посещали мероприятия с живой музыкой в качестве зрителя. Большинство респондентов умеет играть на двух и более музыкальных инструментах.

На втором этапе исследования было проведено анкетирование, позволяющее диагностировать уровень эмоционального интеллекта учащегося. Сумма набранных баллов позволяет указать уровень эмоционального интеллекта с учетом субъективного опыта участников Шэньчжэньского колледжа международного образования г. Шэньчжэн, Китай и Ростовского колледжа искусств, г. Ростов-на-Дону, Россия.

Таблица 1

Диагностика уровня эмоционального интеллекта учащегося в процессе обучения музыке: сравнительный анализ

	Страна	Частота выбора баллов (кол-во / %)			Ср. знач.	Дисп.	Ст. откл.
		a	b	c			
1. Как часто ты общаешься с друзьями и рассказываешь им о своих чувствах?	Китай	4 /8,00%	28 /56,00%	18 /36,00%	2,28	0,369	0,518
	Россия	6 /9,68%	21 /33,87%	35 /56,45%	2,47	0,450	0,600
2. Как ты реагируешь на чувства других людей? Например, если кто-то грустит или радуется.	Китай	3 /6,00%	11 /22,00%	36 /72,00%	2,66	0,351	0,490
	Россия	2 /3,22%	8 /12,90%	52 /83,87%	2,81	0,224	0,325

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

	Страна	Частота выбора баллов (кол-во / %)			Ср. знач.	Дисп.	Ст. откл.
		a	b	c			
3. Как часто ты спрашиваешь у родителей или учителей о том, что тебе непонятно или тревожит?	Китай	6 /12,00%	36 /72,00%	8 /16,00%	2,04	0,284	0,307
	Россия	1 /1,61%	32 /51,61%	29 /46,77%	2,45	0,285	0,513
4. Как ты реагируешь на конфликтные ситуации с друзьями или одноклассниками?	Китай	2 /4,00%	20 /40,00%	28 /56,00%	2,52	0,336	0,538
	Россия	2 /3,22%	22 /35,48%	38 /61,29%	2,58	0,313	0,514
5. Как ты обычно реагируешь на стрессовые ситуации или сложные задачи?	Китай	9 /18,00%	29 /58,00%	12 /24,00%	2,06	0,425	0,451
	Россия	6 /9,68%	39 /62,90%	17 /27,42%	2,18	0,345	0,451

По результатам анализа данных исследования, на вопрос «Как часто ты общаешься с друзьями и рассказываешь им о своих чувствах?» большинство китайских учащихся (56%) отвечают «иногда, когда им нужна помощь или поддержка», а большинство российских учащихся (56,45%) выбирают ответ «очень часто», они доверяют своим друзьям и рассказывают им всё.

На вопрос «Как ты реагируешь на чувства других людей? Например, если кто-то грустит или радуется» большинство студентов обоих вузов ответили, что стараются понять и поддержать других в их эмоциях, 72% и 83,87% соответственно.

На вопрос «Как часто ты спрашиваешь у родителей или учителей о том, что тебе непонятно или тревожит?», также большинство студентов обоих вузов ответили «иногда, когда считаю, что это важно», 72% и 51,61% соответственно.

На вопрос «Как ты реагируешь на конфликтные ситуации с друзьями или одноклассниками?» студенты обоих вузов ответили, что они стараются спокойно обсудить ситуацию и найти взаимопонимание – 56% и 61,29% соответственно.

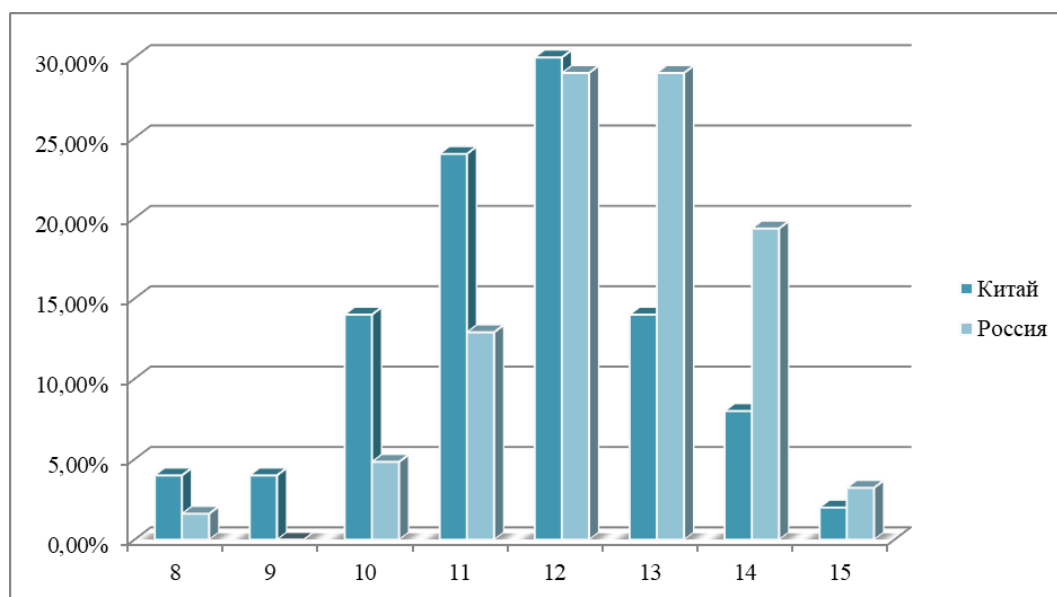
На последний вопрос этой секции: «Как ты обычно реагируешь на стрессовые ситуации или сложные задачи?» также большинство студентов обоих вузов ответили, что иногда они чувствуют стресс, но стараются собраться и решить проблему, 58% и 62,9% соответственно.

На рисунке 1 представлен сравнительный анализ уровня сформированности эмоционального интеллекта учащихся Китая и России в процентном отношении. Анализируя общие результаты сформированности эмоционального интеллекта выборки двух колледжей, можно подвести обобщенные итоги. Низкий уровень эмоционального интеллекта не выявлен. Средний уровень эмоционального интеллекта (6–10 баллов) для студентов Шэньчжэньского колледжа международного образования составил 22% и для студентов Ростовского колледжа искусств – 6,45%.

Высокий уровень эмоционального интеллекта (11–15 баллов) для студентов Шэньчжэньского колледжа международного образования составил 78% и для студентов Ростовского колледжа искусств – 93,55%.

Рисунок 1

Сравнительный анализ уровня сформированности эмоционального интеллекта учащегося (%)

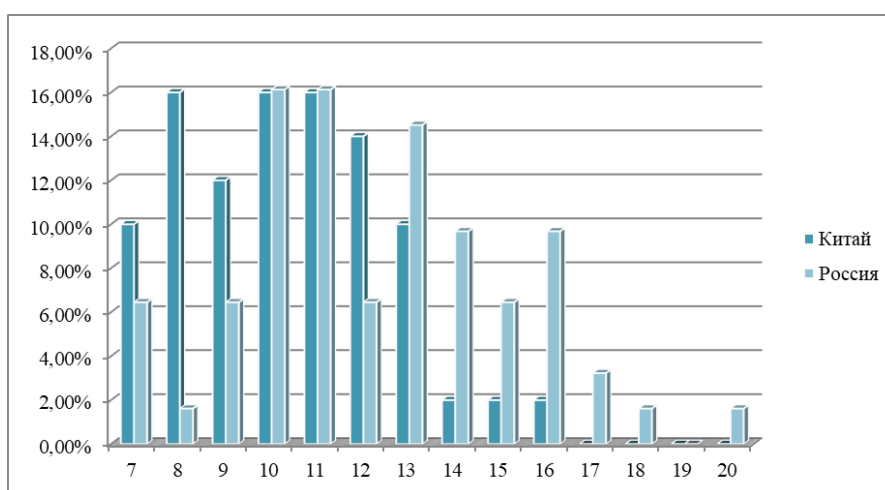

На третьем этапе исследования респондентам был предложен адаптированный опросник мотивации к успеху Т. Элерса, нацеленный на профессиональное самоопределение учащихся и определение уровня мотивации к обучению музыке в группах с разным творческим потенциалом.

На рисунке 2 представлен сравнительный анализ уровня мотивации к успеху в процессе обучения музыке в группах с разным творческим потенциалом Китая и России в процентном отношении.

Рисунок 2

Сравнительный анализ уровня мотивации к успеху в процессе обучения музыке в группах учащихся с разным творческим потенциалом (%)

Слабый уровень мотивации к успеху в обеих группах не выявлен.

Средний уровень мотивации к успеху (7–13 баллов) для учащихся Шэньчжэньского колледжа международного образования составил подавляющее большинство (94%), и для студентов Ростовского колледжа искусств – 67,74%. Стремление к цели приходит к учащимся в форме приливов и отливов. Порой им хочется бросить обучение музыке, поскольку они не уверены в достижимости цели обучения.

Высокий уровень мотивации к успеху (14–20 баллов) для студентов Шэньчжэньского колледжа международного образования составил 6%, и для студентов Ростовского колледжа искусств этот процент значительно выше – 32,26%. Данные студенты обладают сильной мотивацией к успеху в обучении музыке. Они упорны в достижении цели и готовы преодолеть любые препятствия на пути становления своей будущей профессии – профессии музыканта.

Четвертая часть комплексного исследования посвящена психологической диагностике одаренности (креативности) учащихся с разным творческим потенциалом в процессе обучения музыке. Обобщенные результаты проведенного исследования представлены в таблице 2 и на рисунке 3 соответственно.

Таблица 2

Психологическая диагностика творческого потенциала (креативности) одаренных учащихся в процессе обучения музыке: сравнительный анализ (Китай и Россия)

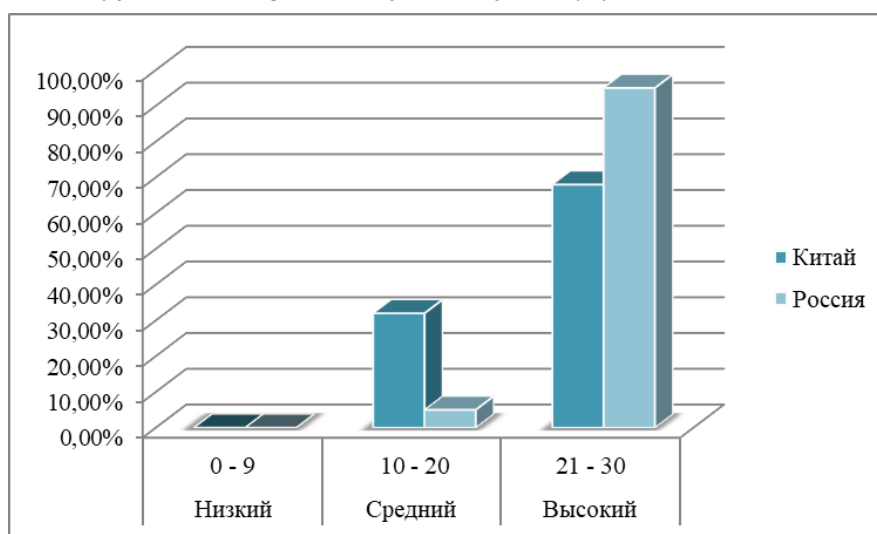
Страна	Размер группы (чел.)	Min.	Max.	Среднее значение	Станд. отклонение	Дисперсия	Уровень креативности		
							Низкий 0 - 9	Средний 10 - 20	Высокий 21 - 30
Китай	50	9,4	27,2	21,672	2,7434	15,5523	- (0%)	16 (32%)	34 (68 %)
Россия	62	17,6	29,4	25,0516	2,2820	8,2727	- (0%)	3 (5%)	59 (95%)

По результатам анализа данных исследования, среднее значение уровня творческого потенциала (креативности) учащихся Шэньчжэньского колледжа международного образования (Китай) составило 21,67 баллов, а студентов Ростовского колледжа искусств – 25,05 баллов, что сравнительно выше. Стандартное отклонение показывает величину разброса полученных данных и составляет 2,74 балла для китайских учащихся и 2,28 балла для российских учащихся.

Проведенный расчет t-критерия Стьюдента позволяет оценить статистическую значимость выявленных различий величин средних значений для двух несвязанных выборок. Полученное эмпирическое значение $t_{Эмп} = 5,2$ ($p \leq 0.01$) находится в зоне значимости.

Рисунок 3

Сравнительный анализ психологической диагностики творческого потенциала (креативности) учащихся в процессе обучения музыке (%)

В целом, учащиеся Шэньчжэньского колледжа международного образования (Китай) субъективно демонстрируют средний (32%) и высокий (68%) уровень творческого потенциала (креативности) в процессе обучения музыке. Субъективная оценка творческого потенциала студентов *Ростовского колледжа искусств, г. Ростов-на-Дону, Россия* значительно выше; высокий уровень творческого потенциала (креативности) учащихся достигает 95%.

По результатам проведенного эмпирического исследования можно сделать следующие выводы:

- при работе в группах с разным творческим потенциалом в процессе обучения музыке высокий уровень эмоционального интеллекта обеспечивает хорошую эмоциональную осведомленность при управлении своими эмоциями;
- сильная мотивация к успеху является одним из ключевых аспектов обучения музыке, поскольку респондент упорен в достижении цели и готов преодолеть любые препятствия, что важно в процессе самоидентификации учащегося как профессионального музыканта;
- высокий уровень творческого потенциала приводит к тому, что учащийся живет музыкой, планирует профессиональную музыкальную карьеру, следовательно, правильно исполняет заданные музыкальные произведения (песни), прорабатывает заданный материал, умеет самостоятельно творчески работать над произведением и получает от этого удовольствие.

Обсуждение результатов

По сравнению с другими диагностическими процедурами, не существует четких определений одаренности и таланта, учащиеся с выдающимися способностями часто отличаются от своих сверстников не только быстротой освоения знаний, но и по личностным характеристикам. Творческий потенциал – это одно из измерений, позволяющих судить об одаренности учащегося, что позволяет предлагать ему список образовательных услуг, которые обычно не предоставляются (Макарова, Абросимова, 2023).

Анализ полученных результатов (Таблицы 1, 2 и Рис. 1 – 3) свидетельствует о том, что феномен одаренности тесно связан с творческим потенциалом учащегося и с его мотивацией. Данные также можно использовать для идентификации талантливых учащихся, чтобы они не «затерялись» среди своих сверстников.

Полученные в нашем исследовании результаты соответствуют и подтверждают выводы, которые были сделаны в предыдущих исследованиях (Богоявленская, 2019; Лейтес²⁰²³; Макарова, Абросимова, 2023; Нагорнова, 2019; Савенков, 2024). Наряду с исследователями одаренности (Бозиева, Паштов, 2018; Шумакова, 2020; Экземплярский²⁰⁰⁶), мы признаем, что талантливые учащиеся – это личности со своими уникальными способностями, сильными и слабыми характеристиками,

которые нуждаются в сопровождении педагога для развития своих талантов и в социальной поддержке сверстников и родителей.

Представленные в исследовании данные также согласуются с работами отечественных и зарубежных исследователей (Абросимова, Макарова, 2022; Анисимов, 2004; Schiavi & Benedek, 2020) в том, что необходима психолого-педагогическая диагностика творческого потенциала одаренных и талантливых для того, чтобы применить дифференцированную гибкую систему обучения с учетом всех особенностей одаренных учащихся. Особенно это актуально для музыкантов (Кирнарская, 2006).

В существующих исследованиях (Subotnik, Olszewski-Kubilius & Worrell, 2018; Worrell et al., 2021; Worrell & Dixson, 2018) было показано, что стремление и мотивация, уровень творческого потенциала, развитый эмоциональный интеллект являются «интеллектуальными предикторами» будущего таланта. Вслед за этими исследователями мы изучили три аспекта креативности: (а) связь между оценкой креативности учителем и субъективными оценками учащихся, оцененными по рубрикам, (b) групповые различия в отношении креативности между выявленными одаренными и остальными учащимися, и (с) потенциальные гендерные различия, очевидные в оценках креативности учителями, а также в творческих проектах и продуктах.

Следующий аспект анализа результатов нашего исследования показал, как распознавать одаренных и талантливых учащихся и организовать дальнейшее их обучение, особенно в сфере обучения музыке (Лучинина, 2013; Лосева, 2023; Макарова, Абросимова, 2022; Надырова, 2015; Холопова, 2012).

Мы, вслед за исследователями уровня креативности (Оржековский, Степанов, Мишина, 2020), утверждаем, что эффективная и своевременная диагностика и последующее обеспечение условий интеллектуального, эмоционального, социального и творческого развития, а также социальная поддержка взрослых и сверстников (Chatelain et al., 2024) позволит одаренным учащимся полностью реализовать свой потенциал и достичь высоких результатов в своей творческой деятельности.

Уровень креативности (творческого потенциала) студентов с учетом сформированности эмоционального интеллекта и наличия мотивации играет основополагающую роль в процессе обучения музыке. Преподаватели, которые понимают, что уровень креативности и эмоционального интеллекта учащихся сочетает в себе оригинальность и адекватность выполнения поставленной задачи, находят уникальные возможности для интеграции учащихся с разным творческим потенциалом в процесс обучения музыке с учетом повседневной учебной программы таким образом, чтобы она дополняла, а не конкурировала с академическим обучением.

Преподаватели могут помочь учащимся развивать свой творческий потенциал, предоставляя им информативную обратную связь о возможностях и ограничениях в

процессе преподавания музыки. Обратная связь должна следовать принципу, при котором информация не должна быть слишком жесткой (подавляющей мотивацию учащихся) и слишком мягкой (в отрыве от реальности) (Beghetto & Kaufman, 2013). Преподаватели должны предоставлять честную обратную связь и социальную поддержку учащимся, которая способна установить правильный баланс в группах учащихся с разным творческим потенциалом в процессе обучения музыке и поддерживать их в развитии креативности.

Заключение

Таким образом, анализ результатов исследования показал, что исходный творческий потенциал учащихся музыкальных колледжей является предиктором дальнейшего развития таланта. Результаты психологической диагностики позволяют редактировать программу обучения музыке с учетом выбора инструментов и технологий, активизирующих формирование и развитие эмоционального интеллекта в группах с разным творческим потенциалом в процессе обучения музыке. Проведенная диагностика поможет исследовать тенденции развития творческого потенциала китайских и российских учащихся в процессе обучения музыке. Усовершенствованная программа психологического обеспечения процесса преподавания музыки в группах с разным творческим потенциалом может существенно повысить эффективность данного процесса. В перспективе научных исследований данную комплексную методику можно использовать для оценки социальной поддержки учащихся между собой, преподавателями и родителями в процессе профессионального обучения музыке, а также оценить их потребность в познании того, как эмоциональный интеллект и мотивация к успеху влияют на развитие творческого потенциала.

Литература

- Абросимова, Е. Б., Макарова, Е. А. (2022). Психологические особенности обучения игре на музыкальных инструментах одаренных и талантливых детей. *Педагогическая деятельность как творческий процесс: Материалы Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием), Грозный, 29 октября 2022 года*. Издательство АЛЕФ.
- Анисимов, В. П. (2004). *Диагностика музыкальных способностей*. ВЛАДОС.
- Богоявленская, Д. Б. (2019). Философские основы теории одаренности. *Культурно-историческая психология*, 15(2), 14–21. <https://doi.org/10.17759/chp.2019150202>
- Бозиева, М. М., Паштов, Т. З. (2018). Особенности одаренных и талантливых детей. *Экономика и социум*, 2(45), 135–141.
- Дикая, Л. А., Наумова, М. И. (2014). Психофизиологические корреляты когнитивной деятельности у моторно-одаренных школьников. *Северо-кавказский психологический вестник*, 12(1), 5–9. EDN SMGZBR
- Зими́на Н. А. (2023). Психологические особенности взаимосвязи мотивации достижения успеха и эмоционального интеллекта. *Гуманизация образования*, (2), 49–61. <https://doi.org/10.24412/1029-3388-2023-2-49-61>

- Кибальченко, И.А., Григорьев, А.О., Криничный, Ю.А., Родина, А.А., Морев, К.И. (2020). Диагностика и развитие концептуальных способностей студентов в учебном процессе. *Инновационная наука: психология, педагогика, дефектология*, 3(1), 19–30.
- Кирнарская, Д. К. (2006). *Теоретические основы и методы оценки музыкальной одаренности*. Диссертация на соискание ученой степени доктора психологических наук. Москва.
- Лейтес, Н. С. (2003). *Возрастная одаренность и индивидуальные различия*. МПСИ.
- Лосева, С. Н. (2023). Инклюзивный подход в исследовании синестетичности структуры музыкальной одаренности. *Вестник музыкальной науки*, 11(4), 169–174. <https://doi.org/10.24412/2308-1031-2023-4-169-174>
- Лучина, О. (2013). *Личностно-ориентированная музыкальная психокоррекция*. Проект «LENOLIUS».
- Макарова, Е. А., Абросимова, Е. Б. (2022). Роль музыки в развитии эмоциональной сферы учащихся. *Вестник Адыгейского государственного университета. Серия: Педагогика и психология*, 3(303), 37–47.
- Макарова, Е. А., Абросимова, Е. Б. (2023). Модели одаренности и психологические особенности обучения музыке. *Вестник Таганрогского института управления и экономики*, 3(39), 89–94.
- Макарова, Е. А., Макарова, Е. Л., Денисов, Б. В. (2022). Мотивация к успеху учащихся в малых группах при обучении музыке. *Российский психологический журнал*, 19(3), 108
- Надырова, Д. С. (2015). О ценности музыкальных занятий в развитии интеллекта ребенка. I Международная научно-практическая конференция «Дополнительное профессиональное образование в контексте социокультурных и образовательных трансформаций». ИДПО, Казань, Россия.
- Оржековский, П. А., Степанов, С. Ю., Мишина, И. Б. (2020). Развитие и оценка творческих способностей учащихся на уроках в условиях нарастающей цифровизации образования. *Непрерывное образование: XXI век*, 3, 2–14. *Психология и педагогика детской одаренности: коллективная монография*. А.Ю. Нагорнова (ред.). Зебра.
- Савенков, А. И. (2024). *Психология детской одаренности: учебник для вузов*. Издательство Юрайт.
- Холопова, В. (2012). *Эмоции и смысл музыки. Проблематика основного зарубежного труда по музыкальным эмоциям*. П.Н. Джаслин, Дж.А.Слобода (сост). *Музыка и эмоция. Теория и исследования*. Вестник РАМ им. Гнесиных.
- Шумакова, Н. Б. (2020). Обучение одаренных и талантливых детей в контексте доказательной практики. *Социальные науки и детство*, 1(1), 34–46. <https://doi.org/10.17759/ssc.2020010103>
- Экземплярский, В. М. (2006). *Проблема одаренности. Измерение одаренности как теоретическая и практическая проблема*. В: *Что такое одаренность*. А.М. Матюшкин, А.А. Матюшкина (ред.). ЧеРо.
- Beghetto, R. A., & Kaufman, J. C. (2013). Fundamentals of creativity. *Educational Leadership*, 70(5), 10–15.
- Bogoyavlenskaya D.B. (2010). Giftedness: The Answer in One and a Half Centuries. *Psychology in Russia: State of the Art*, 3, 197–213.
- Chatelain, S., Barman, K., Lage-Gómez, C., & Moor, M. (2024). Reframing creative teaching in secondary music teacher education. *Education Sciences*. 14, 324. <https://doi.org/10.3390/educsci14030324>
- Lima, C. F., Correia, A. I., Mullensiefen, D., & Castro, S. L. (2023). Goldsmiths Musical Sophistication Index (Gold-MSI): Portuguese version and associations with socio-demographic factors, personality and music preferences, 48. *Psychology of music*.

- Møller C., Hansen N. C., Vuust P., Müllensiefen D. *The Danish Goldsmiths Musical Sophistication Index: Validation in samples with different degrees of representativeness*. PsyArXiv; 2024. <https://doi.org/10.31234/osf.io/qah3w>
- Müllensiefen, D., Gingras, B., Stewart, L., & Musil, J. (2013). *Goldsmiths Musical Sophistication Index (Gold-MSI) v1.0: Technical report and documentation. Revision 0.3*. London: Goldsmiths, University of London.
- Musikhina, Y. (2024). Gender Differences in Motivation for Success and Their Impact on Personal and Professional Achievements of Students. *Eurasian Journal of Gender Studies*, 1(1), 34–43.
- Rost, D. H., Czeschlik, T. (1994). The psycho-social adjustment of gifted children in middle-childhood. *European Journal of Psychology of Education*, 9, 15–25. <https://doi.org/10.1007/BF03172882>
- Schiavio, A., & Benedek, M. (2020). Dimensions of musical creativity. *Frontiers of Neuroscience*, 14, 578932.
- Subotnik, R. F., Olszewski-Kubilius, P., & Worrell, F. C. (2018). *Talent development as the most promising focus of giftedness and gifted education*. Springer.
- Worrell, F. C., & Dixson, D. D. (2018). *Retaining and recruiting underrepresented gifted students*. Handbook of Giftedness in Children. S.I. Pfeiffer (ed.). Springer.
- Worrell, F. C., Olszewski-Kubilius, P., & Subotnik, R. F. (2021). *Gifted and talented students. Mental health consultation and interventions in school settings: A scientist-practitioner's guide*. Hogrefe Publishing GmbH.

Поступила в редакцию: 13.05.2024

Поступила после рецензирования: 03.06.2024

Принята к публикации: 12.08.2024

Заявленный вклад авторов

Елена Александровна Макарова – планирование и руководство исследованием, теоретический обзор зарубежных и отечественных исследований, подготовка текста статьи.

Елена Львовна Макарова – организация эмпирического исследования, анализ и интерпретация полученных эмпирических данных, подготовка и редактирование текста статьи.

Елена Борисовна Абросимова – сбор эмпирических данных, анализ и интерпретация полученных эмпирических данных, подготовка текста статьи, работа с источниками.

Информация об авторах

Елена Александровна Макарова – доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры «Общая и консультативная психология», ФГБОУ ВО «Донской государственной технической университет, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация; Scopus Author ID: 57189616730, ResearcherID: B-9389-2017, SPIN-код: 3737-0346, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-5784-9430>; e-mail: makarova.h@gmail.com

Елена Львовна Макарова – кандидат педагогических наук, доцент кафедры «Менеджмент и инновационные технологии», Институт управления в экономических, экологических и социальных системах, ФГАОУ ВО «Южный Федеральный университет», г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация; Scopus Author ID: 57200254786, ResearcherID: T-2044-2019, SPIN-код: 5275-1600, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-4100-4879>; e-mail: elmakarova@sfedu.ru

Елена Борисовна Абросимова – учитель музыки, Колледж международного образования, г. Шэньчжэнь, Китай; SPIN-код: 5596-7655, e-mail: lenuar@gmail.com

Информация о конфликте интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Приложение

Приложение 1

Комплексная методика психолого-педагогической диагностики учащихся с разным творческим потенциалом (креативности)

I. Ответьте, пожалуйста, на следующие вопросы:

1. Я регулярно ежедневно занимался игрой на музыкальных инструментах (включая вокал) в течение ___ лет.
2. На пике моего интереса я практиковался по ___ часов в день на своем основном инструменте.
3. За последние двенадцать месяцев я посещал мероприятия с живой музыкой в качестве зрителя.
4. Я получил формальное образование по теории музыки в течение ___ лет.
5. За свою жизнь я прошел ___ лет формального обучения игре на музыкальном инструменте (включая вокал).
6. Я умею играть на ___ музыкальных инструментах.
7. Я внимательно слушаю музыку _____ раз в день.
8. Инструмент, на котором я играю лучше всего (включая вокал), – _____.

II. Ответьте, пожалуйста, на следующие вопросы. Выберите один из предложенных вариантов ответа.

1. Как часто ты общаешься с друзьями и рассказываешь им о своих чувствах?
а) Почти никогда.

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

- b) Иногда, когда мне нужна помощь или поддержка.
- c) Очень часто, я доверяю своим друзьям и рассказываю им всё.
2. Как ты реагируешь на чувства других людей? Например, если кто-то грустит или радуется.
- a) Я обычно не замечаю, что происходит с другими.
- b) Иногда замечаю, но не всегда знаю, что делать.
- c) Я стараюсь понять и поддержать других в их эмоциях.
3. Как часто ты спрашиваешь у родителей или учителей о том, что тебе непонятно или тревожит?
- a) Почти никогда, я стесняюсь спрашивать.
- b) Иногда, когда считаю, что это важно.
- c) Я всегда спрашиваю, если что-то смущает или волнует меня.
4. Как ты реагируешь на конфликтные ситуации с друзьями или одноклассниками?
- a) Я обычно раздражаюсь или злюсь.
- b) Иногда я пытаюсь найти компромисс или решить проблему.
- c) Я стараюсь спокойно обсудить ситуацию и найти взаимопонимание.
5. Как ты обычно реагируешь на стрессовые ситуации или сложные задачи?
- a) Я часто переживаю и не знаю, как справиться с ситуацией.
- b) Иногда я чувствую стресс, но стараюсь собраться и решить проблему.
- c) Я обычно спокойно реагирую на стресс и ищу решения.

III. Необходимо утвердительно или отрицательно ответить на следующие вопросы:

Я легко раздражаюсь, когда замечаю, что не могу на все 100 % выполнить задание.	ДА	НЕТ
Когда я два дня подряд не занимаюсь музыкой, я теряю покой.	ДА	НЕТ
В некоторые дни мои успехи ниже средних.	ДА	НЕТ
Когда я отказываюсь от трудного задания, я потом сурово осуждаю себя, так как знаю, что в нем я добился бы успеха.	ДА	НЕТ
В процессе обучения музыке я нуждаюсь в небольших паузах для отдыха.	ДА	НЕТ

Порицание стимулирует меня сильнее, чем похвала.	ДА	НЕТ
Трудности делают мои решения более сознательными.	ДА	НЕТ
Я очень амбициозен.	ДА	НЕТ
Когда я занимаюсь без вдохновения, это обычно заметно.	ДА	НЕТ
Иногда я откладываю то, что должен был сделать сейчас.	ДА	НЕТ
Нужно полагаться только на самого себя.	ДА	НЕТ
Всегда, когда мне предстоит выполнить важное задание, я ни о чем другом не думаю.	ДА	НЕТ
В конце каникул я обычно радуюсь, что скоро вернусь к занятиям.	ДА	НЕТ
Когда я расположен к работе, я делаю ее лучше и квалифицированнее, чем другие.	ДА	НЕТ
Мне проще и легче общаться с людьми, которые могут упорно заниматься музыкой.	ДА	НЕТ
Когда мне приходится принимать решение, я стараюсь делать это самым эффективным способом.	ДА	НЕТ
Я обычно обращаю мало внимания на свои достижения.	ДА	НЕТ
Многое, за что я берусь, я не довожу до конца.	ДА	НЕТ
Я завидую людям, которые не должны много заниматься.	ДА	НЕТ
Когда я уверен, что я делаю все правильно, для доказательства своей эффективности я ни перед чем не остановлюсь.	ДА	НЕТ

IV. Укажите, пожалуйста, насколько следующие утверждения могут относиться к вам при обучении в классе: 1 – полностью не согласен, 2 – частично не согласен, 3 – трудно сказать, согласен или нет, 4 – частично согласен, 5 – абсолютно согласен

1. Большую часть свободного времени я провожу, занимаясь музыкальной деятельностью.	1 2 3 4 5
---	-----------

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

2. Иногда я выбираю музыку, от которой у меня мурашки по спине.	1 2 3 4 5
3. Мне нравится писать о музыке, например, в блогах и на форумах.	1 2 3 4 5
4. Если кто-то начинает петь песню, которую я не знаю, я обычно могу присоединиться.	1 2 3 4 5
5. Я могу судить, хорошо или плохо человек поет.	1 2 3 4 5
6. Обычно я узнаю это, когда впервые слышу песню.	1 2 3 4 5
7. Я могу петь или играть музыку по памяти.	1 2 3 4 5
8. Меня заинтриговали музыкальные стили, с которыми я не знаком, и я хочу узнать больше.	1 2 3 4 5
9. У меня музыкальные произведения редко вызывают эмоции.	1 2 3 4 5
10. Я могу брать правильные ноты, когда пою под запись.	1 2 3 4 5
11. Мне трудно найти ошибки в исполнении песни, даже если я знаю мелодию.	1 2 3 4 5
12. Я могу сравнивать и обсуждать различия между двумя исполнениями или версиями одного и того же музыкального произведения.	1 2 3 4 5
13. Мне трудно узнать знакомую песню, если она исполнена по-другому или другим исполнителем.	1 2 3 4 5
14. Меня никогда не хвалили за мои таланты музыкального исполнителя.	1 2 3 4 5
15. Я часто читаю или ищу в Интернете информацию, связанную с музыкой.	1 2 3 4 5
16. Я часто выбираю определенную музыку, которая меня мотивирует или волнует.	1 2 3 4 5
17. Я не могу петь гармонично, когда кто-то поет знакомую мелодию.	1 2 3 4 5

18. Я могу сказать, когда люди поют или играют не в такт ритму.	1 2 3 4 5
19. Я могу определить, что особенного в данном музыкальном произведении.	1 2 3 4 5
20. Я умею говорить об эмоциях, которые вызывает у меня музыкальное произведение.	1 2 3 4 5
21. Я могу сказать, когда люди поют или играют фальшиво.	1 2 3 4 5
22. Когда я пою, я понятия не имею, настроен я или нет.	1 2 3 4 5
23. Музыка для меня – это своего рода зависимость, я не могу жить без нее.	1 2 3 4 5
24. Я не люблю петь публично, потому что боюсь, что спою не те ноты.	1 2 3 4 5
25. Когда я слышу музыку, я обычно могу определить ее жанр.	1 2 3 4 5
26. Я бы не считал себя музыкантом.	1 2 3 4 5
27. Я отслеживаю новую музыку, с которой сталкиваюсь (например, новых исполнителей или записи).	1 2 3 4 5
28. Услышав новую песню два или три раза, я обычно могу спеть ее сам.	1 2 3 4 5
29. Мне нужно услышать новую мелодию всего один раз, и я смогу спеть ее спустя несколько часов.	1 2 3 4 5
30. Музыка может пробудить мои воспоминания о прошлых людях и местах.	1 2 3 4 5

Научный обзор

УДК 159.9.07

<https://doi.org/10.21702/rpj.2024.3.14>

Позитивная нейронаука – анализ направлений исследований нового интегративного подхода

Артур А. Реан¹ , Андрей О. Шевченко^{1*} , Алексей А. Ставцев¹ ,
Антон Л. Линьков²

¹Московский педагогический государственный университет, Москва,
Российская Федерация

²Еврейский музей и центр толерантности, Москва, Российская Федерация

*Почта ответственного автора: andreyshevchenkomsu@gmail.com

Аннотация

Введение. Позитивная нейронаука – интегративная область, направленная на изучение физиологических механизмов в позитивно-психологическом контексте. Исследования данной области затрагивают проблематику просоциального поведения, сильных сторон личности (VIA), благополучия и альтруизма. Новизна исследования – теоретическое обоснование формирования нового для российского научного пространства направления – позитивной нейронауки.

Теоретическое обоснование. Основные тенденции современной позитивной психологии – это позитивная социализация, благополучие и сильные стороны личности (VIA). Три практические области применения позитивной нейронауки – формирование психологического благополучия личности, профилактика агрессии и стимулирование просоциального поведения личности. Мы провели анализ нейроисследований на предмет их согласованности с позитивно-психологическим подходом к изучению личности и возможности дальнейшего интегративного изучения личности на стыке трех областей психологического знания: позитивной психологии, психологии личности и системной психофизиологии, в частности в аспекте изучения агрессии и просоциального поведения. Позитивная нейронаука – и самостоятельная отрасль фундаментального психологического знания, и дополнительный и альтернативный способ исследования классических концепций

психологии личности, социальной психологии и системной психофизиологии в рамках позитивно-психологического направления, что подтверждается психологическими исследованиями. **Обсуждение результатов.** Позитивная нейронаука – высоко перспективное направление как в теоретическом аспекте изучения и описания личности, так и в практическом аспекте выявления и нахождения наиболее эффективных способов формирования психологического благополучия и психологической жизнестойкости личности, ее просоциальных паттернов поведения и профилактики агрессии и деструктивного поведения.

Ключевые слова

позитивная психология, позитивная нейронаука, социальная нейронаука, психологическое благополучие, альтруизм, просоциальное поведение, профилактика агрессии

Финансирование

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 24-18-00389 на тему «Социально-психологические и психофизиологические индикаторы психологического благополучия и просоциального поведения молодежи»).

Для цитирования

Реан, А. А., Шевченко, А. О., Ставцев, А. А., Линьков, А. Л. (2024). Позитивная нейронаука – анализ направлений исследований нового интегративного подхода. *Российский психологический журнал*, 21(3), 250–263. <https://doi.org/10.21702/rpj.2024.3.14>

Введение

Одним из актуальных направлений психологии является позитивная психология, масштабная и быстроразвивающаяся область современной психологической науки, изучающая психологическое благополучие личности, социальных групп и общества в целом (Реан, Ставцев, Шевченко, 2022; Леонтьев, 2012; Seligman, Steen, Park & Peterson, 2005). Позитивная психология стремится исследовать положительные черты личности, которые делают жизнь «стоящей того, чтобы ее прожить», включая изучение концептов надежды, мудрости, творчества, устремленности в будущее, мужества, духовности, ответственности, настойчивости и других (Реан, Ставцев, Шевченко, 2022), а также и негативные стороны психологического функционирования человека (Реан, Ставцев, 2020). Так, в основе позитивно-психологического концепта лежит ряд эмпирически проверяемых положений, таких как выученная

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ МОЗГА

беспомощность или же модель сильных сторон личности (VIA) (Любознательность, Оптимизм, Энергичность, Благодарность, Любовь, Справедливость, Креативность и пр.). В то же время во многих психологических направлениях был сформирован запрос на интегративные исследования, например, в психоанализе – ассоциация нейропсихоанализа (URL: <https://npsa-association.org/>). Нейроисследования дополняют существующие теоретические концепты психологической науки, а также могут детализировать теории, подтверждать или опровергать гипотезы.

Позитивная нейронаука – это интеграция нейроисследований в позитивно-психологический контекст. Исследования нейронауки может находиться вне области позитивного направления, но быть значимым для позитивной нейронауки. Они основываются на данных, полученных с помощью нейровизуализации, вычислительной нейробиологии, когнитивной нейробиологии и других дисциплин. Позитивная нейронаука направлена на изучение физиологических функций, связанных с аспектами жизни человека, которые способствуют его благополучию (Summer, 2019; Greene, Morrison & Seligman, 2016). Позитивная нейронаука исследует, как мозг реагирует на позитивные и негативные эмоции, как он может быть изменен благодаря нейропластичности, и какие практики способствуют улучшению психического состояния и качества жизни. Объектами позитивной нейронауки выступают такие позитивно-психологические феномены, как альтруизм и просоциальное поведение, состояние потока, психологическое благополучие и другие.

Целью данной статьи является обобщение исследований в области нейронауки, значимых для позитивной психологии, анализ перспектив и ограничений данного интегративного подхода.

Теоретическое обоснование

Тенденции в современной позитивной психологии

Говоря о позитивной психологии и ее месте в системе психологических наук и направлений, следует отметить не только проблемное поле позитивно-психологических исследований, лежащее в области детального структурного и систематического изучения положительных аспектов психологии личности и социальной психологии, но и такую важную особенность данного подхода, как эмпирическая верификация, основанная на большом объеме качественных и количественных исследований, а также экспериментов (Реан, Ставцев, 2020; Ставцев, Реан, Кузьмин, 2021). В связи с этим необходимо подчеркнуть особую важность одной из ключевых моделей в рамках позитивной психологии – модели «VIA» (Values In Action) или модель 24 сильных сторон личности (Peterson & Seligman, 2004; Ставцев и др., 2021). Данная модель была представлена в 2004 году в рамках хрестоматийного труда Кристофера Питерсона и Мартина Селигмана «CSV»

(Character Strength And Virtues: A handbook and classification). Книга представляет собой структурированную научную классификацию гуманистических идей и теорий, а также положительных качеств личности, теорий и подходов к измерению данных качеств. Книга была создана по аналогии с «Diagnostic and Statistical Manual of Mental Disorders» – «настойной книгой» психологов из разных сфер, работающих с психическими расстройствами. Проанализировав огромный объем научной, философской и художественной литературы, ученые выделили 6 ключевых достоинств, которые можно разделить на 24 сильные стороны личности. Для определения того, является ли характеристика личности пригодной для включения в список CSV, авторам необходимо было установить возможность достоверного исследования данной характеристики с эмпирической точки зрения. В CSV были включены качества и характеристики личности, являющиеся положительными в мультикультурном смысле (актуальны независимо от национальности, региона, культурных особенностей, религии) (Реан, Ставцев, Кузьмин, 2023). Модель «Сильных сторон личности» продемонстрировала высокие показатели достоверности при работе с большими группами респондентов в РФ, были выделены сильные стороны личности, формирующие квартет психологической жизнестойкости (Любознательность, Энергичность, Оптимизм, Благодарность), построена предиктивная модель психологического благополучия личности в профессиональной деятельности на примере профессии социомического типа (педагоги) и выявлен ряд других важных эмпирических закономерностей, согласующихся с исследованиями зарубежных коллег (Реан, Ставцев, 2021б; Реан, Ставцев, Кузьмин, 2021, 2022, 2023; Ставцев и др., 2021).

Обособленно следует выделить значимость исследований на стыке позитивной психологии и нейронауки в области «теории потока» Михея Чиксентмихайи (Csikszentmihalyi, 2015; Реан, Шевченко, Ставцев, 2022). Изучение психофизиологических особенностей нахождения человека в продуктивном рабочем состоянии является крайне значимой и актуальной задачей современной науки, и вносит значимый вклад в развитие современных способов взаимодействия с информацией, включая образование и, в частности, геймификацию образования (Реан, Шевченко, Ставцев, 2022).

В то же время позитивная психология может выступать крайне эффективным инструментом в решении важной социальной проблемы агрессии и агрессивности в обществе (Реан, Ставцев, 2020). Под агрессией в нашей статье понимается то классическое определение, которое было дано Р. Бэроном и Д. Ричардсон: *«Агрессия – это любая форма поведения, нацеленного на оскорбление или причинение вреда другому живому существу, не желающему подобного обращения»* (Бэрон, Ричардсон, 2001, с. 27). Под просоциальным поведением мы понимаем такое поведение, которое приносит пользу другим людям или обществу в целом (Twenge, Baumeister, DeWall, Ciarocco & Bartels, 2007). С точки зрения эволюционной биологии принято считать агрессивность неотъемлемой частью человеческой

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ МОЗГА

натуры: «такой же инстинкт, как и все остальные» (Лоренц, 1994, с. 6). Но не все эволюционные биологи разделяют данную точку зрения, тут стоит отметить мнение Франса де Ваала. Так, де Вааль в своей книге (2014) отмечает, что млекопитающие с развитым социальным инстинктом стремятся к гармоничным отношениям и стремятся избегать конфликтов. Согласно подходу исследователя, предполагается, что люди учатся во время взаимодействия с социумом, моделируя свое поведение на основе наблюдений за другими. Бандура полагал (2000), что люди не просто отзываются на стимулы из окружающей среды, но активно взаимодействуют и влияют на свое окружение. Отсюда можно сделать предположение, что человек, как социальное животное, может быть склонен к агрессии не столько из-за своих биолого-эволюционных детерминант, сколько из-за своих индивидуальных особенностей и социальных особенностей окружающей среды. О чём также говорится у Стивена Пинкера: хоть насилие и агрессия на протяжении эволюции человека были неизбежными реакциями на определённые условия, с течением времени и развитием культуры и общества насильственные тенденции претерпели значительные изменения. Пинкер утверждает (2021), что благодаря прогрессу в области прав и морали такие наши стороны личности, как способность к эмпатии, самоконтролю, моральному чувству, рассудку с течением времени подавляют эти агрессивные инстинкты, что приводит к значительному снижению уровня насилия и агрессии в современном обществе.

Согласно мнению исследователей, работающих в русле позитивной психологии, просоциальное поведение приносит пользу другим людям или обществу в целом, так как от совокупности высокого личностного благополучия индивидов выигрывает общество (Peterson & Seligman, 2004). То есть, стремясь к личному благополучию, мы получаем благополучие общественное, и здесь можно говорить об эгоистическом альтруизме как благе для общества (Либерман, 2020). Говоря о влиянии просоциального поведения и агрессии на благополучие, стоит упомянуть несколько исследований. Так, проявления агрессии предсказывают снижение просоциального поведения (Obsuth, Eisner, Malti & Ribeaud, 2015). Для оценки взаимодействия просоциального поведения и агрессии в данном исследовании использовались самоотчеты учителей (1325 человек), родителей (1191 человек) и детей (1334 человек), общей выборкой 3850 человек. Сбор данных происходил в несколько этапов период с 2004 по 2010 год. Это исследование показало, что агрессия, измеренная в течение одного года, предсказывала снижение просоциального поведения в следующем году. Впрочем, стоит отметить, что обратная зависимость не была значимой, т.е. просоциальное поведение в текущем году не предсказывало изменения агрессивного поведения в следующем (Obsuth et al., 2015). Основываясь на теоретических и эмпирических данных, можно предположить, что просоциальное поведение влияет положительно на уровень благополучия индивида, в то время как агрессивное поведение предсказывает снижение просоциального поведения, благополучия. Так, исследование Jung &

Schröder-Abé (2019), в котором использовались самоотчёты общей выборки в 1663 человека от 10 до 20 лет, демонстрирует, что шкала «просоциальное поведение», выступая модератором между шкалами «принятие агрессии» и «физическая агрессия» у детей и подростков, снижает вероятность реального проявления агрессии, т.е. чем выше шкала «просоциальное поведение», тем меньше вероятность физической агрессии, даже при высоких уровнях шкалы «принятие агрессии». Также в данной работе подчёркивается, что люди, у которых отсутствуют стабильные социальные отношения, особенно восприимчивы к агрессии сверстников. В то же время в исследовании Hu, You, Ling, Yuan & Huebner (2021) получены данные о том, что просоциальное поведение положительно связано с самооценкой и надеждой (оптимизмом). Эти исследования подчеркивают важность просоциального поведения как одного из аспектов снижения агрессии. Воспитывая положительные, социальные качества, такие как сочувствие, доброта и сотрудничество, мы закладываем тенденцию, когда люди с меньшей вероятностью будут проявлять агрессивное поведение. Программы, направленные на профилактику агрессии, должны разрабатываться с учетом важности стимулирования и укрепления просоциального поведения, привязанности к сверстникам и улучшения семейной атмосферы поддержки и общения (Реан, Ставцев, 2021a).

В то же время в современных научных исследованиях крайне слабо представлен психофизиологический подход к изучению и объяснению связи агрессии и просоциальности, в особенности в позитивно-психологическом ключе. Позитивная нейронаука представляет интерес для поисков ответов с помощью психофизиологических методов на вопросы о характере взаимосвязи физиологических индикаторов и таких социальных характеристик личности, как психологическое благополучие и сильные стороны личности, с такими явлениями как просоциальное поведение личности, агрессия и агрессивность, тип мышления личности (аналитический и холистический) и многими другими.

Релевантные для позитивно-психологической теории нейроисследования

Выученная беспомощность и депрессия

Как мы писали ранее, нейроисследования могут расширять представления о существующих теориях психологии личности, как доказывать какие-либо отдельные положения или гипотезы, так и опровергать их. Например, концепция одного из основоположников позитивной психологии Мартина Селигмана – «выученная беспомощность» – это состояние человека или животного, при котором индивид не предпринимает действий для улучшения своего состояния (не пытается избежать отрицательных стимулов или получить положительные), хотя имеет такую возможность. Как правило, данный феномен проявляется после нескольких

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ МОЗГА

неудачных попыток воздействовать на обстоятельства среды, характеризуется пассивным поведением испытуемого, отказом от действий для устранения негативных эффектов окружающей среды, несмотря на наличие такой возможности (Peterson & Seligman, 2004; Реан и др., 2023). Изначально, с технической точки зрения, выученная беспомощность формировалась от неспособности избежать шока, вызванного неконтролируемыми неблагоприятными событиями (Maier & Seligman, 2016). Таким образом, феномен выученной беспомощности не должен проявляться в случае, если событие контролируемо. В данном исследовании также оставался без ответа вопрос о наличии респондентов, не поддающихся эффекту выученной беспомощности при наличии длительных неконтролируемых неблагоприятных обстоятельств.

К слову, именно изучение «не поддающихся» респондентов стало одной из важнейших отправных точек направления позитивной психологии (Реан и др., 2023). Современные психофизиологические исследования показывают, что неконтролируемость не является активным компонентом в формировании беспомощности (Baratta, Seligman & Maier, 2023). Нейронные схемы, которые лежат в основе выученной беспомощности, показывают, что пассивность и повышенная тревожность – стандартная реакция на длительные неблагоприятные события. Для подавления этой реакции по умолчанию используются нисходящие цепи, которые спускаются от вентромедиальной префронтальной коры вниз к дорсальному ядру шва и другим структурам. Соответственно, обучение контролю – создание кортикального представления о том, что неблагоприятные события будут контролируемы в будущем (Maier & Seligman, 2016; Baratta et al., 2023). Авторы предполагают, что ожидания того, что неблагоприятные события станут временными и контролируемыми, являются наилучшей естественной защитой от беспомощности, и цепь «вентромедиальная префронтальная кора – дорсальное ядро шва» можно рассматривать как «цепь надежды» (Maier & Seligman, 2016). Авторами строится предположение, что терапия и профилактика депрессии у людей может быть направлена на формирование новых когнитивных представлений (Baratta et al., 2023). Именно на данных закономерностях строится логика развития психологической жизнестойкости индивида. Развивая определенные сильные стороны личности, в частности, любознательность, энергичность, благодарность и оптимизм, можно приобрести своеобразный «иммунитет» к выученной беспомощности, а, как следствие, и ко многим связанным с ней негативным явлениям – депрессии, тревожности и другим (Реан, Ставцев, Кузьмин, 2022).

Также в рамках проекта «Позитивная нейронаука» (Greene et al., 2016) было проведено фМРТ исследование о влиянии медитации. Был выявлен как позитивный психологический эффект, так и изменение активации в правой миндалине, гиппокампе и медиальной префронтальной коре, что подтверждает эффективность медитации в купировании тревожных расстройств (Hölzel, Lazar & Milad, 2016).

Просоциальное поведение, альтруизм, эмпатия и любовь

Так, в основополагающей для направления монографии «Позитивная нейронаука» под авторством Д. Грин, И. Моррисон и М. Селигмана уделяется особое значение исследованиям альтруизма и просоциального поведения как одного из ключевых факторов формирования благополучия. Альтруизм в модели VIA наиболее связан с группой качеств «Социальности». К этой группе относят: беспристрастность, лидерство и просоциальную активность (Bruce Wan, de Bont, Hekkert & Chow, 2022). Одним из аспектов альтруизма является способность для человека релевантно делиться информацией, которая может быть полезна другому. Склонность делиться информацией с другими людьми может быть связана и со стремлением человека к вознаграждению. В исследовании Zaki & Mitchell (2016) проверяется гипотеза, что люди могут жертвовать ценными ресурсами в обмен на информацию, а сама возможность помочь другому приводит к вовлечению дофаминергической системы. Результаты исследования показали, что примерно в 70% случаев люди делились информацией, даже если это финансово не выгодно (Tamir, Zaki & Mitchell, 2015; Zaki & Mitchell, 2016). Результат фМРТ исследования, проверяющего, связано ли информирование Другого с системой вознаграждения, показал, что возможность поделиться информацией активировала вентральный стриатум (ВС) и вентромедиальную префронтальную кору, участвующих в обработке вознаграждения. Результат этого исследования свидетельствует о том, что ценность возможности помочь другому, поделившись знанием, представлена в той же системе нейронов, которая связана с обработкой вознаграждения и просоциальным поведением (Tamir et al., 2015; Zaki & Mitchell, 2016). Таким образом, интерпретация представленного исследования Zaki & Mitchell в контексте позитивно-психологической концепции позволяет нам сделать вывод о том, что альтруизм на психофизиологическом, нейронном уровне связан с системой вознаграждения.

Одной из областей исследований позитивной нейронауки должно быть изучение перехода от пассивной – астенической, к проактивной – стенической эмпатии, которая выражается в действиях и направлена на скорейшую помощь. Существует разница между астенической эмпатией (наблюдающей) и направленной стенической эмпатией, выражающейся в готовности совершать поступок, направленный на помощь «другому». Так, согласно модели «восприятия и действия» предполагается, что при незамедлительном реагировании требуется создание представления о соответствующей поведенческой реакции помощи. Это может объяснять, что одни люди приходят на помощь, не задумываясь об уровне опасности, а другие (не помогающие) – нет (Post, 2003; Dovidio, Piliavin, Schroeder & Penner 2006; Buchanan & Preston, 2016). Стеническая эмпатия как условие активного действия оказания помощи другому (альтруизм), в отличие от астенической эмпатии, требует определенного уровня нейрогормонального состояния и реакции на ситуацию. Эта совокупность факторов обеспечивает мотивирующее нейрогормональное состояние и вызывает реакцию альтруизма. Альтруизм требует не только понимания

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ МОЗГА

ситуации со стороны наблюдателя, но и реакции заботы о находящемся под угрозой (Preston, 2013). Так, эмпатия (астеническая) может присутствовать, но не приводит к активному альтруизму, что показывает разность этих двух явлений (Buchanan & Preston, 2016). В ситуациях, когда не требуется немедленного реагирования, человек имеет возможность принимать решения более взвешенно и пережив все испытываемые по отношению к этому событию чувства. При изучении различий между астенической и стенической эмпатией встречаются исследования, связанные со стрессовыми ситуациями. Стресс имеет нейрогормональный характер, включает активацию гипоталамо-гипофизарно-адренокортикальной оси (НРА), что также приводит к выбросу кортизола (Dickerson & Kemeny, 2004; Mason, 1968; Buchanan & Preston, 2016). С физиологической точки зрения реакция на стресс предназначена аккумулировать энергию организма. Так, астеническая эмпатия может присутствовать, но не приводит к активному альтруизму (стенической эмпатии), что показывает разность этих двух явлений (Buchanan & Preston, 2016).

Buchanan & Preston (2016) провели исследование, проверяя гипотезу резонирования физиологического стресса между людьми с помощью оценки альфа-амилазы и кортизола. Согласно полученным результатам, обнаружилось, что у группы наблюдателей вырабатывалась реакция, связанная с кортизолом, в ответ на наблюдение ситуации стресса другого человека, а также была отмечена положительная корреляция между выраженностью у наблюдателей эмпатической обеспокоенности и уровнем кортизола и альфа-амилазы (Davis, 1983; Buchanan & Preston, 2016). Кортизоловые реакции наблюдателей были пропорциональны реакциям их собеседников (одни испытывали стресс, другие за этим наблюдали).

Изучением эмпатии и альтруизма занималась также исследовательская команда Singer et al. (2006). В их исследовании на первом этапе респондентам предлагалось взаимодействие с актерами с «честной» и «нечестной» репутацией, на втором этапе с помощью фМРТ метода регистрировалась реакция на испытываемую актерами боль. Результаты исследования показали, что женщины испытывают эмпатию независимо от репутации человека, в то время как мужчины испытывали эмпатию в отношении человека с хорошей репутацией, а в отношении «нечестного» отмечалась активность зон удовлетворения (Singer et al., 2006; Знаменская, Созинова, 2013). Одним из базовых механизмов социального взаимодействия являются аффективные касания, такие чувствительные касания, которые имеют социально-коммуникативную направленность. Так, было выяснено (Greene et al., 2016), что, мозговые сети, задействованные при аффективном, социальном прикосновении, обрабатывают стимульную информацию (преимущественно в инсуре, а также в соматосенсорных зонах) и интегрируют ее с другой социальной информацией (с участием верхней височной борозды), а также с сетями вознаграждения и принятия решений, поведения (с участием орбитофронтальной коры). Такие аффективные касания могут быть также связаны с формированием ощущения благополучия (Greene et al., 2016).

Существуют и отечественные психофизиологические исследования просоциального поведения, которые релевантны позитивно-психологической теории. Было проведено исследование Ю.И. Александрова с соавт. (2017) о влиянии алкоголизации на просоциальное поведение. Полученные исследователями данные демонстрируют процессы обратимой дедифференциации (увеличения в актуализированном опыте менее дифференцированных систем) (Александров и др., 2017, с. 83), что может говорить о более унифицированном и предсказуемом поведении людей при алкогольном опьянении (Александров и др., 2017).

Важным сильным качеством личности в позитивной психологии является любовь – способность налаживать и ценить близкие отношения с другими людьми; умение сопереживать, делиться и заботиться о других (Peterson & Seligman, 2004; Реан и др., 2023). В исследовании Bartels & Zeki (2004) с помощью метода фМРТ проводилось сравнение областей мозга, вовлеченных в материнскую и романтическую любовь. В первой серии исследования респондентам демонстрировались фотографии их партнеров и друзей, во второй – фотографии их собственных детей и детей знакомых (Bartels & Zeki, 2000, 2004; Summer, 2019). Сравнение этих данных показало, что обе формы привязанности активируют одни и те же области системы вознаграждения и снижают активность областей, вовлеченных в систему социального осуждения, негативных эмоций (Bartels & Zeki, 2004; Summer, 2019). Исследователи пришли к выводу, что существует механизм «push – pull», который снижает активность областей, опосредующих негативные эмоции, избегающее поведение и социальную оценку, и одновременно запускает механизмы, связанные с вознаграждением (Bartels & Zeki, 2004).

Обсуждение результатов

Позитивная нейронаука – перспективное направление интеграции нейрометодов с позитивно психологической концепцией. В рамках данного направления проводятся комплексные исследования выученной беспомощности, депрессии, просоциального поведения и др. Так, нейроисследования выученной беспомощности дополняют существующую общепринятую модель, делая акцент на том, что важным является сформированное когнитивное представление о настоящем и будущем (Maier & Seligman, 2016; Baratta et al., 2023). Крайне актуальными исследованиями являются изучения соотношения эмпатии и активного альтруизма, а также изучение нейронных механизмов просоциального поведения (Singer et al., 2006; Знаменская, Созинова, 2013; Buchanan & Preston, 2016; Greene et al., 2016; Александров и др., 2017). Данные исследования дополняют существующую теоретическую базу позитивной психологии, позволяют корректировать подходы к профилактике и терапии различных психологических расстройств (например, эффект медитации при тревожных расстройствах). В то же время глубинное понимание процессов формирования асоциальных паттернов поведения, в частности агрессии личности, в

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ МОЗГА

совокупности с когнитивными методиками трансформации асоциальных паттернов поведения в просоциальные паттерны поведения через медиацию и модерацию посредством развития сильных сторон личности дают возможность разработки новых эффективных программ социализации, воспитания и ресоциализации личности.

Более того, детальный анализ механизмов воздействия позитивной психологии, в частности, позитивных психологических интервенций, с помощью ресурсов позитивной нейронауки позволит повысить эффективность уже существующих и практически ориентированных позитивно-психологических методик воспитания, социализации и ресоциализации личности (Ставцев, 2022).

Именно поэтому, на наш взгляд, позитивная нейронаука – крайне перспективное направление развития отечественного научного знания.

Литература

- Александров, Ю. И., Сварник, О. Е., Знаменская, И. И., Арутюнова, К. Р., Колбенева, М. Г., Крылов, А. К., Булава, А. И. (2017). Алкоголизация как условие регрессии при научении и при просоциальном поведении. *Вопросы психологии*, (3), 80–91.
- Бандура, А. (2000). *Теория социального научения*. Евразия.
- Бэрн, Р., Ричардсон, Д. (2001). *Агрессия*. Питер.
- Вааль, Ф. Д. (2014). *Истоки морали. В поисках человеческого у приматов*. Альпина Паблишер.
- Знаменская, И. И., Созинова, И. М. (2013). Ингрупповое и аутгрупповое просоциальное поведение. Под ред. А.Н. Харитоновой, *Эволюционная и сравнительная психология в России: традиции и перспективы* (с. 281–286). Институт психологии РАН.
- Леонтьев, Д. А. (2012). Позитивная психология – повестка дня нового столетия. *Психология. Журнал высшей школы экономики*, 9(4), 36–58.
- Либерман, М. (2020). *Социальный вид. Почему мы нуждаемся друг в друге*. Манн, Иванов и Фербер.
- Лоренц, К. (1994). *Агрессия*. Прогресс.
- Пинкер, С. (2021). *Лучшее в нас: почему насилия в мире стало меньше*. Альпина Паблишер.
- Реан, А. А., Ставцев, А. А. (2020). Позитивные психологические интервенции как профилактика школьного неблагополучия, агрессии и буллинга. *Вопросы образования*, (3), 37–59. <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2020-3-37-59>
- Реан, А. А., Ставцев, А. А. (2021а). Протективные и провокативные семейные факторы агрессивного поведения детей и подростков. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология*, 11(2), 137–149. <https://doi.org/10.21638/spbu16.2021.202>
- Реан, А. А., Ставцев, А. А. (2021б). Сильные стороны личности в модели VIA как предиктор личностного благополучия педагога в профессиональной деятельности. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология*, 11(4), 371–388. <https://doi.org/10.21638/spbu16.2021.406>
- Реан, А. А., Ставцев, А. А., Кузьмин, Р. Г. (2023). *Позитивная психология и педагогика*. Московский педагогический государственный университет
- Реан, А. А., Ставцев, А. А., Кузьмин, Р. Г. (2021). Позитивно-психологический подход как фактор стимулирования психологического благополучия и редуцирования рисков профессионального выгорания педагога. *Психология человека в образовании*, 3(4), 461–473. <https://doi.org/10.33910/2686-9527-2021-3-4-461-473>

- Реан, А. А., Ставцев, А. А., Кузьмин, Р. Г. (2022). Сильные стороны личности в модели VIA как медиатор психологического благополучия в профессиональной деятельности. *Национальный психологический журнал*, 2(46), 25–34. <https://doi.org/10.11621/npj.2022.0203>
- Реан, А. А., Ставцев, А. А., Шевченко, А. О. (2022). Сильные стороны личности (модель VIA) у педагогов разных поколений. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология*, 12(4), 507–526. <https://doi.org/10.21638/spbu16.2022.408>
- Реан, А. А., Шевченко, А. О., Ставцев, А. А. (2022). Цифровая геймификация как инструмент позитивной педагогики. *Педагогика*, 86(10), 17–27.
- Ставцев, А. А. (2022). Позитивная психология как инструмент социализации, воспитания и ресоциализации личности. *Вестник Московского университета МВД России*, (4), 332–335. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-4-332-335>
- Ставцев, А. А., Реан, А. А. & Кузьмин, Р. Г. (2021). Сильные стороны личности российских педагогов в модели VIA: апробация русскоязычной версии опросника «24 сильные стороны личности» (VIA-IS120). *Интеграция образования*, 25(4), 681–699. <https://doi.org/10.15507/1991-9468.105.025.202104.681-699>
- Baratta, M. V., Seligman, M. E., & Maier, S. F. (2023). From helplessness to controllability: toward a neuroscience of resilience. *Frontiers in psychiatry*, 14, 1170417. <https://doi.org/10.3389/fpsy.2023.1170417>
- Bartels, A. & Zeki, S. (2000). The neural basis of romantic love. *NeuroReport*, 11(17), 3829–3834. <https://doi.org/10.1097/00001756-200011270-00046>
- Bartels, A. & Zeki, S. (2004). The neural correlates of maternal and romantic love. *NeuroImage*, 21(3), 1155–1166. <https://doi.org/10.1016/j.neuroimage.2003.11.003>
- Bruce Wan, C. K., de Bont, C. J., Hekkert, P. & Chow, K. K. (2022, January). Towards a Strengths-Based Personal Informatics Framework for Transformative Tourism Experiences: A Phenomenological Study on Serious Leisure Practitioners. *Information and Communication Technologies in Tourism 2022: Proceedings of the ENTER 2022 eTourism Conference*. Springer International Publishing
- Buchanan, T.W. & Preston, S.D. (2016). When Feeling and Doing Diverge: Neural and Physiological Correlates of the Empathy–Altruism Divide. In J. D. Greene, I. Morrison, M. E. P. Seligman (Eds.), *Positive Neuroscience* (pp. 89–104). Oxford University Press.
- Csikszentmihalyi, M. (2015). *The systems model of creativity: The collected works of Mihaly Csikszentmihalyi*. Springer Dordrecht.
- Davis, M. H. (1983). Measuring individual differences in empathy: Evidence for a multidimensional approach. *Journal of personality and social psychology*, 44(1), 113–126. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.44.1.113>
- Dickerson, S. S. & Kemeny, M. E. (2004). Acute stressors and cortisol responses: a theoretical integration and synthesis of laboratory research. *Psychological bulletin*, 130(3), 355–391. <https://doi.org/10.1037/0033-2909.130.3.355>
- Dovidio, J. F., Piliavin, J. A., Schroeder, D. A. & Penner, L. A. (2006). *The social psychology of prosocial behavior*. Psychology Press.
- Greene, J. D., Morrison, I. & Seligman, M. E. (Eds.). (2016). *Positive Neuroscience*. Oxford University Press.
- Hölzel, B. K., Lazar, S. W. & Milad, M. R. (2016). Could meditation modulate the neurobiology of learning not to fear? In J. D. Greene, I. Morrison, M. E. P. Seligman (Eds.), *Positive Neuroscience* (pp. 175–190). Oxford University Press.
- Hu, H., You, Y., Ling, Y., Yuan, H. & Huebner, E. S. (2021). The development of prosocial behavior among adolescents: A positive psychology perspective. *Current Psychology*, 1–9. <https://doi.org/10.1007/s12144-021-02255-9>

- Jung, J. & Schröder-Abé, M. (2019). Prosocial behavior as a protective factor against peers' acceptance of aggression in the development of aggressive behavior in childhood and adolescence. *Journal of Adolescence*, 74, 146–153. <https://doi.org/10.1016/j.adolescence.2019.06.002>
- Maier, S. F. & Seligman, M. E. (2016). Learned helplessness at fifty: Insights from neuroscience. *Psychological review*, 123(4), 349–367. <https://doi.org/10.1037/rev0000033>
- Mason, J. W. (1968). A review of psychoendocrine research on the sympathetic-adrenal medullary system. *Psychosomatic medicine*, 30(5), 631–653.
- Obsuth, I., Eisner, M. P., Malti, T. & Ribeaud, D. (2015). The developmental relation between aggressive behaviour and prosocial behaviour: A 5-year longitudinal study. *BMC psychology*, 3, 1–15. <https://doi.org/10.1186/s40359-015-0073-4>
- Peterson, C. & Seligman, M. E. (2004). *Character strengths and virtues: A handbook and classification* (Vol. 1). Oxford university press.
- Post, S. G. (2003). *Unlimited love: Altruism, compassion, and service*. Templeton Foundation Press.
- Preston, S. D. (2013). The origins of altruism in offspring care. *Psychological bulletin*, 139(6), 1305–1341. <https://doi.org/10.1037/a0031755>
- Seligman, M. E., Steen, T. A., Park, N. & Peterson, C. (2005). Positive psychology progress: empirical validation of interventions. *American psychologist*, 60(5), 410–421. <https://doi.org/10.1037/0003-066X.60.5.410>
- Singer, T., Seymour, B., O'Doherty, J. P., Stephan, K. E., Dolan, R. J. & Frith, C. D. (2006). Empathic neural responses are modulated by the perceived fairness of others. *Nature*, 439(7075), 466–469. <https://doi.org/10.1038/nature04271>
- Summer, A. (2019). *Positive neuroscience*. John Templeton Foundation
- Tamir, D. I., Zaki, J. & Mitchell, J. P. (2015). Informing others is associated with behavioral and neural signatures of value. *Journal of Experimental Psychology: General*, 144(6), 1114–1123. <https://doi.org/10.1037/xge0000122>
- Twenge, J. M., Baumeister, R. F., DeWall, C. N., Ciarocco, N. J. & Bartels, J. M. (2007). Social exclusion decreases prosocial behavior. *Journal of personality and social psychology*, 92(1), 56–66. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.92.1.56>
- Zaki, J. & Mitchell, J.P. (2016). Prosociality as a form of reward seeking. In J. D. Greene, I. Morrison, M. E. P. Seligman (Eds.), *Positive Neuroscience* (pp. 57-72). Oxford University Press.

Поступила в редакцию: 22.05.2024

Поступила после рецензирования: 12.08.2024

Принята к публикации: 12.08.2024

Заявленный вклад авторов

Артур Александрович Реан – научное руководство; поиск, отбор и анализ литературы, формулировка выводов; подготовка окончательной редакции текста.

Андрей Олегович Шевченко – поиск, отбор и анализ литературы; подготовка первоначального варианта текста; формулировка выводов.

Алексей Андреевич Ставцев – поиск, отбор и анализ литературы; подготовка первоначального варианта текста; формулировка выводов.

Антон Львович Линьков – поиск, отбор и анализ литературы; подготовка первоначального варианта текста; формулировка выводов.

Информация об авторах

Артур Александрович Реан – академик РАО, доктор психологических наук, профессор, директор Центра социализации, семьи и профилактики асоциального поведения, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский педагогический государственный университет», г. Москва, Российская Федерация; Researcher ID: A-5349-2015, Scopus ID: 6507072773, WOS идентификатор – KHX-7756-2024, Author ID: 1475, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-1107-9530>; e-mail: aa.rean@mpgu.su

Андрей Олегович Шевченко – кандидат психологических наук, аналитик Центра социализации, семьи и профилактики асоциального поведения, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский педагогический государственный университет», г. Москва, Российская Федерация; Researcher ID: GLQ-7645-2022, Scopus ID: 57221080641, Author ID: 976827, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-9118-2617>; e-mail: andreyshevchenkomsu@gmail.com

Алексей Андреевич Ставцев – кандидат психологических наук, аналитик Центра социализации, семьи и профилактики асоциального поведения, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский педагогический государственный университет», г. Москва, Российская Федерация; Researcher ID: AAC-9556-2021, Scopus ID: 57219288519, Author ID: 1084194, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-7299-5017>; e-mail: stvtsev.alex@yandex.ru

Антон Львович Линьков – руководитель проектов Детского Центра, Еврейский музей и центр толерантности, г. Москва, Российская Федерация; Researcher ID: KHV-4737-2024, Author ID: 1198662, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-4364-0182>; e-mail: tonypsy@yandex.ru

Информация о конфликте интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Research article

UDC 316.6

<https://doi.org/10.21702/rpj.2024.3.15>

Validation and Reliability Study of the Arabic Version of the Multicultural Personality Questionnaire (AV-MPQ)

Haifa T. Al-Bokai^{1*} , Ali A. Al-Subaihi² , Abdulrahman A. Al-Subaihi³

¹ Al Balqa Applied University, As-Salt, Jordan

² Taibah University, Madinah, Saudi Arabia

³ Wayne State University, Detroit, USA

* Corresponding author: hayfaelbokai@bau.edu.jo

Abstract

Introduction. In the global fight against terrorism and the pursuit of cultural harmony, Saudi Arabia prioritizes fostering cross-cultural understanding amidst ongoing societal change. This necessitates evaluating cultural conflict among youth in Saudi Arabia, justifying the selection of the Multicultural Personality Questionnaire (MPQ) for this study. **Objective.** The aim of this study is to identify a suitable multicultural personality scale and translate it into Arabic. Additionally, the study seeks to assess the psychometric properties of the adapted scale, focusing on its validity and reliability in measuring relevant personality traits. **Methods.** To investigate the research questions, a survey was administered to a convenience sample comprising 921 participants (380 males and 541 females) from the target population. These individuals were asked to complete the Arabic Version of the Multicultural Personality Questionnaire (AV-MPQ). **Results.** The findings suggest the Arabic Version of the Multicultural Personality Questionnaire (AV-MPQ) demonstrates promising psychometric properties within the Saudi context. This is based on evidence indicating good validity and acceptable reliability indices. **Discussion.** Our findings suggest the AV-MPQ holds promise as a research tool for investigating multicultural personality within Arabic contexts. However, further research is necessary to solidify its validity and generalizability. Studies employing larger, random samples and exploring the AV-MPQ in diverse populations are crucial. This will enhance our understanding of multicultural personality and its potential role in cultural conflict.

Keywords

Multicultural Personality Questionnaire (MPQ), Arabic Version (AV-MPQ), Cultural Conflict, Psychometric Properties, Confirmatory Factor Analysis, Validation

For citation

Haifa T. Al-Bokai, H.T, Al-Subaihi, A. A., Al-Subaihi, A. A. (2024). Validation and Reliability Study of the Arabic Version of the Multicultural Personality Questionnaire (AV-MPQ). *Russian Psychological Journal*, 21(3), 264–279. <https://doi.org/10.21702/rpj.2024.3.15>

Introduction

Governments worldwide, including Arab nations, have been actively combating terrorism fueled by misguided ideologies and deviant behaviors. These efforts span both security and non-security domains, using systematic, intellectual, educational, and social approaches. Civil society organizations and research entities are encouraged to contribute to counterterrorism efforts. In response, we will conduct a field study aimed at achieving unprecedented scientific objectives in this area.

While these preventive measures are in place, global initiatives are also promoting cultural affinity within and between societies. These initiatives encourage decision-makers and influencers to modify educational curricula to reject violence from cultural conflicts, promote cultural acceptance, and reward actions that foster cultural affinity. Financial and moral support for such efforts is provided in various forums.

The rejection of cultural conflict remains a strong focus in Arab societies, prompting scholars and specialists to explore related issues like prejudice, racism, intellectual deviance, and extremism. The findings have informed rehabilitative programs and laws designed to protect society from challenges arising from a lack of cultural affinity.

Currently, the emphasis on rejecting cultural conflict is evident across Arab countries, impacting security, politics, society, and science. This focus reflects the desire of governments and civil organizations to create environments characterized by security, social coexistence, and political stability. These efforts also aim to attract foreign investment, boosting national income and, consequently, citizens' income.

Saudi Arabia is particularly active in enhancing cultural affinity, undergoing significant cultural, social, economic, security, and political transformations. These changes are reshaping the country and increasing its political and economic influence regionally and globally. A key factor in achieving these goals is improving cultural affinity, enabling citizens and residents to engage with other cultures objectively and flexibly.

Given this context, a field study is needed to measure the level of cultural conflict among Saudi Arabian youth, particularly considering gender differences and academic

disciplines. With a significant portion of Saudi society (about 65%) aged 15 to 34 years (General Authority of Statistics, 2019), there is a need for a multicultural personality scale with strong psychometric properties. The primary research questions will focus on identifying and validating the most suitable scale. The study will adapt this scale to Arabic to assess cultural conflict among university youth in Saudi Arabia, a demographic targeted by terrorist groups, using a survey-based methodology.

The study's significance is evident, especially given the lack of similar research and the absence of Arabic measures for multicultural personality, despite its importance.

The literature review highlights that scholars from various fields have developed multiple models of intercultural competence, which refers to the ability to operate effectively across cultures. These models are relevant across disciplines such as international leadership, business, management, intercultural counseling, communication, psychology, and personality (Leung, Ang, & Tan, 2014). The diverse disciplines involved underscore the broad relevance of intercultural competence.

Different models of intercultural competence take varied approaches. Some focus on specific domains, emphasizing cultural traits (Griffith and Harvey, 2000), attitudes or worldviews (Deardorff, 2006) related to intercultural interactions. Others take an integrative approach, incorporating elements from multiple domains (Ting-Toomey & Kurogi, 1998). These variations reflect differing views on work competence—some see it narrowly as skills for specific tasks, while others take a broader view, including traits, motives, knowledge, and skills. The origins of these models also vary: those rooted in personality traditions emphasize intercultural traits, while others based on intelligence literature focus on capabilities. Some models integrate insights from multiple disciplines, encompassing a wide range of constructs.

For this study, we chose the Multicultural Personality Questionnaire (MPQ), developed by Van der Zee and Van Oudenhoven in 2000, to prioritize personal factors in assessing cultural conflict. The MPQ measures five traits known to predict multicultural effectiveness: emotional stability, social initiative, open-mindedness, cultural empathy, and flexibility. It is based on the idea that stable dispositions, though modest, are reliable predictors of performance. Originally designed to assess expatriates and students, the MPQ has been widely used and has demonstrated strong predictive power for international students' adjustment, outperforming their native counterparts. It also explains variance in students' adjustment beyond self-efficacy (Van Oudenhoven & Van der Zee, 2002). The MPQ has shown consistent factor structures and good internal consistency across cultures. It is strongly linked to sociocultural adaptation, psychological well-being, health, international aspirations, job satisfaction, participation in multicultural events, and academic performance in diverse groups (Leung, Ang, & Tan, 2014).

The Multicultural Personality Questionnaire-Short Form (MPQ-SF), developed by Van der Zee et al. (2013), assesses the same five traits crucial for intercultural success. This version, derived from the 91-item original, optimizes subscale length with the minimum

number of items needed. Initial principal components analysis (PCA) confirmed the five-factor structure across 69 items, and subsequent exploratory PCA reduced it to 40 items, explaining 48.31% of the variance. Confirmatory factor analysis supported the five-factor model's adequacy (Van der Zee, Van Oudenhoven, Ponterotto & Fietzer, 2013).

Further details about the MPQ and its versions will be provided in the following sections.

Methods

This section will furnish thorough information on participants, data collection instruments, the methodology of data collection, and the statistical analysis procedures employed.

Participants

The study aims to validate the Cultural Conflict Scale among Saudi Arabian youth. The target population includes university-aged individuals (18 to 26 years old) of both genders and from diverse cultural backgrounds. A convenience sampling method was used, selecting participants arbitrarily without systematic planning, which is common in humanities research and validation studies.

The sample size, determined according to Al-Subaihi (2003), includes 921 participants (380 males and 541 females). Table 1 provides an overview of their characteristics.

Table 1
Characteristics of The Sample

		N	%
Gender	Male	380	41.3
	Female	541	58.7
	Total	921	100
Age	18 – less than 20	230	30.3
	20 – less than 22	320	43.4
	22 – less than 24	170	22.4
	24 - 26	29	3.8
	Total	921	100
Academic Specializations	Scientific Colleges	492	53.4
	Humanities Colleges	429	46.6
	Total	921	100

Note. *N = Sample Size. % = Valid Percentage.*

The study benefits from a sample of 1076 people, both male and female, who were chosen from Saudi Arabia's youth population and ranged in age from 18 to 26. The determination of sample size adheres to established protocols, demonstrating methodological accuracy. The participants' varied demographic and cultural origins contribute to the study's richer findings and improved generalizability. The study's validity is further enhanced by Table 1's open reporting of participant information.

Measures

The Multicultural Personality Questionnaire

The Multicultural Personality Questionnaire (MPQ) is a personality assessment tool designed explicitly to characterize behavior during interactions with individuals from different societies. The MPQ may be used to predict how smoothly people are likely to adjust to other cultures and develop a sense of comfort and belonging within those cultural settings.

The moderate version of the MPQ consists of 78 items, divided into five factors, each of which measures a separate multicultural personality trait (Van der Zee & Van Oudenhoven, 2001). These factors include: (1) Cultural Empathy (the feelings, thoughts, and behaviors of individuals from a different culture), (2) Emotional Stability (the individual's ability to stay calm under stressful conditions), (3) Flexibility (the ability to switch easily from one behavioral strategy to another), (4) Open-mindedness (unprejudiced attitude toward cultural differences), and (5) Social Initiative (tendency to actively approach social situations, initiating communication rather than waiting and watching) (Hofhuis, Jongerling, Van der Zee, and Jansz, 2020). Each dimension was assessed through distinct number of items, prompting participants to indicate, on a 5-point Likert Scale, the extent to which specific personality traits apply to them based on self-reporting (1 = totally not applicable; 5 = totally applicable).

A 40-item short form of the instrument was developed (MPQ-SF), which has been shown to display strong correlations with the full version of the MPQ (Van der Zee, Van Oudenhoven, Ponterotto, and Fietzer, 2013).

Personal information form

The personal information form was created to collect specific demographic information of the participants such as age, gender, and academic specialization. The demographic information was used to contrast the findings of this study with other MPQ validation studies.

Adaptation of the Arabic Version of the Multicultural Personality Questionnaire (AV-MPQ)

The researchers followed the guidelines for translating and adapting tests reported by Hernández, Hidalgo, Hambleton, & Gómez, (2020) and other studies (such as: Beaton et al, 2000; Tsang, Royse, & Terkawi, 2017; Hambleton, R. K., & Lee, 2013; Brislin, 1976; Hambleton, 1994; Sousa & Rojjanasrirat, 2011).

Four primary procedures were employed for translating the MPQ into Arabic. These procedures include Forward Translation, where three independent translators with strong English proficiency and measurement knowledge translated the original version from English to Arabic. Backward Translation involved the back-translation of the initial translated version by different translators with a solid background in both English and measurement. The Expert Committee Translation consisted of specialists in scale construction, a methodologist, and translators who thoroughly examined all versions to ensure semantic, idiomatic, experiential, and conceptual equivalence between the translated and original versions. Lastly, Preliminary Pilot Testing Translation involved testing the prefinal version of the translated MPQ on a small sample of university students in Saudi Arabia, who were asked to provide detailed explanations of their interpretation of each item and its corresponding response.

Data Collection Process

The data of this study was collected from a sample of college students using the convenience sampling technique, a nonprobability sampling method. Initially, participants were briefed on the study's objectives and subsequently requested to respond to the MPQ questions voluntarily using a 5-point Likert Scale (1 = totally not applicable; 5 = totally applicable). Most of the participants spent between 20-30 minutes to clearly and successfully complete the MPQ scale.

Data Analysis

Data analysis for the study was conducted using SPSS 25.0 and AMOS 24. The structure of the AV-MPQ was confirmed through Confirmatory Factor Analysis (CFA) using AMOS 24.

Given that the adapted scale demonstrates structural validity and reliability, the model's construct validity was assessed through CFA. CFA is a subset of structural equation modeling (SEM), focuses on assessing measurement models, exploring the connections between observed measures (e.g., test items or scores) and factors (Brown, 2015). Prior to conducting CFA for the scale, factor analysis assumptions (Ullman, 2001; Brown & Moore, 2012) were carefully examined. It was confirmed that there were no outliers, multicollinearity issues, or singularity problems. Additionally, no extreme values that could adversely impact the analysis were identified. Cronbach's alpha (α) and Guttman Split-Half Coefficient were computed to assess the scale's reliability. The next section shows detailed information about the AV-MPQ validity and reliability.

Results

This section includes descriptive statistics of the scale as well as findings regarding its validity and reliability.

Construct Validity Studies of the AV-MPQ

CFA plays a crucial role in establishing construct validity by providing a statistical framework to test and confirm the factor structure of a measurement instrument. It helps researchers ensure that their instrument is measuring the intended constructs reliably and validly (Bollen, & Long, 1993). Before conducting the CFA to assess the validity of AV-MPQ's structure, the assumptions, including *outliers*, *multicollinearity*, and *singularity* issues, were reviewed. Outliers refer to extreme or unusual observations that significantly differ from the rest of the data points. Table 1 indicates the absence of *outliers* among participants. Likewise, the summary statistics in Table 2 for participants' scores to the AV-MPQ reveal no instances of outliers.

Table 2
Descriptive Statistics

Factor Name	Min	Mean	Max	S. D.	SEM*
FX	20	37.02	55	5.757	.190
OP	21	48.36	68	7.507	.247
CE	18	51.35	67	6.298	.208
ES	33	64.02	89	8.327	.274
SI	25	54.86	80	8.056	.265
Total Score	144	255.62	330	22.249	.733

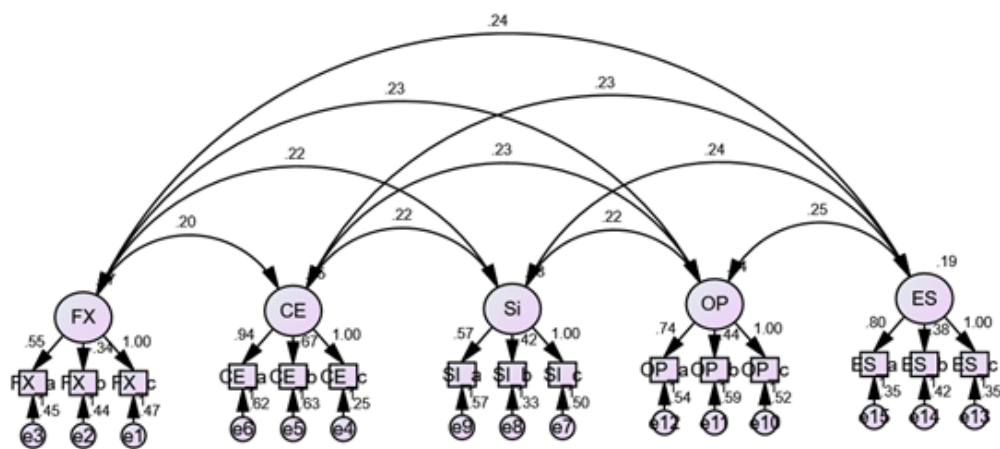
Note. *FX = Flexibility. OP = Open-mindedness. CE = Cultural Empathy. ES = Emotional Stability. SI = Social Initiative. Min. = Minimum Raw Score of AV-MPQ. Max. = Maximum Raw Score of AV-MPQ. SD = Standard Deviation, The SEM estimates the precision of the sample mean as an estimator of the population mean, the smaller value suggests that the sample mean is likely a more accurate estimate of the population mean (i.e., no outliers).*

Multicollinearity occurs when two or more test items are highly correlated with each other (i.e., $r^2 = 0.80$ to 0.90) (Kim, 2019). Multicollinearity isn't simply present or absent; rather, it exists on a spectrum. As the degree of multicollinearity increases, so does the probability of encountering its disruptive consequences. In this study, the descriptive statistics of the pairwise correlation matrix (r) of the scale items are as follows: Min (-0.265), Mean (0.056), Max (0.478), which indicates no problem of multicollinearity

among the items of AV-MPQ. *Singularity* problems arise when there is a flawless linear relationship among AV-MPQ items, causing instability in estimating factor loadings. This occurs when one or more items are accurately predicted by a linear combination of other items. To assess the presence of singularity, an examination of the descriptive statistics of the correlation matrix is conducted. In this case, since no items exhibit a perfect linear relationship, there are no singularity issues.

The CFA was executed using procedure described by Leone, Van der Zee, Oudenhoven, Perugini, & Ercolani (2005). The procedure involved grouping items of the same factor into three sets using an appropriate mathematical function tailored to the scale's nature (median was employed here). The objective was to achieve more stable parameter estimates within CFA models and minimize errors when calculating observed indicators (Bagozzi, 1993; Bentler, 1990). Analyzing all items in CFA leads to less precise outcomes due to measurement error and sample specificity (Leone et al., 2001). The obtained results are detailed below and illustrated in Figure 1.

Figure 1
 CFA of the AV-MPQ

Note. FX = Flexibility. OP = Open-mindedness. CE = Cultural Empathy. ES = Emotional Stability. SI = Social Initiative

The goodness-of-fit of the model for the CFA confirms the scale's validity. In this study, indices used in (Leone, Van der Zee, Oudenhoven, Perugini, & Ercolani, 2005) reported to compare the results of this study with other MPQ validation studies for similarity. Table 3 shows that the proposed model fits the observed data well (i.e., the construct validity has been achieved).

Table 3
CFA Indices Values

Category Name	Index's Name	Acceptance Level	Calculated Level
<i>Absolute fit</i> (assess overall theoretical model against observed data)	Chi-square Mean	p value > 0.05	0.089
	The Root Mean Square Error of Approximation	RMSEA < 0.08	0.065
<i>Incremental fit</i> (used to evaluate how well a proposed model improves upon a more basic or null model)	Comparative Fit Index	CFI > 0.90	0.856
<i>Parsimonious fit</i> (is finding a balance between model fit and simplicity)	Chi-Square/ df	(χ^2/df) < 2.0	0.792
The minimum sample size required for a given model to achieve statistical significance.	Hoelter's	critical N >200	265

Afterwards, the reliability of both the overall AV-MPQ and each of its sub-dimensions was assessed. The subsequent section will present the specific outcomes of the reliability calculations.

The Reliability of the AV-MPQ

Reliability indicates the extent to which the AV-MPQ produces consistent and accurate results over repeated administrations. In assessing internal consistency reliability, Cronbach's alpha (α) was employed (Cronbach, 1951), considering the commonly accepted guideline that a range of 0.6-0.7 indicates an acceptable level of reliability, while 0.8 or higher signifies a very good level (Downing, 2004; Ursachi, Horodnic, & Zait, 2015; Mohajan, 2017).

The Guttman Split-Half Coefficient is another measure of internal consistency reliability of an instrument commonly used in psychometrics by dividing it into two halves and comparing the responses between the two halves (Guttman, 1945). A Guttman Split-Half Coefficient of 0.70 or higher is often viewed as an acceptable level of internal consistency

reliability in psychometrics (). Although the Cronbach's alpha and the Guttman Split-Half Coefficient common goal is to assess the consistency of items within a measurement instrument measuring the same underlying construct, they diverge in their calculation and evaluation of this consistency. Notably, Cronbach's alpha is frequently preferred for its versatility and robustness.

Table 4 displays that the indices for both internal consistency reliability measures exceeded the designated cutoff values, confirming the reliability of the AV-MPQ.

Table 4
Cronbach's alpha (α) and The Guttman Split-Half Coefficient

Factors	Number of Items	Cronbach's alpha (α)	The Guttman Split-Half Coefficient
CE	14	0.735	0.721
ES	20	0.766	0.759
OP	14	0.750	0.719
SI	17	0.720	0.725
FX	13	0.712	0.747
Total	78	0.818	0.787

Note. *FX = Flexibility. OP = Open-mindedness. CE = Cultural Empathy. ES = Emotional Stability. SI = Social Initiative*

Reliability of the MPQ dimensions were computed for two different societies: Italian and Dutch. In the Italian sample the dimensions showed satisfactory internal consistencies ($\alpha = .76$ for Cultural Empathy; $\alpha = .83$ for Open-mindedness; $\alpha = .86$ for Social Initiative and $\alpha = .85$ for Emotional Stability), the only exception being Flexibility that showed a modest coefficient ($\alpha = .65$). In the Dutch sample, scale reliabilities were $\alpha = .82$ for Cultural Empathy, $\alpha = .83$ for Open-mindedness, $\alpha = .89$ for Social Initiative, $\alpha = .88$ for Emotional Stability, and $\alpha = .74$ for Flexibility (Leone et.al., 2005). The consistency in Cronbach's α values for AV-MPQ, surpassing the accepted threshold of $\alpha = 0.70$, aligns with findings from Italian and Dutch studies, affirming the robust reliability of AV-MPQ.

Discussion

The discussion centers on the construct validity and reliability of the AV-MPQ (Arabic Version of the Multicultural Personality Questionnaire) as indicated by the results presented above.

Firstly, the study utilized confirmatory factor analysis (CFA) to establish construct validity by examining the factor structure of the AV-MPQ as stated by Said, Badru & Shahid (2011). Before conducting CFA, potential issues such as outliers, multicollinearity, and singularity were assessed. The absence of outliers, minimal multicollinearity, and absence of singularity issues suggested the validity of the scale's structure. The results of the CFA confirmed the goodness-of-fit of the model, indicating that the AV-MPQ accurately measures the intended constructs (e.g., cultural empathy, open-mindedness), aligning with the original MPQ structure.

Secondly, reliability assessments were conducted using Cronbach's alpha (Cronbach, 1951) and Guttman Split-Half Coefficient (Guttman, 1945). Both measures demonstrated satisfactory internal consistency reliability, surpassing the designated cutoff values. Additionally, the reliability of the AV-MPQ dimensions was compared across different societies (Italian and Dutch samples), showing consistent results with previous studies, and affirming the robust reliability of the scale.

In summary, the discussion underscores the strong construct validity and reliability of the AV-MPQ, rendering it a dependable instrument for assessing multicultural personality traits among Arabic-speaking populations. The findings align with previous research conducted in various cultural contexts, further validating the efficacy of the AV-MPQ as a cross-cultural measurement tool. The instrument effectively captures the intended personality dimensions within the Arabic cultural context.

Conclusion

The aim of the present study was to assess the psychometric properties of the Arabic Version of the Multicultural Personality Questionnaire (AV-MPQ). This version is an adaptation of the original MPQ scale, designed to gauge five personality dimensions associated with multicultural orientation and adaptation. Due to the lack of studies in literature about validation and reliability of AV-MPQ, it is thought that this adaptation study will make a great contribution to the literature. It is anticipated that this scale will prove useful for conducting studies on multicultural personality, emerging as a novel concept in the realm of cultural conflict. Furthermore, it is believed that the scale will pave the way for future research, focusing on developing models to elucidate the dynamics of multicultural personality dissolution and working towards mitigating cultural conflict among the youth. Considering the significance of assessing cultural conflict, which holds a pivotal role in terrorist operations and poses a threat to both local and international peace, the findings of this study will prove valuable in preventive, and therapeutic psychological counseling. Additionally, the Arabic Version of MPQ will stimulate further academic work in this field.

The original scale, as developed by Van der Zee and Van Oudenhoven in 2000 with 91 items measuring five dimensions of intercultural competencies. These are: cultural empathy (18), open-mindedness (18), emotional stability (20), social initiative (17), and

flexibility (18). Respondents evaluated if each item is applicable to themselves based on a Likert Scale ranging from 1 "totally not applicable" to 5 "totally applicable". The correlations between the main five dimensions and associated instruments aligned with expectations. Additionally, the data affirmed the predictive capability of the multicultural activity instrument, demonstrating its incremental value beyond the Big Five in forecasting international orientation and aspirations for an international career. The MPQ can serve as a tool for selecting expatriates or as a diagnostic instrument to assess additional training requirements.

Then a revised version with 78-item was developed based on exploratory and confirmatory factor analyses of an original set of items. The confirmatory factor analysis (CFA) revealed a five-factor structure consistent with the original scale. The fit indices demonstrated satisfactory results: χ^2/p -value = 0.089, RMSEA = 0.065, CFI = 0.856, χ^2/df = 0.792, and critical N = 265.

Lately, a new 40-item short form, known as MPQ-SF, has been created by (Van Der Zee, Van Oudenhoven, Ponterotto, & Fietzer, 2013). This shorter version proves valuable in situations where time constraints exist, or the likelihood of respondent dropout is high.

The Cronbach alpha internal consistency coefficient of the MPQ scale was calculated as $\alpha = 0.90$ and the different factors show $\alpha = 0.84$ (cultural empathy), $\alpha = 0.82$ (open-mindedness), $\alpha = 0.82$ (social initiative), $\alpha = 0.80$ (emotional stability) and $\alpha = 0.67$ in the flexibility dimension (Sousa et al., 2019). Comparing that with the internal consistency coefficient of the AV-MPQ scale, which is $\alpha = 0.818$ and the different factors show $\alpha = 0.735$ (cultural empathy), $\alpha = 0.750$ (open-mindedness), $\alpha = 0.720$ (social initiative), $\alpha = 0.766$ (emotional stability) and $\alpha = 0.712$ in the flexibility dimension.

The variation in the Cronbach's alpha results between the original scale and the adapted scale can be attributed to cultural and linguistic distinctions (Hambleton, 2005). Given that all Cronbach alpha values are higher than the thresholds mentioned in the literature ($\alpha = 0.70$), this provides confidence to users regarding the reliability of the AV-MPQ scale for utilization.

The evidence supporting the validity and reliability of the AV-MPQ suggests its appropriateness for use not only in Saudi culture but also in similar cultures. The scale proves to be practical and easy to administer and score. Several recommendations arise from the research findings. The study employed a convenient sampling method for participant selection. Future research using a random sampling method and involving a larger sample size could enhance the generalizability of the results. Utilizing the scale in diverse studies and with different samples may further our understanding of its psychometric properties. It is anticipated that future studies may uncover additional factors and structures related to the concept of cultural conflict. As validity and reliability studies are contingent on measurements, it would be beneficial to examine the psychometric properties of the AV-MPQ with data obtained from larger and varied sample groups in the future. Lastly, it is expected that studies exploring different variables associated with

multicultural personality in relationships will contribute new evidence to the scale's validity and reliability, thus enriching the literature on the subject.

Limitations

One limitation of this study is the use of a convenience sample, which entails participants being readily available rather than selected randomly. This raises concerns regarding the generalizability of the findings to the entire population of interest, such as Saudi youth. Additionally, the sample size of 921 participants may be insufficient to conclusively establish the scale's validity and reliability across a larger population.

Another limitation pertains to the study's sole focus on a Saudi Arabian context. Applying the findings to other cultures without further testing may not be accurate.

The final limitation is that while the study assessed the AV-MPQ's reliability and provided initial evidence for validity, further research is required to conclusively confirm these findings.

Ethics Statement

This study followed ethical principles throughout the research process. Informed consent was obtained from participants after providing comprehensive information about the study's aims, procedures, potential risks and benefits, and their right to withdraw at any point. Confidentiality measures were implemented to anonymize and maintain the confidentiality of all participant data, ensuring the security and privacy of the information collected. Additionally, the study design minimized any potential risks or discomfort to the participants.

Acknowledgements

This research received no direct financial support. However, the authors would like to extend their appreciation to all individuals who offered scientific feedback, contributing to the completion and publication of this work.

References

- Al-Subaihi, A. A. (2003). Sample size determination. Influencing factors and calculation strategies for survey research. *Neurosciences Journal*, 8(2), 79-86.
- Bagozzi, R. P. (1993). Assessing construct validity in personality research: Applications to measures of self-esteem. *Journal of research in personality*, 27(1), 49-87. <https://doi.org/10.1006/jrpe.1993.1005>
- Beaton DE, Bombardier C, Guillemin F, Ferraz MB: Guidelines for the process of cross-cultural adaptation of self-report measures. *Spine* 2000, 25:3186-3191. <https://doi.org/10.1097/00007632-200012150-00014>
- Bentler, P. M. (1990). Comparative fit indexes in structural models. *Psychological bulletin*, 107(2), 238. <https://doi.org/10.1037/0033-2909.107.2.238>

- Bollen, K. A., & Long, J. S. (Eds.). (1993). *Testing structural equation models* (Vol. 154). Sage.
- Brislin, R.W. (1976). *Translation, application, and research*. New York: John Wiley & sons, Inc.
- Brown, T. A. (2015). *Confirmatory factor analysis for applied research*. Guilford publications.
- Brown, T. A., & Moore, M. T. (2012). *Confirmatory factor analysis. Handbook of structural equation modeling*, 361, 379.
- Cronbach, Lee J. (1951). "Coefficient alpha and the internal structure of tests". *Psychometrika*. 16 (3). Springer Science and Business Media LLC: 297-334. <https://doi.org/10.1007/BF02310555>
- Deardorff, D. K. (2006). Identification and assessment of intercultural competence as a student outcome of internationalization. *Journal of Studies in Intercultural Education*, 10, 241–266.
- Downing, S. M. (2004). Reliability: on the reproducibility of assessment data. *Medical education*, 38(9), 1006-1012. <https://doi.org/10.1111/j.1365-2929.2004.01932.x>
- General Authority of Statistics. (2019). *General Authority for Statistics, Kingdom of Saudi Arabia*, Riyadh, Saudi Arabia. Riyadh: General Authority for Statistics.
- Griffith, D. A., & Harvey, M. G. (2000). An intercultural communication model for use in global interorganizational networks. *Journal of International Marketing*, 9(3), 87–103.
- Guttman, L. (1945). A basis for analyzing test-retest reliability. *Psychometrika*, 10, 255-282. <https://doi.org/10.1007/BF02288892>
- Hambleton, R. (1994). Translation: An art and science. In W. R. Brislin (Ed.), *Translation, application, and research* (pp. 215-240). New York: John Wiley & sons, Inc.
- Hambleton, R. K., & Lee, M. K. (2013). Methods for translating and adapting tests to increase cross-language validity. *The Oxford handbook of child psychological assessment*, 172-181. <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780199796304.013.0008>
- Hambleton, R. K., & Li, S. (2005). Translation and adaptation issues and methods for educational and psychological tests. In C. L. Frisby and C. R. Reynolds (Eds.), *Comprehensive Handbook of Multicultural School Psychology* (pp. 881-903). John Wiley and Sons, Inc.
- Hernández, A., Hidalgo, M. D., Hambleton, R. K., & Gómez Benito, J. (2020). International test commission guidelines for test adaptation: A criterion checklist. *Psicothema*, vol. 32, num. 3, p. 390-398.
- Hofhuis J, Jongerling J, Van der Zee KI, Jansz J (2020) Validation of the Multicultural Personality Questionnaire Short Form (MPQ-SF) for use in the context of international education. *PLoS ONE* 15(12): e0244425. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0244425>.
- Kim, J. H. (2019). Multicollinearity and misleading statistical results. *Korean J. Anesthesiol*; 72:558-569. <https://doi.org/10.4097/kja.19087>
- Leone, L., Perugini, M., Bagozzi, R. P., Pierro, A., & Mannetti, L. (2001). Construct validity and generalizability of the Carver-White behavioral inhibition system/behavioral activation system. *European Journal of Personality*, 15, 373-390. <https://doi.org/10.1002/per.415>
- Leone, L., Van der Zee, K. I., van Oudenhoven, J. P., Perugini, M., & Ercolani, A. P. (2005). The cross-cultural generalizability and validity of the Multicultural Personality Questionnaire. *Personality and individual differences*, 38(6), 1449-1462. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2004.09.010>
- Leung, K., Ang, S., & Tan, M. L. (2014). Intercultural competence. *Annu. Rev. Organ. Psychol. Organ. Behav.*, 1(1), 489-519. <https://doi.org/10.1146/annurev-orgpsych-031413-091229>
- Mohajan, H. K. (2017). Two criteria for good measurements in research: Validity and reliability. *Annals of Spiru Haret University. Economic Series*, 17(4), 59-82. <https://doi.org/10.26458/1746>
- Said, H., Badru, B. B., & Shahid, M. (2011). Confirmatory factor analysis (CFA) for testing validity and reliability instrument in the study of education. *Australian Journal of Basic and Applied Sciences*, 5(12), 1098-1103.

- Sousa, V.D., & Rojjanasrirat, W. (2011). Translation, adaptation and validation of instruments or scales for use in cross-cultural health care research: A clear and user-friendly guideline. *Journal of Evaluation in Clinical Practice*, 17(2), 268-274. <https://doi.org/10.1111/j.1365-2753.2010.01434.x>.
- Ting-Toomey, S., & Kurogi, A. (1998). Facework competence in intercultural conflict: An updated face-negotiation theory. *International Journal of Intercultural Relations*, 22, 187–225.
- Tsang, S., Royse, C. F., & Terkawi, A. S. (2017). Guidelines for developing, translating, and validating a questionnaire in perioperative and pain medicine. *Saudi journal of anaesthesia*, 11(Suppl 1), S80-S89. doi:10.4103/sja.SJA_203_17. https://doi.org/10.4103/sja.SJA_203_17
- Ullman, J. B. (2001). Structural Equation Modeling. In: B. G. Tabachnick, and L. S. Fidell (Eds.), *Using Multivariate Statistics*. Pearson Education.
- Ursachi, G., Horodnic, I. A., & Zait, A. (2015). How reliable are measurement scales? External factors with indirect influence on reliability estimators. *Procedia Economics and Finance*, 20, 679-686. [https://doi.org/10.1016/S2212-5671\(15\)00123-9](https://doi.org/10.1016/S2212-5671(15)00123-9)
- Van der Zee, K.; Van Oudenhoven JP. The Multicultural Personality Questionnaire: Reliability and Validity of Self- and Other Ratings of Multicultural Effectiveness. *J Res Personal*. 2001;35(3):278-88. <https://doi.org/10.1006/jrpe.2001.2320>
- Van Der Zee, K.; Van Oudenhoven, J.P.; Ponterotto, J.G.; Fietzer, A.W. Multicultural Personality Questionnaire: Development of a Short Form. *J. Pers. Assess.* 2013, 95, 118-124. <https://doi.org/10.1080/00223891.2012.718302>
- Van Oudenhoven, J. P., & Van der Zee, K. I. (2002). Predicting multicultural effectiveness of international students: The Multicultural Personality Questionnaire. *International Journal of Intercultural Relations*, 26(6), 679-694. [https://doi.org/10.1016/S0147-1767\(02\)00041-X](https://doi.org/10.1016/S0147-1767(02)00041-X)

Received: May 19, 2024

Revised: July 20, 2024

Accepted: August 12, 2024

Author Contributions

Haifa T. Al-Bokai conceptualized the idea and developed the theory, engaged in discussions about the results and made contributions to the final manuscript.

Ali A. Al-Subaihi conducted the computations and verified the analytical methods, engaged in discussions about the results and made contributions to the final manuscript.

Abdulrahman A. Al-Subaihi conducted the computations and verified the analytical methods, engaged in discussions about the results and made contributions to the final manuscript.

Author Details

Haifa T. Al-Bokai – Associate professor of Measurement and Evaluation, Faculty member of special Education Department, Princess Rahma University College, Al-Balqa Applied University, Al-Salt, Jordan; ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0000-9171-4647>; e-mail: hayfaelbokai@bau.edu.jo

Ali A. Al-Subaihi – Professor of Research Methodology, Faculty member of Psychology of Education Department, College of Education, Taibah University, Medina, Saudi Arabia, ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0007-8268-3720>; alialsubaihi@yahoo.com

Abdulrahman A. Al-Subaihi – Ph. D. Candidate Student, Department of Evaluation and Research, College of Education, Wayne State University, Detroit, USA, ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0007-3641-0203>; e-mail: aasubaihi@hotmail.com

Conflict of Interest Information

The authors have no conflicts of interest to declare.

Heritage across Horizons: Role of Socializing Entities in Nurturing African Ethnic Identity

Omonigho Simon Umukoro^{1,2}

¹ University of Lagos, Lagos, Nigeria

² Makerere University, Kampala, Uganda

sumukoro@unilag.edu.ng

Abstract

Introduction. Emigration by Africans raises important questions about the preservation of cultural heritage and ethnic identity among African diaspora. This study examines the role of familial socialization and social resilience in shaping the ethnic identities of African adolescents born abroad. **Methods.** The study adopted a cross-sectional survey design in which data was obtained via an online survey among adolescents from Nigerian migrant families in the United Kingdom. Data from a sample of 212 college students were obtained via Google forms. Snowballing techniques were adopted in reaching eligible participants for the study. The distribution of participants showed that 57% were female while 43% were male. In terms of the African heritage, majority (47%) of the participants were from Yoruba ethnicities, 34% were from Igbo related tribes while 19% were from Hausa related ethnicities. **Results.** Results obtained suggest that both covert and overt dimensions of familial socialization have a statistically significant predictive relationship with ethnic identity [$F_{(2, 209)}=3.842$; $p<.05$]; with the covert dimension having a slightly stronger predictive strength ($\beta=0.212$; $p<.05$) compared to overt dimension ($\beta=0.203$; $p<.05$). Furthermore social resilience emerged as a significant moderator in the relationship between familial socialization and ethnic identity (ΔR^2 of 4.2%). **Discussion.** These findings underline the importance of both familial and community support in nurturing and preserving ethnic identities within diaspora communities. Recommendations were made towards the production of an 'African Heritage Kit', tailored to teach and recommend familial socialization practices for preserving African cultural heritage across generations.

Keywords

Ethnic identity, Familial socialization, Social resilience, African migrants, Nigeria

For citation

Umukoro, O. S. (2024). Heritage across Horizons: Role of Socializing Entities in Nurturing African Ethnic Identity. *Russian Psychological Journal*, 21(3), 280–295. <https://doi.org/10.21702/rpj.2024.3.16>

Introduction

The phenomenon of emigration, often colloquially referred to as “Japa” in Nigeria, has taken root as a defining feature of the modern African experience (Okunade & Awosusi, 2023). While the reasons for this mass exodus are complex and multifaceted, it can be traced back to the turbulent decades of the 1970s and '80s when Nigeria faced political instability, military interregnums, and a volatile economy (Premium Times, 2022). During these years, a significant number of young Nigerians embarked on journeys to the Western world, primarily the United States and the United Kingdom, in pursuit of a more secure and prosperous future. Some ventured further afield, even as far as Ukraine. Over time, this wave of emigration has swelled, with more and more Nigerians leaving their homeland to chase their dreams abroad. The Nigerian diaspora is a testament to the resilience, ambition, and adaptability of the Nigerian people (Umukoro & Okurame, 2017). Many members of this diaspora have achieved distinction in various fields, becoming leaders in education, science, technology, business, and more. They also serve as a crucial financial lifeline to their home country, with reports indicating that they remit approximately \$25 billion annually. This financial support plays a significant role in Nigeria's economy and contributes to the well-being of countless families and communities.

However, beneath the surface of this outwardly positive narrative, there exist a host of challenges that have been documented in various studies. These challenges highlight the multifaceted consequences of the “Japa” movement on both the individuals who leave and the societies they leave behind. One of the most poignant and concerning issues is the gradual erosion of African identities, particularly among the generations of children born to African emigrants who have settled in Western countries (Rogers, 2018). This process of identity erosion raises important questions about the preservation of cultural heritage and the long-term impact of emigration on African identity. As a result of this mass movement, questions about cultural assimilation, integration, and the preservation of African heritage have become increasingly relevant (Paolo & Letizia, 2022; Gwerevende & Mthombeni, 2023). The evolving African identity is not only a matter of personal and familial concern but also holds broader implications for African nations and

their global standing. Ethnic identity is a multifaceted construct that is deeply rooted in cultural traditions, languages, beliefs, and customs. Ethnic identity is operationally defined as *feelings of belonging to a particular ethnic group*. As the African diaspora continues to expand, it becomes increasingly relevant to explore how these elements of identity are preserved, adapted, or sometimes lost.

One of the central focuses of this study is to examine the role of familial socialization in shaping the ethnic identities of African adolescents born abroad. Families play a crucial role in transmitting cultural values and traditions to the next generation (Umaña-Taylor & Hill, 2020). However, the challenges and opportunities presented by life in a foreign country can exert considerable influence on how these values are transmitted and embraced. The study also focuses on the concept of social resilience which is integral to understanding the ways in which ethnic identities are sustained among this cohort of African adolescents. Social resilience refers to an individual's belongingness and belief in a community with the capacity to support resilience of its members. It highlights the community support received by an individual in adapting to change and adversity while preserving cultural and social bonds. In the context of African identity erosion, it encompasses the strategies and support systems that adolescents, their families, and communities employ to resist the pressures of assimilation and cultural dilution. By understanding the dynamics of these constructs through the lived experiences and perceptions of a holistic view of the preservation-erosion continuum of African ethnic identities within the global diaspora would be unearthed.

From a theoretical perspective, Urie Bronfenbrenner's Ecological Systems Theory provides a holistic framework upon which this study is hinged. The theory suggests that a child's development is affected by the different environments that they encounter during their life, including biological, interpersonal, societal, and cultural factors. Within the immediate family environment, known as the microsystem, familial socialization play a crucial role. Moving to the mesosystem, interactions between the family and other microsystems like schools and peer groups are essential. These external influences can either support or conflict with the family's messages, affecting how an adolescent perceives their ethnic identity. The exosystem introduces the concept of social resilience, serving as an indirect influence. The macrosystem encapsulates the broader cultural, societal, and ideological context. This includes the dominant culture's attitudes towards diversity, multiculturalism, and the traditions of the African diaspora. The interplay between these macro-level factors shapes an adolescent's ethnic identity. Lastly, the chronosystem accounts for changes over time. Shifting societal attitudes, immigration policies, and global events can all impact how these adolescents understand and express their ethnic identity.

Literature Review

Familial Socialization and Ethnic Identity

Familial socialization encompasses the rich tapestry of experiences and influences that families provide to their members. From an early age, children are immersed in the cultural heritage of their ethnic background through interactions with parents, grandparents, and extended family members (Morris et al., 2021). Within the family unit, they learn the language, customs, rituals, and practices that are intrinsic to their cultural identity. Values and beliefs, deeply intertwined with the cultural heritage, are also imparted within the family environment (Ruck et al., 2021). Parents and caregivers instill cultural values, moral principles, and religious beliefs that have been passed down through generations. These teachings help individuals develop a sense of right and wrong, shaping their decision-making processes and behaviors in alignment with their ethnic identity (Huguley et al., 2019). Language is also a cornerstone of familial socialization, serving as a key element of cultural preservation. Families who communicate primarily in their native language at home contribute significantly to the continuation of that language within younger generations. The ability to speak, understand, and write in one's ethnic language is not only a linguistic skill but also a testament to one's connection to their cultural roots (Rogers et al., 2020). Cultural practices and celebrations, often observed within the family, play a crucial role in maintaining and nurturing ethnic identity. Families partake in festivals, traditions, and rituals that are unique to their ethnic group (Phinney, 2006). These events serve as a living link to the past, allowing children to learn about their heritage and develop a sense of belonging within their cultural community.

Beyond the transmission of cultural elements, familial socialization is instrumental in identity development. The way parents and extended family members convey their cultural identity has a profound influence on how individuals perceive themselves and their place within their ethnic group (Atkin et al., 2019). This process of identity formation is deeply interwoven with familial interactions and the messages conveyed within the family unit. However, familial socialization faces unique challenges within diaspora communities. Exposure to the host culture and the need for adaptation can sometimes create tension. Families must navigate a delicate balance between preserving their ethnic identity and integrating into the host culture, a process that is highly individualized and can vary significantly between families (Umaña-Taylor & Hill, 2020). Generational differences further complicate the dynamics of familial socialization. Second and third-generation individuals may experience disparities in how their families transmit culture compared to first-generation immigrants. This generational gap can give rise to distinctive challenges in maintaining and strengthening ethnic identities (Franco et al., 2019). The impact of familial socialization on the well-being of individuals within diaspora communities is substantial. A strong connection to one's cultural identity instilled through family interactions can provide a profound sense of pride and belonging. Conversely, the erosion of ethnic

identity within the family unit may lead to feelings of cultural disconnection and identity crisis (Harris et al., 2017). Over the years, several scholars (Mohanty et al., 2007; Umana-Taylor et al., 2013; Truong et al., 2021; Hart et al., 2016; Tram et al., 2023; Jones & Rogers, 2023; Jones et al., 2022) have focused on understanding this intricate relationship.

Using a Web-based survey, Mohanty et al. (2007) examined the relationship between parental support for cultural socialization and its effect on self-esteem of 82 adult international adoptees. Feelings of belongingness and ethnic identity were predicted to serve as mediators between the central variables. The results showed a positive relationship between cultural socialization and self-esteem, which was mediated by a feeling of belongingness and one aspect of ethnic identification (marginality) among Asian born international adoptees. These data suggest that counselors should raise awareness and knowledge of adoptive parents about the importance of cultural continuity in the child's upbringing. Similarly, Umana-Taylor et al. (2013) examined the longitudinal associations between family ethnic socialization and youths' ethnic identity among a sample of Mexican-origin youth. Findings from multiple-group cross lagged panel models over a 2-year period indicated that for U.S.-born youth with immigrant parents, the process appeared to be family driven: Youths' perceptions of family ethnic socialization in late adolescence were associated with significantly greater ethnic identity exploration and resolution in emerging adulthood, while youths' ethnic identity during late adolescence did not significantly predict youths' future perceptions of family ethnic socialization. Conversely, for U.S.-born youth with U.S. born parents, youths' ethnic identity significantly predicted their future perceptions of family ethnic socialization but perceptions of family ethnic socialization did not predict future levels of youths' ethnic identity, suggesting a youth-driven process.

In more recent times Truong et al. (2021) explored differences and similarities in ethnic identity, familial ethnic socialization and, parental ethnic socialization between ethnic majority, minority, and multiracial groups. Their findings showed that ethnic majorities experienced significantly lower ethnic identity than either ethnic minorities or multiracial groups, which was consistent with prior research (Hart et al., 2016). Further outcomes showed that ethnic majorities scored lower of familial socialization compared to ethnic minorities and multiracial groups. In addition, Tram et al. (2023) examined the relationship between ethnic identity, family ethnic socialization, heritage language ability, and desire to learn a heritage language in a sample of 91 U.S. psychology graduate students. Adopting qualitative approaches, Jones and Rogers (2023) invoked a critical macro and micro perspective to fully consider how parent influence necessarily intertwines with macro-system dynamics of anti-Blackness, white supremacy, and monoracism for multiracial Black youth's identity meaning-making in the context of Black Lives Matter. They found that young adults mention parents or familial adults when discussing their racial identity to recount parental guidance on racial identity, illustrate the racial politics of multiracial identification, and expose the nuances of navigating shared and unshared identity spaces within the family; these highlight the relevance of parental socialization in the adulthood years.

Social Resilience and Ethnic Identity

The interplay between social resilience and ethnic identity is a complex and fascinating subject that underscores the dynamic nature of cultural preservation, particularly within diaspora communities. It delves into how individuals and their communities adapt, persevere, and sometimes evolve in response to the challenges of retaining their ethnic identity in the face of external influences. Social resilience, in this context, refers to an individual's belongingness and belief in a community with the capacity to support resilience of its members in preserving their cultural and ethnic heritage (Zaretsky & Clark, 2019). It encapsulates the strategies and support systems that individuals, their families, and their communities employ to resist the pressures of assimilation and cultural dilution. It is an essential aspect of understanding how ethnic identities endure and evolve. Communities within the diaspora often create social networks and organizations that serve as pillars of support for the preservation of their ethnic identity (Clauss-Ehlers et al., 2006). These networks foster a sense of belonging and provide individuals with opportunities to engage in cultural activities, connect with like-minded individuals, and celebrate their heritage. They therefore serve as hubs for maintaining cultural practices, passing down traditions, and reinforcing a sense of ethnic belonging (Cherng, 2015).

Social resilience is not only about maintaining the status quo but also about adapting and evolving. It involves the ability to integrate aspects of the host culture while retaining the core elements of one's ethnic identity (DeSimone et al., 2017). Successful social resilience allows individuals to embrace diversity, bridge cultural gaps, and engage in cross-cultural exchanges while still preserving their unique cultural roots. Challenges, however, are inherent in the process of social resilience. The pressure to assimilate into the host culture can be strong, and individuals and communities must navigate the delicate balance between adaptation and preservation. This balancing act can vary among individuals and communities, leading to diverse experiences and outcomes (Lee & Robbins, 1998). Understanding the dynamics between social resilience and ethnic identity is crucial for the well-being and cohesion of diaspora communities. It highlights the strategies and resources that can be employed to nurture and protect cultural identities while also acknowledging the necessity of adaptation and change. By exploring the multifaceted relationship between these two aspects, one gains valuable insights into the preservation and evolution of ethnic identities in a globalized world, where the forces of cultural integration and diversity continually shape the experiences of diaspora communities as evidenced by previous studies.

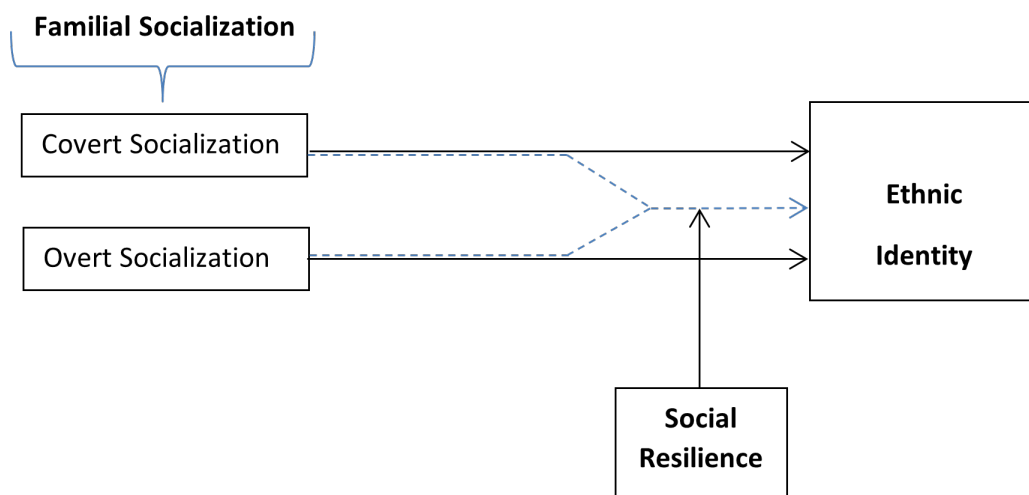
For instance, Zheng (2021) examined the link between ethnic identity and resiliency in White people and ethnic minorities (including Black and Indigenous People of Color). Participants were recruited through the SONA system and instructed to complete two questionnaires. Results showed that White group did not have as strong of an ethnic identity when compared to those in the ethnic minority group. Further correlational analyses showed that ethnic identity and resiliency were highly correlated among the

ethnic minority group, while there was no significant correlation between the two variables among the White people. Similarly, in contextualizing immigrant and refugee resilience, Güngör and Strohmeier (2020) suggested that the provision of opportunities for immigrants to express their ethnic identity and have it recognized within the community can help these groups to build resilience, which is a key factor in immigrant well-being and a non-detrimental process of acculturation. Berding-Barwick and McAreavey (2023) highlighted how immigrants proactively make strategic choices and assume responsibility to preserve their identities – even if that depends on changing underlying structural issues. They showed that, despite a hostile immigration environment, as found in the UK, immigrants were able to utilize their resilient nature in adapting to their environment.

Conceptual Framework and Hypotheses

Based on the review of literature, it is logically expected that dimensions of familial socialization should have an influence on the extent of to which African adolescents born and raised in Western climes can identify with their African ethnicities. Furthermore, their level of social resilience may have a moderating role to play in the link between familial socialization and ethnic identity. Therefore the empiricism of the conceptual framework provided below would be tested via the hypotheses formulated thereafter.

Figure 1
Conceptual Framework

As depicted by the framework in figure 1, the following hypotheses are formulated for testing using appropriate statistics

- Hi: Dimensions of Familial Socialization will have significant joint and independent influence on ethnic identity of African adolescents in Western climes.
- Hi: Social resilience will significantly moderate the relationship between familial socialization and ethnic identity of African adolescents in Western climes.

Methods

Design and Population

The study adopted a cross-sectional survey design in which data was obtained via an online survey among adolescents from Nigerian migrant families in the United Kingdom. Data from a sample of 212 college students were obtained via Google forms. Snowballing techniques were adopted in reaching eligible participants for the study. The distribution of participants showed that 57% were female while 43% were male. Their ages ranged from 18 to 25 years with a mean age of 22.4 years and a standard deviation of 2.1. In terms of the African heritage, majority (47%) of the participants were from Yoruba ethnicities, 34% were from Igbo related tribes while 19% were from Hausa related ethnicities.

Measures

A structured questionnaire for data collection was constructed using standardized scales that measured each of the study variables. The questionnaire was made up of four sections as described below;

Section A of the questionnaire was designed to capture the socio-demographic characteristics of the respondents. The items in this section highlighted variables of age, sex and ethnic affiliation. Age was measured on a ratio scale with respondents expected to insert their actual age as a number in years. Sex was measured on a dichotomized nominal scale as male or female. Ethnic affiliation was measured as a nominal variable using an open ended response format for respondents to write their ethnic affiliations. For descriptive purposes, ethnic affiliation was later categorized into three major traditional ethnic groups in Nigeria based on regional location.

Section B of the questionnaire comprised items from the Ethnic Identity Scale (Umaña-Taylor et al., 2004). The scale assesses *feelings of belonging to a particular ethnic group*, measured across three dimensions; exploration, resolution and affirmation using 7, 4 and 6 items respectively. Sample items for each dimension include 'I have participated in activities that have exposed me to my ethnicity' (exploration), 'My feelings about my ethnicity are mostly negative' (affirmation), and 'I am clear about what my ethnicity means to me' (resolution). The scale comprises of both positively and negatively worded items. Response to the items are scored on a 4-point likert scale which ranges from '1=Does not describe me at all' to '4=Describes me very well'. According to the original authors, the subscales have moderate strong coefficient alphas ranging from .84 to .89 across diverse

ethnic samples of adolescents (Umaña-Taylor et al., 2004). In this study a Cronbach alpha of .81 was obtained for the composite scale.

Section C of the questionnaire was made up of items from the the familial ethnic socialization measure (Umaña-Taylor, 2001) which measures the degree to which participants perceive that their families socialize them with respect to their ethnicity. The scale has items measuring covert (7 items) and overt (5 items) dimensions of familial ethnic socialization with respective sample items such as 'Our home is decorated with things that reflect my ethnic background' and 'My family talks about how important it is to know about my ethnicity'. These items are responded to on a 5-point likert scale ranging from '1=not at all' to '5=very much' with high scores indicating higher perception of familial ethnic socialization and low score indicating lower perceptions of familial ethnic socialization. The original author of the scale obtained alpha coefficients ranging from .92 to .94 with ethnically diverse samples (Umaña-Taylor, 2001). In this study, the researcher obtained a Cronbach alpha of 0.84.

Section D of the questionnaire measured social resilience in form of an individual's belongingness and belief in a community with the capacity to support resilience of its members. This was measured using the Transcultural Community Resilience Scale (T-CRS) developed by Cénat et al. (2021). The scale contains 28 items for respondents to indicate their level of agreement with each one, using a Likert scale ranging from '1=strongly disagree' to '5=strongly agree'. Factor analysis as obtained by the original authors highlights three dimensions of community resilience within the scale which include; community strength and support (14 items), community trust and faith (5 items), and community values (9 items). Respectively, sample items from each dimension include 'When I go through hard times, there are people in my community I can talk with', 'I have trust in the social services of my community', and 'In my community, there are important traditions of mutual support'. The 28-item structure of the Transcultural Community Resilience Scale showed excellent internal consistency with a Cronbach Alpha of 0.96. Among this study's population, a Cronbach alpha of 0.79 was obtained.

Procedure

The researcher had access to a contact person (a Nigerian migrant) in the United Kingdom whose assistance was needed to facilitate the data collection process. The contact person was to identify online platforms (e.g. WhatsApp Groups) in Colleges and Universities in the United Kingdom hosting Nigerian students and provide the survey link for eligible participants. The survey link was accompanied with the eligible criteria for potential study participants. Upon clicking the survey link, participants were directed to an information page where relevant details and ethical considerations about the study were provided. Participants who gave their consent to participate in the study were directed to the instrument items; those who declined to participate in the study were directed to the submission page of the instrument. A clause was also inserted in the

participant information page, prompting participants to share the survey link with other acquaintances who were eligible for the study; this provided an avenue for introducing exponential snowballing techniques in obtaining the study sample. All submitted forms were received and collated in form CSV files at the back end of the Google form. After data cleaning processes, a total of 212 participant responses were deemed adequate and downloaded. The CSV data was transferred to SPSS application software for further data analysis. Both linear and moderated regression analysis were used as statistical techniques for the hypotheses testing.

Results

Hypothesis one stated that dimensions of familial socialization will have significant joint and independent influence on ethnic identity of African adolescents in Western climes. This hypothesis was tested using linear multiple regression analysis to identify the predictive roles of the independent variables in the model. A summary of the results obtained are presented in Table 1.

Table 1

Predictive role of familial socialization dimensions on ethnic identity

Model	R	R ²	F	Sig.	Beta	T	Sig.
Cov_FS	.037 ^a	.136	3.842	.023	.212	3.139	.002
Ov_FS					.203	2.368	.019

DV: *Eth_Id*

Results obtained from the table suggest that both covert and overt dimensions of familial socialization have a statistically significant predictive relationship with ethnic identity, as indicated by their p-values (Sig.). The Beta values show that the covert dimension has a slightly stronger predictive strength ($\beta=0.212$; $p<.05$) with ethnic identity compared to overt dimension ($\beta=0.203$; $p<.05$). The R^2 suggest that both dimensions have a significant joint contribution of about 13.6% in the variance of ethnic identity [$F_{(2, 209)}=3.842$; $p<.05$] among African adolescents in Western climes. The hypothesis stated is therefore supported.

Hypothesis two stated that social resilience will significantly moderate the relationship between familial socialization and ethnic identity of African adolescents in Western climes.

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

This hypothesis was tested using moderated multiple regressions to identify the direct and conditional effects of the moderator in the model. A summary of the results obtained are presented in Table 2.

Table 2a

Moderating role of social resilience in familial socialization and ethnic identity

	R ²	F	P	Coeff	T	p
FamSoc				3.907	4.223	.000
ScR	.2993	7.7655	.000	2.296	3.452	.016
FamSoc x ScR				3.726	1.754	.002

DV: *Eth_Id*

Results from Table 2 show that both familial socialization and social resilience have statistically significant relationships with ethnic identity, as indicated by their p-values. Additionally, the interaction term (FamSoc x ScR) also has a statistically significant relationship with ethnic identity. The significant interaction term suggests that the relationship between familial socialization and ethnic identity is moderated by social resilience. In other words, social resilience has a moderating effect on the relationship between familial socialization and ethnic identity in African adolescents in Western settings. The direction and conditional effects of the moderator in the model is presented in Table 2b.

Table 2b

Conditional Effects of Social Resilience in the Model

Social Resilience	ΔR ²	F	Effect	Se	t	p
High			2.621	.947	1.756	.000
	.042	3.077				
Low			1.377	.662	1.885	.000

Table 2b provides information about the effects of social resilience at different levels ("High" and "Low") on the dependent variable (ethnic identity), and it indicates that both levels of social resilience have a statistically significant impact on ethnic identity and produce a significant ΔR² of 4.2%. The effect is however larger for the "High" level (2.621) compared to the "Low" level (1.377). The second hypothesis of the study is supported.

Discussion

Findings from the first hypothesis provide emphasis that both covert and overt forms of familial socialization are important factors in influencing ethnic identity among African adolescents in Western settings. Covert familial socialization involves more subtle and indirect influences, such as cultural nuances and non-verbal cues including celebrating ethnic holidays, playing songs specific to ethnic groups, attending ethnic festivals, decorating the home with items that reflect one's ethnicity etc. Overt familial socialization encompasses explicit and direct communication about cultural heritage, such as teachings about cultural background and histories, encouraging respect for the cultural values and beliefs of ethnic/cultural background etc. Both forms of socialization play a statistically significant role in shaping ethnic identity, with covert dimensions showing a slightly stronger predictive relationship. This suggests that a combination of implicit and explicit familial influences contributes to the development of ethnic identity in this context. Understanding these nuances is crucial for supporting and nurturing the ethnic identities of adolescents within diaspora communities.

The study's findings are in line with prior research that highlights the importance of familial socialization in shaping ethnic identity. Harris et al (2017) agrees that the strong connection to cultural identity instilled through familial socialization can provide a profound sense of pride and belonging. Conversely, the erosion of ethnic identity within the family unit may lead to feelings of cultural disconnection and identity crisis (Harris et al., 2017). Additionally, the studies reviewed in the literature provide further insights into the relationships between familial socialization and ethnic identity. For instance, Mohanty et al. (2007) found that parental support for cultural socialization had a positive impact on self-esteem among international adoptees, with ethnic identity mediating this relationship. Umana-Taylor et al. (2013) examined the longitudinal associations between family ethnic socialization and youths' ethnic identity among Mexican-origin youth, highlighting the importance of family-driven processes. Jones and Rogers (2023) provide critical insights into how parent influence intertwines with macro-system dynamics in shaping multiracial Black youth's identity, emphasizing the continued relevance of parental socialization in adulthood.

It therefore behooves the African family to transmit cultural elements, including language, customs, rituals, and values. This transmission is integral to the development of ethnic identity, as individuals learn and internalize their cultural heritage within the family setting (Morris et al., 2021). The way parents and extended family members convey their cultural identity significantly influences how individuals perceive themselves and their place within their ethnic group. This process of identity formation is closely tied to familial interactions and messages within the family unit (Atkin et al., 2019). For African adolescents in Western settings, the balance between preserving their ethnic identity and integrating into the host culture can be challenging. Familial socialization in such diaspora communities must navigate this delicate balance, which can vary significantly between families (Umaña-Taylor & Hill, 2020).

The second hypothesis reveals that social resilience, the social resource to adapt, endure challenges, and maintain a positive self-concept, also has a statistically significant moderating impact on how familial socialization shapes ethnic identity. The findings imply that the availability and responsiveness of the broader African community within the diaspora is a significant factor that can sustain ethnic foundations laid through familial socialization. In other words, the efforts of the African family as a resource for sustaining ethnic identity is better achieved within a responsive African community in the diaspora. The moderating role of social resilience is further supported by Zheng (2021) whose study suggests that the relationship between ethnic identity and resilience may be more pronounced in contexts where individuals face unique challenges related to their minority status. Similarly, Güngör and Strohmeier (2020) underscores how fostering ethnic identity within immigrant communities can be a critical factor in promoting resilience and well-being, which is consistent with the idea that social resilience moderates the relationship between familial socialization and ethnic identity. The use of resilience by immigrants, in Berding-Barwick and McAreavey's (2023) study, to preserve their identities aligns with the concept that social resilience can influence the relationship between familial socialization and ethnic identity. The ability to maintain ethnic identity despite challenges suggests the moderating role of social resilience.

Conclusion

This study provides a comprehensive understanding of how familial socialization, in its covert and overt forms, along with the moderating influence of social resilience, shapes the ethnic identity of African adolescents in Western settings. These findings underline the importance of both familial and community support in nurturing and preserving ethnic identities within diaspora communities, which can be a source of pride, belonging, and resilience for individuals navigating the complexities of cultural integration and identity development in their new environments. Overall, the study findings align with Bronfenbrenner's Ecological Systems Theory by highlighting the critical role of the microsystem (family and familial socialization) and its connection to the macrosystem (social resilience) in influencing the ethnic identity development of African adolescents in Western settings. Moreover, considering how these familial socialization practices may evolve over time (chronosystem) and interact with other systems (mesosystem) would provide a more comprehensive ecological perspective on ethnic identity development.

Recommendations

The process of migration and assimilation are threats to the sustenance of African ethnic identities among African migrants. It is the duty of Africans to ensure that their cultural heritage is not drowned by Western inventions and innovations. Therefore there is need for practical and proactive measures to be deployed by Africans to enrich and sustain their

cultural heritage across generations, irrespective of time and space. It may be worthwhile for African entities in form of government and non-governmental agencies entrusted with preserving the African heritage to formulate and implement strategies that assist the African family to preserve its cultural heritage through processes of socialization. This can be achieved by introducing interventions in form of handy 'African Heritage Kits' tailored to teach and recommend familial socialization practices for preserving African cultural heritage across generations. The kits should encompass a diverse range of elements, including language, traditions, customs, folklore, and values in multimedia formats. To initiate this endeavor, a dedicated task force could be formed, bringing together government representatives, non-governmental organizations, cultural experts, educators, and community leaders to design the content of the African Heritage Kits.

Leveraging on the expertise and resources of the African Research Universities Alliance (ARUA) Centre of Excellence in Notions of Identity, collaborative workshops and research projects can be launched to deepen the understanding of African identity dynamics in the development of the African Heritage Kits. These kits will integrate Knowledge, Attitude, and Practice (KAP) interventions in promoting active learning and practical application of cultural preservation strategies. Mass production and strategic distribution of these kits will ensure accessibility at key points of departure for African migrants. Community engagement sessions and workshops will play a pivotal role in introducing and training individuals on the effective use of these kits within their families. A robust monitoring and evaluation system will gauge the impact of the initiative, with feedback mechanisms guiding continuous improvement. Advocacy for supportive policies and a sustainability plan will further fortify the initiative, ensuring the perpetual relevance and availability of the African Heritage Kits in the face of evolving challenges.

References

- Atkin, A. L., & Yoo, H. C. (2019). Familial racial-ethnic socialization of Multiracial American youth: A systematic review of the literature with MultiCrit. *Developmental Review*, 53, 100869. <https://doi.org/10.1016/j.dr.2019.100869>
- Cherng H.S. (2015). Social isolation among racial/ethnic minority immigrant youth. *Sociology Compass*, 9(6), 509–518.
- Clauss-Ehlers C.S., Yang Y.T., & Chen W.J. (2006) Resilience from childhood stressors: The role of cultural resilience, ethnic identity, and gender identity. *Journal of Infant, Child, and Adolescent Psychotherapy*, 5(1), 124-138.
- Contini Paolo, C. & Letizia, C. (2022). Migrations and culture. Essential reflections on wandering human beings. *Frontiers in Sociology*, 7, 1-11, <https://doi.org/10.3389/fsoc.2022.1040558>
- DeSimone J.A., Harms P.D., Vanhove A.J., Herian M.N. (2017). Development and validation of the five-by-five resilience scale. *Assessment*, 24(6), 778-797. <https://doi.org/10.1177/1073191115625803>
- Franco, M., Toomey, T., DeBlaere, C., & Rice, K. (2019). Identity incongruent discrimination, racial identity, and mental health for multiracial individuals. *Counselling Psychology Quarterly*, 34, 87–108. <https://doi.org/10.1080/09515070.2019.1663788>

- Gwervevende, S. & Mthombeni, Z.M. (2023) safeguarding intangible cultural heritage: exploring the synergies in the transmission of Indigenous languages, dance and music practices in Southern Africa. *International Journal of Heritage Studies*, 29(5), 398-412. <https://doi.org/10.1080/13527258.2023.2193902>
- Harris, J.C. (2017). Multiracial collegestudents' experiences with multiracial microaggressions. *Race Ethnicity and Education*, 20(4), 429-445. <https://doi.org/10.1080/13613324.2016.1248836>
- Hayes A.F. (2013). *Methodology in the social sciences. Introduction to mediation, moderation, and conditional process analysis: A regression-based approach*. New York, NY, US: Guilford Press.
- Huguley, J. P., Wang, M.-T., Vasquez, A. C., & Guo, J. (2019). Parental ethnic-racial socialization practices and the construction of children of color's ethnic-racial identity: A research synthesis and meta-analysis. *Psychological Bulletin*, 145(5), 437-458. <https://doi.org/10.1037/bul0000187>
- Jones, C.M., Rogers, L.O. (2023). Family Racial/Ethnic Socialization Through the Lens of Multiracial Black Identity: A M(ai)cro Analysis of Meaning-Making. *Race Soc Probl.*, 15, 59-78. <https://doi.org/10.1007/s12552-023-09387-6>
- Jones, S. C. T., Anderson, R. E., & Stevenson, H. C. (2022). Differentiating competency from content: Parental racial socialization profiles and their associated factors. *Family Process*, 61(2), 705-721. <https://doi.org/10.1111/famp.12699>
- Lee R.M. & Robbins S.B. (1998). The relationship between social connectedness and anxiety, self-esteem, and social identity. *Journal of Counseling Psychology*, 45(3), 338-345. <https://doi.org/10.1037/0022-0167.45.3.338>
- Mohanty, J., Keokse, G. & Sales, E. (2007). Family Cultural Socialization, Ethnic Identity, and Self-Esteem. *Journal of Ethnic & Cultural Diversity in Social Work*. 15. 153-172. https://doi.org/10.1300/J051v15n03_07
- Morris, A. S., Ratliff, E. L., Cosgrove, K. T., & Steinberg, L. (2021). We know even more things: A decade review of parenting research. *Journal of Research on Adolescence*, 31(4), 870-888. <https://doi.org/10.1111/jora.12641>
- Okunade, S.K., Awosusi, O.E. (2023) The Japa syndrome and the migration of Nigerians to the United Kingdom: an empirical analysis. *CMS*, 11, 27. <https://doi.org/10.1186/s40878-023-00351-2>
- Phinney, J. S. (2006). Ethnic identity exploration in emerging adulthood. In J. J. Arnett & J. L. Tanner (Eds.) *Emerging adults in America: Coming of age in the 21st century* (pp. 117-134). American Psychological Association. <https://doi.org/10.1037/11381-005>
- Premium Times (2022). *Japa!*, By Toyin Falola. <https://www.premiumtimesng.com/opinion/551986-japa-by-toyin-falola.html>
- Rogers, L. O. (2018). Who am I, who are we? Erikson and a transactional approach to identity research. *Identity*, 18(4), 284-294. <https://doi.org/10.1080/15283488.2018.1523728>
- Rogers, L. O., Kiang, L., White, L., Calzada, E. J., Umaña-Taylor, A. J., Byrd, C., Williams, C. D., Marks, A., & Whitesell, N. (2020). Persistent concerns: Questions for research on ethnic-racial identity development. *Research in Human Development*, 17(2-3), 130-153. <https://doi.org/10.1080/15427609.2020.1831881>
- Ruck, M. D., Hughes, D. L., & Niwa, E. Y. (2021). Through the looking glass: Ethnic racial socialization among children and adolescents. *Journal of Social Issues*, 77(4), 943-963. <https://doi.org/10.1111/josi.12495>
- Tram, J. M., Huang, A., & Lopez, J. M. (2023). Beyond Family Ethnic Socialization and Heritage Language Ability: The Relation between Desire to Learn Heritage Language and Ethnic Identity. *The Family Journal*, 31(4), 562-571. <https://doi.org/10.1177/10664807231157044>
- Truong, A., Tram, J. M., Wojda, K., & Anderson, D. M. (2021). Familial and Parental Ethnic Socialization Within Majority, Minority, and Multiracial Groups. *The Family Journal*, 29(1),

- 95-101. <https://doi.org/10.1177/1066480720977431>
- Umaña-Taylor, A. J., & Hill, N. E. (2020). Ethnic–racial socialization in the family: A decade’s advance on precursors and outcomes. *Journal of Marriage and Family*, 82(1), 244–271. <https://doi.org/10.1111/jomf.12622>
- Umana-Taylor, A., Zeiders, K. & Updegraff, K. (2013). Family Ethnic Socialization and Ethnic Identity: A Family-Driven, Youth-Driven, or Reciprocal Process?. *Journal of family psychology*. 27, 137-46. <https://doi.org/10.1037/a0031105>
- Umukoro, O.S & Okurame, D.E. (2017) Culture-Specific Perspectives of Age and Gender Disparities in Entrepreneurial Intuition, *Global Journal of Human Social Sciences*, 17(8),12–21.
- Zaretsky, L., & Clark, M. (2019). Me, Myself and Us? The Relationship between Ethnic Identity and Hope, Resilience and Family Relationships among Different Ethnic Groups. *Journal of Education, Society and Behavioural Science*, 32(2), 1–14. <https://doi.org/10.9734/jesbs/2019/v32i230167>

Received: January 09, 2024

Revision received: April 09, 2024

Accepted: August 12, 2024

Author Details

Omonigho Simon Umukoro - Ph.D., Lecturer, Department of Psychology, University of Lagos, Lagos, Nigeria; ARUA-Carnegie Postdoctoral Research Fellow, CoE in Notions of Identity, Makerere University, Kampala, Uganda; ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-4679-2731>; e-mail: sumukoro@unilag.edu.ng

Conflict of Interest Information

The author has no conflicts of interest to declare.

Научное издание

РОССИЙСКИЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
2024
ТОМ 21 № 3

Сдано в набор 20.09.2024 Подписано в печать 25.09.2024
Дата выхода в свет 30.09.2024
Цена свободная
Формат 210×297.
Печать цифровая. Тираж 100 экз.

Подготовлено к печати и отпечатано: "Особое приглашение"
344006, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Metallургическая 102/2, корпус «ИЛК»,
офис 305, E-mail: k@os-pr.ru